Б. Н. МИРОНОВ

Внутренний рынок России

во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Б. Н. МИРОНОВ

Внутренний рынок России

во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1981

Книга посвящена дискуссионной проблеме развития всероссийского рынка. На основе большого материала, впервые вводимого в научный оборот, и применения специально разработанной методики анализируются структура и функционирование внутреннего рынка. Автор делает вывод о времени сформирования единого всероссийского рынка.

Книга рассчитана на историков и других специалистов, интересующихся социально-экономической историей России и применением количественных методов в историческом исследовании.

Ответственный редактор
А. Г. МАНЬКОВ

М 10604-539 / 042 (02)-81 34-81 0505010000

© Издательство «Наука», 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

1. Постановка проблемы

Проблема развития всероссийского внутреннего рынка — одна из важнейших в комплексе проблем, связанных с исследованием генезиса капитализма и постепенного разрушения феодально-крепостнических отношений в России XVII—XIX вв. Когда, на какой исторической территории, под влиянием каких условий и факторов складывается единый общероссийский рынок — от ответа на эти вопросы в значительной степени зависит и решение вопроса о времени утверждения капиталистических отношений и степени их развития в России. Исходным тезисом для постановки проблемы всероссийского рынка как части более широкой проблемы капиталистического развития является положение В. И. Ленина: «Степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране».[1]

Исследование истории всероссийского рынка, выявление путей и способов его формирования, его масштабов, географии и уровня его развития, условий и факторов, определявших эволюцию рынка, теснейшим образом связано также и с вопросом о характере и темпах социально-экономического развития России в XVII—XIX вв., поскольку развитие внутреннего рынка в той или иной мере отражало многие важные социально-экономические процессы, в том числе уровень общественного производства и разделения труда, первоначальное накопление капитала, изменение материальных потребностей и уровня благосостояния населения, становление нации.

В советской историографии весьма отчетливо просматриваются два существенно отличных подхода к изучению всероссийского рынка.[2]

Некоторые авторы считают, что вопросы товарного обращения, торговли, цен, прибыли должны находиться в центре внимания при изучении всероссийского рынка, что «именно изучение эволюции рынка как в фокусе отразит процесс развития товарного хозяйства и превращения его в капиталистическое».[3] Дру-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 60.

[2] Развернутый анализ взглядов по этому поводу см.: Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII—начала XX в. Опыт количественного анализа. М., 1974, с. 7—19.

[3] Там же, с. 30.

гая группа авторов рассматривает проблему рынка прежде всего как проблему производства, полагая, что «при изучении складывания всероссийского рынка теоретически неоправданно уделять главное внимание торговле, движению товарных масс, территориальному разделению труда».[4]

Родоначальником подобного «производственного» подхода к исследованию всероссийского рынка называют С. В. Бахрушина.[5] Однако это вызывает возражения. С. В. Бахрушин свою первую работу по данной проблеме назвал «Предпосылки „всероссийского рынка" в XVII в.»,[6] а последнюю неоконченную монографию — «Очерки истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII в. (К вопросу о предпосылках всероссийского рынка)».[7] И названия этих работ, и их содержание свидетельствуют о том, что развитие производства, общественного и, в частности, географического разделения труда С. В. Бахрушин рассматривал не как основное содержание процесса развития всероссийского рынка, а как *предпосылку* его возникновения, что он не сводил проблемы рынка к проблеме производства, считая вопрос о рынке более широким, обнимающим как вопросы производства, так и вопросы обмена, торговли.

По-видимому, одной из причин существования разных точек зрения на исходные принципы изучения истории всероссийского рынка является неразработанность в советской историографии термина «национальный рынок» или применительно к такой многонациональной стране, как Россия, понятия «всероссийский рынок».

Рынком принято называть сферу обращения товаров. Отсюда местный рынок — сфера обращения товаров в рамках определенного района или местности, национальный (всероссийский в условиях России) рынок — сфера обращения товаров в границах всей страны.[8] Если национальный рынок понимается только в смысле *территориально ограниченной* сферы торгового обращения, то в таком случае можно сказать, что национальный рынок — простая, невзаимосвязанная совокупность местных рынков, и, следовательно, он может появиться одновременно с возникновением товарного производства и торговых отношений на определенной территории.

Однако когда в историческом исследовании идет речь о *едином национальном* (всероссийском) рынке, то имеется в виду не просто совокупность местных рынков, а еще и нечто другое: *нали-*

---

[4] Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970, с. 220.

[5] Устюгов Н. В. Научное наследие. М., 1974, с. 20—21.

[6] Уч. зап. МГУ, 1946, вып. 87, с. 38—65.

[7] Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I. М., 1952, с. 21—239.

[8] БСЭ. Изд. 3-е. Т. 22. 1975, с. 452—453.

чие органической взаимосвязи и взаимозависимости местных рынков, образующих такую систему, в которой каждый местный рынок является необходимым элементом большого хозяйственного организма — общенационального рынка и в которой экономические отношения между производителями и потребителями выражаются через существующие на общенациональном рынке соотношение спроса и предложения и структуру цен. Но это возможно тогда, когда местные рынки в системе национального рынка объединены в единое целое общей функцией — осуществлением товарообмена между производителями и потребителями в масштабе всей страны, благодаря чему отдельные регионы включаются в общенациональное воспроизводство и образуется хозяйственная общность страны. Общая функция всех местных рынков возникает на основе товарного производства, географического разделения труда между отдельными экономическими районами и установления тесных торговых связей между ними. В России эти процессы стали отчетливо проявляться с XVII в., когда уже складывалось многонациональное государство, объединившее как бывшие княжества и земли феодальной Руси, так и ряд областей, заселенных другими народностями.

Указывая на определяющую причину возникновения этого обширного и мощного многонационального государственного образования — будущей Российской империи, В. И. Ленин подчеркнул, что «оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[9] Проблему возникновения всероссийского рынка В. И. Ленин, таким образом, непосредственно связывал с ростом обращения товаров, вызывавшимся потребностями обмена ими между различными регионами страны.

До возникновения единого общероссийского рынка местные рынки России не образовывали системы и представляли собой разнородную, не объединенную общей функцией совокупность местных рынков, которые либо находились в очень слабой взаимозависимости, либо существовали совершенно самостоятельно.[10] В подобных условиях о национальном рынке можно говорить только как о внутреннем рынке России в противопоставлении его рынкам других стран. Но в этом случае определяющим признаком выступает не экономический, а национальный, государственный.

Таким образом, всероссийский рынок целесообразно рассматривать как систему взаимосвязанных местных рынков страны, объединенных в целое общей функцией — осуществлением товарообмена между производителями и потребителями в масштабе

---

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.

[10] См. об этом: Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории России XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 112—118.

всей страны — на основе товарного производства и географического разделения труда. В основе этой системы — сложившаяся торговая сеть, охватывающая всю страну, наличие устойчивых и постоянных торговых связей, обеспечивающих необходимый масштаб товарообмена, и определенное соотношение спроса и предложения на все товары, единая структура цен.

«„Рынок", — подчеркивал В. И. Ленин, — является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана с степенью специализации общественного труда».[1] В свете этого положения ясно, что общероссийский рынок мог сложиться лишь тогда, когда налицо была такая дифференциация различных отраслей производства — как сельскохозяйственного, так и промышленного и кустарного, — при которой возникает и получает быстрое развитие потребность в широком обмене продукцией, когда развивается межуездный, межгубернский, межрегиональный обмен товарами и растут, упрочиваются постоянные торговые связи, охватывающие всю страну.

Понятие «национальный рынок» и исторически соответствующая ему в условиях *крепостной* России эмпирическая реальность «всероссийский рынок» весьма сложны, ибо функционирование такого рынка предполагает: 1) достаточно высокий уровень товарного производства и географического разделения труда, создающих спрос и предложение на товары в масштабе отдельных регионов и страны в целом и приводящих к тому, что рыночный товарообмен становится необходимым элементом производства; 2) прочные торгово-экономические связи между различными районами страны, между местными рынками; 3) определенную структуру цен и взаимосвязь между динамикой и уровнем цен на товары в различных регионах страны (имеется в виду зависимость местных цен не только от местных условий, но и от состояния цен в других районах, от соотношения спроса и предложения на товары в масштабе всей России); 4) развитой торговый капитал и купечество, выступавшее в качестве главного организатора товарообмена между отдельными районами страны, ибо только профессиональные торговцы в состоянии были связать многочисленные местные рынки такого обширного государства, как Российская империя, в единый рынок; 5) денежную систему, способную обеспечить товарное обращение денежными знаками, и пути сообщения и транспорт, позволяющие торговцам перемещать огромные массы товаров из одних районов страны в другие; 6) определенное законодательство и торговые обычаи (нормы, правила ведения торговых операций), которые бы создали необходимые условия: для товаропроизводителей — беспрепятственно реализовывать свою продукцию, для торговцев — скупать, перепродавать и перевозить товары из мест производства

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 94.

в места продажи и потребления, для потребителей — свободно покупать необходимые товары; 7) развитую торговую сеть в масштабе всей страны и крупные торговые центры, способные стягивать товарную продукцию с большой территории страны и перераспределять ее между районами; 8) исторически обусловленные формы торговли: непериодическую, периодическую и стационарную; 9) значительный платежеспособный спрос населения (он выражается через соотношение между ценами и доходами различных категорий населения); 10) хозяйственную самостоятельность товаропроизводителей.

Рассмотрим, каково соотношение выделенных выше аспектов всероссийского рынка. Основными аспектами, составляющими внутреннюю сущность понятия «национальный рынок» и исторически соответствующей ему эмпирической реальности «всероссийский рынок», являются торгово-экономические связи между местными рынками, формы организации торговли и торговая сеть. Остальные аспекты, кроме структуры цен, имеют значение *условий* или *предпосылок*, так как без них рынок существовать не мог. Среди них первенствующая роль бесспорно принадлежит товарному производству, общественному и географическому разделению труда. Что же касается структуры цен, то она может рассматриваться как следствие развития рынка, поскольку определенная структура цен складывалась в результате торгово-экономических связей, существовавших между местными рынками России.

Сформулированное выше соотношение аспектов не сводит проблему всероссийского рынка ни к проблеме обмена и торговли, ни к проблеме производства. Представляется, что проблема всероссийского рынка — это одновременно и проблема общественного разделения труда и товарного производства, и проблема обмена и торговых связей, конкретно воплощавших существование и функционирование этого рынка. При анализе происхождения, или, как писал С. В. Бахрушин, предпосылок формирования, всероссийского рынка в центре внимания оказываются товарное производство и общественное разделение труда. При анализе же собственно рынка, его структуры и функционирования на первый план, естественно, выдвигаются торгово-экономические связи между отдельными районами, взаимосвязь местных рынков, торговая сеть, формы торговли, цены, спрос и предложение.[12] Несомненно, однако, что объяснить развитие, структуру и функционирование всероссийского рынка возможно только с учетом общественного разделения труда и товарного производства.

Многогранность и сложность такого исторического явления, как всероссийский рынок, исключают возможность его всестороннего и исчерпывающего изучения в рамках одного исследования:

[12] Бахрушин С. В. Научные труды, т. 1, с. 21—239.

по масштабам и проблематике подобная задача может быть решена лишь на основе систематических изысканий многих авторов. Поэтому в настоящей монографии, исходя из состояния источников, литературы по теме, степени разработанности ее отдельных проблем и вопросов, поставлена задача, ограниченная как хронологически, так и тематически: исследовать те существенные стороны всероссийского рынка, которые позволяют в наибольшей степени охарактеризовать рынок как сложную систему взаимосвязей местных рынков, установить его размеры, выявить динамику и географию торговой сети в масштабах страны на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX в., установить, как развивались формы обмена, торговые связи между рынками, как функционировал всероссийский рынок, и на основании этого решить вопрос о времени его складывания. Отметим, что указанный комплекс вопросов и наименее изучен в отличие от такой, например, проблемы, как развитие товарного производства — предпосылки развития всероссийского рынка и товарных отношений в России.

Подобная постановка вопроса представляет существенный интерес и потому, что в своем развитии рынок проходит через определенные организационные формы: от непериодической к периодической, от периодической к стационарной, от смешанной к специализированной форме торговли. При этом той или иной стадии экономического развития общества соответствовала та или иная структура внутреннего рынка, та или иная господствующая форма торговли. Так развивалась, например, наиболее изученная к настоящему времени западноевропейская торговля.[13] Исследование организации торговли на внутреннем рынке России в 1750—1850-е гг. создает поэтому возможность проникновения в глубинные процессы развития ее экономики в тот период.

Следует также принять во внимание, что торговая сеть представляет собой как бы костяк рынка, его материальную, предметную основу, поэтому ее размеры, география, плотность (особенно в динамике) отражают как развитие рынка, так и рост товарно-денежных отношений в экономике страны, степень их развития в том или ином регионе.

Еще большую ценность данные о торговой сети представляют тогда, когда они дополняются сведениями об объеме товарооборота, его ассортименте, числе участников, вовлеченных в сферу товарных отношений. Торговые связи между местными рынками,

---

[13] Бессмертный Ю. Л. Проблема западноевропейской торговли IX—XV вв. в современной западной медиевистике. — В кн.: Средние века. Вып. 23. М., 1963, с. 246—264; Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. I. М.—Л., 1931, с. 87—101, 218—274; Лангебек В. История мировой торговли. М.—Л., 1927, с. 60—63, 110; Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Горький, 1941; Шерр И. Учение о торговле. М., 1925; The Cambridge Economic History of Europe. V. 3. Cambridge, 1963, p. 119—153.

между отдельными районами, в особенности частота этих контактов, не только являются надежным и решающим показателем интеграции местных рынков во всероссийский рынок, степени единства последнего, но и служат важнейшей предпосылкой создания экономической общности страны и формирования наций.

Хронологические рамки данной монографии ограничиваются второй половиной XVIII в. (точнее — с 1754 г., после отмены внутренних таможен) — первой половиной XIX в. Именно во второй половине XVIII в. экономическое развитие России вступило в новый период, который ознаменовался формированием капиталистического уклада в рамках феодально-крепостнического строя. К концу XVIII в. мануфактурная форма крупного производства заняла господствующее место в промышленности, а с 1830-х гг. в ходе промышленного переворота начался переход от мануфактуры к фабрике. Важные сдвиги происходили также в сельском хозяйстве и на внутреннем рынке страны. 1750—1850-е годы относятся к последней стадии феодально-крепостнической формации в России, когда началось одновременно и ее разложение, и складывание внутри нее нового, капиталистического уклада, приведшие в конечном итоге к победе капиталистической общественно-экономической системы. Вследствие этого анализ внутреннего рынка данного периода создает благоприятные возможности для исследования как сдвигов в феодально-крепостническом базисе, так и генезиса новых социально-экономических отношений, поскольку именно в развитии внутреннего российского рынка эти процессы проявились выпукло и зримо.

Кроме того, учитывалось, что история внутреннего рынка за последнее столетие господства феодально-крепостнического строя в России наименее изучена и что благодаря хорошей обеспеченности массовыми источниками, позволяющими решать проблему в масштабе всей страны (исключая Кавказ, Финляндию и Польшу), исследование рынка именно в этот период открывает наиболее благоприятные перспективы.

Общие, теоретического характера, вопросы, связанные с историей всероссийского рынка (в частности, о значении рынка для формировании капиталистического способа производства, а также о роли рынка как предпосылки для его возникновения), обстоятельно, хотя и с разными итогами, исследованы в работах советских историков, прежде всего Н. Л. Рубинштейна,[14] Ю. А. Тихонова,[15] И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова.[16] Представляется убедительной точка зрения Н. Л. Рубинштейна, И. Д. Коваль-

---

[14] Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. — В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 88—100.

[15] Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии, с. 200—223.

[16] Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок..., с. 5—39.

ченко и Л. В. Милова, согласно которой начало становления единого всероссийского рынка отнюдь не знаменует еще начала капитализма, а лишь свидетельствует об ускоренном развитии обмена, товарного хозяйства, торговых связей между местными рынками. Зарождение в России внутреннего рынка как единого товарного рынка происходит в эпоху, предшествующую становлению системы капиталистических отношений; простое товарное производство по своей природе в состоянии было сцементировать местные рынки страны в единую систему; основной движущей силой в процессе интеграции местных рынков явилась торговая деятельность профессиональных торговцев. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов обоснованно считают, что подобно тому как исторически капиталистическому производству предшествует простое товарное производство, так и единому капиталистическому рынку должен предшествовать и служить для него важнейшей предпосылкой единый товарный рынок.[17]

2. Историография российского внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в.

В дореволюционной историографии вопрос о складывании в России единого внутреннего рынка не рассматривался. Впервые проблема образования всероссийского рынка была поставлена в 1894 г. В. И. Лениным в работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?».[18] В дальнейшем в марксистской историографии, начиная с трудов М. Н. Покровского и до настоящего времени, многим сюжетам, так или иначе касающимся этой проблемы, посвящены десятки статей, ряд монографий. Однако в подавляющем числе этих работ проблема всероссийского рынка рассматривается применительно к XVII—первой половине XVIII в.[19] Непосредственно о внутреннем рынке России второй половины XVIII—первой половины XIX в. написано сравнительно немного работ, причем большинство из них касается отдельных вопросов проблемы[20] и лишь в некоторых

---

[17] Там же, с. 32.

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

[19] Базилевич К. В. Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в. — Изв. АН СССР, отд-ние общественных наук, 1932, № 9, с. 783—811; Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. (Тихвинский посад в XV—XVII вв.). М.—Л., 1951; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960; Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (По материалам внутренних таможен). М., 1958; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории России XIV—XVI вв., и др.

[20] Букшпан П. Я. Промышленность и торговля России в первой половине XIX в. (Историографический обзор). — Вопросы истории, 1967, № 4, с. 133—143; Вартанов Г. А. Городские ярмарки центральной

исследуется проблема в целом.[21] Значительный материал по истории городской торговли содержится в исследованиях по истории российского города второй половины XVIII—первой половины XIX в. Поскольку большинство работ и о рынке, и о городе этого периода касается хотя и важных, но частных вопросов (им посвящены специальные историографические статьи),[22] в данном

части Европейской России во второй половине XVIII в. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1958, т. 194, с. 139—168; Башарин Г. П. Рынок Якутии конца XVIII—первой половины XIX в. — Ист. зап., 1956, т. 55, с. 289—309; Волков М. Я. Таможенная реформа 1753—1757 гг. Автореф. канд. дис. М., 1961; Григорова-Захарова С. Торговля железом Галицкиных во второй половине XVIII в. и ее экономические условия. Автореф. канд. дис. М., 1953; Гуржий И. А. Сельские и городские базары на Украине в конце XVIII—первой половине XIX в. и их роль в развитии товарного производства. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сб. статей к 75-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1961, с. 96—105; Золотов В. А. Ярмарочная торговля в Южной России в первой половине XIX в. — В кн.: Авторефераты научно-исследовательских работ за 1959 г. Ростов-на-Дону, 1956; Кожухов Ю. В. К вопросу о товарном производстве и обращении в Центрально-земледельческом районе России в годы кризиса крепостнической системы. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 131, с. 121—148; Лейкин Д. И. Развитие внутреннего рынка в Сибири в XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1955; Остроухов П. А. Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг. — Ист. зап., 1972, т. 90, с. 209—243; Рахматуллин М. А. Хлебный рынок и цены в России в первой половине XIX в. — В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970, с. 334—412; Рябков Г. Г. Смоленский рынок в конце XVIII—первой половине XIX в. — Уч. зап. Смоленского гос. пед. ин-та, 1957, вып. 4, ч. I, с. 55—61; Самсонов В. И. Курская Коренная ярмарка. — Уч. зап. Курского пед. ин-та, 1949, № 2, с. 96—134; Слюсаренко А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII—XVIII вв. Харьков, 1964, с. 335—365; Яцунский В. К. География рынка железа в дореформенной России. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 50. М., 1960, с. 110—146; Яровой Г. В. Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период. — В кн.: Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск, 1975, с. 42—67.

[21] Дружинин Н. К. Ярмарка как форма организации рынка. — Социалистическое хозяйство, 1927, кн. 3, с. 173—182; Исаев Г. С. Развитие внутреннего рынка в России в 1760—1860 гг. — Сб. трудов Ленингр. ин-та советской торговли, 1970, вып. 38, ч. 1, с. 168—176; Парусов А. И. Из истории внутренней торговли России конца XVIII—первой четверти XIX в. — Уч. зап. Горьковского гос. пед. ин-та, 1960, т. 41, вып. 4, с. 3—57; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России 1850—1880 гг. М., 1978, с. 9—20; Шапиро А. Л. О роли Петербурга в развитии всероссийского рынка в XVIII—первой половине XIX в. — В кн.: Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966, с. 385—396; Яковцевский В. Н. 1) Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953; 2) Торговля. — В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 119—151.

[22] Устюгов Н. В. Научное наследие, с. 18—23; Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.). — Вопросы истории, 1961, № 4, с. 80—109; Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии, с. 200—223; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая

обзоре литературы основное внимание сосредоточивается на трудах, в которых затрагиваются аспекты проблемы, исследуемые в настоящей монографии. Это прежде всего исследования С. Г. Струмилина, Н. Л. Рубинштейна, М. К. Рожковой, К. П. Новицкого, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова.[23]

В работе С. Г. Струмилина сделана единственная в советской историографии попытка оценки динамики товарооборота российского рынка в 1724, 1749, 1888 и 1913 гг. с учетом изменения уровня цен и производительности труда в промышленности и сельском хозяйстве. В ней показано, какое большое значение имеют точные количественные оценки товарооборота, уровня развития торговли, вообще всех показателей рынка и в то же время как мало эти показатели значат, если не учитывается динамика цен, покупательной способности денег, роста населения. Так, за 1724—1913 гг. товарная продукция российского внутреннего рынка в текущих ценах (т. е. номинально) выросла в 449.4 раза, а в постоянных ценах (т. е. реально) — лишь в 44.9 раза (различие здесь в десять раз!), а на душу населения прирост продукции реально увеличился всего в 3.7 раза. Эти сравнительные цифры убедительно показывают, что все подобные оценки должны даваться с учетом динамики реального значения соответствующих показателей. И тем не менее в большинстве исследований советских авторов показатели торговли, внутреннего рынка приводятся без учета указанных С. Г. Струмилиным факторов, без учета реального содержания используемых показателей, что не только лишает предлагаемые оценки научной ценности, но и приводит к искажению исторического процесса.[24]

Н. Л. Рубинштейн в статье «Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка» существенно уточнил, дополнил и развил точку зрения П. Г. Любомирова.[25] Согласно

половина XVIII в. М., 1967, с. 6—26; Рындзюнский П. Г. Изучение городов России первой половины XIX в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 65—74.

[23] Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, с. 158—170; Рубинштейн Н. Л. 1) Русская ярмарка XVIII века. — Уч. зап. кафедры истории народов СССР Московского обл. пед. ин-та, 1939, вып. I, с. 5—28; 2) Территориальное разделение труда..., с. 88—100; Рожкова М. К. 1) К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России (первая половина XIX в.). — Ист. зап., 1955, т. 54, с. 298—314; 2) Торговля. — В кн.: Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959, с. 246—275; Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок...; Новицкий К. П. Ярмарки и их роль во внешней торговле России в первой половине XIX в. — Сб. науч. работ Моск. ин-та народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, 1954, вып. 4, с. 104—124.

[24] См., например: Исаев Г. С. Развитие внутреннего рынка в России в 1760—1860 гг.

[25] Энциклопедический словарь Гранат. Изд. 7-е, т. 36—III. М., б. г., стб. 628.

последней, во второй половине XVIII в. хозяйственная специализация отдельных регионов России вступила в новый этап, в ее основе лежали преимущественно экономические факторы. Н. Л. Рубинштейн на основе качественного анализа массовых источников пришел к выводу о том, что экономическая специализация районов, или территориальное разделение труда, во второй половине XVIII в. обусловливалась не местными физическими условиями данного района, а «комплексом экономических причин на основе взаимодействия районов в системе всероссийского рынка». Развитие же всероссийского внутреннего рынка, по мнению Н. Л. Рубинштейна, прошло три стадии, причем третья стадия — «концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский» — наступила во второй половине XVIII в. на базе экономического по своей природе географического разделения труда и была связана с возникновением капиталистического уклада в экономике России.[26] Но в выполненном Н. Л. Рубинштейном исследовании почти отсутствует количественный анализ, и поэтому его выводы в значительной мере оказываются гипотетическими, хотя автор их формулирует предельно четко.

Н. Л. Рубинштейну принадлежит и первая в советской историографии попытка постановки и решения проблемы о формах организации торговли на внутреннем российском рынке в XVIII в., предпринятая в статье «Русская ярмарка XVIII века». Применяя сравнительно-исторический подход, автор пришел к выводу, что российская ярмарка во второй половине XVIII в. утрачивала прежнее значение главнейшей формы торговли и межгородского обмена и превратилась («переродилась») либо в мелкую сельскую ярмарку, предназначенную для «выкачки на капиталистический рынок местной крестьянской продукции» (в центре России), либо в сельскую ярмарку потребительского типа — «в периферический отросток капиталистической торговой системы, развивающейся в условиях чрезвычайно распыленной колонизации» (на Украине, в восточных губерниях и Сибири). Господствующей формой торговли становится с конца XVIII в., по его мнению, перманентный городской торг, который лишь камуфлировался в форму ярмарочной организации, дабы освободиться от налогового бремени, поскольку ярмарочная торговля не облагалась никакими пошлинами. Перерождение ярмарочной формы торговли в стационарную определялось, по мнению автора, фактом сформирования всероссийского рынка, который мог функционировать только при наличии капиталистических форм обмена. На чем же основываются эти выводы Н. Л. Рубинштейна?

Н. Л. Рубинштейн, опираясь на труд французского историка П. Ювелена, написанный в 1897 г. на западноевропейском мате-

---

[26] Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда..., с. 88—91, 95.

риале,[27] утверждает, что местный торг как главная форма торговли соответствует эпохе натурального хозяйства, ярмарка — простому товарному производству, перманентная (стационарная) торговля, выступающая из местного торга, — капиталистическому производству.

Основываясь на этом, он исследует русскую ярмарку XVIII в. В конечном итоге он приходит к выводу о том, что во второй половине XVIII в. ярмарки в России переродились в торг местного значения, поскольку утратили все признаки истинной ярмарки (в трактовке П. Ювелена). По мнению Н. Л. Рубинштейна, в XVIII в. наблюдалась «вилланизация ярмарок» — преобладание сельских ярмарок над городскими, изменился состав их участников (стали доминировать крестьяне) и ассортимент товаров (ведущее положение заняли сельскохозяйственные товары), появилось множество новых ярмарок, и их сеть стала настолько густой, что ярмарки превратились в торг местного значения, утратив функции организатора межгородского обмена. О перерождении ярмарок в местный торг, по мнению автора, свидетельствовало и отсутствие ярмарок во многих крупных городах, а также увеличение продолжительности и числа ярмарок в одном пункте, установление связей между отдельными ярмарками: получалась в итоге непрерывная цепь ярмарок, фактически превращавшая непериодическую торговлю в перманентную. Наконец, Н. Л. Рубинштейн говорит о возвращении ярмарок «к роли местного сельского праздника, где уже совершенно исчезает специфически экономическая функция ярмарки», указывает на смешение в источниках ярмарок с торжками как на свидетельство стирания между ними различий.[28]

Ознакомление с литературой по истории российской и западноевропейской торговли, критический анализ аргументации Н. Л. Рубинштейна убеждают в том, что его выводы не могут быть приняты. Как показали новейшие исследования, в средние века, во время господства периодической формы торговли, в западноевропейских странах наряду с крупными ярмарками действовало множество мелких, сельских и городских ярмарок, причем крупные и мелкие ярмарки находились в тесном взаимодействии, взаимно дополняя друг друга, так что рынок не мог обходиться без тех и других. Функции ярмарок, состав участников и ассортимент товаров на крупных и мелких ярмарках нередко существенно различались, на мелких, как правило, превалировали потребители и производители со своими продуктами и изделиями.[29] Признаки ярмарок, указанные Н. Л. Рубинштейном, — функция межгородского обмена, господство профессионалов-куп-

---

[27] Huvelin P. Essai historique sur le droit des marchés et de foires. Paris, 1897.

[28] Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века, с. 20.

[29] The Cambridge Economic History of Europe, v. 3, p. 119—153.

цов, отсутствие связи с местным рынком и производителями — отнюдь не являлись в Западной Европе непременными и обязательными для каждой ярмарки. На рынке западных стран, который взят Н. Л. Рубинштейном в качестве эталона для сравнений и анализа российской торговли, в средние века действовали ярмарки разных типов, имевшие разные признаки и выполнявшие различные функции. Выделенные же Н. Л. Рубинштейном признаки ярмарок были характерны только для одного типа ярмарок Западной Европы — крупных, оптовых, интернациональных по характеру производившихся на них операций.

Аргументация Н. Л. Рубинштейна вызывает ряд возражений и в силу неточности некоторых приведенных им данных. Не может быть принято утверждение о большой густоте ярмарочной сети в России во второй половине XVIII в.: приводимая автором цифра — 1092 ярмарки[30] (сама по себе неточная) — свидетельствует как раз об обратном — об исключительно редкой сети ярмарок для такой огромной по территории и численности населения страны. Вывод о вилланизации ярмарок вовсе не свидетельствовал об упадке ярмарочной торговли в городах: во второй половине XVIII и в первой половине XIX в. неуклонно возрастало число ярмарок не только в сельской местности, но и в городах, и в 50-е гг. XIX в. ярмарки действовали уже в подавляющей массе российских городов.[31] Абсолютный же количественный перевес сельских ярмарок отражал факт преобладания сельского населения в феодально-крепостнической Российской империи. В городах на протяжении XVIII в. проживало всего лишь около 4% податного населения страны.[32]

Что же касается заключения Н. Л. Рубинштейна о перерождении ярмарок в местные сельские торги, то быстрое увеличение численности сельских ярмарок, рассматриваемое им как показатель подобного перерождения, в действительности свидетельствовало о проникновении в деревню товарных отношений, о возрастании роли села на внутреннем российском рынке. На последнее обстоятельство указывал и сам Н. Л. Рубинштейн, говоря о «своеобразии русского исторического процесса, обусловленного преобладанием села в нашей истории». Он заключал, что «у нас село начинает брать на себя функции города».[33]

Не убеждают и такие доводы Н. Л. Рубинштейна в пользу упадка ярмарочной торговли, как совпадение времени проведения ярмарок с праздниками и смешение в источниках ярмарок с торжками или базарами. Известно, что почти все ярмарки — городские и сельские — всегда приурочивались к религиозным

---

[30] Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века, с. 12—13.

[31] Экономическое состояние городских поселений в Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1—2. СПб., 1863.

[32] Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 70, 118.

[33] Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века, с. 28.

праздникам, когда происходило скопление народа — покупателей. В источниках второй половины XVIII в. граница между разными формами торговли проводится достаточно отчетливо.

Судя по ответам на хозяйственные анкеты 1760-х гг., в то время уже обозначилось размежевание терминов «ярмарка», «торжок» или «торги» в смысле базара, хотя понятия еще нередко смешивались, выступая то как тождественные, то как различные. «Ярмонки бывают майя 2, июня 23, июля 24 чисел, да сверх того на каждой неделе в понедельник», — читаем в ответе на кадетскую анкету из пригорода Нерехты Костромской провинции.[34] В сообщении из г. Одоева Калужской провинции говорилось: «Три обыкновенно торжка бывает июня и июля в разных числах... Торг проводится на каждой неделе по понедельникам и четвергам».[35] Нетрудно видеть, что в последних случаях термины четко не разделяются, «торжок» употребляется в смысле малой ярмарки.

Но уже различное содержание вкладывается в понятия «ярмарка» и «торги» в докладе из Переяславль-Рязанской провинциальной канцелярии: «Торговые дни бывают по понедельникам и пяткам. Ярмонка бывает на десятой неделе в пяток». Аналогичен ответ из г. Венева Тульской провинции: «Ярмонка бывает в десятую пятницу. Торговый день пятница».[36]

И совершенно определенно и четко в 1780-е гг. отличает ярмарку от базаров, торжков и торгов М. Д. Чулков. «Кременчуг, город Новороссийской губернии; в оном бывает в году три ярмарки сверх обыкновенных торгов», — читаем в известном словаре, составленном этим автором. «Рогачев, село Московской губернии, Дмитровского уезда; в оном ряды имеются и торжки и бывает в году две ярмарки: первая майя 9, вторая о десятой пятнице».[37] В источниках первой половины XIX в. различие между ярмаркой и базаром просматривается еще отчетливее.

Специально необходимо подчеркнуть, что ярмарки и базары четко разделяются как в законодательстве второй половины XVIII—первой половины XIX в.[38] (что обусловливалось различиями в правилах торговли на тех и других), так и в литературном языке. В первом толковом словаре русского языка, составители которого пытались установить лексические нормы русского литературного языка второй половины XVIII в.,[39] поня-

---

[34] Вакмейстер Л. И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. Т. I, ч. 4. СПб., 1774, с. 320.

[35] Там же, ч. 3, 1772, с. 215.

[36] Там же, ч. 2, 1772, с. 176; ч. 3, с. 240.

[37] Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788, с. 99, 162.

[38] ПСЗ I, 1785, т. XXII, № 16188, Городовое положение 1785 г. § 25 и 26.

[39] Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 217.

тия «ярмарка», «базар», «торжок», «торги» четко различаются.[40] Та же тенденция прослеживается и в других словарях,[41] включая словарь В. И. Даля, положившего в основу своего словаря «живой, устный язык русский, а паче народный».[42] Ярмарка («ярмонка») — «большой торговый съезд и привоз товаров в срочное в году время, годовой торг, длящийся неделями».[43] Базар — «торговля на открытом месте, торжище, торг, рынок, сход, съезд в базарные дни недели для купли и продажи, особенно жизненных припасов».[44]

Таким образом, исторический подход к терминам «ярмарка» и «базар» — «торжок» обнаруживает не смешение этих понятий, а, наоборот, все более определенное размежевание их значений. Это, вероятно, указывает на то, что реальное различие между ярмаркой и базаром со временем, по крайней мере в течение 1750—1850-х гг., не уменьшалось, а увеличивалось, что ярмарка отнюдь не переходила на положение местного торжка.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Н. Л. Рубинштейн в своей статье анализ развития торговли в России XVIII в. основывает только на данных 1780-х гг., механически и без необходимой аргументации распространяя их едва ли не на целое столетие. Так, тезис о вилланизации ярмарок вследствие преобладания в 1780-е гг. ярмарок сельских, исчезновение некоторых городских ярмарок в эти же годы автор рассматривает, игнорируя необходимость исторического подхода. Ведь численное преобладание сельских ярмарок над городскими могло иметь место и в XVII в., и в середине XVIII в. Что же касается исчезновения ряда городских ярмарок, то конец XVIII и первая половина XIX в. были ознаменованы и обратным явлением — во многих, очень важных в торговом отношении городах — Одессе, Таганроге, Ростове-на-Дону и других — именно в этот период основываются крупные ярмарки.

Работа Н. Л. Рубинштейна о русской ярмарке XVIII в. несомненно способствовала разработке важнейших проблем истории всероссийского рынка, особенно в плане его торгового аспекта. Впервые были введены в научный оборот сведения о ярмарочной торговле по данным анкеты генерал-прокурора (хотя без полной и всесторонней их обработки), показано серьезное значение ярмарок в мобилизации сырья и продовольствия, в реализации промышленных изделий, отмечено существование так называемых ярмарочных цепей, ранее упоминавшихся только

---

[40] Словарь Академии Российской. Ч. 1. СПб., 1789, стб. 82—83; ч. 6, 1794, стб. 1049.

[41] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1. СПб., 1806, стб. 85; ч. 6, 1822, стб. 1459.

[42] Даль В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. СПб.—М., 1898, с. 251.

[43] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.—М., 1909, стб. 1578.

[44] Там же, т. 1, 1903, стб. 95.

в труде И. С. Аксакова.[45] Самое же существенное в статье Н. Л. Рубинштейна — проблемная постановка вопроса о связи эволюции форм торговли с образованием всероссийского рынка и генезисом капитализма в России.

Ощутимый вклад в исследование истории всероссийского рынка внесла М. К. Рожкова. Две ее работы, посвященные внутренней торговле в России в первой половине XIX в., содержали новый, свежий материал, ценные наблюдения об особенностях ярмарочной торговли. Однако ограниченность источниковой базы обусловила наличие в работах М. К. Рожковой ряда суждений, вызывающих возражения или нуждающихся в значительных уточнениях, дополнительной проверке. Не соответствует исторической действительности утверждение автора о том, что ярмарочная сеть в первой половине XIX в. расширялась в основном на окраинах Российской империи, а в ее центре сокращалась.[46] И «Словарь учрежденных в России ярмарок» М. Д. Чулкова, и «Список существующих в Российской империи ярмарок», изданный в 1834 г.,[47] и специальный двухтомный труд «Экономическое состояние городских поселений России 1861—62 г.» содержат разнообразные данные, свидетельствующие о том, что сеть ярмарок в России в этот период расширялась не только на окраинных ее землях, но и в центральных районах.

Нельзя согласиться и с общим заключением М. К. Рожковой об упадке ярмарочной торговли в стране, якобы обозначившемся в первой половине XIX в. и трактуемым автором в качестве одного из проявлений кризиса феодальной системы в сфере внутренней торговли. Автор делает такой вывод, не приводя массовых, в масштабе всей России, данных о динамике торговли, как ярмарочной, так и стационарной, пришедшей, по ее мнению, в первой половине XIX в. на смену торговле ярмарочной.[48] Напротив, приводимые М. К. Рожковой сведения об оборотах на шести крупнейших ярмарках России за 1817—1861 гг. свидетельствуют как раз о росте, а не об упадке и сокращении ярмарочной торговли.[49] В противоречие с данными источников вступают утверждения М. К. Рожковой о том, что на ярмарках Правобережной Украины редко фигурировали промышленные изделия, а в Центрально-черноземном районе — хлеб, что Центрально-промышленный и Северный районы «отличались слабым развитием ярмарочной торговли», что не было ярмарок в Данилов-ском уезде, в Костроме и Чухломе.[50]

---

[45] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, с. 19.
[46] Рожкова М. К. К вопросу о значении ярмарок..., с. 300—304.
[47] Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834.
[48] Рожкова М. К. К вопросу о значении ярмарок..., с. 313.
[49] Там же, с. 307.
[50] Там же, с. 313.

Отсутствие в работах М. К. Рожковой сравнительных массовых данных о развитии ярмарочной торговли, точных количественных оценок оборотов периодической и стационарной торговли ощутимо колеблет выводы автора относительно тенденции ярмарочной торговли к упадку и об ее решительном вытеснении торговлей стационарного типа еще до реформы 1861 г. Даже в конце XIX—начале XX в. современники отмечали, что «деревня (где проживало в 1897 г. 84% всех жителей Российской империи, — *Б. М.*) еще не обслуживается постоянной торговлей и население ее принуждено периодически удовлетворять свои запросы на товары на базарах и ярмарках или у бродячих торговцев».[51] И это несмотря на бурное развитие стационарной торговли в пореформенной России.[52]

В целом анализ работ Н. Л. Рубинштейна и М. К. Рожковой, наиболее развернуто представляющих точку зрения об отмирании периодической торговли России с конца XVIII—начала XIX в., убеждает, что аргументация подобного вывода весьма уязвима прежде всего в силу того, что используемые для этой цели материалы отражают, как правило, единичные явления торговой жизни страны (и территориально, и хронологически), а потому и не могут быть приняты для оценки и характеристики состояния торговли в масштабах всей России.

Но не вполне убеждает также и аргументация исследователей, представляющих противоположную точку зрения — о доминирующей роли периодических форм торговли на внутреннем рынке России, в первую очередь ярмарочной торговли, в течение всего последнего столетия существования крепостного права. Причем подобный вывод в некоторых работах просто постулируется или иллюстрируется данными о размахе периодической торговли на какую-нибудь одну дату.[53] В качестве доказательства положения о господстве периодических форм торговли иногда приводятся сведения о росте численности ярмарок и их оборотов за какой-либо ограниченный отрезок времени.[54]

Наиболее полно взгляд о доминировании периодической торговли в России представлен в статье К. П. Новицкого.[55] Автор на основе анализа деятельности отдельных крупных ярмарок приходит к выводу, что ярмарка первой половины XIX в. ив-

---

[51] Кистяковский В. В. Учебник экономической географии. Россия сравнительно с важнейшими государствами мира. СПб.—Киев, 1911, с. 255.

[52] Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с. 86—94.

[53] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1952, с. 483; История СССР. Т. 2. Россия в XIX веке. М., 1955, с. 29—30; Экономическая история СССР в зарубежных стран. М., 1978, с. 230, 248.

[54] Хромов П. А. Экономика России периода промышленного капитализма. М., 1963, с. 165—168; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 124—125.

[55] Новицкий К. П. Ярмарки и их роль во внешней торговле России в первой половине XIX в., с. 102—124.

лялась ведущей формой торговли и выполняла две функции: служила центром притяжения товарной продукции, аккумулируя ее («центростремительная» функция), и распределяла товары между разными районами страны («центробежная» функция). Расцвет ярмарочной торговли приходился, по мнению автора, на первую половину XIX в., но и в пореформенное время ярмарочная торговля не отмирала, а продолжала развиваться, существуя одновременно с чисто капиталистической формой торговли — биржевой. Только при полном вытеснении ярмарки биржей, считает автор, можно говорить о победе стационарной торговли, но этот переход от ярмарочной к биржевой торговле растянулся на долгие годы и совершился в пореформенный период.

Необходимо специально подчеркнуть, что аргументации гипотезы о ведущей роли периодической торговли в России на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX в. присущи те же недостатки, что и аргументации их научных оппонентов: отсутствие массовых данных о развитии ярмарочной торговли за весь исследуемый период по всей территории страны; игнорирование такой важной формы периодической торговли, как базарная, а также развозно-разносной торговли. В аргументации обеих точек зрения никак не представлены сравнительные данные о масштабах периодической и стационарной торговли, к тому же ни базарная, ни стационарная торговля по существу в каких-либо обобщающих показателях в исторической литературе о внутреннем рынке России за исследуемый период практически не отражена.

Все сказанное выше приводит к заключению, что обе имеющиеся в советской историографии точки зрения относительно ведущих форм торговли на внутреннем российском рынке за 1750—1850-е гг. нуждаются как в серьезной дополнительной аргументации на конкретно-исторических материалах массового характера, отражающих весь период и всю территорию страны, так и в существенном расширении самого предмета исследования за счет изучения всех основных форм торговли.

Второй важной проблемой истории российского рынка, по которой в советской историографии нет единства взглядов, является вопрос о времени возникновения, складывания этого рынка. Здесь также высказывались и высказываются разные точки зрения. Расхождения во многом определяются и несходством взглядов на само понятие «всероссийский рынок», и различиями в источниковой базе соответствующих исследований, и в методике анализа, применявшейся их авторами.

В некоторых общих трудах, а также в ряде работ, освещающих преимущественно развитие местных и региональных рынков, высказывается мнение о сформировании общероссийского рынка еще в XVII в. и даже в XVI в., что, видимо, определяется как локальным характером предпринимавшихся исследований, так и неразработанностью методики, необходимой для ана-

лиза обширных общероссийских материалов, которые еще почти и не находились в сфере внимания историков.[56] Неоднократно высказывался и взгляд о сформировании всероссийского рынка в первой[57] или во второй половине[58] XVIII в.

Специальное изучение хлебных цен в России XVIII в., выполненное на ранее неизвестных и охватывающих всю территорию страны данных, показало, что степень согласованности уровня хлебных цен уже в 60—80-е гг. XVIII в. была настолько высока, что это позволило прийти к выводу о наличии в указанные годы общероссийского хлебного рынка и давало в свою очередь основание для суждения о складывании единого внутреннего рынка в целом. Аналогичное исследование материалов о движении хлебных цен в течение XIX—начала XX в. показало, что в течение всего этого периода, с первых десятилетий XIX в. имела место устойчивая согласованность изменения этих цен, что подтвердило вывод о наличии уже сложившегося до начала указанного периода, т. е. до конца XVIII в., общероссийского рынка.[59]

К другим выводам пришли в своей чрезвычайно обстоятельной и глубокой по мысли монографии И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов.[60] Они считают, что единый всероссийский рынок сложился только к 80-м гг. XIX в. В чем же причина столь существенных расхождений в выводах? Это важно выяснить прежде всего потому, что оба вывода основываются на применении одного и того же корреляционного метода к анализу хлебных цен.

---

[56] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР, т. I, с. 296; Экономическая история СССР и зарубежных стран, с. 207, 212—213; Базилевич К. В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича. — Уч. зап. МГУ, 1940, вып. 41, с. 4; Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963, с. 504. — См. подробнее: Тихонов Ю. А. Проблема формирования всероссийского рынка в современной советской историографии; Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Итоги изучения начального этапа складывания всероссийского рынка (XVII в.); Булыгин И. А., Индова Е. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А., Троицкий С. М. Начальный этап генезиса капитализма в России. — Вопросы истории, 1966, № 10, с. 65—90.

[57] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957, с. 149.

[58] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, 120—124; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 411.

[59] Миронов Б. Н. 1) О критерии единого национального рынка. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972, с. 180—189; 2) О методике обработки источников по истории цен. — В кн.: Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970, с. 154—165.

[60] Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII—начала XX века. — Подробный разбор монографии см. в рецензиях Ю. Ю. Кахка и П. Г. Рындзюнского (Вопросы истории, 1975, № 9, с. 164—170).

Различие вызывалось двумя основными обстоятельствами. Во-первых, И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов располагали весьма ограниченной и скромной коллекцией хлебных цен: в их распоряжении по периоду 1744—1880 гг. имелись лишь данные о ценах двух культур (ржи и овса) и только за 1744—1758, 1809—1819 и 1846—1855 гг. (с пробелами по некоторым губерниям), в то время как у нас имелись данные о движении цен на пять хлебов по всем районам России за 1708—1880 гг., в том числе практически по всем губерниям за 1744—1773 и 1796—1880 гг. Во-вторых, нами были подвергнуты корреляционному анализу одновременно цены за 10, 15, 20 и 30-летние интервалы времени, в то время как И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов анализировали только указанные десятилетние периоды в движении цен (видимо, это вызывалось тем, что они не располагали бо́льшим числом данных о ценах). Именно эти два обстоятельства, по нашему мнению, и привели в итоге к существенным расхождениям в выводах относительно времени сформирования всероссийского рынка. Поэтому настоятельно необходимым становится исследование других аспектов истории рынка.

Представляется, что поиск наиболее точных и совершенных методов анализа данных по истории всероссийского рынка может проходить в нескольких направлениях. Целесообразно изучать не один аспект всероссийского рынка — структуру и динамику цен, а *все стороны* рынка, в каждом случае стремясь как к качественной, так и к точной количественной оценке изучаемых явлений и процессов.

3. Задачи исследования

В данной монографии основное внимание уделено вопросам развития торговой сети, формам организации торговли, торговым связям между местными рынками России, которые исследуются уже не опосредствованно — через цены, — а прямо, с помощью учета перевозок товаров из одних уездов, губерний, регионов в другие. С точки зрения этих аспектов оценивается и уровень развития российского внутреннего рынка, степень его единства. Особенно большое внимание уделено выявлению *частоты торговых контактов между отдельными губерниями, регионами* как важнейшему показателю существования и функционирования единого внутреннего рынка страны. Именно наличие прямых контактов между всеми районами, входившими в состав огромной Российской империи, представляет убедительнейшее свидетельство сформировании единого рынка, особенно в том случае, если удельный вес межрайонных торговых контактов превосходит долю контактов внутрирайонного характера и масштаба.

Российский рынок в 1750—1850-е гг. разделялся на три сферы: периодическая (ярмарочная и базарная), стационарная и развозно-разносная. Низшей формой торговли являлась развозно-

разносная торговля. Она имела непериодический и как бы неправильный, случайный, характер, поскольку потребитель никогда не мог точно на нее рассчитывать, и осуществлялась странствующими торговцами.

Более высокую форму организации торговли представляла ярмарочная форма. Ярмарка — периодически устраиваемый съезд торговцев и потребителей в определенном месте и в определенное время. Поскольку дата и срок ярмарки были известны населению и оно могло заранее к ней подготовиться, ярмарочную форму торговли можно считать регулярной, правильно организованной периодической формой торговли. В рассматриваемое время ярмарка являлась преимущественно формой межгородского, межуездного, межгубернского или межрайонного обмена, но она выполняла также и функцию местного торга.

К периодической форме торговли относилась и базарная торговля. Базары происходили в крупных губернских и уездных, заштатных городах, посадах и некоторых наиболее крупных селениях через известные промежутки времени: в крупных губернских городах — 2—3 раза в неделю, в уездных городах — 1—2 раза в неделю, в остальных городских и сельских поселениях — 1 раз в неделю или в две недели. На базар приезжали в основном жители окрестных сел и деревень, чтобы сбыть или, наоборот, закупить различные товары, поэтому базар являлся по преимуществу периодической формой внутриуездной местной торговли, хотя известны случаи, особенно для второй половины XVIII в., когда на базар приезжали торговцы и из других городов и губерний.

Постоянная, или стационарная, торговля являлась высшей формой торговли. Это торговля из специальных постоянных торговых заведений — из лавок и лавочек, магазинов и складов, из рядов и гостиных рядов и т. д. — и биржевая торговля. Отличительная особенность этого вида торговли — постоянный характер, благодаря чему и торговец, и покупатель имели возможность удовлетворять свои потребности немедленно и ежедневно. Стационарная торговля была специализированной, когда продавались лишь определенные товары, например мануфактурные, бакалейные или железные изделия, и смешанной, когда на одной бирже и в одной лавке продавались всевозможные товары.

Собственно структуру рынка и образовывала торговая сеть, состоявшая из всей совокупности торговых (ярмарочных, базарных, стационарных и пр.) пунктов, центров, точек. На каждом историческом этапе эта совокупность имела определенные размеры и конкретно-историческое своеобразие, т. е. количественную и качественную определенность. Другими словами, на каждом этапе развития российского рынка было достаточно строго определенным как *общее количество* торговых пунктов, центров, точек — в этом проявляется количественная определенность структуры рынка, — так и *сочетание* этих пунктов с преобладанием ярма-

рочной, базарной, развозно-разносной и стационарной торговли — в этом обнаруживается качественная определенность структуры рынка.

Первая часть монографии посвящена анализу общей структуры внутреннего рынка России второй половины XVIII—первой половины XIX в., а также выяснению относительного значения периодической, стационарной и развозно-разносной торговли и их функций в системе всероссийского рынка; здесь же исследуется и динамика как общей структуры рынка, так и отдельных его частей.

Во второй части исследуются отдельные сферы российского рынка, их строение и функционирование, причем наибольшее внимание уделяется тем из них, которые имели относительно большее значение в системе российского рынка в целом. Задача раздела — оценить целостность и единство российского рынка, а также механизмы, которые могли обеспечить эту целостность, и в результате воссоздать единую картину функционирования российского внутреннего рынка во второй половине XVIII—первой половине XIX в.

Исследование истории всероссийского рынка рассматривается не как самоцель, а как средство для познания характера, направления, темпов социально-экономического развития России во второй половине XVIII—первой половине XIX в., поскольку развитие рынка отражало в значительной мере все важнейшие социальные и экономические процессы, протекавшие в стране в этот период.

4. Источники и методика их обработки

Требование научной методологии отбора исторических источников выдвигает исключительно сложные и трудоемкие задачи при изучении такой крупной проблемы, как внутренний рынок России второй половины XVIII—первой половины XIX в. Для исследования истории образования, структуры и функционирования внутреннего рынка в масштабах столь обширной страны, как Россия, особенно важное значение приобретает выявление таких массовых источников, совокупность которых обеспечивает необходимую полноту и представительность, достоверность и сопоставимость подлежащих анализу фактов и цифр. Отобранные для изучения проблемы источники должны содержать информацию, относящуюся ко всей стране.

Специфика и сложность работы с источниками по истории внутреннего российского рынка состоят, во-первых, в том, что их происхождение было связано с деятельностью различных государственных, научных учреждений, местной администрации, отдельных лиц; во-вторых, выявление, отбор и систематизация сведений, необходимых для изучения российского рынка, потребовали обращения к ряду специальных методических приемов обработки

исторической информации, создания обширных подготовительных материалов, послуживших базой для последующей постановки и анализа рассматриваемых в монографии вопросов.

Во второй половине XVIII в. впервые появляются массовые источники по внутренней российской торговле — имеется в виду не просто значительное количество источников, а такая их численность и совокупность, которая представляет всю или бо́льшую часть территории России и создает возможность воссоздания общей картины состояния внутреннего российского рынка.[61]

Многие сведения о состоянии внутреннего российского рынка конца 1760-х гг. содержатся в ответах на хозяйственную анкету Академии наук (академическую) и Шляхетского кадетского корпуса 1760 г. (кадетскую), а также на анкеты Вольного экономического общества (ВЭО) 1765 г. и Сената 1767 г. (сенатскую).[62]

Академическая и кадетская анкеты, составленные М. В. Ломоносовым (первая) и Г. Ф. Миллером (вторая), были разосланы по именному указу из Сената всем губернаторам, провинциальным и уездным воеводам в 1760 г. Анкеты во многом совпадают, обе состоят из 30 пунктов, затрагивают одни и те же вопросы, но пункты в редакции Миллера обстоятельнее, и вследствие этого ответы на них зачастую полнее. Из 30 пунктов этих анкет, касающихся самых разнообразных вопросов географии и экономики, непосредственно к торговле имеют отношение пять: 4-й, 5-й, 8-й, 15-й и 17-й. Пункт 4-й: «Когда бывают в городах ярмонки, есть ли гостиные дворы, откуда больше и с какими товарами приезжают, который день в неделе торговой. Каково купечество». Пункт 5-й: «У обывателей какие есть промыслы». Пункт 8-й: «Есть ли ряды и ярмонки в каких знатных селах; чем больше торгуют; в какое время и откуда купцы съезжаются». Пункт 15-й: «Где по рекам есть пристани купеческие, на коих мест на

---

[61] О специфике массовых источников и необходимости применения особенной методики при их обработке см.: Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX—начала XX в. М., 1979, с. 3—9, 236—291; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979, с. 5—11, 412—414.

[62] О происхождении и содержании хозяйственных анкет, а также о полноте и достоверности содержащихся в ответах на них сведений см.: Бакмейстер Л. И. Топографические известия... Т. I, ч. 1—4. СПб., 1771—1774; Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в. — В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы. Вып. 35. Л., 1929, с. 30—104; Нерсесова Э. А. 1) Экономическое состояние Костромской провинции Московской губернии по хозяйственным анкетам 1760-х годов. — Ист. зап., 1952, т. 40, с. 154—185; 2) Хозяйственное состояние Костромской, Переяславль-Залесской и Юрьев-Польской провинций Московской губернии по хозяйственным анкетам 60-х гг. XVIII в. Автореф. канд. дис. М., 1960; Миронов Б. Н. Статистическая обработка ответов на сенатскую анкету 1767 г. о причинах роста хлебных цен. — В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972, с. 84—104; Петухова Р. И. Анкетное обследование Вольного экономического общества. — Науч. зап. Ростовского-на-Дону финансово-экономического ин-та, 1958, вып. 1, кафедра статистики, с. 187—218.

оные с грузом приезжают, до которых мест сплавляют и порожние суда назад обращаются ли». Пункт 17-й: «Где есть переволоки, чрез кои с одной реки на другую товары сухим путем перевозят и при каких условиях, дорога лежит по каким местам».

Сенатская анкета была разослана Сенатом местной администрации в 1767 г. Анкета включала 14 пунктов, все они относились к проблеме хлебных цен и хлебной торговли.

Анкета ВЭО, составленная членом общества Т. Ф. Клингштетом и опубликованная в трудах ВЭО в 1765 г., посвящена вопросам сельского хозяйства. Однако в числе ее 65 пунктов нашлось место и двум вопросам о торговле (точнее трем, но 32-й пункт дублирует 31-й) преимущественно сельскохозяйственными товарами. Пункт 31-й: «Куда излишний хлеб, ненадобный для употребления тамошних жителей, ежегодно отвозится для продажи? По каким обыкновенно продается ценам, кем и кому? Какого больше продается хлеба и тамошних продуктов? Молотый ли отпускается оттуда хлеб или немолотый; водою или сухим путем, по каким рекам, на каких обыкновенно судах? Как дорог обыкновенно становится провоз на четверть до назначенного места? В какое время в году продажа сия обыкновенно чинится?». Пункт 53-й: «Ежели по тамошним рекам возят много товаров, то по каким, в какое время, на каких судах, сколько далеко оные ходят оттуда?... Которая дорога на судах, отправляемых сюда, далее расстоянием?».

Ответы на академическую и кадетскую анкеты поступали в течение семи лет (но основная их часть была получена в течение 1761—1762 гг.) и охватили $^3/_4$ уездов — 227 из 300, существовавших в 1766 г.[63] Ответы на сенатскую анкету были получены в течение трех месяцев из 14 губернских, 6 провинциальных и 166 уездных канцелярий; анкета охватила практически всю Россию.[64] Ответы на анкету ВЭО за десять лет поступили из 2 губерний, 24 провинций и 3 уездов, охватив в общей сложности примерно 43% уездов на 1766 г.[65]

---

[63] Ответы на 74 анкеты частично опубликованы: Бакмейстер Л. И. Топографические известия..., т. I, ч. 1—4. — Здесь же приведен текст обеих анкет. Все ответы, в том числе опубликованные, хранятся: Архив АН СССР, Ленинградское отделение (в дальнейшем — ЛО ААН), ф. 3, оп. 10-а, д. 1—222 (ответы на академическую анкету); ф. 3, оп. 10-б, д. 1—154 (ответы на кадетскую анкету). — Количество уездов подсчитано по: Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 93—102.

[64] Ответы не публиковались и хранятся: ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 113, д. 1651, ч. 1—7. — Текст анкеты опубликован: Миронов Б. Н. Статистическая обработка ответов на сенатскую анкету 1767 г..., с. 91—92.

[65] Ответы на анкету ВЭО частично опубликованы: Тр. ВЭО, 1765, ч. 1; 1766, ч. 2; 1767, ч. 7, 8; 1769, ч. 11, 13; 1773, ч. 23; 1774, ч. 26; 1790, ч. 40; 1791, ч. 43. — В ч. 1-й напечатан текст анкеты. Оригиналы ответов находятся: ЦГИА СССР, ф. 91 (ВЭО), оп. 1, д. 381, 401. — В 1930-х гг. Археографическая комиссия готовила публикацию ответов на хозяйственные анкеты, но, к сожалению, работа не была завершена, и эти ценнейшие источники по социально-экономической истории России 1760-х гг. так и

Таким образом, хозяйственные анкеты 1760-х гг. в совокупности содержат сведения о ярмарочной, базарной и лавочной (стационарной) торговле в 75% уездов, а о торговле сельскохозяйственными товарами — во всех уездах тогдашней России.

Массовые сведения о внутренней торговле в стране за 1770-е гг. также были собраны анкетным способом. Это, во-первых, поступившие в Коммерц-коллегию по запросу ее президента А. Р. Воронцова в 1774—1781 гг. ответы на анкету (в дальнейшем будем называть ее анкетой Коммерц-коллегии) «ведомости присутственных мест о числе купечества в разных городах, о ярмарках и о прочем, относящемся до торговли»,[66] и, во-вторых, присланные в Комиссию, учрежденную при Академии наук для составления географического описания России, ответы на специальную анкету, составленную в 1778 г. К. Ф. Германом (в дальнейшем будем называть ее анкетой Германа), в которой был специальный вопрос о торгах и ярмарках.[67] Материалы 1770-х гг. несколько уступают по полноте и широте охвата ответам на хозяйственные анкеты 1760-х гг., но особая ценность этих материалов состоит в том, что они освещают состояние торговли именно в тех губерниях, которые не были в достаточной мере охвачены кадетской и академической анкетами 1760-х гг.: в Рижской, Ревельской, Выборгской, Псковской, Черниговской, Харьковской, Могилевской, Полоцкой, Новгородской и Оренбургской. Благодаря этому материалы 1760-х и 1770-х гг., дополняя друг друга, создают реальную возможность получить общую картину состояния внутреннего рынка России в 1760—1770-е гг.

В 1779 г. по инициативе генерал-прокурора А. А. Вяземского губернаторам была разослана еще одна анкета с шестью вопросами, касающимися исключительно ярмарочной торговли (в дальнейшем будем называть ее ярмарочной анкетой): «1. В каких именно местах в вашей губернии есть ярмонки. 2. В какое время оные бывают и сколько продолжаются. 3. Откуда свозятся продаваемые на тех ярмонках товары. 4. В чем главнейшие товары состоят и куда большею частью по распродаже развозятся. 5. Разделяются ли те ярмонки на большие, средние и малые относительно количества и цены товаров. 6. По каким дорогам и из каких мест, какого сорта товары на ярмонки привозятся и откуда какими дорогами развозятся от покупщиков». Ответы на анкету поступили из всех наместничеств и губерний, исключая Пермскую, в сравнительно короткий срок — в течение 1780 г. (лишь два губернатора задержали присылку сведений до 1781 г.). Поступившие материалы были рассмотрены на специальном заседании Комиссии о коммерции и пошлинах, которая представила

остались неопубликованными. Подготовленные материалы хранятся: Архив ЛОИИ СССР АН СССР (в дальнейшем — архив ЛОИИ), ф. 276, оп. 1, д. 18, 64.

[66] ЦГАДА, ф. 276 (Коммерц-коллегия), оп. 1, д. 1710, 1711, 1712.

[67] Там же, д. 1714; ЛО ААН, ф. 27 (К. Ф. Герман), оп. 1, д. 116.

после заседания 7 июля 1781 г. Екатерине II доклад о состоянии ярмарочной торговли в России.[68] Ответы на ярмарочную анкету дают наиболее полное представление о ярмарках России второй половины XVIII в.

Последнее двадцатилетие XVIII в. тоже удовлетворительно обеспечено источниками. Массовые сведения о внутреннем рынке содержатся в Топографических описаниях губерний. Описания, имеющиеся по большинству губерний (отсутствуют лишь по Екатеринославской, Эстляндской губерниям и Земле Войска донского), выполнены по специальным, весьма обширным программам, составленным в 1778[69] и в 1790 гг.[70] Большая часть описаний не опубликована и хранится в разных архивах СССР.[71] Во всех Топографических описаниях уделено значительное место ярмаркам, базарам, лавочной торговле, купечеству. Достоинства этого источника почти те же, что и хозяйственных и ярмарочной анкет. Топографические описания составлены примерно единовременно — преимущественно в 1780-е гг., по единой программе, обусловившей единообразие их структуры и содержания, что в значительной степени облегчает их обработку и генерализацию, т. е. сведение всех данных в единую общероссийскую картину. Они исходят от компетентных лиц — главным образом от губернских и уездных землемеров, хорошо знавших хозяйственную жизнь на местах и к тому же располагавших специальной документацией.[72]

---

[68] ЦГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, д. 370, 370-б (сведения о ярмарках, полученные от губернаторов). — Неполная копия с этого дела имеется в Архиве ЛОИИ: ф. 36 (Воронцовых), оп. 1, д. 575. — Частично материалы о ярмарках опубликованы: Академические известия, 1781, ч. VII, VIII.

[69] Начертание общего топографического и физического описания Российской империи, предпринятое имп. С.-Петербургской Академией наук. СПб., 1778; Начертание описания российских губерний. СПб., 1778.

[70] Начертание ко всеобщей задаче и награждению тех сочинителей, кои хозяйственные описания частных российских наместничеств ВЭО сообщать будут. СПб., 1790.

[71] Кроме изданных описаний отдельных губерний, опубликованы сборники описаний: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. Под ред. Н. Я. Озерецковского. Т. 1—10. СПб., 1785—1793; Тр. ВЭО, 1790, ч. 40; 1792, ч. 46; 1804, ч. 56; 1805, ч. 57. — Сводку неопубликованных Топографических описаний см.: Кабузан В. М. Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII—начала XIX в. (по фондам центральных государственных архивов и библиотек Москвы и Ленинграда). — В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. XI. М., 1963, с. 153—195.

[72] Характеристику Топографических описаний как исторического источника см.: Рубинштейн Н. Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятники географического и экономического изучения России. — Вопросы географии, 1953, т. 31, с. 39—89. — Здесь содержится и указатель выявленных автором описаний. См. также: Дитмар А. Б. О топографических описаниях Ярославского края конца XVIII века. — Уч. зап. Ярославского пед. ин-та, 1968, вып. 71, с. 129—142; Колесников П. А. Камеральные описания — источники по истории государственных крестьян Европейского Севера России конца XVIII—на-

Сходны по содержанию с Топографическими описаниями и многочисленные другие экономические описания губерний, созданные под влиянием первых в порядке частной инициативы или специально по заданию ВЭО и Академии наук, а также Экономические примечания к Генеральному межеванию, составление которых землемерами началось в 1780-е гг. и закончилось в XIX в. (только 23 губернии были обмежованы в течение XVIII в.). Разновременность межевания в отдельных губерниях затрудняет сопоставление их данных, а отсутствие обобщенных сведений по отдельным вопросам, в том числе о торговле (Экономические примечания содержат поуездные описания отдельных сельских «дач» и только по городам дают некоторые сводные характеристики), чрезвычайно затрудняет их обработку.[73]

Результаты анкетных опросов и хозяйственные описания губерний, в том числе рукописные, а также материалы официального делопроизводства послужили источником сведений для составления во второй половине XVIII в. двух географических словарей и словаря ярмарок.

Географические словари, составленные Ф. А. Полуниным,[74] Л. М. Максимовичем[75] и А. М. Щекатовым,[76] содержат много ценной систематизированной информации о торговле в большинстве населенных пунктов империи, почерпнутой главным образом из ответов на анкеты и из Топографических описаний губер-

---

чала XIX века. — В кн.: Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. 6. Вологда, 1978, с. 91—97; Шаркова И. С. Материалы по истории Севера в собрании Воронцовых архива ЛОИИ СССР АН СССР. — Там же, с. 128—134; Эммаусский А. В. Топографические и исторические описания Витского наместничества в 80—90-х гг. XVIII в. — В кн.: Проблемы источниковедения. Т. 7. М., 1959, с. 204—215; Петухова Е. И. Анкетное обследование Вольного экономического общества, с. 187—218; Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 18—19.

[73] Характеристику данного исторического источника см.: Милов Л. В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М., 1965, с. 9—159. — Вследствие неполноты и разновременности создания Экономических примечаний они использовались нами частично, преимущественно для проверки достоверности и полноты сведений других источников, а также в спорных случаях, когда в разных источниках по одним и тем же вопросам содержались противоречивые сведения. См.: ЦГИА СССР, ф. 1350 (Межевой департамент Сената), оп. 412, д. 48—51 (Витебская губерния); д. 52—61 (Владимирская); д. 62—73 (Волынская); д. 74—88 (Курская); д. 89—90 (Минская); д. 91—97 (Могилевская); д. 98—109 (Московская); д. 110—119 (Нижегородская); д. 120 (Пермская); д. 121—130 (Петербургская); д. 131—139 (Рязанская); д. 140—151 (Смоленская); д. 152—163 (Тамбовская); д. 164—175 (Тверская); д. 176—187 (Тульская); д. 188—189 (Ярославская губерния).

[74] Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства, или Словарь. Ч. 1—6. СПб., 1773.

[75] Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон... Ч. 1—6. М., 1788—1789.

[76] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. I—VII. М., 1801—1809.

ний, представляют важный свод сведений и поэтому использовались в настоящем исследовании.[77]

Специальный словарь ярмарок был составлен М. Д. Чулковым и в течение 1788—1789 гг. публиковался трижды: отдельной книгой, в составе «Географического словаря» Максимовича (ч. 1, 4) и в «Историческом описании российской коммерции» (т. VI, кн. IV. М., 1788). Как показал источниковедческий анализ, М. Д. Чулков составил свой словарь на основе материалов трех анкет — академической, кадетской, Коммерц-коллегии, — дополненных в незначительной степени другими материалами из фонда Коммерц-коллегии. В словаре имеются прямые заимствования сведений из ответов на анкеты. Например, в характеристике торговли Устюжны Железнопольской в словаре М. Д. Чулкова почти дословно повторяется ответ на кадетскую анкету, хотя к моменту издания словаря состояние торговли в городе изменилось.[78]

«Здесь бывает торг в неделю один раз в субботу, и привозятся более в зимнее время из уездов Устюжского, Новгородского, Бежицкого, Ярославского, Белозерского уездными обыватели всякой усыпной и молотый хлеб, лен, холст и сукны, овчины, съестные припасы и прочие потребности».

(Чулков)

«Торг бывает в неделе в один день в субботу, на те дни более в зимнее время привозятся из уездов из Устюжского, Новгородского, Бежицкого, Ярославского, Белозерского уездными обывателями всякой рассыпной и молотый хлеб, рожь, пшеница, ячмень, овес, греча, семя льняное и конопляное, лен и толстый холст, сукна, овечьи овчины и съестные припасы и скотские корма, также посуда деревянная, донцаны, ведра и глиняные горшки и прочие потребности, а знатных товаров в продаже не бывает».

(Кадетская анкета)

В словаре М. Д. Чулкова ярмарки идут по алфавиту населенных пунктов, однако в ряде случаев принятый порядок нарушается: вслед за уездным городом сообщаются сведения о ярмарках в селах уезда, как это было принято в хозяйственных анкетах, причем последовательность перечисления пунктов и орфография написания их названий, которая в XVIII в. еще не устоялась, те же, что и в анкетах. Так, например, получилось с Волоколамском,[79] Угличем[80] и рядом других городов, сведения о которых

[77] Характеристику словарей см.: Берг Л. С. Очерк истории русской географической науки. Л., 1929, с. 21—27; Бодянский М. С. Первый русский географический словарь. — Землеведение, 1927, т. 29, вып. 3—4; Илизаров С. С. История создания и публикации первого русского географического словаря. — В кн.: Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978, с. 90—97; Кауфман И. М. Географические словари. М., 1964; Милов Л. В. К истории создания «Географического словаря» Афанасия Щекатова. — В кн.: Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970, с. 166—183.

[78] ЛО ААН, ф. 3, оп. 10-б, д. 20, л. 2; Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, с. 205.

[79] ЛО ААН, ф. 3, оп. 10-б, д. 51, л. 3; Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, с. 34—35.

[80] ЛО ААН, ф. 3, оп. 10-б, д. 101, л. 8; Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, с. 200—201.

автор заимствовал из хозяйственных анкет и буквально повторил их. В своем словаре Чулков использует разновременное административное деление. Так, в словаре встречается деление на провинции, наместничества и губернии, в то время как губернская реформа 1775 г. упразднила деление на провинции и ввела деление на наместничества и губернии. Ряд пунктов Чулков относит к тем уездам и губерниям, которые существовали либо в 1760-е гг., либо в 1770-е гг. Так, Верхний Ломов в словаре числится в Воронежской губернии, Хлынов — в Казанской, это соответствует административному делению 1760-х гг. Невель, Динабург и другие пункты, отошедшие к России в 1772 г., отнесены автором к Псковской губернии, в состав которой они входили всего лишь пять лет, до образования Полоцкого наместничества, а Хвалынск — к Саратовской губернии, образованной в начале 1780 г. Судя по административному делению, все сведения, используемые Чулковым, относятся ко времени от 1760 до 1780 г. Отсюда следует, что автор механически объединил сведения о ярмарках, содержавшиеся в кадетской, академической и коммерц-коллежской анкетах, и не использовал материалы генерал-прокурорской анкеты, поскольку они поступили в Сенат позже — в 1780—1781 гг.

В целом источниковедческий анализ приводит к выводу, что примерно на $^3/_4$ словарь ярмарок Чулкова состоит из материалов хозяйственных анкет 1760-х гг. и на $^1/_4$ из материалов анкеты Коммерц-коллегии. К материалам последней анкеты автор обратился для того, чтобы заполнить лакуны в сведениях хозяйственных анкет, поскольку они охватили около 75% территории России. В результате словарь ярмарок Чулкова отражает состояние ярмарочной сети России преимущественно на 1760—1770-е гг. Следует подчеркнуть, что в словаре Чулкова есть указания на ярмарки, сведения о которых не встречаются в известных нам материалах XVIII в., но зато мы их находим в материалах XIX в. Это можно объяснить тем, что часть анкет XVIII в. к настоящему времени была утрачена либо Чулков пользовался источниками, не дошедшими до нас или не обнаруженными нами. В пользу первого предположения говорит, например, тот факт, что среди опубликованных материалов академической анкеты есть ответ из г. Торопца,[81] а среди сохранившихся архивных источников ответ не обнаружен. Из всего вышеизложенного следует, что данными словаря Чулкова нужно пользоваться, учитывая разнородный характер материалов, лежащих в его основе; поэтому при обращении к материалам словаря проводилось тщательное сопоставление этих материалов с данными других источников.

Важным подспорьем в работе над монографией служила также обширная экономическая литература и периодика второй половины XVIII в., материалы Комиссии о коммерции и о пошли-

---

[81] Бакмейстер Л. И. Топографические известия..., т. I, ч. 4, с. 388.

нах,[82] Коммерц-коллегии[83] и Комиссии о хлебе 1787—1788 гг.[84]

Во второй половине XVIII в. ни центральная, ни местная администрация Российской империи не собирали систематически сведений о внутренней торговле. Все ценнейшие комплексы источников о внутренней торговле, которые сохранились от второй половины XVIII в., обязаны своим происхождением инициативе либо отдельных лиц — академиков М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, К. Ф. Германа, либо отдельных представителей государственной администрации — А. Р. Воронцова, А. А. Вяземского, Екатерины II. Сбор сведений не носил систематического характера.

В начале XIX в. с утверждением министерств положение стало постепенно изменяться. В Департамент министра коммерции при Коммерц-коллегии по специальному распоряжению министра в течение 1806—1810 гг. поступали сведения о торговле на четырех ярмарках: Ирбитской, Макарьевской, Коренной и Бердичевской.[85] Новый Департамент мануфактур и внутренней торговли, заменивший Департамент министра коммерции, стал собирать сведения также и о Харьковской и Роменской ярмарках.[86] Так продолжалось до 1816 г., вследствие чего ни одно центральное учреждение не располагало сколько-нибудь полными сведениями о состоянии внутренней торговли в стране за предшествовавший период.

Даже в периодической печати первых десятилетий XIX в. можно найти значительно больше данных о ходе внутренней торговли, чем в громадных фондах центральных правительственных учреждений. Эти сведения поступали с мест от частных лиц. Так, газеты «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости» (издавались в 1802—1811 гг.) и «Северная почта» (издавалась в 1809—1819 гг.) почти в каждом номере помещали сведения своих корреспондентов о ходе внутренней торговли на крупнейших ярмарках и в торговых центрах страны.[87]

После пожара 1816 г. на Макарьевской ярмарке, уничтожившего все торговые помещения, Александр I распорядился составить новые правила и новые планы строительства селений, в особенности тех, где бывают ярмарки, и приказал министру внутренних дел представить ему ведомость о важнейших в России

[82] ЦГАДА, ф. 397, д. 368—370.

[83] Там же, ф. 276, д. 1623, 1704—1707, 1709—1712, 1714, 1715, 1731; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 543—549.

[84] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 410, 411, 412.

[85] ЦГИА СССР, ф. 13 (Департамент министра коммерции), оп. 1, д. 235, 334, 376, 422, 456.

[86] Hermann C. T. Données statistiques sur les principales foires de la Russie. — Memoires de l'Academie imperiale des sciences de St.-Petersburg. 1818, t. 6, p. 685—711.

[87] См., например: Северная почта, 1812, № 47, 49, 71 (в Санкт-Петербурге), № 91 (в Архангельске), № 42 (в Ирбите), № 35 (в Бердичеве), № 14 (в Харькове), № 48, 49 (в Рыбинске), № 56 (в Курске, Москве и Смоленске), № 64 (в Перми), № 85 (в Казани), № 31, 52 (в Тобольске) и т. д.

ярмарках. В Министерстве внутренних дел (МВД), как и во всех других центральных учреждениях, требуемых сведений не оказалось.[88] В срочном порядке МВД предписало гражданским губернаторам в кратчайший срок прислать ведомости о ярмарках. На местах данные о внутренней торговле не собирались, и поэтому губернаторы смогли представить в 1818—1819 гг. требуемые сведения только за 1817 г. Лишь в 1819 г. на основе полученных данных, наконец, была составлена для императора Ведомость о важнейших в России ярмарках, в которую вошли 64 ярмарки с оборотом от 500 тыс. руб. до 3 млн. руб.[89]

Одновременно с распоряжением прислать сведения о ярмарках 1817 г. МВД приказало губернаторам ежегодно доставлять данные о крупных ярмарках с оборотом свыше 2 млн. руб. Так было положено начало систематическому сбору сведений о ярмарочной торговле. Базарная же и стационарная торговля по-прежнему не привлекали внимание центральных учреждений.

Тщательное знакомство с фондом Хозяйственного департамента МВД и Департамента мануфактур и внутренней торговли (в 1811—1819 гг. он числился в составе МВД, в 1819 г. был передан в ведение Министерства финансов) приводит к выводу о том, что после 1817 г. сведения о ярмарках стали собираться регулярно, хотя к настоящему времени они полностью не сохранились.

18 ноября 1831 г. МВД отдало распоряжение губернаторам о присылке ежегодно ведомостей обо всех ярмарках. А через несколько месяцев последовало новое распоряжение губернаторам: «Имея ныне надобность привести в точную известность все без исключения ярмонки и производящиеся на них торговые обороты: собрать немедленно нужные сведения, доставить в Хозяйственный департамент единовременно по прилагаемой форме ведомости: 1) о ярмарках, бывших в нынешнем 1832 г., прислать сведения за сей год, а о тех, которые еще будут, сведения за прошлый год; 2) в ведомости включить все ярмонки, кроме малых торгов, бывающих в некоторых селениях каждонедельно или во время храмовых праздников, где продаются большей частью лишь съестные припасы и мелочные для крестьянского быту вещи». Сведения требовалось доставить по форме: 1) название населенного пункта; 2) время ярмарки; 3) какие товары «в привозе»; 4) примерная сумма привоза; 5) примерная сумма продажи; 6) примерное стечение народа.[90]

Министр внутренних дел решил отличиться и представить императору напечатанный словарь ярмарок уже в 1832 г. В проспекте такого словаря указывалось, что, кроме списка ярмарок,

---

[88] ЦГИА СССР, ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД), оп. 5, д. 37, л. 10.

[89] Там же, л. 82—111, 117—128. — Ведомость неоднократно копировалась и поэтому имеется в фондах других учреждений.

[90] Там же, д. 251, л. 4—5.

в издании будут даны указатели, а также предисловие с короткими историческими сведениями о ярмарках и заключение со статистическими выводами о современной ярмарочной торговле.[91] Технические трудности при печатании и задержка с присылкой сведений из некоторых отдаленных губерний замедлили издание словаря, и он вышел только в 1834 г. в количестве 600 экземпляров, без предполагавшихся предисловия и заключения.[92]

Изданный в 1834 г. словарь ярмарок выгодно отличается от словаря Чулкова прежде всего тем, что сведения в нем единовременные, за 1831—1832 гг.; благодаря этому словарь отражает состояние ярмарочной торговли на 1832 г. Однако спешка с изданием и предписание губернаторам не представлять данные о мелких ярмарках привели к тому, что в словарь не попали сведения более чем о тысяче ярмарок (см. об этом подробнее ниже).

С 1833 г. Хозяйственный департамент МВД начал систематический сбор сведений обо всех или во всяком случае о большинстве ярмарок России по приведенной выше форме. Одновременно с ним стал собирать аналогичные сведения Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов.[93] В фондах этих учреждений частично сохранились поступившие с мест сведения о ярмарочной торговле за 1833—1863 гг.[94]

Кроме сведений о ходе торговли на ярмарках, в Хозяйственный департамент из губерний стали ежегодно поступать данные о вновь утвержденных местным губернским начальством ярмарках и базарах[95] (так появились систематические официальные сведения о базарной торговле), а в Департамент мануфактур и внутренней торговли — ведомости о купцах, предметах их торговли и размерах ее, о наложенных на купцов повинностях[96] (в результате появились систематические официальные сведения о стационарной торговле, а также и о купечестве).

Сведения о крупных ярмарках и об учреждении новых ярмарок и базаров, собираемые Хозяйственным департаментом,

---

[91] Там же, д. 291, л. 4.

[92] Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834.

[93] ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 4, д. 381, Об установлении отчетности для вице-губернаторов в ходе торговли на ярмарках, л. 1—12.

[94] Там же, д. 17 (1834 г.), 513 (1835 г.), 744 (1852 г.), 793 (1856 г.), 827 (1857 г.), 851 (1858 г.), 923 (1862 г.); ф. 1287, оп. 5, д. 249—253 (1832—1833 гг.), 254—279 (1832 г.). — См. сведения по отдельным губерниям: д. 289 (1836 г.), 325—300 (1833 г.); 418—488 (1835—1836 гг.), 522—577 (1837 г.), 591—604 (1838 г.), 649—684 (1841 г.); оп. 6, д. 177—178 (1845 г.), 455 (1848 г.), 480—481 (1849 г.), 558 (1849 г.), 721 (1850 г.), 885 (1853 г.), 1099 (1856 г.), 1348 (1858 г.), 1460 (1858 г.), 1570 (1860 г.), 1667 (1861 г.).

[95] Там же, ф. 1287, оп. 5, д. 159 (1845 г.), 253 (1846 г.), 367 (1847 г.), 437 (1848 г.), 540 (1849 г.), 715 (1850 г.), 768 (1851 г.), 813 (1852 г.), 875 (1853 г.), 937 (1854 г.), 1093 (1856 г.), 1200 (1857 г.), 1338 (1858 г.), 1451 (1859 г.), 1566 (1860 г.); оп. 6, д. 1572 (1861 г.).

[96] Там же, ф. 18, оп. 4, д. 226 (1822 г.), 457 (1832 г.), 588—589 (1838 г.), 601 (1839 г.), 796 (1856 г.).

с 1836 г. нередко включались в сокращенном виде в ежегодные отчеты министра внутренних дел,[97] а сведения о торговле, поступавшие в Департамент мануфактур и внутренней торговли, — с 1826 г. в ежегодные отчеты Департамента.[98] Эти отчеты, сохранившиеся почти за все годы, отчасти компенсируют утрату данных губернских правлений за некоторые годы.

Заслуживает упоминания находящееся в фонде Хозяйственного департамента МВД дело «О торгах, существующих без установленного разрешения».[99] В 1865 г. Департамент решил выявить ярмарки и базары, которые не имели официального разрешения на существование. Торгующие на них по существовавшему законодательству не освобождались от платежа пошлины (как это имело место на действующих по официальному разрешению торгах). Поскольку большинство ярмарок и базаров существовало с давних дней (о чем и свидетельств не сохранилось), то выявить незаконные торжища не удалось. Тогда МВД распорядилось, чтобы губернские правления составили списки всех существующих ярмарок и базаров. Требуемые списки были представлены в МВД главным образом в течение 1867 г. (отдельные губернии доставили сведения только в 1871 г., одна губерния — к 1876 г.), утверждены МВД, Сенатом и императором и опубликованы в Губернских ведомостях. Все вновь возникавшие без официального разрешения ярмарки и базары стали считаться незаконными. Ценность данного источника в том, что он дает возможность получить общую картину состояния базарной торговли в 1860-е гг.

При наличии пропусков в сведениях о внутренней торговле, собиравшихся центральными учреждениями, существенным подспорьем оказываются отчеты губернаторов о состоянии губерний первой половины XIX в., которые в большинстве своем сохранились за 1802—1861 гг. Однако сведения о торговле, преимущественно о ярмарках, появляются в некоторых отчетах только с 1837 г., и лишь с 1842 г. к каждому отчету стала прилагаться ведомость о ярмарочной торговле в губернии за отчетный год с данными о числе ярмарок, об их продолжительности, оборотах, иногда о числе купцов, принимавших участие в ярмарках, и об их капиталах.[100]

---

[97] Там же, ф. 1284 (Департамент общих дел МВД), Отчеты министра внутренних дел за 1836—1860 гг. — Значительная часть отчетов опубликована в «Журнале МВД» за соответствующие годы и отдельными изданиями: Извлечения из отчетов МВД за 1835, 1836, 1837, 1838, 1840, 1842, 1855 гг.

[98] ЦГИА СССР, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1826—1863 гг. — Подробную характеристику данного источника см.: Яцунский В. К. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи как исторический источник. — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, с. 187—209.

[99] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 2036—2038.

[100] Отчеты губернаторов за 1802—1861 гг. хранятся: ЦГИА СССР, ф. 1281 (Совет министра внутренних дел). — В архиве имеется специаль-

В личном фонде видного чиновника МВД Н. А. Милютина сохранился ряд дел о внутренней торговле со сводными сведениями о численности российского купечества за 1829—1853 гг., составленными на основе донесений губернаторов.[101] Но особую ценность представляет подготовленный в 1849 г. под руководством Милютина по сведениям, доставленным губернскими статистическими комитетами, «Статистический атлас Европейской России», до сих пор полностью не изданный, в котором среди прочего содержатся сводные данные по всем губерниям Европейской России (кроме Земли Войска донского) за 1849 г. о ярмарочной торговле, о численности купечества по гильдиям и объявленном ими капитале, а также соответствующие карты, в том числе карта важнейших ярмарок и оборотов ярмарочной торговли по губерниям.[102]

Наконец, из архивных источников отметим комплекс дел о внутренней торговле для подготовлявшегося в 1840—1850-е гг. Русским географическим обществом «Обозрения главных отраслей внутренней торговли России». Это издание готовил специальный комитет, учрежденный в 1848 г. при отделении статистики РГО в составе К. И. Арсеньева, А. К. Мейендорфа, Н. А. Милютина, Г. П. Неболсина и В. С. Порошина.[103] Комитет опубликовал программу издания и через печать призвал всех желающих принять участие в этом труде. В РГО в течение 1840—1850 гг. из губерний поступило значительное количество весьма полезных материалов, большинство которых хранится до сих пор в архиве РГО, только не в одном фонде, а в соответствии с особой организацией хранения материалов в этом архиве в фондах отдельных губерний. Ряд дел архива попал в личные фонды членов комитета.[104] Исследование не удалось подготовить — слишком широко была задумана его программа, а надлежащих сведений и исполнителей не оказалось. Однако некоторые из поступивших материалов публиковались в трудах Русского географического об-

---

ная опись всех губернаторских отчетов. Подробную характеристику данного источника см.: Дитлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник. — В кн.: Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда 1964 г. Л., 1964, с. 227—246; Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804—1861 гг.). — В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. IX. М., 1961, с. 24—55; Нифонтов А. С. Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М., 1974, с. 6—49; Литвак Б. Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 125—144.

[101] ЦГИА СССР, ф. 869 (Милютиных), оп. 1, д. 160, 165.

[102] Там же, д. 789, 790, 786. — Характеристику атласа см.: Яцунский В. К. Неопубликованный статистический атлас МВД 1850 г., составленный Н. А. Милютиным. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 17. М., 1950, с. 219—226.

[103] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 1—3.

[104] В фонды Милютиных и Неболсиных (ф. 1001) в ЦГИА СССР.

щества и в других изданиях, использовались членами комитета в их работах.

Первая половина XIX в. богата специальной литературой о торговле, статистическими сборниками, периодикой, общими трудами по экономике, в которых торговле уделено заметное место. Отметим важнейшие труды, использованные при подготовке данной монографии. Сведения о состоянии ярмарочной, базарной и частично стационарной торговли преимущественно за 1840-е гг. в 52 губерниях России (без Польши, Финляндии и Кавказа) содержатся в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», изданном Генеральным штабом.[105] Имеющиеся в этом издании данные для 25 губерний дополняются «Материалами для географии и статистики России, собранными офицерами Генерального штаба» и относящимися в основном к 1850—началу 1860-х гг.[106] Сведения о ярмарках в 41 губернии за 1850—1860-е гг. имеются также в «Списках населенных мест Российской империи».[107] В пореформенное время МВД издало данные — самые полные из всех имеющихся — о ярмарочной и базарной сети в сельской местности на конец 1870-х гг.[108] и о торговле в городах Европейской России на 1861—1862 гг.,[109] в Сибири — на 1876 г.[110]

Кроме указанных выше изданий, существует ряд статистических сборников о состоянии городских поселений в 1820—1850-е гг., где уделено место и стационарной торговле, которая до 1861 г. сосредоточивалась преимущественно в городах.[111] Наконец, отметим еще четыре издания. В первом[112] из них содержатся наиболее полное описание состояния российской торговли и масса статистических сведений по всем отраслям народного хо-

---

[105] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1—17. СПб., 1848—1858.

[106] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 1—25. СПб., 1859—1868.

[107] Списки населенных мест Российской империи. Вып. 1—3, 6—7, 9—10, 12—15, 18, 20, 24, 25, 27—31, 33—48, 50—51, 60—62. СПб., 1861—1885. — Издание не завершено.

[108] Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1—8. СПб., 1880—1886.

[109] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1—2. СПб., 1863.

[110] Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882.

[111] Штер М. П. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год. СПб., 1829; Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 году. СПб., 1834; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840, 1852; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского. СПб., 1842. — Источниковедческий анализ этих материалов см.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 101—106; Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 35—36.

[112] Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871, с. 527—760.

зайстна на 1860-е гг., во втором [113] — данные о ярмарочной торговле по губерниям в 1863 г., в третьем и четвертом [114] — статистические сведения по экономике на 1850—1860-е гг. Таковы основные источники, использованные в монографии для исследования внутреннего российского рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в.

Источники 1750—1850-х гг. содержат информацию по следующим аспектам внутреннего рынка: численность и характеристика пунктов с правильно организованной торговлей; число ярмарок, базаров, стационарных торговых заведений (лавок, магазинов и т. п.); время и продолжительность работы ярмарок, базаров, лавок; коммерческие обороты периодической и отчасти стационарной торговли; количество и социальное положение продавцов и покупателей; товары, обращающиеся в ярмарочной, базарной и стационарной торговле; количество и происхождение товаров, обращающихся в разных видах торговли; торговые связи между местными рынками.

В течение исследуемого периода все указанные аспекты внутреннего рынка просматриваются в источниках, т. е. последние являются однородными в отношении содержащейся в них информации, что позволяет проследить развитие российского внутреннего рынка (по этим аспектам) за более чем столетний период времени. Но реализация этой возможности неразрывно связана с представительностью, достоверностью и сопоставимостью данных. Поэтому рассмотрим выявленные источники с этой точки зрения.

Представительность источников. В ходе краткой характеристики источников было показано, что они, как правило, охватывают всю или бо́льшую часть территории страны. В тех случаях, когда один источник освещает состояние внутреннего рынка на части территории, его сведения дополняются другими источниками. Так, по XVIII в. данные академической и кадетской анкет, охвативших 75% уездов, дополняются сведениями анкеты Коммерц-коллегии и словарей Полунина и Чулкова; данные анкеты ВЭО, охватившей треть провинций, — сведениями сенатской анкеты; данные анкеты генерал-прокурора — сведениями Топографических описаний, словаря Щекатова и Экономических примечаний к Генеральному межеванию. По XIX в. пробелы в словаре ярмарок 1834 г. дополняются данными Губернских ведомостей и отчетов губернаторов 1830-х гг., пропуски в списках населенных мест — описаниями губерний, выполненных офицерами Генерального штаба. Отсюда ясно видна компенсирующая функция разных групп источников. Благодаря этому в своей со-

[113] Статистический временник Российской империи. Вып. I. СПб., 1866, отд. 2, с. 158—180.

[114] Статистические таблицы Российской империи. Вып. 1—2. СПб., 1858, 1863; Семенов П. П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 1—5. СПб., 1863—1885.

вокупности имеющиеся в нашем распоряжении источники дают весьма полную картину состояния российского внутреннего рынка на отдельные хронологические промежутки: 1750-е, 1760-е, 1770-е, 1780-е, 1790-е, 1820-е, 1830-е, 1840-е, 1850-е гг.

Для решения вопроса о полноте источников необходимо знать степень освещения ими состояния внутреннего рынка в отдельных уездах, губерниях, районах. Сравнение данных, содержащихся в однородных по своему характеру источниках на одни и те же смежные годы, позволяет ответить и на этот вопрос. Как показало проведенное сравнение, любая группа источников имеет некоторые пробелы, но они восполняются сведениями из других, смежных по времени создания источников. Рассмотрим, например, как был составлен нами список имевшихся в России на конец XVIII в. ярмарок, включающий 4044 ярмарки. Сведения о 2247 ярмарках (это 55.6% их общей численности) выявлены по ярмарочной анкете, еще о 1031 ярмарке — в Топографических описаниях (25.4%), о 668 ярмарках (17%) — в словаре Чулкова, и совсем небольшое число ярмарок обнаружено при обращении к словарю Щекатова (55 ярмарок, 1.4%) и в академических и кадетских анкетах (23 ярмарки, 0.6% их общей численности). Причем следует иметь в виду, что приведенные цифры отразили сведения о тех ярмарках, которые упоминаются только в одном из перечисленных источников, в значительной же части сведения о большинстве ярмарок фигурируют в нескольких источниках (что является дополнительным аргументом в пользу представительности выявленных данных). В академических и кадетских анкетах, помимо тех 23 ярмарок, о которых другие источники сведений не давали, имеются данные еще о 457 ярмарках, и все они содержатся в других упоминавшихся источниках. Подобным же образом дело обстоит со всеми источниками, на основании которых был составлен суммарный список в 4044 ярмарки.

В ходе сравнительного анализа источников выявилось, что чем ближе они были друг к другу по времени своего создания, тем меньше в каждом последующем источнике содержалось свежей, дополнительной по сравнению с предшествующим источником информации. Это хорошо видно из нижеследующих данных (в процентах):

Сравниваемые источники	Повторяющиеся сведения	Неповторяющиеся сведения
Анкеты 1760-х и 1770-х гг.	98	2
Ярмарочная анкета 1779 г. и Топографические описания 1780—1790-х гг.	74	26
Топографические описания и словарь Щекатова	98	2

Появление в более поздних по происхождению источниках новых данных о ярмарках, как показал конкретный анализ этих данных, в большей части объясняется не тем, что в более ран-

них источниках оказались пропущенными какие-то сведения, а в основном теми изменениями, которые постоянно происходили в составе торговой сети: отдельные ярмарки и другие торговые точки прекращали свое существование, и с каждым годом появлялось значительно большее число новых.

Оказалось также, что вклад того или иного источника в общую совокупность сведений о рынке по разным губерниям различен. Например, во Владимирской губернии Топографическое описание содержало 71% новой (сравнительно с предшествующими источниками) информации о ярмарках, а по Иркутской губернии ее вовсе не было. То же наблюдаем в источниках XIX в. Список ярмарок 1834 г. содержал сведения о 3608 ярмарках, в то время как по сведениям всех выявленных источников в начале 1830-х гг. их действовало 4969, т. е. на 27,4% больше, чем указано в этом списке. Тот же список по Костромской губернии давал данные о 37 ярмарках, более позднее описание (1862 г.) губернии указывало на существование в 1857 г. 50 ярмарок, но 4 ярмарки из действовавших уже в 1834 г. в описание 1857 г. не вошли, как не попали туда еще 47 ярмарок, выявленных нами по другим источникам.[115] Описание Курляндской губернии 1862 г. показало наличие на 1857 г. 24 ярмарок, по всем источникам их насчитывалось на этот год 31[116] и т. д.

С аналогичным положением сталкиваемся и в отношении других аспектов внутреннего рынка. Сведения о базарной торговле по анкете Германа 1778 г. иногда имеют пробелы сравнительно с данными хозяйственных анкет 1760-х гг., а более поздние Топографические описания губерний 1780-х гг. в некоторых случаях уступают с точки зрения полноты анкете Германа. Описания губерний, выполненные офицерами Генерального штаба, наиболее полно освещают состояние торговли в середине XIX в., но и самый скудный источник по торговле этого времени — Списки населенных мест губерний — иногда содержит информацию, отсутствующую в других источниках. Так, автор описания Смоленской губернии отделывается общими словами о состоянии базарной торговли в губернии, а в Списке населенных мест этой губернии содержатся сведения о базарах в городах и в уездах.[117] Номенклатура товаров, обращавшихся в разных сферах торговли и в различных пунктах, тоже отличалась по сведениям разных источников. Выше была приведена характеристика товаров, бывавших на рынке Устюжны Железнопольской по кадетской

---

[115] Список существующих в Российской империи ярмарок, с. 144—149; Кржижановецкий Я. Костромская губерния. СПб., 1862, с. 420—423.

[116] Орановский А. Курляндская губерния. СПб., 1862, с. 323.

[117] Щебриков М. Смоленская губерния. СПб., 1862, с. 248; Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868, с. 1—3 и др. — Последнее издание в отношении базаров по своей полноте превосходит даже капитальное исследование Я. Соловьева «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» (М., 1855, с. 428—430).

анкете и по словарю Чулкова. По данным последнего источника, несмотря на более позднее его происхождение, номенклатура товаров оказалась беднее. Словарь ничего не искажает, но в нем была опущена часть информации.

Следует иметь в виду, что известное несовпадение сведений разных источников обусловливалось также и тем, что каждый из них характеризовал состояние рынка на один какой-то момент. Так, согласно генерал-прокурорской анкете, в г. Киржаче Владимирской губернии в 1780 г. действовали 5 однодневных ярмарок, по сведениям Топографического описания 1784 г., эти ярмарки продолжались по 2 дня, а по данным 1861—1862 гг., — по 3 дня (кроме одной).[118] Очевидно, здесь сталкиваемся не с противоречиями в источниках, а с развитием ярмарок, с удлинением их сроков. Другой пример. Имеются данные о купечестве, торговавшем на Ирбитской ярмарке с 1806 по 1810 г.[119] В 1806 г. купцы прибыли в Ирбит из 60 городов, в 1807 г. — из 58, в 1808 — из 61, в 1809 г. — из 57, в 1810 г. — из 63 городов. Состав городов каждый год изменялся, но не существенно: 86% городов постоянно были представлены на этой ярмарке. Значит ли это, что сведения за 1806 или 1810 гг. неполны или недостоверны? Сведения достоверны и, возможно, полны для вывода о торговых связях Ирбитской ярмарки каждого конкретного года, но недостаточны для вывода о всех торговых связях ярмарки.

С целью получения представительной картины состояния рынка в отдельные моменты оказалось необходимым провести для каждого выделенного в исследовании периода объединение данных нескольких смежных по времени своего создания источников. Так, были объединены показания анкет 1760—1770 гг. и географического словаря Полунина; данные анкеты генерал-прокурора, географических словарей Максимовича и Щекатова; списка ярмарок 1834 г. и отчетов губернаторов за 1830-е гг.; отчетов губернаторов за 1850—1860-е гг. с данными географического словаря Семенова, Списков населенных мест и описаний губерний офицерами Генерального штаба 1850—1860-х гг. Подобное объединение данных производилось во всех случаях путем однократного учета повторяющейся в источниках информации с отнесением итоговых результатов их обработки ко времени составления последнего в данном комплексе источника.

Изменчивость же и динамизм торговой жизни потребовали для воссоздания объективной картины состояния внутреннего рынка не только полного, но и последовательного (по времени

---

[118] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 270; Топографическое описание Владимирской губернии 1784 г. Владимир, 1906, с. 74; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1, Владимирская губерния, с. 59.

[119] ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 1, д. 235, л. 10—11; д. 376, л. 10—12, 22—23; д. 456, л. 14—15.

происхождения источников) учета данных, осуществления сравнительного анализа сведений, содержавшихся во всех выявленных источниках о внутреннем рынке (что, кстати говоря, позволило проследить историю каждой ярмарки и базара, торговой сети России за столетие — 1750—1850-е гг.). Для этого на каждый торговый пункт России, упоминавшийся в источниках, была заведена особая карточка, на которую последовательно от 1750-х к 1860-м гг. заносились данные о бываемых там ярмарках, базарах и торгах, о характере производившейся там торговли и ее изменении, о торговых связях пункта, об изменениях его названия, административной принадлежности и т. д. Эта работа завершилась итоговой идентификацией торговых пунктов и составлением их общего, сводного списка на отдельные хронологические моменты.[120] Только после этого проводились анализ записанной на карточках информации, ее генерализация и сведение в таблицы. Результаты подобной работы и послужили источниковой основой всего исследования.

Достоверность источников. С вопросом о представительности источников о российском внутреннем рынке связан и вопрос об оценке достоверности содержащихся в них данных. Значительная часть сведений о внутреннем рынке России второй половины XVIII в. получена анкетным способом, преимущественно путем опроса разного рода компетентных лиц. Об этом говорится в самих анкетах. «Стараться по всем вышеизображенным пунктам, — рекомендуется в сенатской анкете 1767 г., — в прибавке собственному своему знанию и от других обстоятельно и верно наведаться не инако ж, как только ласковыми и дружескими разговорами, разсуждениями, из их на то отзывов».[121] (Любопытно отметить, что в любом современном руководстве по социологическим опросам содержатся аналогичные советы). В анкете ВЭО рекомендуется о сведениях по вопросам торговли «лучше всего и подробно сведать от знающего русского купца».[122] Из ответов на анкеты также явствует, что местная администрация поступала в полном соответствии с рекомендациями — она опрашивала компетентных лиц. «По сказкам Сапожковского уезду от обывателей, от выборных пятидесятников и от лутчих крестьян показано, что де в том Сапожковском уезде бывает годовая ярмонка».[123] Подобных указаний о происхождении данных, сообщаемых в ответах на анкеты, имеется множество. На опрос «лутчих людей» и рассчитывали составители анкет. «Не будет притчины долго колебаться над выбором людей к сему делу, — полагал инспектор гимназии Академии

---

[120] Алфавитный список действовавших в России в 1760—1860 гг. ярмарок и базаров, торговых пунктов (объемом 25 а. л.) не вошел в монографию, приводятся лишь его порайонные итоги (см. с. 122—131).

[121] ЦГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1651, ч. 1, л. 5.

[122] Тр. ВЭО. Ч. 1. СПб., 1765, § 53, с. 188.

[123] ЛО ААН, ф. 3, оп. 10-б, д. 125, л. 3.

наук Л. И. Бакмейстер, приступая к изданию хозяйственных анкет. — Для сего надо расспрашивать таких людей, которые имели способ узнать все то, что от них уведать желаем».[124]

Но можно ли надеяться, что полученные анкетным способом сведения о торговле достаточно достоверны? Л. И. Бакмейстер, а позднее Б. Д. Греков отвечали на этот вопрос утвердительно, поскольку анкеты в большинстве своем «требовали только фактов и больше ничего».[125] «Канцелярии должны ответствовать на вопросы весьма простые, и они, находясь в тех местах, о которых идет вопрос, — справедливо указывал Бакмейстер, — могут осведомиться о всем том, чего сами еще не знают. Правда, они могут обмануться; они могут иногда обмануты быть другими; их посыльные писцы и переписчики зделают, может быть, несколько погрешностей от нерадения; но пусть кто посмотрит на вопросы, тот увидит, что они суть такого свойства, что не можно в ответах на оные зделать многих погрешностей». И затем Бакмейстер заключает свое методологическое рассуждение абсолютно здравым соображением: «В протчем ничего не печатать такого, истина которого не довольно достоверна, — есть оставить навсегда Российскую географию».[126]

С этими аргументами Бакмейстера и Грекова в пользу достоверности сведений анкет можно согласиться и распространить их на XIX в., когда речь идет о простой констатации фактов по типу: есть — нет, присутствует — отсутствует. Но как быть с количественной оценкой некоторых фактов, содержащихся в анкетах, по таким вопросам: каковы обороты ярмарок и базаров, сколько на них стекается народа, сколько привозится товаров и сколько продается? Ответы на подобные вопросы дать непросто, поэтому все количественные оценки, содержащиеся в анкетах, требуют специального рассмотрения. Вопрос о точности количественных оценок в равной мере относится и к данным XIX в., хотя со второй трети XIX в. сведения о торговле стали собираться специальными людьми и учреждениями. По мнению критиков официальной статистики, ее данные занижали действительные обороты торговли по трем причинам: сборщики сведений, преимущественно полицейские чиновники, были недостаточно компетентны и старательны; сведения об оборотах ярмарок и базаров собирались, как правило, по окончании, когда основная масса торговцев уже разъехалась; сведения о торговых оборотах собирались путем опроса торговцев, но последние стремились в своих показаниях уменьшить количество привезенного и проданного товара из-за боязни увеличения на-

---

[124] Бакмейстер Л. И. Топографические известия..., т. I, ч. 1, предисловие, с. 3—4.

[125] Греков Б. Д. Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в., с. 51—52.

[126] Бакмейстер Л. И. Топографические известия..., т. I, ч. 1, предисловие, § 17.

логов.[127] Администрация — и высшая, и местная — прекрасно сознавала неточность данных о торговых оборотах, числе участников ярмарок и т. п. Поэтому сообщаемым с мест и публикуемым МВД сведениям постоянно сопутствуют слова «примерно», «приблизительно» и т. п. Нет сомнения, что при существовавшем порядке сбора сведений — путем опроса купцов — данные о торговых оборотах приблизительны. Но какова степень этой приблизительности? Абсолютно точный ответ на этот вопрос может быть получен единственным путем — сравнением официальных сведений с действительными данными за один и те же годы. Подобный анализ проведен в свое время не был, а теперь, естественно, его осуществить невозможно. Остаются косвенные пути оценки достоверности официальных сведений.

Одним из таких приемов может быть сравнение достоверных сведений о количестве ярмарок, с одной стороны, и об их оборотах — с другой. Когда речь идет о тысячах ярмарок, то общие обороты ярмарочной торговли в губерниях должны находиться в зависимости от количества ярмарок. Если же составители ведомостей указывали совершенно не соответствующие действительности данные об оборотах ярмарок, то такой зависимости наблюдаться не может. Оценить это несоответствие между численностью ярмарок в губерниях и их оборотами возможно с помощью коэффициента корреляции, который в нашем конкретном случае покажет степень тесноты связи между числом и оборотом ярмарок. Такой расчет, сделанный для 1832, 1849, 1863, 1868 гг., показал, что между численностью и торговыми оборотами ярмарок в губерниях Европейской России наблюдалась тесная связь, поскольку во всех четырех случаях коэффициент корреляции (могущий принимать значения от 0 до 1) составлял от 0.76 до 0.8.[128]

Факт тесной связи между численностью ярмарок и их оборотами указывает на то, что, во-первых, приблизительность торговых оборотов не была столь велика, чтобы существенно искажалась действительность; во-вторых, некоторое отклонение от действительности всегда имело один знак, одно направление (истинные торговые обороты систематически занижались, поскольку многочисленные свидетельства современников говорят о тенденции купечества при опросах занижать свои коммерческие обороты). Поэтому, согласно результатам выполненного анализа, с большой вероятностью можно полагать, что действи-

---

[127] См. например: Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. — Автор считает, что официальные данные об оборотах ярмарок занижаются сравнительно с действительными до 40% (с. 67).

[128] Исходные данные для корреляционного анализа о численности ярмарок и их оборотах по губерниям России в табл. 18 на с. 164—167 настоящей работы. При расчете коэффициента корреляции исключены сведения о Нижегородской, Ирбитской, Харьковской и Коренной ярмарках, как совершенно нетипичных, исключительных по своим оборотам. Коэффициенты статистически значимы (см. об этом на с. 78, сноска 2).

тельные обороты ярмарок, базаров, стационарных торговых заведений, по официальным данным, несколько занижались, но с учетом данного обстоятельства они заслуживают доверия. «За минимум они могут быть приняты во всяком случае, — считали чиновники Центрального статистического комитета, — так как лучшие исследователи ярмарок находили почти всегда официальные о них цифры ниже действительности».[129]

Наличие тесной зависимости между численностью ярмарок и их оборотами имеет, кроме источниковедческого, еще и общеметодическое значение. Оно дает возможность исследователю на основании данных о численности торговых центров, ярмарок, базаров, всякого рода торговых заведений, т. е. по величине торговой сети, составить некоторое представление об оборотах разных видов торговли — ярмарочной, базарной и стационарной — в каком-то приближении или тенденции. Возможность подобных заключений, открываемая наличием несомненной зависимости между оборотами торговли и масштабом торговой сети, для нас особенно важна: данные о торговой сети — самые достоверные и самые многочисленные, поскольку они относятся как раз к той категории сведений, сбор которых не требовал ни особой подготовки, ни квалификации, а намеренно их исказить было трудно.

Достоверность официальных сведений можно проверить и оценить также и путем сравнения сохранившихся данных о привозе и продаже товаров на ярмарках, поскольку со второй трети XIX в. и те, и другие, как правило, указывались вместе. Опять же исходим из предположения, что если и те, и другие данные были бы совершенно произвольны, то между ними не могло бы быть сколько-нибудь существенного соответствия, сходства. Между тем очевидно, что подобная связь между данными о привозе и продаже товаров должна существовать. Корреляционный анализ показал, что связь между привозом и продажей товаров на ярмарках во всех губерниях Европейской России была и притом очень сильной (коэффициенты корреляции равнялись 0,95—0,99).[130] Этим также подтверждается определенная представительность данных о торговых оборотах, возможность их использования для исследования рынка, ибо трудно допустить, чтобы тысячи чиновников, проживавших в разных частях огромной страны и не имевших между собой никаких контактов, все разом одинаково установили равное соотношение между привозом и продажей товаров на ярмарках.

Третий способ оценки данных официальной статистики о торговле состоит в сравнении сведений об оборотах ярмарок с численностью людей, принимавших в них участие. Несомненно, что

---

[129] Статистический временник Российской империи, вып. 1, с. XXXI.

[130] Исходные данные для корреляционного анализа о привозе и продаже товаров на ярмарках по губерниям России приведены в табл. 18 на с. 104—107 настоящей работы. Коэффициенты статистически значимы.

между числом покупателей и продавцов, с одной стороны, и оборотом торговли — с другой, должна была существовать определенная связь и зависимость. Корреляционный анализ данных, относящихся к 1830-м гг., эту связь обнаружил (значение коэффициентов корреляции колебалось в отдельных губерниях от 0.73 до 0.85),[131] что также подтверждает определенную объективность официальных отчетов о торговле.

Наконец, оценка официальной торговой статистики проводилась путем сравнения сохранившихся сведений о ежегодных поступлениях доходов с торговых заведений на ярмарках (с лавок, балаганов и т. п.), которые считаются достоверными даже критиками официальной статистики,[132] с данными о торговых оборотах ярмарок. Такие сведения имеются по крупнейшим ярмаркам, располагавшим гостиными дворами и торговыми рядами: Макарьевской (Нижегородской), Курской Коренной, Ирбитской, харьковским и некоторым другим. Сопоставление указанных сведений показывает наличие между ними несомненной связи: увеличение или уменьшение оборотов ярмарки совпадает с увеличением или уменьшением доходов с ярмарочных заведений. Вот, например, данные по Нижегородской ярмарке за 1817—1824 гг. (первая строка — привоз товаров в млн. ассигн. руб., вторая — доходы с лавок в тыс. ассигн. руб.):[133]

1817	1818	1819	1820	1821	1822	1823	1824
92.6	114.7	139.1	148.4	143.3	161.5	101.9	83.2
142.2	157.4	291.7	373.3	357.3	601.0	510.9	377.7

Аналогичным способом можно с известным приближением оценить достоверность данных о стационарной торговле. Число постоянных торговых заведений и обороты стационарной торговли в городах должны были находиться в определенной связи с размером поступлений торговых пошлин (разумеется, в те периоды, когда ставки на пошлины не изменялись). С 1840 по 1856 г. (однородный период по величине обложения торговых промыслов) число постоянных торговых заведений в городах и посадах Европейской России (в сельской местности, если не считать кабаков, их было крайне мало) увеличилось с 61 295 до 84 219 — на 37%, а сбор торговых пошлин — с 3.1 млн. до 4.2 млн. руб. — на 35%.[134] Почти один и тот же прирост (37

---

[131] Исходные данные для корреляционного анализа см.: ЦГИА СССР. ф. 1287, оп. 5, д. 249—253. — Коэффициенты статистически значимы.

[132] Безобразов В. П. Народное хозяйство России. Ч. 1. СПб., 1882, с. 229.

[133] Там же, прил. 8, с. 361—363.

[134] Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840, с. 69. — В таблице итоговая цифра лавок подсчитана неверно и исправлена нами. См. также: Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858, с. 202; Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, прил. 1.

и 35%) за указанный период позволяет полагать, что и те, и другие данные достаточно надежны и в целом могут объективно отражать тенденцию развития стационарной торговли.

Источниковедческий анализ выявленных сведений о российском внутреннем рынке второй половины XVIII—первой половины XIX в. показал, что они представительны и достоверны в отношении численности торговых пунктов, ярмарок, базаров, стационарных торговых заведений, в отношении времени и продолжительности их работы, номенклатуры товаров и торговых связей и т. п., т. е. в отношении *качественных* признаков внутреннего рынка. Что же касается количественных оценок отдельных аспектов внутреннего рынка, содержащихся в источниках, то они часто приблизительны.

Данные официальной торговой статистики обычно преуменьшают степень развития тех или иных явлений рынка, их следует поэтому использовать преимущественно в целях сравнений, для характеристики динамики явлений, для сопоставления во времени и пространстве и выявления определенных тенденций.[135]

Задача по обработке многочисленных сведений о торговле решалась с помощью контентного анализа.[136] На основе обстоятельного знакомства с материалами о торговле по ответам на хозяйственные анкеты, а также с Топографическими и статистическими описаниями губерний XVIII—первой половины XIX в. была составлена программа обработки первичных данных, которая имела вид опросного листа или анкеты. Программа предусматривала систематизацию и формализацию, а в конечном итоге и генерализацию сведений о торговле, находящихся в ответах на анкеты, в географических словарях и в статистико-экономической литературе второй половины XVIII—первой половины XIX в. Программа обработки сведений включила 24 вопроса и все возможные варианты ответов на них, которые почти полностью исчерпывали информацию о торговле, заключенную в любом известии.[137] Приведем программу обработки сведений о ярмарочной торговле — по аналогичной программе обрабатывались сведения о базарной и стационарной торговле (вопросы обозначены римскими цифрами, варианты ответов на вопросы — арабскими, пояснения к вопросам даны в скобках).

---

[135] С подобной позиции подходит к данным официальной торговой статистики М. К. Рожкова (К вопросу о значении ярмарок..., с. 298—299).

[136] О контентном анализе см.: Количественные методы в социологических исследованиях. Информационный бюллетень Советской социологической ассоциации. М., 1967, № 9; Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1—2. М.—Л., 1973; Ядов В. А. Социологические исследования. Методология, программы, методы. М., 1972, с. 125—134.

[137] О методике этой работы см.: Миронов Б. Н. 1) Статистическая обработка ответов на сенатскую анкету 1767 г..., с. 84—104; 2) Формализация и генерализация содержания массовых исторических источников (на материалах анкеты о ярмарках 1779 г.). — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. XIII. Л., 1981.

I. Номер населенного пункта (каждому населенному пункту, который встречался в источниках, присваивался номер; в списке, где все уезды, губернии и пункты для удобства их отыскания расположены в алфавитном порядке, насчитывается 550 уездов, 62 губернии, 16 районов, 3404 пункта).

II. Номер уезда, в котором проходила ярмарка (каждый уезд имел определенный номер, алфавитный список уездов включил 550 их названий).

III. Номер губернии (в списке губерний числилось 62 губернии Европейской России и Сибири).

IV. Номер района (всего было выделено 16 районов).

V. Ярмарка: 1) городская, 2) сельская (города и посады отнесены к городским поселениям, все остальные пункты — к сельским).

VI. Населенный пункт, где проходила ярмарка, принадлежал: 1) помещику, 2) государству, 3) удельному ведомству, 4) экономическому ведомству.

VII. Время начала ярмарки: 1) январь, 2) февраль, 3) март, 4) апрель, 5) май, 6) июнь, 7) июль, 8) август, 9) сентябрь, 10) октябрь, 11) ноябрь, 12) декабрь.

VIII. Продолжительность ярмарки в днях.

IX. Категория ярмарки по протяженности ее торговых связей (определялась по данным о том, из каких уездов, губерний приезжали торговцы на ярмарку): 1) из многих несмежных районов — относительно района, где проходила ярмарка, — или из-за границы, 2) из несмежных губерний — относительно губерний, в которой собиралась ярмарка, — двух и более несмежных районов, 3) из несмежных губерний смежных районов, 4) из смежных губерний, 5) из смежных уездов — относительно уезда, где была ярмарка, — разных губерний, 6) из уездов одной губернии, 7) из пунктов одного уезда.

X. Коммерческий оборот ярмарки: 1) большой, 2) средний, 3) малый, 4) в рублях (если имелись сведения).

XI. Профиль ярмарки по преобладавшим на ней товарам: 1) сельскохозяйственный (продукты растениеводства и животноводства), 2) ремесленно-мануфактурный (сюда включаются и товары кустарных промыслов), 3) промысловый (имеются в виду продукты, не произведенные в сельском хозяйстве, промышленности, ремесле: лес, пушнина, рыба и т. п.), 4) универсальный (товары двух-трех предыдущих групп примерно в равной пропорции).

XII. Тип ярмарки по преобладающему характеру торговли: 1) розничный (товары продаются преимущественно в розницу непосредственно производителями потребителям), 2) узловой сборный (товары скупаются торговцами у производителей для дальнейшей продажи потребителям или другим торговцам), 3) узловой распределительный (товары перепродаются оптовыми торговцами розничным, переходят, таким образом, из сферы оптовой

в сферу розничной торговли), 4) узловой розничный (этот тип ярмарки характеризуется сочетанием узлового сборного и розничного характера торговли), 5) оптовый (товары переходят от одних оптовых торговцев к другим, оставаясь в пределах оптовой сферы торговли).

XIII. Назначение ярмарки: 1) мобилизация продовольствия (хлеб, скот и т. п.), а также скупка лошадей, 2) мобилизация сырья (льна, шерсти, хлопка, пеньки, хмеля) для промышленности — в случае прямого указания на такую закупку, 3) мобилизация товаров для экспорта (в случае указания на отправку закупленных товаров в порты), 4) реализация крестьянами изделий кустарной промышленности и промыслов, 5) реализация торговцами товаров отечественного производства непосредственно потребителям, 6) реализация импортных товаров непосредственно потребителям, 7) перепродажа торговцами товаров друг другу.

XIV. Главные группы и типы товаров местного производства, обращающиеся на ярмарке (имеются в виду товары, производимые в уезде, где происходит ярмарка); все товары разделены на 76 групп, которые объединены в 10 типов.

Первый тип. Земледельческие растительные продукты: 1) зерновые хлеба (рожь, пшеница, овес, ячмень, гречиха и пр.), 2) мука, крупа и солод, 3) кормовые средства (травы, сено, солома, барда, отруби, кормовые выжимки и пр.), 4) масличные семена (льняные, конопляные и пр.), 5) растительные масла, 6) семена (кормовых трав, древесные и пр.), 7) продукты огородничества (капуста, картофель, зелень, овощи, хмель, свекла, арбузы, дыни, лук и пр.), 8) продукты садоводства (фрукты, виноград, орехи и пр.), 9) табак и изделия из него, 10) сахарные продукты (сахар, мелас), 11) крахмально-паточные продукты (патока картофельная, крахмал), 12) хлебо-булочные изделия (печеный хлеб, пряники, калачи и пр.), 13) лен, кудель и пакля льняная, 14) пенька, пакля пеньковая, 15) хлопок, джут.

Второй тип. Продукты животноводства, рыболовства и охоты: 16) лошади и жеребята, 17) мелкий скот (овцы, козы, свиньи и пр.), 18) крупный рогатый скот, 19) разные животные, 20) мясо, свинина, битая птица, разный мясной товар, 21) яйца и молочные продукты, 22) масло коровье и свиное сало, 23) икра и рыба (называется также «чумацким» или «крымским» товаром), 24) кожи выделанные и невыделанные, 25) шкуры выделанные и невыделанные (овчины, козьи, бараньи шкуры и пр.), 26) меховой товар («мягкая рухлядь»), 27) шебайный товар (перо, пух, щетина, волос, кость), 28) жировые вещества (сало, рыбий жир, ворвань и пр.), 29) воск и мед, 30) шелк и коконы, 31) шерсть.

Третий тип. Лесные материалы и деревянные изделия: 32) древесное топливо (дрова, древесный уголь, вола), 33) деревянные изделия (клепка, бочки, посуда, щепной товар, мебель), 34) плетеные изделия и лесные строительные материалы (тро-

стник, метлы и пр.), 35) кора, мочало, рогожи, 36) смоляные продукты (деготь, смола, скипидар и пр.).

Четвертый тип. Минеральные продукты и металлические изделия: 37) минеральные ископаемые и строительные материалы (алебастр, гипс, известь, мел, глина, кирпич, бруски, камень, слюда и пр.), 38) гончарные изделия (изразцы, кафель, черепица, посуда глиняная, фаянсовая и фарфоровая), 39) стекло и стеклянные изделия, 40) нефтяные продукты, 41) каменный уголь и торф, 42) соль (в источниках называется также «чумацким» или «крымским» товаром), 43) руды, 44) чугун, железо, сталь и медь не в деле, 45) металлические изделия (гвозди, проволока, скобяной товар и пр.; в источниках называется также «черножелезным» или «чернодельным» товаром), 46) оружие, 47) земледельческие орудия и инструменты, 48) сложные инструменты, аппараты и приборы, 49) цветные металлы, сплавы и изделия из них.

Пятый тип. Ремесленно-мануфактурные изделия и галантерея: 50) мануфактурный (в источниках называется также «красным», «краснорядским, суровским, суздальским, щепетинным» или «щепетильным, крамным»), 51) галантерейный (в источниках называется также «игольным, мелочным, красносельским, сидоровским, офицерским»), 52) предметы «одеяния» (белье, одежда, головные уборы), 53) обувь, войлок и войлочные изделия (дорогая обувь называется также «лаковым товаром»), 54) пряжа, нитки, вата, 55) упаковочные материалы (веревки, канаты, клеенка, мешки и пр.), рыболовные сети.

Шестой тип. Спирт и напитки: 56) спирт и водка, 57) вина виноградные (называются также «беломорскими» или «греческими» винами) и другие спиртные напитки, 58) прохладительные напитки (пиво, квас, мед, воды минеральные и фруктовые).

Седьмой тип. Бакалейные, москательные и другие товары: 59) бакалейные, гастрономические и кондитерские товары (чай, конфеты, фрукты сушеные и вяленые, моченые и соленые и пр.), 60) осветительные, косметические («благовонные») и медицинские товары (мыло, свечи, спички, масло деревянное, румяна и пр.), 61) москательные и химические товары (краски, дубильные вещества, купорос, квасцы, кислоты, поташ, сера, клей, сода, селитра, порох, сургуч, ладан и пр.), 62) тряпье и обрезки, 63) бумажный и картонный товар (бумага, обои и пр.), 64) канцелярские принадлежности, книжный и игрушечный товар, 65) картины (лубочные и пр.), книги, 66) резиновый, кожаный, шорный и щеточный товар, 67) предметы домашнего обихода (домашние вещи, матрацы, подушки и пр.).

Восьмой тип. Предметы искусства, художественных ремесел, роскоши: 68) ценные предметы, дорогая галантерея и одежда (в источниках называется «модным товаром», ковры, часы, ювелирные изделия), 69) церковные вещи (иконы и пр.).

Девятый тип. Крестьянский «черный» товар: 70) «съестной» или «овощной» товар (грибы, капуста соленая и пр.), 71) изделия крестьянских промыслов и кустарной промышленности (холст, сермяжное сукно и пр.).

Десятый тип. Импортные товары: 72) продовольственные товары, 73) ремесленные и промышленные товары, 74) европейские товары, 75) восточные (азиатские) товары, 76) китайские товары.

XV. Главные группы и типы привозных из других уездов и губерний товаров (1—76 группы, I—X типы; классификацию товаров см. под вопросом XIV).

XVI. Главные группы и типы товаров, вообще обращавшихся на ярмарке (1—76 группы, I—X типы, классификацию товаров см. под вопросом XIV).

XVII. Продавцы и покупатели: 1) купцы и их приказчики, 2) мещане и ремесленники, 3) крестьяне (все категории — государственные, владельческие, однодворцы и пр.), 4) дворяне, помещики, 5) фабриканты, заводчики и их приказчики, 6) разночинцы, казаки, 7) представители малых народов, 8) иностранцы, 9) офицеры, чиновники и другие лица, делающие закупки для казны, 10) бродячие торговцы (офени, разносчики, ходебщики и др.).

XVIII. Количество участников: 1) много (большое), 2) среднее («посредственное»), 3) малое (незначительное), 4) человек (если имелись сведения).

XIX. Связь с другими ярмарками (на какие ярмарки отвозят и с каких ярмарок привозят товар; каждая из выявленных ярмарок имеет порядковый номер в общем алфавитном списке ярмарок).

XX. Год учреждения ярмарки: 1) XVII в., 2) 1701—1725 гг., 3) 1726—1754 гг., 4) 1755—1801 гг., 5) с древних лет.

XXI. Откуда привозят каждую обращавшуюся на ярмарке группу товаров (все пункты, уезды и губернии имеют порядковый номер в общем алфавитном списке пунктов, уездов и губерний).

XXII. Куда отвозят каждую обращавшуюся на ярмарке группу товаров (см. XXI вопрос).

XXIII. Транзитные пункты при перевозке товаров (см. XXI вопрос).

XXIV. Как доставляются товары на ярмарку: 1) водой, 2) сушей, 3) смешанным путем.

Самые полные и достоверные сведения о внутреннем рынке могут служить источниковой базой для изучения его динамики лишь в том случае, если они однородны не только по характеру содержащихся в них данных, но и по форме выражения этих данных. Между тем в источниках сведения о рынке привязывались к административному делению того момента, к которому они относились; деление же это в течение 1750—1860-х гг. неоднократно изменялось. Время ярмарок указывалось не по гражданскому, светскому календарю, а по церковному. Календарные же даты многих церковных праздников были переходящими, т. е. каждый

год изменялись. Обороты торговли выражались в текущих (современных источнику) денежных единицах и ценах, в то время как денежная система в рассматриваемый период изменялась дважды, а уровень цен менялся непрерывно.

Превращение выявленных неоднородных и потому несопоставимых данных о рынке в однородные и сопоставимые сведения было выполнено на основе следующей методики. Для всего исследуемого периода были приняты, во-первых, единое административное деление начала 1860-х гг., согласно которому в России числились 62 губернии и области (50 — в европейской части, 3 — в Предкавказье и 9 — в Сибири) с 550 уездами, и, во-вторых, единые, соответствующие этому административному делению границы уездов и губерний. Торговые пункты, упоминающиеся в источниках 1750—1860-х гг., на все даты были распределены между губерниями и уездами согласно этому позднейшему административному делению. Данные о том, какие населенные пункты входили в состав уездов и губерний в 1860-е гг., содержатся в Списках населенных мест губерний 1850—1870-х гг. и капитальном издании «Волости и важнейшие селения Европейской России». Кроме того, для всего исследуемого периода принято и единое районирование России на 16 регионов, которое в целом соответствует общепринятому в советской историографии экономическому районированию России первой половины XIX в.[138] В состав регионов входили следующие губернии: *Северный*: Архангельская, Вологодская, Олонецкая; *Северо-Западный*: Новгородская, Псковская, Санкт-Петербургская; *Северное Приуралье*: Вятская, Пермская; *Южное Приуралье*: Оренбургская, Самарская, Уфимская; *Юго-Восточный*: Астраханская, Донская; *Средне-Волжский*: Казанская, Нижегородская, Симбирская; *Центрально-земледельческий, юго-восточная группа*: Воронежская, Пензенская, Саратовская, Тамбовская; *Центрально-земледельческий, северо-западная группа*: Курская, Орловская, Рязанская, Тульская; *Центрально-промышленный*: Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Смоленская, Тверская, Ярославская; *Прибалтийский*: Курляндская, Лифляндская, Эстляндская; *Западный*: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская; *Юго-Западный*: Волынская, Киевская, Подольская; *Малороссийский*: Полтавская, Харьковская, Черниговская; *Новороссийский*: Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская; *Предкавказье*: Кубанская, Ставропольская, Терская; *Сибирь*: Енисейская, Иркутская, Забайкальская, Приморская, Семипалатинская, Тобольская, Томская, Якутская. Единое районирование обеспечило возможность изучать динамику товарооборота, торговых связей, численности торговых пунктов, ярмарок, базаров, торговых заведений и всех других аспектов

[138] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973, с. 167—262.

внутреннего рынка на сопоставимой территории, т. е. осуществить сравнительное исследование развития внутреннего рынка России на протяжении столетия.

Хронологическая проблема была решена путем принятия для всего рассматриваемого периода единого православного церковного календаря 1780 г.,[139] поскольку во второй половине XVIII в. большая часть сведений относилась именно к 1780 г. (в 1780 г. пасха приходилась на 19 апреля). Даты переходящих праздников по церковному счислению на все другие годы, встретившиеся в более поздних (и ранних) источниках, были переведены на календарь 1780 г. Вследствие того что переходящие праздники 1750—1860-х гг. переведены на этот календарь, даты всех ярмарок оказались приуроченными к определенной, точно фиксируемой календарной дате.

Наконец, сопоставимость всякого рода денежных оценок, выраженных в текущей валюте, была достигнута переводом всех денежных исчислений на серебряный рубль, стопа которого в 1770—1860-е гг. не изменилась, и учетом динамики цен.

Значительные трудности представляла идентификация торговых пунктов, в особенности сельских, в источниках на разные даты вследствие того, что орфография их названий во второй половине XVIII—первой половине XIX в. еще не вполне установилась (например, писалось то Аксаково, то Аксаново, то Бишнево, то Бушнево, то Екимец, то Якимец и т. п.). Кроме того, в пределах одного уезда нередко было множество поселений одного названия (Ивановское, Рождественское и т. п.), некоторые населенные пункты имели двойное или даже тройное название (Сергеевское, оно же Шеевчино или Шенно), поэтому получалось, что на разные даты одни и те же поселения фигурировали под разными названиями, а разные населенные пункты — под одинаковыми. Наблюдалась также противоречивость сведений в разных источниках.

Идентификация торговых пунктов осложнялась изменчивостью границ уездов и губерний и плохим их размежеванием. Во всех спорных случаях идентификация осуществлялась по всей совокупности признаков торгового пункта — название, уезд, губерния, время ярмарки (которое было, как правило, устойчивым), владелец (государство, помещик и т. п.), местоположение, административная классификация (деревня, село, погост и т. п.) и прочие признаки — с привлечением карт XVIII и XIX вв. Идентификация поселений позволила правильно распределить все населенные пункты между уездами и губерниями. Но самый главный ее результат состоял в том, что благодаря ей удалось получить как бы генеалогию почти всех российских ярмарок и базаров второй половины XVIII—первой половины XIX в., в которых в значительной мере сосредоточивалась торговля России того времени.

[139] Месяцеслов на лето от рождества Христова 1780. СПб., 1780.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕГО РЫНКА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Цель раздела — на основании массовых данных, охватывающих всю территорию России за 1750—1850-е гг., выявить торговую сеть страны, показать и по возможности объяснить ее изменение за более чем столетний отрезок времени, т. е. выявить структуру внутреннего рынка страны в ее динамике и географии. Реализация этой задачи предполагает решение прежде всего таких важных вопросов: в каком направлении эволюционировал внутренний рынок и какова была роль различных факторов, прежде всего экономических, в развитии его структуры; каковы географические особенности в распределении торговых центров по территории страны и как изменилось соотношение разных типов торговых центров, а в связи с этим и различных форм торговли в разные моменты исследуемого периода. Для ответа на поставленные вопросы требуется выявить все сколько-нибудь важные торговые пункты страны и сгруппировать их в поуездном, погубернском и порайонном масштабе соответственно преобладающим формам торговли: а) пункты с непериодической развозно-разносной формой торговли, б) с периодической ярмарочной, в) с периодической базарной, г) со стационарной (лавочной и магазинной) формой торговли. Воссозданная таким путем сеть торговых центров на несколько десятилетий исследуемого периода позволит представить структуру внутреннего рынка в динамике. Соотношение численности пунктов различного торгового профиля на каждую дату позволит ответить на вопрос о преобладании той или иной формы обмена в разное время, а изменение этого соотношения — на вопрос об эволюции внутреннего российского рынка за столетие. Подсчет плотности торговых пунктов — в отношении к территории, населению и общему числу поселений поможет осветить вопрос о проникновении рыночных отношений в экономику, а рассмотрение географии торговых центров и их распределение между районами, губерниями и уездами будет способствовать выяснению развития рыночных отношений в разных регионах страны. Наконец, исторический анализ изменения общей численности торговых центров, числа ярмарок, базаров и торговых заведений с 1750-х по 1850-е гг., а также анализ их географии поможет получить ответ на вопрос о факторах социально-эконо-

мического, правового и политического характера, обусловливавших как структуру внутреннего рынка, так и его эволюцию в рассматриваемое время.

Глава первая

ОБЩАЯ СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕГО РЫНКА РОССИИ В 1750—1850-е гг.

Внутренний рынок России во второй половине XVIII—первой половине XIX в., по свидетельствам современников, отличался медлительностью торгового оборота, малой специализацией и множеством — до 4—6 — посредников при переходе товара от производителя к потребителю. Одни и те же торговцы нередко реализовывали товары всеми известными способами (из лавок, на базарах, на ярмарках, вразнос и вразвоз), производили скупку и продажу товаров, продавали и покупали оптом и в розницу, торговали и хлебом, и железом, и драгоценными камнями. При этом торговлей занимались люди разных сословий и общественного положения.[1] Подобный характер торговли, естественно, затрудняет при исследовании истории рынка выделение в чистом виде различных форм торговли и определение соотношения этих форм. Вследствие этого группировка торговых пунктов по практикуемым в них видам торговли и тем более по доминирующему виду торговли имеет несколько условный характер, что, однако, не лишает подобную группировку научного значения и целесообразности, а лишь сообщает ей до некоторой степени вероятностный характер.

Результаты группировки всех выявленных торговых пунктов России с разными формами торговли в 1750-е, 1760-е, 1790-е и 1850-е гг. приведены в табл. 1. Из данных таблицы следует, что за столетний период общая численность торговых пунктов в России непрерывно возрастала. Если в 1750-е гг. в стране их насчитывалось около 608, включая сюда пункты со стационарной и периодической торговлей, то за 1760-е гг. их число увеличилось до 955, т. е. на 59% по сравнению с 1750-ми гг., к концу 1790-х г. — до 2571, на 423%, к концу 1850-х гг. — до 2636, на 434%. Особенно интенсивно численность торговых пунктов росла в сельской местности: за 1750—1850-е гг. число городских торговых пунктов увеличилось на 270%, а сельских — на 549%.

Значительный интерес представляет выяснение плотности торговых пунктов в отношении к территории и населению, ими обслуживаемому. Плотность торговых пунктов в течение 1750—1850-х гг. в отношении к территории увеличилась в 3.8 раза:

---

[1] См., например: Ливрон В. Статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1874, с. 174—179.

Численность и соотношение торговых центров разного профиля

Годы	Всего пунктов [б]				Число пунктов с фор							
	городских		сельских		непериодической				ярмарочной			
					городских		сельских		городских		сельских	
	абс.	%	абс. (в тыс.)	%	абс.	%	абс. (в тыс.)	%	абс.	%	абс.	%
1750-е [а]	227	100	—	—	36	16	—	более 99%	108	48	242	менее 1%
	300	100	—	—	48	16	—		144	48	323	
1760-е	300	100	—	—	22	7	—		224	75	615	
1790-е	668	100	—	—	72	11	—		366	55	1795	
1850-е [г]	703	100	—	—	23	3	—		556	79	1778	
	644	100	245	100	14	2	243	99	511	79	1721	0.7

[а] Составлена по результатам обработки данных: *1750-е гг.* — ЛО ААН, ф. 2, оп. 16-а, и о в М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788; *1790-е гг.* — ЦГАДА, фический Российского государства. . . Ч. I—VII. М., 1801—1809; Топографические опи д. 480—481, 2036—2038; Статистический временник Российской империи. Вып. 1, СПб., Т. 1—17. СПб., 1848—1858; Материалы для географии и статистики России, собранные Российской империи. Вып. 1, 2. СПб., 1858, 1863; Экономическое состояние городских сообщин Европейской России. Вып. 1—9. СПб., 1880—1884; ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. ских — только сплошные и крупные сельские поселения. [б] В первой строке приведены ные на основе сведений по 227 уездам. [г] Во второй строке приведены данные, относящиеся

в 1750-е гг. один пункт с периодической или стационарной торговлей в Европейской России приходился примерно на 6.5 тыс. кв. верст, в 1760-е гг. — на 4.1 тыс., в 1790-е гг. — на 1.74 тыс. и в 1850-е гг. — на 1.7 тыс. кв. верст.[2] В отношении же населения увеличение густоты торговых центров оказалось вдвое меньшим. В 1762 г., согласно данным третьей ревизии, в России проживало около 23.2 млн. человек; к 1857 г., по данным десятой ревизии, численность населения возросла до 59.4 млн.,[3] а число торговых поселений за это же время увеличилось с 608 до 2636. Следовательно, в 1750-е гг. один торговый пункт приходился примерно на 38.2 тыс. человек, в 1850-е гг. — на 22.8 тыс. человек, или за столетие плотность торговых поселений с поправкой на рост населения возросла всего в 1.7 раза. При этом следует иметь в виду, что густота пунктов со стационарной торговлей, поскольку последняя сосредоточивалась главным образом в городах, была значительно меньшей: в 1750-е гг. один пункт с лавочной торговлей приходился на 111 тыс. человек, в 1850-е гг. — на 89.3 тыс. человек. Однако за этими средними цифрами нельзя увидеть, какая часть населения обслуживалась стационарной или периодической торговлей, какая вынужденно довольствовалась развозной и разносной торговлей. Этот вопрос можно решить, опираясь на дан-

[2] Данные о площади губерний см.: Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871, с. 25—36.

[3] Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 57.

Таблица 1

в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в.*

мами торговли						Всего пунктов с правильно организованной ярмарочной, базарной и лавочной торговлей					
базарной				стационарной		городских		сельских		всего	
городских		сельских		городских							
абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
157	69	124	менее 1%	157	69	191	84	267	менее 1%	458	менее 1%
209	69	165		209	69	252	84	356		608	
278	93	193		278	93	278	93	677		955	
513	77	570		526	79	596	89	1975		2571	
578	82	856		664	94	680	97	1956		2636	
547	85	831	0.3	614	95	630	98	1854	1	2484	1

д. 1—222; оп. 10-б, д. 1—154; *1760-е гг.* — ЦГАДА, ф. 278, оп. 1, д. 1711, 1714-а; Чулф. 397, оп. 1, д. 370-б; ЛО ААН, ф. 27, оп. 1, д. 116; Щекатов А. М. Словарь географии губерний (см. подробнее о них на с. 28); *1850-е гг.* — ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, 1866, отд. 2, с. 158—159, 174—180; Военно-статистическое обозрение Российской империи, офицерами Генерального штаба. Т. 1—25. СПб., 1859—1888; Статистические таблицы поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1—2. СПб., 1863; Волости и важнейшие оп. 6, д. 2036—2038. * В число городских пунктов входят города и посады, в число сельданные по 227 уездам, во второй — приблизительные данные по всем 300 уездам, получен-и Европейской России.

ные об отношении числа торговых пунктов с разными формами торговли к общему числу поселений.

Как следует из данных табл. 1, несмотря на превосходство темпов роста сельских торговых пунктов, деревенская торговая сеть оставалась очень редкой сравнительно с городской в течение всего исследуемого столетия. В 70% городских поселений[4] уже в 1750-е гг. существовала и стационарная, и базарная, и ярмарочная торговля, в 14% городов действовали только ярмарки, и лишь 16% городов не имели правильно организованной торговли. К началу XIX в. в 79%, а в 1850-е гг. уже в 94% городских поселений функционировала стационарная торговля, дополненная соответственно для 56 и 78% городов ярмарочной и для 78 и 81% базарной торговлей. Таким образом, относительное число городских поселений России со стационарной торговлей увеличилось за столетие на 24%, а общее число городских поселений с правильно организованной торговлей — на 13%. Вследствие этого в 1850-е гг. лишь 3% мелких городских поселений, в основном окраинных губерний, обслуживались преимущественно разовой и разносной торговлей. Среди них города Баргузин,

[4] Численность уездов, городских и сельских поселений во второй половине XVIII — первой половине XIX в. подсчитана по: Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 83—85, 93—102; Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. СПб., 1863, с. 90—93; см. также: Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1961, с. 202.

Илимск, Гижига, Верхоянск — в Сибири, посады Лудский и Унский — в Архангельской губернии, посады Новая Прага, Новоукраинка и Архангельск — в Херсонской губернии и др.[5] В сельской же местности, несмотря на более чем пятикратное увеличение числа торговых пунктов, и к 1860 гг. только около 1% учтенных статистикой того времени поселений было охвачено ярмарочной или базарной торговлей.

Все поселения России второй половины XVIII—первой половины XIX в. в зависимости от преобладавшего в них вида торговли можно разделить на пять групп. К первой группе отнесем крупные города, где существовала постоянная (оптовая и розничная) и отчасти дифференцированная по отраслям торговля, производимая в торговых рядах, гостиных дворах, магазинах. В 50—60-е годы XVIII в., согласно хозяйственным анкетам, в число таких важных городов входили Москва, Петербург, Нижний Новгород, Казань, Ярославль, Калуга, Бахмут, Симбирск, Енисейск, Оренбург, Тобольск, Иркутск, Уфа, Киев, Астрахань, Архангельск,[6] Рига, Ревель, Харьков.[7] В Москве и Петербурге в это время появились первые магазины, специализировавшиеся на продаже определенных видов товаров. К концу XVIII в. в первую группу вошло большинство губернских городов,[8] а к началу 1860-х гг. — все губернские и немногие наиболее крупные портовые и уездные города, такие как Одесса, Николаев, Бердичев, и некоторые другие.[9]

Города первой группы, как правило, являлись крупными складочными местами для товаров, обращавшихся на внутреннем рынке страны, и транзитными пунктами для экспортных товаров. Товары доставлялись туда с крупнейших российских ярмарок, из портов и сухопутных таможен. В большинстве случаев, однако, сами эти города либо служили местом проведения крупных ярмарок (например, Нижний Новгород, Енисейск, Иркутск, Тобольск, Харьков), либо являлись крупными портами или пограничными сухопутными таможнями (Петербург, Ревель, Астрахань, Оренбург, Рига, Архангельск). Купечество этих городов занимало ведущее положение на внутреннем рынке и держало в своих руках всю оптовую торговлю и вследствие этого выступало организатором процесса формирования всероссийского рынка. Города первой группы являлись важнейшими торговыми

---

[5] Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858, с. 5—203.

[6] ЛО ААН, ф. 3, оп. 10-б, д. 6, 10, 34, 37, 44, 56, 57, 61, 69, 110, 131, 135, 139; оп. 10-а, д. 153, 178, 195.

[7] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 1712-б; Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 4, 6. М., 1788, 1780.

[8] Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции... Т. VI, кн. IV. М., 1788, с. 177—323; Щекатов А. А. Словарь географический Российского государства... Ч. I—VII. М., 1801—1809.

[9] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1—2. СПб., 1863.

(а некоторые из них одновременно ремесленными и промышленными) центрами страны, снабжавшими всю Россию товарами как местного, так и иногороднего и заграничного производства. Таким центром, например, была Москва.[10]

Вторую, более многочисленную группу торговых пунктов составляли городские поселения, где существовала базарная и лавочная торговля, благодаря чему население снабжалось товарами либо из лавок, либо покупало их у крестьян в дни базаров. В середине XVIII в. в эту группу входило не менее 209 (69%) городских поселений, к началу XIX в. — 526 (79%), в середине XIX в. 664 (94%) (см. табл. 1). Во второй половине XVIII в. во многих городских пунктах, отнесенных к этой группе, большинство лавок действовало лишь в торговые или базарные дни, которые устанавливались в количестве 1—2 для уездных и заштатных и 2—3 для губернских городов. В ряде городов лавочная торговля осуществлялась исключительно в базарные дни, поэтому не имела постоянного характера. Однако, по данным хозяйственных анкет 1760-х гг., в большинстве городов, среди которых были такие небольшие уездные города, как Козьмодемьянск и Нарым, Верхотурье и Кузнецк, города Сибири, часть лавок, хотя и меньшая, работала ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней. В середине XIX в. почти во всех городских поселениях торговля из большинства лавок стала производиться ежедневно, хотя попрежнему особенно бойко она происходила в базарные дни, когда из окрестных сел и деревень приезжали крестьяне.

К третьей группе торговых пунктов можно отнести поселения, в которых велась только базарная торговля, но не было лавочной. Если в городских поселениях, как правило, базарная и лавочная торговля существовали бок о бок, то в деревне положение было иным. С 1755 по 1863 г. городским сословиям запрещалось производить лавочный торг в сельских поселениях. Лавки разрешалось держать только крестьянам, но ассортимент товаров ограничивался товарами, поименованными в специальном реестре Таможенного устава 1755 г.[11] Вследствие этого, а также из-за слабого развития купеческого капитала в деревне вплоть до 1863 г. в сельской местности постоянная лавочная торговля развивалась крайне медленно. Это определялось и тем обстоятельством, что наиболее крупные торговые села постепенно переходили в разряд городских поселений. Почти все вновь учрежденные уездные города (их насчитывалось 216) по губернской реформе 1775 г. были преобразованы из крупных сельских поселений.[12] Однако

---

[10] Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции..., т. VI, кн. IV, с. 232.

[11] ПСЗ I, 1755, т. XIV, № 10486, гл. X, п. 1 и 4, с. 483—484; Фабрично-заводская промышленность и торговля в России. СПб., 1893, с. 238—239.

[12] Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города..., с. 202; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 488, 528.

в больших селах нередко были лавки, временно снимавшиеся странствующими торговцами. Это до некоторой степени компенсировало низкий уровень развития стационарной торговли в деревне.

Число сельских поселений (это были почти исключительно села) с базарной формой торговли в течение рассматриваемого периода тоже постоянно увеличивалось: в 1750-х гг. их насчитывалось 165, к началу XIX в. — 570, в середине XIX в. — 856 (см. табл. 1). Базары в селах собирались преимущественно раз в неделю, иногда реже — раз в две недели. Непременными участниками сельских базаров бывали городские торговцы, которые продавали свой товар с возов, из наскоро построенных ларьков, называвшихся шалашами, или из лавок, если таковые имелись.

В большинстве поселений второй и третьей групп наряду с лавочной и базарной торговлей существовала ярмарочная торговля (причем бо́льшая часть значительных ярмарок происходила именно в поселениях этих двух групп). В течение всего исследуемого периода сельские потребители и городские торговцы тех поселений, где существовала лавочная и базарная торговля, именно на ярмарках запасались товарами на продолжительный срок (как правило, на полгода, поскольку ярмарки в этих пунктах бывали в среднем по 2 раза в год: весной — летом и осенью — зимой). В тех же случаях, когда в данном поселении не происходило ярмарок, их жители осуществляли закупки товаров на ярмарках в других поселениях. Таким образом, ярмарка для всех трех групп поселений служила важнейшим источником снабжения торговцев и потребителей необходимыми товарами. «В России существует много ярмарок, — указывал, например, статистик И. Я. Горлов, — что весьма естественно по ее экономическому состоянию. С одной стороны, недостаток путей сообщения, с другой — малолюдность препятствуют постоянному движению товаров и постоянной их распродаже. Во время так называемой распутицы, зимою во время ухабов, летом в грязь, обозы и транспорты не могут идти с надлежащей скоростью; им надобно пользоваться благоприятным состоянием погоды и дорог, они могут отправляться только периодически в места назначения. При этом скудное население многих местностей делает излишним постоянные отправки произведений. Отсюда возникает необходимость ярмарок, которые превращают города и села во временные огромные магазины, откуда купцы и жители снабжаются надолго предметами потребления».[13]

К четвертой группе торговых пунктов относились те городские и сельские поселения, где производилась только ярмарочная торговля. В середине XVIII в. их в России насчитывалось — 43 го-

[13] Горлов И. Я. Обозрение экономической статистики России. СПб., 1849, с. 271.

родских и 191 сельский пункт, к началу XIX в. в группе остались почти исключительно сельские поселения, причем их число увеличилось до 1405, а к началу 1860-х гг. оно уменьшилось до 1100. Динамика численности пунктов с *исключительно* ярмарочной торговлей весьма показательна. Она свидетельствует о том, что ярмарочная форма торговли постепенно теряла свое монопольное положение: в городских торговых центрах это произошло в течение первой половины XIX в.

Наконец, пятую, самую многочисленную группу поселений России составляли те, где вообще не существовало ни лавочной, ни ярмарочной торговли. Эта группа поселений включала и мелкие городские пункты, но их доля быстро сокращалась (см. табл. 1): в 1750-х гг. таких поселений было 48 (16%), в 1790-х гг. — 72 (11%), в 1850-х г. — 23 (3%). К началу XIX в. в данной группе остались преимущественно сельские поселения, но их насчитывались десятки тысяч, так что и к началу 1860-х гг. в преобладающей массе сел и деревень отсутствовали правильно организованные формы торговли.[14]

Сохранение ведущей роли за периодической и развозно-разносной формами торговли на внутреннем рынке России подтверждается и данными об изменении общего количества ярмарок и базаров,[15] с одной стороны, и лавок — главного вида торговых заведений в то время — с другой (табл. 2). Поскольку массовые данные о численности стационарных торговых заведений имеются лишь с конца XVIII в., сравнение динамики числа ярмарок, базаров и лавок возможно провести только для первой половины XIX в. За это время число ярмарок в стране увеличилось в 1.4 раза, базаров — в 1.5 раза, городских лавок — примерно в 1.8 раза. Следовательно, в целом по стране развитие стационарной формы торговли в 1800—1850-е гг. несколько опережало развитие ярмарочной и базарной форм торговли, взятых вороань. Но в совокупности рост числа ярмарок и базаров лишь немногим уступал увеличению числа постоянных торговых заведений. Вследствие того что тенденция превосходства темпов роста стационарной торговли перед периодической была еще недостаточно сильно выражена, можно предположить, что стационарная торговля не вытеснила, а лишь потеснила торговлю периодическую.

---

[14] См.: Статистические таблицы Российской империи, вып. 2, с. 90.

[15] В литературе имеются противоречивые сведения о численности ярмарок в 1750—1860-е гг., все они занижают действительное число ярмарок в России. См., например: Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, с. 92; Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века. — Учен. зап. кафедры истории народов СССР Моск. обл. пед. ин-та, 1939, вып. 1, с. 12—13; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 124—125; Зябловский Е. Ф. Российская статистика. Ч. 2. СПб., 1832, с. 168—175; Рожкова М. К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России. — Ист. зап., 1955, т. 54, с. 299. — Примерная численность базаров подсчитана впервые в данной работе.

Численность ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений

Годы	Ярмарки					
	городские		сельские		всего	
	абс.	% роста	абс.	% роста	абс.	% роста
						На всей тер
1750-е	244	100	383	100	627	100
1760-е	487	200	1143	298	1630	260
1790-е	864	354	3180	830	4044	645
1820-е	1191	488	3778	986	4969	793
1850-е	1480	607	4140	1081	5620	896
						На сопоставимой
1750-е	244	100	383	100	627	100
1760-е	447	183	1046	273	1493	238
1790-е	749	307	2698	704	3447	550
1820-е	838	343	2869	749	3707	591
1850-е	1002	411	3227	843	4229	674

[5] Составлена по материалам, указанным в табл. 1, и по данным: *1820-е гг.* — ЦГИА столицам городов Российской империи. СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии СПб., 1843. [6] Динамика численности постоянных торговых заведений подсчитана на основе ными торговыми заведениями на 1800 г.), по которым имелись сведения на 1790-е гг. в действительности относятся к 1830-м гг.; имеющиеся в распоряжении сведения за мацию не только о лавках, но и о рынках (общая их численность в 1825 г. составляла 1825 год. СПб., 1829.

Что касается второй половины XVIII в., то нет достаточных оснований для предположения о том, что тенденция на опережающее развитие стационарной торговли действовала уже и в это время. Если бы темпы роста стационарной торговли во второй половине XVIII в. превосходили весьма высокие темпы роста числа ярмарок (оно возросло в 6.5 раза), то, исходя из достигнутых масштабов лавочной торговли в 151 городе (о которых сохранились сведения) к 1800 г., придется признать, что в 1750-е гг. в половине общего числа городов России (в 151 городе) функционировало не более 3757 лавок. Это не согласуется с известными данными, поскольку только в нескольких крупных городах, входивших в число 151, — в Москве, Можайске, Белгороде, Суздале, Архангельске, Вологде, Астрахани, Иркутске, — согласно данным хозяйственных анкет 1760-х гг., действовало более 4 тыс. лавок (см. табл. 2).

Сравнение динамики численности сельских и городских ярмарок и базаров за 1750—1850-е гг. показывает, что торговая сеть на селе развивалась более быстрыми темпами. Если число сельских ярмарок за столетие увеличилось в 10.8 раза, а базаров — в 5.5 раза, то число городских ярмарок — всего в 6.1 раза, база-

Таблица 2

в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в.[а]

Базарные дни в неделю						Городские постоянные торговые заведения[б]	
в городах		в селах		всего			
абс.	% роста	абс.	% роста	абс.	% роста	абс.	% роста
ритории							
398	100	177	100	575	100	—	—
428	108	209	118	637	111	—	—
722	181	608	344	1330	231	14060	—
—	—	—	—	—	—	61295	—
1041	262	965	545	2006	349	84219	—
территории							
398	100	177	100	575	100	—	—
416	105	207	117	623	108	—	—
593	149	508	287	1101	191	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—
735	185	749	423	1484	258	—	—

СССР, ф. 1287, оп. 5, д. 249—270; ф. 869, оп. 1, д. 789, л. 19; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и Царства Польского, данных о стационарной торговле в 152 городах (29 % всех городских поселений с постоянно-В них действовали тогда 14 060 лавок и других заведений. Данные, указанные на 1820-е гг., 1820-е гг. не сопоставимы с данными 1790-х и 1850-х гг. вииду того, что содержат информ-35 127). См.: Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по

ров — в 2.6 раза. Сближение города и деревни в отношении торговой сети за сто лет, однако, оказалось весьма незначительным: в 1750-х гг. на одно городское поселение приходилась примерно одна ярмарка, а в 1850-е гг. — две; в деревне же одна ярмарка приходилась в 1750-е гг. в среднем на 682 поселения, в 1860-е гг. — на 58 поселений (если принять, что общая численность крупных сельских поселений за это время не изменилась). Как видим, густота городских ярмарок увеличилась в 2 раза, а сельских — более чем в 11 раз, т. е. она росла в 5.5 раза быстрее. Однако, поскольку крупных сельских поселений даже в 1857 г. насчитывалось в 85 раз больше, чем городских,[16] разрыв в плотности сельских и городских ярмарок оставался весьма ощутимым.

Аналогичное положение наблюдалось и в базарной торговле. За 1750—1850-е гг. густота сельских базаров увеличилась более чем в 5.4 раза: в 1750-е гг. один базар приходился примерно на 1384 поселения, в 1850-е гг. — на 253. Плотность же городских базаров изменилась очень несущественно: в 1750-е гг. на одно

[16] Статистические таблицы Российской империи, вып. 2, с. 90.

городское население приходилось 1.3 базара, в 1850-е гг. — 1.5. Однако это еще не позволило деревне сравняться с городом и в отношении базарной торговли.

Что же касается постоянной торговли, то в течение 1750—1850-х гг. разрыв между городом и деревней не только не сокращался, как это имело место в отношении ярмарок и базаров, но даже увеличивался вследствие более быстрого развития постоянной торговли в городах: в 1750-е гг. постоянная торговля существовала в 70% городских поселений, в 1850-е гг. — в 97%, число же лавок только за первую половину XIX в. увеличилось примерно на 38%.

Таким образом, если основываться на сведениях о динамике численности торговых центров, ярмарок, базаров и лавок, на данных о соотношении торговых центров разного профиля и изменении этого соотношения за 1750—1850-е гг., то следует сделать вывод о том, что в России к началу 1860-х гг., несмотря на значительный рост торговой сети и определенные успехи стационарной торговли, периодическая и развозно-разносная формы торговли оставались по своему значению относительно более важными.

Подтверждается ли сделанный вывод данными об оборотах базарной, ярмарочной, стационарной и развозно-разносной торговли? Для хотя бы приблизительного ответа на поставленный вопрос попытаемся определить путем расчета примерное соотношение разных форм торговли в общем товарообороте страны. Сколько-нибудь надежные данные о товарном обращении имеются лишь за 1888—1913 гг.[17] Они исчислены С. Г. Струмилиным и пользуются хорошей репутацией у исследователей. Согласно этому расчету, товарная масса в постоянных ценах (в ценах 1913 г.) в Европейской России за 25 лет увеличилась с 3640 млн. зол. руб. до 7640 млн. зол. руб., т. е. на 210%. Если предположить, что и в предшествующий 1888 г. период (1863—1887 гг.) среднегодовые темпы роста товарооборота были примерно такими же (3% в год),[18] то товарная масса в ценах 1913 г.

---

[17] Струмилин С. Г. 1) Очерки экономической истории России и СССР. М., 1960, с. 160; 2) Наш довоенный товарооборот. — Плановое хозяйство, 1925, № 1, с. 118.

[18] В относительной достоверности данного показателя среднегодового темпа роста товарооборота убеждает следующий расчет. По данным П. Г. Рындзюнского (Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978, с. 12—13), объем товаров, перевозившихся по внутренним водным путям России с 1811 по 1854 г., возрос в ценностном выражении на 519%. Учитывая увеличение общего индекса цен за этот период на 10% и падение курса кредитного рубля к 1854 г. на 5.8%, прирост объема товаров, перевезенных по рекам и каналам — важнейшим торговым путям в то время, — за 43 года составил в постоянных ценах 446%, т. е. в среднем в год 3.5%. Некоторое расхождение результатов обоих расчетов, возможно, объясняется тем, что в период 1811—1854 гг. из-за отсутствия данных не учтены гужевые перевозки, хотя и отставшие в своем развитии от перевозок по водным путям, но игравшие существенную роль в общем товар-

составила бы в 1863 г. 1253 млн. зол. руб. и в 1868 г. 1445 млн. зол. руб. С поправкой на курс кредитного рубля за 1863—1888 гг. (85.5 зол. коп. за кредитный рубль в 1863 г. и 98.2 зол. коп. за кредитный рубль в 1888 г.) и рост цен в золотых копейках за 1863—1913 гг. на 83%, а за 1868—1913 гг. на 65%[19] товарная масса в текущих ценах составила бы в 1863 г. около 858 млн. кред. руб. и в 1868 г. 813 млн. кред. руб. В эти годы на все ярмарки Европейской России было привезено товаров соответственно на 399.8 и 482.9 млн. руб. и продано на 250.7 и 315.4 млн. руб. (см. табл. 18). Получается, что через ярмарки в 1860-е гг. реализовывалось около 47—59% всего товарооборота, если учитывать привозимые на ярмарки товары (это представляется более правильным, потому что все товары, не проданные на одной ярмарке, реализовывались на других ярмарках или базарах[20]), и около 29—39% товарооборота, если учитывать только проданные на ярмарках товары.[21] Принимая во внимание, что значение ярмарочной торговли со временем снижалось (в 1894—1913 гг. на ярмарках реализовывалось уже только 7—10% товарной массы[22]) и что учитываемый на ярмарках товарооборот был меньше действительного, есть основания полагать, что до 1860-х гг. на ярмарки привозилось более 47% товаров и продавалось там более 29% всей товарной массы страны, т. е. более чем в 1863—1868 гг.

Результаты сделанных выше расчетов совпадают с имеющимися в источниках и литературе данными о товарообороте середины XIX в., что позволяет принять эти расчеты — в сочетании со статистическими данными — для общей оценки объема оборотов торговли. В 1849 г. по водным путям России было перевезено грузов примерно на 473 млн. сер. руб., а на 4459 ярмарок (около 80% их общего числа) привезено товаров примерно на

ном движении страны. За 1839 г. только на 6 заставах Московского шоссе по направлению к Москве, Петербургу и другим городам и пристаням была зарегистрирована 385 751 обозная лошадь (см.: ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 244, л. 1—10).

[19] Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР, с. 380.

[20] Милютин Н. А. Статистический атлас 1850 г. — ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 789, л. 23.

[21] Следует иметь в виду, что в товарооборот, исчисленный С. Г. Струмилиным, внесена 35-процентная поправка на повторный счет перепродаж при переходе товаров от опта к розничке. Ярмарочные же обороты 1860-х гг. включали и оптовую, и розничную торговлю. Следовательно, для сравнимости их с данными С. Г. Струмилина необходимо уменьшить обороты тоже на 35%. Однако официальные данные об оборотах ярмарок систематически занижались (по расчетам крупных знатоков, например И. С. Аксакова, в середине XIX в. примерно на 40%). Таким образом, в данные об оборотах ярмарочной торговли за счет их занижения как бы автоматически внесена примерно 40-процентная поправка, что позволяет их сопоставлять с данными С. Г. Струмилина без дополнительной поправки.

[22] Струмилин С. Г. Очерки советской экономики. М., 1928, с. 258.

245 млн. сер. руб. и продано на 143 млн. сер. руб.[23] Это приблизительно составило в сравнении с объемом водных перевозок, основных в дореформенной России, соответственно 52 и 30%. Недоучет гужевых перевозок в значительной мере компенсируется тем, что и оборот ярмарочной торговли учтен тоже не полностью а лишь на 80%. Занижение как оборотов перевозок, так и оборотов ярмарочной торговли было примерно одинаковым, а повторный счет перепродаж в ярмарочной торговле нивелировался повторным счетом водных перевозок (достигавшим 30—40%), поскольку в официальных отчетах о перевозках повторные перевозки не выделялись.[24]

На городских и сельских базарах в 1860—1861-е гг. продавалось товаров примерно на 100—120 млн. кред. руб. (что составляло около 10—14% всего товарооборота страны). Данные получены путем следующего расчета: на одном сельском базаре в указанное время продавалось товаров в среднем приблизительно на 75—100 руб., на городском — на 2000—2100 руб.,[25] а сельских и городских базаров в 1850-е гг. проходило еженедельно соответственно около 965 и 1041, а ежегодно — 50 180 и 54 132. Посредством развозно-разносного торга даже в начале XX в. осуществлялось около 9% товарооборота страны.[26] По-видимому, в более раннее время относительное значение этой формы торговли было бо́льшим.

Таким образом, основываясь на предложенных расчетах и выявленных статистических данных, можно полагать, что в начале 1860-х гг. через ярмарочную и развозно-разносную торговлю реализовалось более половины всех товаров, обращавшихся на внутреннем рынке России, а посредством стационарной формы торговли, — следовательно, менее половины. Учитывая долговременно действовавшую тенденцию повышения относительной роли стационарной торговли на внутреннем общероссийском рынке, можно с еще большей вероятностью считать, что на протяжении всего столетия (1750—1850-е гг.) на долю стационарной торговли приходилось менее половины в общем товарообороте страны, остальная часть производившихся в стране товаров реализовывалась внутри страны посредством периодической и развозно-разносной формы торговли.

---

[23] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 789, л. 19.

[24] Виды внутреннего судоходства в России в 1837—1841 годах. СПб., 1838—1843; Обзор внутреннего судоходства Европейской России за 1851 и 1854 гг. СПб., 1855.

[25] Средний оборот одного базара подсчитан по данным: Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1—2; Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с. 83.

[26] Следует иметь в виду, что предлагаемый расчет относится к России в целом, в отдельных регионах соотношение разных форм торговли могло быть иным.

В этом убеждает еще один расчет, носящий тоже ориентировочный характер. В конце XVIII в. годовой оборот одной лавки — главного вида постоянного торгового заведения в 1750—1850-е гг. — в зависимости от вида товаров и состоятельности ее владельца колебался от 220 до 4000 сер. руб. (по курсу ассигнационного рубля в 1800 г. и считая, что вложенный в торговлю капитал обращался три раза в год).[27] С 1824 г. закон строго обусловливал размеры и устройство лавки: она «должна была заключать один только покой, в коем производится продажа, и при оной может быть кладовая, погреб или ледник, кроме собственного жилья хозяина».[28] Эта регламентация способствовала, как унификации самих лавок, так и нивелированию их торговых оборотов. В 1825 г. годовой оборот одной лавки розничного торговца высшего разряда, имевшего лавку в привилегированном районе Петербурга, составлял примерно 2800 сер. руб.,[29] в 1847 г. с учетом роста цен — 3100, в 1856 г. — 3500 сер. руб. В 1847 г. в Европейской России действовали, по официальным данным, 69 978 постоянных торговых заведений,[30] в 1856 г. — 79 421.[31] Отсюда максимальный (поскольку за средний годовой оборот одной лавки по стране принимается оборот столичной лавки, который безусловно превышал оборот любой провинциальной лавки) годовой оборот постоянной розничной торговли в 1847 и 1856 гг., согласно предложенному расчету, не мог превышать соответственно 217 и 278 млн. сер. руб. Неполные же (поскольку обороты не всех ярмарок известны) обороты ярмарочной торговли составляли по привозу в 1849 г. 245.5 млн., в 1859 г. — 334 млн. сер. руб., т. е. несколько превосходили обороты стационарной торговли.

Теперь попытаемся составить общее представление о том, каким образом городское и сельское население обслуживалось розничной и оптовой торговлей. Как было установлено, главными центрами оптовой и розничной торговли на протяжении 1750—1850-х гг. являлись немногие крупные города, где торговля в своем розничном звене уже в середине XVIII в. была в значительной мере специализированной. Последний факт нашел отражение в гл. XI, п. 3 «Таможенного устава 1755 г.», в которой сказано, что там, где существуют ряды, продажа товаров должна была производиться только в них и притом каждым товаром от-

---

[27] Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 24—25, 132.

[28] ПСЗ I, 1824, т. XXIX, № 20115, прил., роспись «Б».

[29] Архив Государственного совета. Т. V, ч. 1. СПб., 1904, с. 96.

[30] Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1852. — См. перечневую таблицу в конце книги без номера и страницы.

[31] Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858, с. 202—203.

дельно в соответствующем ряду. В 1750-е гг., по данным хозяйственных анкет, ряды и гостиные дворы функционировали в 6% городов. К середине XIX в. специализированная стационарная розничная торговля пришла почти во все губернские и некоторые уездные города и охватила до 10% городских поселений. Но в большинстве уездных городов и в некоторых небольших губернских городах, где спрос на товары вследствие малочисленности населения был невелик, оптовые стационарные торговые предприятия почти вовсе отсутствовали, розничные торговые предприятия теряли свою специализацию, а некоторые и свой стационарный характер, так как работали только в базарные дни.[32] Оптовая торговля в этой группе городов сосредоточивалась на ярмарках, хотя во многих случаях торговля на ярмарках, действовавших в небольших городах, носила розничный характер. Преобладали города с розничной базарной, лавочной постоянной, но неспециализированной торговлей и оптово-розничной ярмарочной торговлей. Их насчитывалось в 1750-е гг. до 64%, в 1850-е гг. — до 84%.

Таким образом, в 1750-е гг. 70% горожан, а в 1850-е гг. 94% могли ежедневно пользоваться услугами торговых предприятий, и лишь 30% горожан в 1750-е гг. и всего 6% в 1850-е гг. не имели такой возможности. Поскольку на селе до 1860-х гг. стационарная лавочная торговля была развита слабо, а в городах в 1750-е гг. проживало до 4% податного населения и в 1850-е гг. — около 7% (в 1863 г. около 10%),[33] то услугами розничной стационарной торговли как в ее специализированной, так и в неспециализированной форме постоянно могло пользоваться в 1750-е гг. не более 4% жителей Российской империи, а в 1850-е гг. — около 7%. Отсюда становится понятным, почему в России большое развитие в течение всего XVIII и XIX вв. получил развозный и разносный торг. К 1860-м гг. в России, включая Сибирь, армия развозчиков и разносчиков насчитывала около 12.5 тыс. человек.[34]

Следовательно, подавляющая часть населения страны проживала в поселениях, где не действовали никакие торговые заведения, и вынуждена была обращаться для продажи своих товаров и для закупки нужных им предметов чаще всего к странствующим торговцам или на ярмарки и базары. В розничной торговле ярмарка, базар и развозный торг оказались относительно более

---

[32] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1—2; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 25—26.

[33] Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в., с. 82, 92, 177; Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1914 гг.). Статистические очерки. М., 1956, с. 51—53, 98.

[34] Ежегодник Министерства финансов. Вып. I. На 1869 г. СПб., 1869, с. 331. — Количество бродячих торговцев определено по числу проданных годовых свидетельств на право развозной и разносной торговли.

важными формами торговли на всем протяжении 1750—1850-х гг.

Что же касается оптовой торговли, то до 1860-х гг. она сосредоточивалась преимущественно на ярмарках. В этом убеждают и приведенные выше данные об относительном значении ярмарок во всем товарообороте страны, а также и тот факт, что в 1750—1850-е гг. стационарные оптовые предприятия в форме товарных бирж, элеваторов, оптовых торговых фирм были крайне малочисленны.[35] Плохо налаженный, медленный обмен торговой информацией, громадные пространства страны при преобладании гужевого и водного транспорта препятствовали возникновению стационарной оптовой торговли и, наоборот, способствовали развитию ярмарочной оптовой торговли.

Факт относительного преобладания периодической, в особенности ярмарочной, формы торговли в России на протяжении второй половины XVIII—первой половины XIX в. прекрасно сознавался современниками. И в хозяйственных анкетах 1760-х гг., и в топографических и статистических описаниях любой губернии, которыми так богаты конец XVIII—начало XIX в., в разделе о торговле говорится исключительно или в первую очередь о ярмарках, затем о базарах, развозно-разносной торговле, а потом только о торговле стационарной.

В хозяйственно-статистических описаниях отдельных губерний первой половины XIX в., вплоть до описаний 1860-х гг., выполненных офицерами Генерального штаба, вновь указывается на ярмарки и на базары как на важнейшие формы торговли. «Большая часть губернии как по сбыту собственных произведений, так и по закупу предметов, нужных в крестьянском быту, довольствуются одними ярмарками», — писал, например, о Смоленской губернии 1850-х гг. известный в свое время знаток хозяйственного быта России Я. Соловьев.[36] «Вообще главное движение внутренней торговли губернии, — сообщает автор описания Симбирской губернии, — проявляется: в виде ярмарок, служащих главным складом и местом оптовой продажи ввозимых в губернию и частию собственных произведений, и в виде лавочной городской торговли, служащей для распродажи произведений преимущественно ввозных: колониальных, мануфактурных, бакалейных и т. п.».[37]

Естественно, что и в общих хозяйственно-статистических описаниях России, обобщавших частные описания губерний, факт доминирующего значения периодической формы торговли также

---

[35] Гессен Н. Ю. Элеваторы и их роль в сельском хозяйстве и хлебной торговле в России. Одесса, 1895; Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875—1914 гг. Л., 1978, с. 131—152; Филиппов Ю. Д. Биржа. Ее история. Современная организация и функции. СПб., 1912, с. 161—164.

[36] Соловьев Я. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855, с. 439.

[37] Липинский. Симбирская губерния. Ч. 2. СПб., 1868, с. 157.

нашел свое отражение. В одном из первых описаний такого рода, напечатанном к 1787 г., читаем: «Купцы закупают свои товары либо на тех местах, где они производятся, или ездят за ними для больших торгов по торговым городам и по ярмаркам, как то к Макарьеву на Волгу, в Ирбите находящейся по Восточную сторону Уральских гор, в Нежине при реке Остре и другие места. На сии годовые торжища съезжаются также и чужестранные, как европейские, так асийские (азиатские, — *Б. М.*), купцы».[38] Кочевой образ жизни российского купца конца XVIII в., вынужденного постоянно разъезжать по стране как для закупок, так и для продажи товаров, ярко вырисовывается в записках дмитровского купца И. А. Толченова — в этом уникальном источнике XVIII в. «В сем году переездил я в разные места 5946 верст. В разлуке с хозяйкою находился 195 дней», — записывает он в свой дневник в 1774 г. «В сем году переездил я в разные места 5087 верст. В разлуке с хозяйкою находился 193 дня», — подводит Толченов итоги своей торговой деятельности в 1775 г. и т. д.[39] Более половины дней в году купец вынужден был проводить в разъездах по ярмаркам и базарам, по пристаням и с караванами своих судов, не имея склонности к кочевой жизни. Такова была жизнь типичного представителя российского купечества XVIII в., такой она преимущественно оставалась и в первой половине XIX в.,[40] так как до появления телеграфа и телефона, железных дорог и пароходов, позволяющих торговцам быстро обмениваться экономической информацией, следить за конъюнктурой, спросом и предложением, заказывать, покупать и посылать товары в любое место и в определенный срок, активная торговая деятельность могла удовлетворительно осуществляться лишь в постоянных разъездах самих купцов, а не только их агентов. Не случайно тот же Толченов вскоре по прекращении своей кочевой жизни разорился.

Современники осознавали и те причины, которые приводили к господству периодической формы торговли. В одном из лучших хозяйственно-статистических описаний России, которое обобщило всю имевшуюся в то время экономическую литературу и как бы подвело итог экономическому развитию России при крепостном праве, совершенно справедливо, с нашей точки зрения, описывается и объясняется характер организации торговли на российском рынке начала 1860-х гг.: «Дробность производства, сосредоточение главных отраслей мануфактурной промышленности в немно-

---

[38] Пространное землеописание Российского государства... СПб., 1787, с. 196.

[39] Журнал или записка жизни и приключений Ивана Алексеевича Толченова. Под ред. П. И. Павленко, Сост. А. И. Копанев, В. Х. Бодиско. М., 1974, с. 58, 70.

[40] Кочевой образ жизни русского купечества в середине XIX в. превосходно описан в романах П. И. Мельникова (Андрея Печерского) «В лесах» (кн. 1—2. М., 1955) и «На горах» (кн. 1—2. М., 1956).

гих центрах, огромные пространства, редкость населения, плохие пути сообщения, недостаток капиталов — все это придает нашей торговле совершенно особый вид и характер. В России истинно коммерческими пунктами, в которых торговля получила вполне правильное развитие, можно назвать только Москву, Петербург, Ригу, Одессу и несколько других, уже менее важных, внутренних и приморских городов. В остальных же местах постоянная торговля имеет большею частью незначительные размеры, а важнейшими проводниками торговой деятельности как в городах, так и в селениях служат ярмарки, превращающие иногда, хотя и на короткое время, самые незначительные места в важные торговые пункты. На ярмарках у нас совершаются почти все операции по оптовой торговле; тут товары переходят из рук фабрикантов и гуртовщиков в руки розничных торговцев; тут же фабриканты запасаются многими продуктами, необходимыми для их производства, тут совершаются всякого рода расчеты, сделки и другие биржевые операции; наконец, тут потребители могут входить в прямые непосредственные сношения с первыми руками и производителями. Кроме ярмарок, весьма важное торговое значение, особенно по сбыту сельских произведений, имеют городские и сельские базары, развивающиеся в некоторых местах в обширные торги, на которых огромные запасы разных сельских произведений, и особенно хлеб, переходят из рук крестьян и помещиков в руки оптовых хлебных торговцев. Таким образом, наша внутренняя торговля имеет характер торговли временной и кочевой, переносящей с одного места на другое громадные массы товаров и заставляющей наших купцов и их агентов находиться в постоянном движении».[41]

Таким образом, организация внутренней торговли и соответственно структура внутреннего рынка России в 1750—1850-е гг. была в значительной мере иной, чем в то же время на Западе, где уже вполне доминировала стационарная форма торговли. В разных местностях России к началу 1860-х гг. практиковались все известные в Западной Европе в более раннее время формы обмена: периодическая розничная торговля товарами местного производства и разносная мелочная торговля товарами иногороднего производства в отдельных северных, сибирских и южных губерниях, а в сельской местности даже и в центральных районах России; периодическая розничная торговля товарами местного производства и периодическая оптовая торговля товарами, привозимыми из других районов, в большинстве городов и в ряде сельских населенных пунктов; стационарная розничная торговля местными и привозными товарами и периодическая оптовая торговля на ярмарках в большинстве российских городов; наконец, стационарная оптовая и розничная торговля в крупнейших торговых центрах страны, таких как Петербург, Москва, Рига, Ка-

[41] Военно-статистический сборник, вып. 4, с. 528—529.

зань, Киев, Нижний Новгород и некоторые другие. В течение 1750—1850-х гг. внутренний российский товарный рынок быстро развивался во всех своих сферах: периодической, развозно-разносной, стационарной. Несмотря на относительно бóльшие успехи в расширении стационарной торговли (особенно во второй трети XIX в.), она к началу 1860-х гг. по удельному весу — как в отношении густоты сети, так и в отношении товарооборота — еще уступала всем другим формам торговли, вместе взятым. Это подтверждает точку зрения тех исследователей (П. А. Хромова, К. П. Новицкого, Н. М. Дружинина, П. Г. Рындзюнского и др.), которые высказывают мнение о том, что в последнее столетие существования крепостнических отношений в России периодическая форма торговли относительно преобладала.[42] Однако к 1860-м гг. стационарная торговля, по-видимому, превосходила по своим оборотам взятые в отдельности ярмарочную, базарную и развозно-разносную торговлю, превратившись в важнейшую сферу российского внутреннего рынка. В этом отношении правы Н. Л. Рубинштейн и М. К. Рожкова, подчеркивавшие прогрессирующее развитие стационарной торговли во второй половине XVIII—первой половине XIX в.[43] Однако мнение этих авторов о быстром сокращении и падении значения периодической, особенно ярмарочной, торговли с конца XVIII в. не представляется достаточно аргументированным и поэтому не может быть принято.

Глава вторая

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВНУТРЕННЕГО РЫНКА РОССИИ В 1750—1850-е гг.

Для получения полного представления о структуре внутреннего рынка необходимо анализ структуры в общероссийском масштабе дополнить если не погубернским, то по крайней мере порайонным анализом. Колоссальность территории страны и обусловленное этим обстоятельством своеобразие природных и экономических условий, в которых проходило развитие рынка в отдельных регионах, наложили глубокий отпечаток на процесс формирования российского рынка. Выяснение этих региональных особенностей внутреннего рынка наполнит конкретно-историческим содержанием процесс его развития и позволит ответить на

[42] Хромов П. А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967, с. 186; Новицкий К. П. Ярмарки и их роль во внешней торговле России в первой половине XIX в. — В кн.: Сб. научных работ Моск. ин-та народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Вып. 4. М., 1964, с. 104—124; История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. IV. М., 1967, с. 24—25, 255.

[43] Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века; Рожкова М. К. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле...

ряд важных вопросов: на какой стадии в отношении уровня и доминирующей формы торговли находились отдельные регионы России в определенный момент? Проходили ли региональные рынки непременно одни и те же стадии эволюции, и если проходили, то одновременно или разновременно? Преодолевалась ли со временем региональная специфика торговых отношений и как быстро?

Как же изменялась географическая структура российского внутреннего рынка в исследуемый период? Ответ на этот вопрос можно получить, основываясь на данных табл. 3—5. Табл. 3, 4 содержат сведения об изменении периодической торговли по районам (данные обобщают результаты контентного анализа всего комплекса источников о внутреннем рынке второй половины XVIII—первой половины XIX в.), табл. 5 — сведения о стационарной торговле по районам за 1833 и 1856 гг. Кроме общей численности ярмарок, базаров и лавок по районам, в таблицах дана оценка относительного значения каждого района в географической структуре внутреннего рынка, осуществленная посредством подсчета удельного веса ярмарок, базаров и лавок каждого района в общей численности торговых единиц по стране.

Из приведенных данных следует, что развитие региональных рынков имело как общие, так и особенные черты. Общее заключалось в интенсивном росте плотности торговых центров *во всех* районах России в рассматриваемое время, следовательно, в повсеместном росте товарно-денежных отношений в стране. Повсеместность же указанных процессов свидетельствует о том, что отдельные районы страны находились в экономических отношениях между собой и развивались во взаимной связи.

Особенное же в развитии региональных рынков проявлялось прежде всего в различии темпов их динамики. Даже если брать только районы старого заселения, то прирост числа ярмарок за 1770—1863 гг. варьировал от 92% в Северном районе до 498% в Центрально-земледельческом районе, числа базаров за 1770—1857 гг.— от 61% в Северном районе до 350% в Северном Приуралье, числа торговых заведений за 1838—1858 гг. — от 9% в Северо-Западном районе до 56% в Северном Приуралье.[1]

К каким результатам для российского рынка привело различие в темпах роста торговой сети в отдельных районах страны? Существенно важным последствием неравномерного развития региональных рынков явилось очень сильное расширение границ

---

[1] Среднее различие (вариация) в темпах роста торговой сети в 16 районах оценивается с помощью коэффициента вариации, который принимает любые значения и может выражаться в процентах; при значениях 0—0.35 (0—35%) он считается низким, при значениях более 0.35 (35%) — высоким. Среднее различие в темпах прироста по районам числа ярмарок за 1770—1863 гг. составило 90%, базаров за 1770—1857 гг. — 206%, в то время как при более или менее равномерном росте торговой сети в отдельных районах коэффициент вариации не превысил бы 35%.

Район	Число населенных пунктов с ярмарками			
	1770	1800	1830	1857
Северный	61/7 [6]	84/4	81/6	83/4
Северо-Западный	40/5	103/9	140/9	159/7
Северное Приуралье	56/7	85/5	90/4	100/6
Южное Приуралье	8/1	6/3.4	34/1	39/2
Юго-Восточный	1/0.1	7/0.3	66/3	100/4
Средне-Волжский	29/3	97/3	53/2	69/3
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	84/10	224/10	280/11	331/10
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	125/10	237/11	271/11	232/10
Центрально-промышленный	175/21	183/17	482/20	445/20
Прибалтийский	21/2	89/5	133/5	76/3
Западный	14/2	187/8	189/9	200/9
Юго-Западный	1/0.1	5/0.2	56/2	61/3
Малороссийский	159/20	231/11	314/13	313/13
Новороссийский	20/3	87/3	177/5	139/6
Предкавказье	—	—	23/1	33/1
Сибирь	33/4	97/4	104/4	67/3
Итого	836	2152	2433	2333

[6] Источники табл. см. в прим. к табл. 1, 2 (из итога по России исключены данные сумма которых по столбцам составляет 100.

внутреннего рынка страны. Если в середине XVIII в. сфера действия рынка ограничивалась преимущественно центральными, северными, северо-западными, северо-восточными и сибирскими губерниями, то к концу XVIII в. внутренний рынок в той или иной мере включал также и украинские, западные, прибалтийские, новороссийские, юго-восточные губернии, а к середине XIX в. торгово-экономические связи отдельных районов настолько окрепли, что в системе внутреннего рынка оказались вся Европейская Россия, Предкавказье и Сибирь.

Внутренний рынок, развивавшийся в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в., стал связывать в единый народно-хозяйственный организм все регионы страны. Этот факт имел громадное значение для социально-экономического развития России. Складывание единого российского рынка способствовало успешной мобилизации материальных и природных ресурсов страны для повышения ее экономического потенциала, усиливало углубление общественного и, в частности, географического разделения труда, стимулировало развитие товарно-денежных отношений во всех регионах страны.

Таблица 3

России в 1770—1868 гг.[5]

Число ярмарок					
1770	1800	1830	1857	1863	1868
107/7	148/4	138/3	191/3	205/3	301/4
68/4	205/7	208/4	314/6	168/3	194/3
85/6	180/4	163/3	208/5	256/4	427/6
14/1	17/0.4	84/1	76/1	270/4	252/4
2/0.1	7/0.2	100/2	180/2	209/3	243/3
25/2	76/2	61/1	89/2	141/2	187/2
123/8	336/10	454/9	502/9	735/12	751/11
213/13	445/11	513/11	511/09	628/10	675/12
344/15	852/21	737/15	873/15	581/9	668/15
28/2	140/3	199/4	116/2	159/3	150/2
29/1	305/10	432/9	542/10	396/6	486/7
8/0.2	25/1	303/7	867/8	908/6	448/6
567/21	730/18	985/19	1030/19	1269/10	1271/19
97/6	161/4	247/7	337/7	669/11	633/9
—	—	49/1	54/1	52/1	57/1
70/4	161/4	140/3	108/2	193/3	212/3
1623	4028	4969	5620	6287	6944

по Выборгской губернии). [6] Вторая цифра соответствует проценту,

Будучи функцией общественного производства, достигшего в 1750—1850-е гг. достаточно высокой степени развития, российский рынок в свою очередь оказывал на него сильное обратное воздействие. Новые возможности сбыта товарной продукции, открывшиеся с возникновением единого широкого внутреннего рынка, способствовали расширению как промышленного, так и сельскохозяйственного производства, повышению производительности труда и его интенсификации.

Вследствие более быстрого развития торговой сети на окраинах и во вновь осваиваемых районах должно было произойти определенное выравнивание плотности торговой сети, уровня развития торговли, а значит, и уровня развития товарно-денежных отношений во всех регионах страны. Из-за сильного различия в территории и количестве населения сравнимость районов в отношении торговли может быть достигнута только при условии учета их размеров и населенности посредством подсчета плотности торговой сети по районам.

Наиболее объективным и вместе с тем наглядным показателем плотности торговой сети в районах может служить отноше-

Таблица 4

Базарная сеть по районам России в 1770, 1800 и 1857 гг.[а]

Район	Число населенных пунктов с базарами			Число базаров		
	1770	1800	1857	1770	1800	1857
Северный	29/6[б]	49/4	53/4	38/6	58/4	61/3
Северо-Западный	20/4	53/5	56/4	26/4	57/4	77/4
Северное Приуралье	18/4	47/4	70/5	18/3	48/4	81/4
Южное Приуралье	12/3	38/3	45/3	30/5	47/4	60/3
Юго-Восточный	3/1	15/1	19/1	9/1	27/2	31/1
Средне-Волжский	30/8	65/6	77/5	44/7	78/8	95/5
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	61/9	98/9	156/11	47/7	115/9	103/10
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	63/12	115/10	137/10	91/15	154/12	195/10
Центрально-промышленный	157/22	246/23	247/18	188/20	283/25	327/18
Прибалтийский	15/3	28/3	29/2	28/4	41/4	54/3
Западный	2/1	110/10	140/10	2/0.2	114/9	268/10
Юго-Западный	1/0.2	72/7	79/6	2/0.2	74/6	116/5
Малороссийский	57/12	102/9	166/13	74/12	129/10	265/13
Новороссийский	3/1	14/2	79/5	9/1	16/1	173/8
Предкавказье	—	3/0.3	4/0.3	—	4/0.3	17/1
Сибирь	15/4	44/4	52/4	29/5	51/4	67/3
Итого	470	1101	1407	636	1318	2011

[а] Источники табл. см. в прим. к табл. 1, 2 (из итога по России исключены данные по Выборгской губернии). [б] Вторая цифра здесь и в табл. 5 соответствует проценту.

Таблица 5

Сеть стационарных розничных торговых заведений в России в 1838 и 1856 гг.[а]

Район	Число населенных пунктов с торговыми заведениями		Число торговых заведений	
	1838	1856	1838	1856
Северный	26/4	23/5	1395/2	1825/2
Северо-Западный	33/6	35/5	7247/12	7935/9
Северное Приуралье	21/4	27/4	1737/3	2717/3
Южное Приуралье	15/3	17/3	1125/2	2346/3
Юго-Восточный	5/1	6/1	1370/2	2476/3
Средне-Волжский	27/5	36/6	3575/6	4014/5
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	51/9	53/8	4155/7	6365/8
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	45/8	48/8	3657/6	4741/6

[а] Составлена по данным: Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1840; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, Великого княжества Финляндского и царства Польского. СПб., 1842; Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858, с. 3—203.

Таблица 5 (*продолжение*)

Район	Число населенных пунктов с торговыми заведениями		Число торговых заведений	
	1838	1856	1838	1856
Центрально-промышленный	89/16	102/16	17 101/28	19 276/28
Прибалтийский	24/6	26/4	1319/2	1746/2
Западный	56/10	69/11	3657/6	7410/9
Юго-Западный	30/7	41/6	3506/6	5742/7
Малороссийский	49/9	53/8	3039/5	4685/6
Новороссийский	42/7	53/8	5605/8	8237/10
Предкавказье	5/1	9/1	453/1	1931/2
Сибирь	38/7	38/6	2235/4	3467/4
Итого	565	642	61 295	84 219

ние доли (удельного веса) ярмарок, базаров и торговых заведений каждого региона в общем их числе по стране к доле населения данного района в общем населении страны. В целом по России это отношение составит 1; в тех районах, где оно будет меньше 1, плотность торговой сети, а значит, уровень развития торговли и товарно-денежных отношений будет ниже среднероссийского уровня, а где более 1,— выше среднероссийского; сама же величина отношения будет указывать на степень развития рыночных отношений в данном регионе. Результаты проделанных расчетов приведены в табл. 6.

Из данных табл. 6 видно, что плотность торговой сети по районам России в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в. выравнивалась. Если в 1760-е гг. различие между минимальной и максимальной плотностью ярмарочной сети достигало 120-кратного размера (в Юго-Восточном районе показатель плотности равнялся 0.05, в Новороссийском — 6), то в начале 1860-х гг.— только 4-кратного размера. Аналогичный процесс наблюдаем в отношении сети базарной и стационарной торговли. В целом по России различие в плотности ярмарочной сети в отдельных районах за столетие сократилось, как показывает коэффициент вариации, приблизительно в 2.4 раза (128 (коэффициент вариации на 1770 г.): 53 (коэффициент вариации на 1863 г.)), базарной сети — в 1.5 раза (52 : 34), сети стационарной торговли только за 1838—1858 гг. — в 1.3 раза (65 : 52).

Таким образом, в результате усиления единства всероссийского рынка происходило выравнивание районов в отношении плотности торговой сети, а значит, и в отношении развития рыночных отношений. Механизм подобного нивелирования хорошо виден при сопоставлении средних или среднегодовых темпов роста торговой сети в районах по отдельным периодам с плотностью торговой сети на начальную дату периода. Например, если берем период 1770—1800 гг., то сравнивать нужно средние

Район	Отношение к до				
	доли ярмарок				
	1770	1800	1830	1857	1863
Северный	1.75	1.33	1.50	1.00	1.00
Северо-Западный	0.67	1.75	1.00	1.50	0.75
Северное Приуралье	1.00	0.80	0.60	0.71	0.57
Южное Приуралье	0.50	0.20	0.33	0.20	0.80
Юго-Восточный	0.05	0.20	1.00	1.50	1.50
Средне-Волжский	0.22	0.29	0.14	0.40	0.40
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	0.89	1.11	0.82	0.82	1.09
Центрально-земледельческий северо-западная группа	1.00	1.00	1.10	0.90	1.00
Центрально-промышленный	0.68	1.31	1.07	1.15	0.69
Прибалтийский	0.67	1.00	1.33	0.67	1.00
Западный	0.17	0.91	0.82	1.25	0.75
Юго-Западный	0.20	0.11	0.78	0.67	0.67
Малороссийский	2.58	1.38	2.38	2.38	2.50
Новороссийский	6.00	1.33	1.17	1.17	1.83
Предкавказье	—	—	1.00	1.00	1.00
Сибирь	1.00	1.33	0.75	0.40	0.60
Россия	1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
Коэффициент вариации	128	55	51	54	53

[а] Составлена по данным табл. 3—5.

темпы прироста ярмарок и базаров за 1770—1800 гг. с плотностью ярмарочной и базарной сети в 1770 г. и т. д. Провести сколько-нибудь удовлетворительно подобное сравнение 320 показателей на глаз невозможно. Эта работа более успешно выполняется с помощью корреляционного анализа, который выявил следующую закономерность: чем выше начальный уровень плотности торговой сети, тем меньше темпы ее роста в дальнейшем.[2]

[2] Зависимость между начальным уровнем развития ярмарочной торговли и прогрессом ее в последующем в 62 губерниях на различные даты выражается коэффициентами корреляции от (—) 0.51 до (—) 0.44, та же зависимость для базарной торговли — коэффициентами от (—)0.50 до (—) 0.32, для стационарной — коэффициентами от (—) 0.52 до (—) 0.32 (все коэффициенты корреляции статистически значимы и существенны, поскольку их стандартная ошибка при 95% вероятности не превышает ±0.115; об определении стандартной ошибки см.: Езекиел М., Фокс К. А. Методы анализа корреляций и регрессий. М., 1966, с. 307—310. — В последующем изложении будут приводиться только статистически значимые коэффициенты корреляции и их стандартные ошибки без комментариев). Знак минус при коэффициентах указывает на обратный характер зависимости темпов роста торговой сети от начального уровня развития торговли, а сравнительно небольшая абсолютная величина коэф-

Таблица 6

второй половине XVIII—первой половине XIX в.[а]

ле населения

доли базаров			доли постоянных торговых заведений	
1770	1800	1857	1838	1856
1.50	2.00	1.00	1.00	0.67
0.80	1.00	1.00	3.00	2.25
0.60	0.80	0.57	0.60	0.43
2.50	1.33	0.60	0.67	0.40
1.00	1.00	0.50	1.00	1.50
0.88	0.86	1.00	0.86	1.00
0.78	0.82	0.91	0.64	0.73
1.15	1.20	1.00	0.60	0.60
1.36	1.50	1.23	0.50	1.77
2.00	1.33	1.00	0.67	0.67
0.04	0.82	1.38	0.55	1.13
1.00	0.67	0.67	0.67	0.78
1.00	1.25	1.75	0.63	0.75
1.00	0.17	1.50	1.50	1.67
—	0.30	1.00	1.00	1.00
1.66	1.00	0.80	1.00	0.80
1.00	1.00	1.00	1.00	1.00
52	44	34	65	52

Вместе с тем данные табл. 6 показывают, что полного нивелировании регионов в отношении торговли к началу 1860-х гг. все же не произошло. Только плотность базарной сети в большинстве районов унифицировалась (поскольку коэффициент вариации показатели плотности базарной сети по районам на 1857 г. составил всего 34%). Заметим, что различия в плотности базарной сети сравнительно с различиями в плотности сети ярмарочной и, по-видимому, стационарной торговли были невелики уже в 1760-е гг. Можно полагать поэтому, что потребность в местном торговом обмене уже в середине XVIII в. являлась одинаково настоятельной во всех районах, в то время как потребность в межрайонном обмене и стационарной торговле была в них различной. И это, вероятно, не случайно. Ведь потребность в местном торговом обмене, как правило, предшествует потребности в межрай-

---

фициентов свидетельствует о том, что данная закономерность действовала как тенденция, не предопределив множества случайностей и отклонений в отдельных губерниях и районах. Важно отметить также, что действие указанной закономерности со временем ослабевало вследствие постепенного выравнивания уровней торгового развития отдельных районов, на это указывает уменьшение значений коэффициентов корреляции.

Таблица 7

Сравнение уровней промышленного развития районов с плотностью сети ярмарочной, базарной и стационарной торговли в конце 1850-х—начале 1860-х гг.

Район	Ранг района в отношении			
	промышленного развития	плотности сети ярмарочной торговли	плотности сети базарной торговли	плотности сети стационарной торговли
Северный	9	5—8	5—10	12—13
Северо-Западный	1	10—11	5—10	1
Северное Приуралье	4—5	15	15	15
Южное Приуралье	4—5	9	14	16
Юго-Восточный	11—12	3	16	4
Средне-Волжский	6	16	5—10	6—7
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	8	4	11	11
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	7	5—8	5—10	14
Центрально-промышленный	2	12	4	2
Прибалтийский	3	5—8	5—10	12—13
Западный	14	10—11	3	5
Юго-Западный	10	13	13	9
Малороссийский	11—12	1	1	10
Новороссийский	13	2	2	3
Предкавказье	15	5—8	5—10	6—7
Сибирь	16	14	12	8

онном обмене, а потребность в периодической торговле — потребности в стационарной торговле.

Однако не кроется ли в различии темпов и уровней развития региональных рынков более глубокая причина: различие в темпах и уровнях общего экономического развития районов? Сравним плотность торговой сети с уровнем промышленного развития по районам (табл. 7).[3] Для большей наглядности в таблице ранжированы показатели промышленного развития, плотности сети ярмарочной, базарной и стационарной торговли. Сравнение всех показателей свидетельствует о существовании как тенденции следующей закономерности: там, где промышленная специализация выражена сильнее, где более развита городская жизнь, там плотность сети ярмарочной и базарной торговли ниже, а плотность сети стационарной торговли выше.[4]

[3] Уровень промышленного развития районов определен на основании данных о стоимости продукции обрабатывающей промышленности на душу населения в рублях на 1863 г., помещенных в кн.: Статистический временник Российской империи. Вып. I. СПб., 1866, отд. 2, с. 54—62.

[4] Еще четче эту зависимость выявляет коэффициент корреляции. Взаимосвязь между уровнем стационарной торговли и степенью развития про-

Из данных табл. 7 видно, что Северо-Западный и Центрально-промышленный районы с наиболее развитой промышленностью и городской жизнью являются первыми в отношении развития торговли стационарной и находятся в числе последних по степени развития торговли ярмарочной (в полном соответствии с указанной выше тенденцией); но вот Новороссийский и Юго-Восточный районы — преимущественно сельскохозяйственные — стоят первыми в ряду районов по уровню развития как ярмарочной, так и стационарной торговли. Почему? Потому, вероятно, что в Новороссийском и Юго-Восточном районах находились крупнейшие в России первой половины XIX в. порты — Одесса, Херсон, Таганрог, Астрахань и другие,— через которые в 1846—1850 гг. импортировалось около 34% и экспортировалось около 16% товаров от общего объема морского отпуска и привоза.[5] Для налаживания заграничного сбыта и привоза в больших масштабах требовалась более высокая стационарная форма организации торговли — отсюда и высокий уровень ее развития в приморских губерниях. С другой стороны, эти же районы являлись в рассматриваемое время крупнейшими поставщиками сельскохозяйственной продукции как на внешний, так и на внутренний рынок. Сельскохозяйственная специализация как раз и обусловила высокий уровень развития в этих районах периодической торговли, которая соответствовала периодическому характеру сельскохозяйственного производства. Одновременное влияние двух факторов — внешняя торговля и земледельческая специализация — привело к половинчатому действию тенденции связи уровня экономического развития с уровнем развития торговли в Новороссийском и Юго-Восточном районах. К сходным результатам приходим при анализе состояния разных форм торговли и в других районах.

Чем можно объяснить выявленные выше особенности развития разных форм торговли на региональных рынках? Относительно большее значение постоянной торговли в районах с промышленной специализацией и относительно меньшее ее развитие в районах преимущественно земледельческих объясняется стационарным характером ремесленно-промышленного производства и периодическим, сезонным, характером сельскохозяйственного произ-

---

мышленной жизни в районах в начале 1860-х гг. выражается существенным коэффициентом корреляции (+) 0.75 (стандартная ошибка коэффициента ±0.06), что указывает на преобладающее (хотя и не всецело определяющее) значение промышленной специализации района для формирования там стационарной формы торговли. Напротив, взаимосвязь между уровнем ярмарочной и базарной торговли и степенью промышленного развития в районах выражается коэффициентом корреляции, равным (—) 0.4 (стандартная ошибка коэффициента ±0.11), что свидетельствует о наличии обратной связи (знак минус при коэффициенте) между этими показателями: там, где промышленное развитие выше, периодические формы торговли развиты относительно меньше.

[5] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 2. СПб., 1902, с. XXXVI.

водства. Ремесло и промышленность нуждались в постоянном рынке сбыта и, следовательно, в стационарной форме торговли, земледельцы же могли удовлетвориться торговлей периодической. Потребность в постоянной торговле со стороны промышленников и ремесленников усиливалась высокой товарностью их предприятий, поскольку почти вся их продукция шла на рынок, а также необходимостью постоянно иметь наличные деньги для поддержания непрерывного характера их производства. Напротив, земледельцы, в особенности крестьяне, по причине полунатурального и сезонного характера их хозяйства нуждались и в рынке сбыта, и в наличных деньгах периодически, когда приближался день уплаты налогов и повинностей, что случалось 2 раза в год. Совершенно закономерно поэтому, что вследствие преимущественно аграрного характера российской экономики второй половины XVIII—первой половины XIX в. в целом в стране относительно преобладали периодические формы торговли; но в тех районах, где промышленность развивалась особенно успешно, стационарная торговля получила более широкое распространение сравнительно с районами сельскохозяйственной ориентации.

Аграрный характер российской экономики привел еще к одному важному результату: в 1750—1850-е гг. различные формы торговли развивались параллельно, не конкурируя, не подавляя, а дополняя друг друга. Во всех районах России наблюдался рост и ярмарочной, и базарной, и стационарной торговли с той лишь разницей, что постоянные формы обмена несколько быстрее развивались в районах с промышленной специализацией. Получалось так, что там, где возникала соответствующая потребность, стационарная торговля просто дополнила торговлю периодическую, не вытесняя ее, а мирно сосуществуя с ней.[6]

Важно отметить, что совершенствование форм торговли, переход от простых форм к более сложным во всех районах России происходили постепенно, хотя и не равномерно и не одновременно. По мере развития общественного разделения труда, увеличения товарности производства, роста промышленности и городов в районах старого заселения и хозяйственного освоения территории в районах нового заселения росли потребности крестьян и помещиков, ремесленников и промышленников как в расширении тор-

---

[6] Корреляционный анализ обнаруживает эту особенность развития торговли на региональных рынках очень четко. Коэффициент корреляции между численностью ярмарок и базаров по 16 районам в первой половине XIX в. составил 0.91, между числом ярмарок и лавок — 0.59, между числом базаров и лавок — 0.78 (стандартная ошибка коэффициентов равняется соответственно: ±0.03, ±0.08, ±0.09). Параллелизм в развитии разных форм обмена проявился в положительном знаке коэффициентов, теснан взаимосвязь между ними — в высоком абсолютном значении последних; а некоторая неравномерность в развитии стационарной и периодической торговли — в различии значений коэффициентов: корреляция между числом ярмарок и базаров оказалась теснее, чем между числом ярмарок и лавок, с одной стороны, и базаров и лавок — с другой.

говой сети и объема торговли, так и в совершенствовании форм последней. Поступательное экономическое развитие явилось движущей силой, изменявшей масштабы и формы обмена на региональных рынках.

Зависимость между уровнем экономического развития района и доминирующим в нем видом торговли, ее объемом, степенью развития более совершенных форм обмена, постепенный и органический характер развития внутреннего рынка ярко проявились в том, что между уровнем развития в каком-либо районе торговли на разные даты, например в 1770-е и 1800-е гг., в 1800 и 1863 гг., существовала тесная связь. В районах, где в более раннее время торговля была более развита, и в последующем ее уровень оказывался выше. В общем виде данную зависимость можно выявить посредством корреляционного анализа между численностью ярмарок, базаров и торговых заведений на разные даты.[7]

Данные корреляционного анализа указывают на то, что прошлое района в торговом отношении на 70—90% как бы *предопределяет* его будущее. Следовательно, развитие торговли в отдельных районах осуществлялось постепенно, в органическом единстве с их экономическим развитием; только пройдя низшую стадию торгового развития, район переходил на более высокую стадию. Вместе с тем результаты проведенного анализа показывают, что «настоящее» района в торговом отношении не предопределялось полностью его прошлым, что оставалась некоторая возможность ускорения или, наоборот, замедления темпов развития торговли в районе, т. е. возможность для «отстающих» районов догнать «передовые», для «передовых» еще более опередить «отстающих».

Как показал анализ степени изменчивости уровней торгового развития районов в течение 1750—1850 гг. (см. табл. 7), из двух возможных вариантов развития региональных рынков реализо-

---

[7] Между численностью ярмарок по районам в 1770 и 1800, 1800 и 1830, 1830 и 1863, 1770 и 1863 гг. существовала тесная связь, выражаемая коэффициентами корреляции 0.85, 0.94, 0.90, 0.88 (стандартная ошибка коэффициентов не превышает ±0.036). Это означает, что относительно более высокий или более низкий уровень развития ярмарочной торговли в том или ином районе *на определенный* момент существенно определял более высокий или более низкий уровень развития ярмарочной торговли в данном районе (относительно других регионов) и *в последующем*. То же наблюдается в отношении базарной и стационарной торговли. Между числом базаров в отдельных районах в 1770 и 1800, 1800 и 1857, 1770 и 1857 гг. наблюдалась тесная зависимость, которую коэффициенты корреляции оценивали как 0.98, 0.86 и 0.82 (стандартная ошибка коэффициентов не превышает ±0.042). Это показывает, что уровень базарной торговли в районе на какой-либо момент во многом обусловливался степенью ее развития в предшествующий период. Связь между числом лавок в 16 районах России в 1825 и 1838, 1838 и 1856 гг. также выражается высокими коэффициентами корреляции — 0.95 и 0.98 (стандартная ошибка коэффициентов не превышает ±0.013), что свидетельствует о тесной зависимости между состоянием стационарной торговли в том или ином районе в разные периоды.

вался следующий: происходило постепенное нивелирование районов в отношении торговли в ходе выравнивания уровней их экономического развития и развития всероссийского рынка, который все более тесными узами связывал отдельные регионы в единый народнохозяйственный организм.

В плане выяснения степени единства российского рынка представляет интерес анализ динамики региональных рынков по отдельным периодам, который обнаружил, что главные закономерности социально-экономического развития России одновременно и почти в равной степени проявлялись в отдельных регионах. Так, благоприятная экономическая конъюнктура второй половины XVIII в., вызванная быстро возраставшим экспортом, действием закона о свободной хлебной торговле, ростом цен, в особенности на земледельческие продукты, усилением экономической активности помещиков, одинаково благотворно повлияла на развитие торговли во всех районах. Наоборот, в целом вялая экономическая конъюнктура первой половины XIX в., связанная со снижением цен, со стагнацией экспорта, в особенности сельскохозяйственных товаров, и усугубленная кризисом крепостнической системы, привела к повсеместному сокращению темпов роста сети ярмарочной и базарной торговли соответственно в 4.4 и 3.7 раза (см. табл. 3—4). Темпы роста региональных рынков позволяют считать, что своеобразие их развития ступевывалось перед общей тенденцией к увеличению их единства и что центростремительные силы в развитии региональных рынков в исследуемый период превалировали над центробежными.

Таким образом, развитие внутреннего российского рынка во второй половине XVIII—первой половине XIX в. происходило не только по линии увеличения численности торговых пунктов, ярмарок, базаров и лавок, но и в направлении роста стационарности торговли. Вторая линия развития рынка особенно заметно проявилась в увеличении общей и средней численности постоянных торговых заведений, приходящихся на один торговый центр. В наиболее значимых пунктах периодические формы торговли обнаруживали тенденцию к концентрации и перерождению в стационарные формы. Этот процесс проходил по-разному: возрастало число ярмарок в пунктах и удлинялся срок их действия, ярмарки перерастали в базары, увеличивалось число базаров, которые постепенно заменялись постоянной торговлей. Так, например, в Костроме во второй половине XVIII в. имелись 2 ярмарки в 9-ю и 10-ю пятницу после пасхи и 2 торговых дня в неделю; к середине XIX в. ярмарки объединились в одну, которая стала продолжаться две недели, и число торговых дней возросло до трех.[8] В местечке Белиновке Киевской губернии в XVIII в. не было ярмарок,

[8] Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788, с. 94; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1. СПб., 1863, Костромская губ., с. 4.

Таблица 8

Количество ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений, приходившихся на один торговый пункт по районам России во второй половине XVIII—XIX в.[а]

Район	На один пункт приходится									
	ярмарок					базаров			постоянных торговых заведений	
	1770	1800	1830	1857	1894	1770	1800	1857	1838	1856
Северный	1.8	1.8	1.7	2.1	2.1	1.3	1.2	1.2	54	63
Северо-Западный	1.7	1.5	1.4	2.1	2.2	1.3	1.1	1.4	220	226
Северное Приуралье	1.7	1.8	1.8	2.7	2.4	1.0	1.0	1.2	83	101
Южное Приуралье	1.8	1.9	1.5	1.9	1.9	2.5	1.2	1.3	75	132
Юго-Восточный	1.0	1.0	1.5	1.7	2.0	3.0	1.8	1.6	274	413
Средне-Волжский	1.1	1.1	1.2	1.4	1.2	1.5	1.1	1.2	132	112
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	1.5	1.8	1.7	3.2	1.8	1.1	1.2	1.2	81	120
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	1.7	1.9	2.0	2.2	2.0	1.5	1.4	1.4	81	97
Центрально-промышленный	1.4	1.5	1.5	2.0	1.8	1.2	1.2	1.2	192	189
Прибалтийский	1.2	1.4	1.5	1.5	1.5	1.9	1.2	1.9	55	67
Западный	2.1	2.4	2.4	2.7	2.9	1.0	1.8	1.5	65	108
Юго-Западный	3.0	5.0	6.5	6.0	6.2	2.0	1.0	1.4	91	140
Малороссийский	3.0	3.2	3.0	3.4	3.0	1.3	1.4	1.6	62	88
Новороссийский	3.0	3.4	2.7	3.1	2.3	3.0	1.1	2.2	133	158
Предкавказье	—	—	2.1	1.6	1.7	—	1.3	4.3	91	116
Сибирь	2.1	1.7	1.3	1.6	2.0	1.5	1.2	1.3	60	91
Итого	1.9	1.9	2.0	2.4	2.3	1.3	1.2	1.4	108	131
% роста	100	100	105	126	121	100	92	108	100	121
Коэффициент вариации	41	50	50	47	49	40	19	47	60	61

[а] Подсчитано по данным табл. 2—6.

в 1820-е гг. их стало 10, в 1860-е гг. — 26 ярмарок и 2 торговых дня.[9]

В обобщенном виде усиление концентрации и увеличение стационарности периодической торговли и рост концентрации постоянной торговли можно выразить посредством оценки изменения за исследуемый период среднего числа ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений, приходившихся на один торговый пункт (табл. 8). В 14 районах России имело место увеличение среднего числа ярмарок и базаров, приходившихся на один пункт, и только в двух районах (Новороссии и Сибири) вследствие усиленной колонизации наблюдалось их уменьшение. В целом по России

[9] Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834, с. 143; Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 3. СПб., 1885, с. 133—134.

в 1770 г. в одном пункте действовали 1.9 ярмарки и 1.3 базара, а в 1857 г. — соответственно 2.4 и 1.4; следовательно, и те, и другие стали собираться чаще. Особенно интенсивно данный процесс проходил начиная с 1820-х гг. При этом частота ярмарок и базаров в отдельных регионах, за исключением Юго-Запада, различалась несущественно и возрастала примерно одинаково, что свидетельствует о приблизительно равном во всех районах увеличении стационарности периодической торговли. Вследствие тесной связи между оборотами периодической торговли и числом базаров и ярмарок можно полагать, что торговые обороты в пунктах с периодической торговлей со временем возрастали; значит, соответственно поднималось и торговое значение этих пунктов.

Сосредоточение стационарной торговли в отдельных немногих центрах проходило еще быстрее. За 1838—1856 гг. общее число лавок в России увеличилось на 37%, а в одном городе — на 21%. Следовательно, рост стационарной торговли на 57% (21 : 37) обязан старым центрам. Этот процесс в равной мере наблюдался во всех районах. Отсюда следует, что рост стационарной торговли проходил преимущественно *интенсивным* путем, за счет расширения ее объема в старых торговых центрах, а не за счет ее появления в других пунктах. В периодической торговле процесс был иным. Там во всех районах рост числа ярмарок и базаров происходил в большей степени за счет их возникновения в тех пунктах, где их раньше не было. Это показывает, что периодическая торговля развивалась преимущественно *экстенсивным* путем, за счет возникновения новых торговых пунктов. Данный вывод вполне соответствует общему характеру развития российской экономики в рассматриваемое время, она в главной своей сфере, в сельском хозяйстве, развивалась экстенсивным путем. Не повышение производительности труда и урожайности являлись главными путями прогресса в земледелии, а расширение посевных площадей и увеличение числа рабочих рук.[10] Промышленность же в большей мере развивалась интенсивным путем, так как там рост производительности труда обгонял рост числа рабочих,[11] — отсюда и аналогичный характер развития стационарной торговли, которая имела дело в основном с промышленно-ремесленной продукцией. Однако, вследствие того что общее направление и темпы экономического развития страны в 1750—1850-е гг. обусловливались все же состоянием сельского хозяйства, развитие внутреннего рынка в его торговом аспекте проходило главным образом экстен-

---

[10] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 329—331, 355—356; Яцунский В. К. Изменения в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 135—136.

[11] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973, с. 233.

сивным путем, за счет увеличения числа ярмарок и базаров в новых пунктах. Российский рынок шел следом за крестьянином в новые районы, на новые земли, привязывая их к складывавшемуся в стране единому народнохозяйственному организму и помогая их освоению.

Таким образом, приведенные в главе материалы о географической структуре внутреннего рынка России 1750—1850-х гг. показывают, что развитие региональных рынков происходило повсеместно, но неравномерно и определялось прежде всего уровнем экономического развития районов и во вторую очередь начальным, т. е. на 1750-е гг., уровнем развития рыночных отношений в соответствующих районах. Несмотря на заметное нивелирование в течение 1750—1850-х гг. районов в отношении уровня развития в них торговли, все же те региональные рынки, которые шли в торговом отношении в середине XVIII в. впереди — Центрально-промышленный, Северо-Западный, Прибалтийский, Центрально-земледельческий, — так и остались в числе самых развитых в отношении торговли и в середине XIX в. Те же регионы, где в 1750-х гг. торговля была развита гораздо меньше — Приуралье, Предкавказье, Сибирь, Юго-Восточный регион, — и к 1860-м гг., несмотря на большой прогресс, оставались по уровню ее развития позади старых, центральных регионов. Это позволяет предполагать, что в своем развитии региональные рынки последовательно проходили определенные стадии: от низкого — к высокому уровню развития торговли периодической, от высокого уровня развития периодической торговли — к торговле стационарной. Ускоренное развитие менее развитых региональных рынков позволяло им быстрее пройти те или иные стадии, но вообще их миновать не удавалось. По-видимому, отдельные экономические районы России соответствовали не только определенным стадиям в общей экономической эволюции страны,[12] но и стадиям в эволюции торговли и развитии российского внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в.

Глава третья

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СТРУКТУРЫ ВНУТРЕННЕГО РЫНКА РОССИИ В 1750—1850-е гг.

Внутренний рынок России в течение 1750—1850-х гг. не представлял собой застывший организм с косной структурой и организацией. Он развивался (хотя имевшие место изменения носили преимущественно количественный характер), и факторы, обусловившие развитие рынка, заслуживают специального рассмотрения, которое начнем с анализа факторов динамики ярмарок и базаров.

[12] Челинцев А. Н. Очерки по сельскохозяйственной экономии. Вып. I. СПб., 1910, с. 6—7.

При общей тенденции роста числа ярмарок, неизменно действовавшей в течение столетия, развитие ярмарочной сети в отдельные периоды происходило далеко не равномерно (см. табл. 2). Это особенно хорошо видно при сравнении среднегодовых темпов прироста числа ярмарок. Наиболее интенсивное развитие ярмарочной сети имело место в 1760-е гг., когда каждый год число ярмарок увеличивалось на 10%. Затем наблюдалось постепенное снижение темпов роста ярмарочной сети, которые, однако, до конца XVIII в. оставались высокими — 3—3.3% прироста в год. В первой трети XIX в. темпы еще более замедлились — в 1800—1830 гг. они составляли 0.7%, — а после 1830 г. увеличение числа ярмарок было весьма незначительным — 0.3% в год. Во многом сходные результаты дает и анализ динамики численности базаров. Быстрое развитие базарной сети в России во второй половине XVIII в. (среднегодовой прирост в 1760—1790-е гг. составлял 4.8%) сменяется замедленным ее развитием в первой половине XIX в. (среднегодовой прирост в 1800—1857 гг. — 0.6%). При общности тенденции в развитии базарной и ярмарочной сети базарная сеть во второй половине XVIII в. расширялась медленнее, чем ярмарочная, зато в первой половине XIX в. она развивалась быстрее; соответственно уменьшение темпов роста базарной сети в течение 1750—1850-х гг. происходило медленнее. В замедлении в первой половине XIX в., в особенности с 1830-х гг., темпов развития периодической торговли, обслуживавшей преимущественно деревню, сказались, вероятно, ухудшение конъюнктуры на мировом и российских рынках, сокращение темпов роста внешнеторгового оборота страны, в особенности слабое увеличение экспорта хлеба, а также кризис крепостнического способа хозяйствования, который со всей очевидностью проявился в 1830—1850-е гг. XIX в., достигнув наибольшей остроты к середине XIX в.[1]

Стационарная торговля, так же как и периодическая, неуклонно развивалась в течение столетия, но темпы ее роста в XVIII—первой трети XIX в. уступали темпам роста периодической торговли, а со второй трети XIX в., наоборот, их превосходили. Следовательно, уже в дореформенный период возникла тенденция опережающего развития стационарной торговли, в еще большей степени проявившаяся в пореформенное время. Это было связано, вероятно, с ростом буржуазных отношений в экономике России, которые отчетливее всего обнаруживались в городах и в области промышленного производства.

---

[1] Опарин Д. И. Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742—1917 гг.). — В кн.: Методологические вопросы в статистических исследованиях. М., 1968, с. 114; Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. I. СПб., 1902, с. 2—5; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 380.

В стационарную форму постепенно переходила и оптовая торговля. В течение почти всего XVIII в. в России действовала только одна товарная биржа в Петербурге, открытая еще в 1703 г. по указу Петра I. Ярмарочная форма оптовой торговли, вероятно, вполне справлялась с потребностями рынка, поэтому указание Регламента Главного магистрата 1721 г. об открытии бирж «в больших приморских и прочих купеческих знатных городах по примеру иностранных купеческих городов»[2] не реализовывалось вплоть до 1796 г., когда была создана вторая русская биржа в Одессе. К 1861 г. начали действовать еще 4 биржи. Но лишь после реформы 1861 г. биржевая оптовая торговля стала быстрыми темпами вытеснять ярмарочную оптовую торговлю и превращаться, таким образом, в стационарную: за 1860—1899 гг. открылись 24 биржи, а за 1900—1912 гг. — более 60 бирж, всего же к 1913 г. в России функционировали 90 бирж.[3]

Чем же можно объяснить указанные особенности развития внутреннего рынка России во второй половине XVIII—первой половине XIX в.? Причин несколько. Одна группа причин носит экономический характер: это развитие общественного, в особенности географического, разделения труда, товарно-денежных отношений в городе и деревне и повышение производительности труда в земледелии и промышленности, ведущие к росту товарности народного хозяйства; это процесс развития в сфере ремесла и промышленности, рост городов и городского населения. Экономические причины целесообразно отнести к факторам *интенсивного* порядка, поскольку они в отличие от причин экстенсивного порядка способствовали интенсификации торговых отношений. Под влиянием экономических факторов в России происходили модернизация, модификация структуры, существенные изменения в тенденциях развития внутреннего рынка.

Ко второй группе причин относятся факторы *социального, политического* и *правового* порядка. Здесь можно указать на изменение прав и обязанностей отдельных сословий, связанных с рынком, на изменение характера и степени феодальной эксплуатации крестьянства, торгового законодательства в отношении как внутренней, так и внешней торговли. Эта группа факторов по своему происхождению и в особенности по результатам тоже была тесно связана с экономикой. Вместе с тем эти факторы обладали отчетливой спецификой, и поэтому при анализе они выделяются в самостоятельную группу.

Третья группа причин связана с увеличением территории и населения страны — это факторы *экстенсивного* порядка. Под их влиянием происходило как бы простое распространение рыночных связей в прежнем качестве на новые поселения. Но если бы

---

[2] ПСЗ I, 1721, т. VI, № 3708, с. 301.

[3] Филиппов Ю. Д. Биржа. Ее история. Современная организация и функции. СПб., 1912, с. 161—164.

действовала только данная группа причин, торговая сеть просто расширялась бы в прямом отношении с ростом числа новых поселений и населения.

Анализ влияния экономических факторов на изменение структуры российского внутреннего рынка начнем с важнейшего из них — общественного и географического разделения труда. Дореволюционные и советские исследователи много сделали в изучении как специфики отдельных хозяйственных районов, так и экономического районирования России XVIII—XIX вв. в целом.[4] Однако развитию территориального разделения труда еще не давалась количественная оценка, хотя именно подобная оценка уровня и динамики географического разделения труда поставит обсуждение этого вопроса на прочный фундамент массовых статистических данных. Ниже предпринимается попытка такой оценки для XVIII—XIX вв., которая необходима для анализа влияния экономических факторов на изменение структуры российского внутреннего рынка, так как территориальное разделение труда входит в число этих факторов.

Территориальное разделение труда означает хозяйственную специализацию районов, а последняя прежде всего связана со специализацией населения на производстве определенных товаров или услуг. Для XVIII—первой половины XIX в. профессиональные переписи не производились. Однако имеются данные о сословной структуре населения по районам, которая косвенно указывает на хозяйственную специализацию района. Трудно сомневаться в том, что концентрация торгово-промышленного населения страны в определенном районе свидетельствует о его торгово-промышленной специализации, напротив, немногочисленность торгово-промышленного элемента в районе указывает на его сельскохозяйственную ориентацию. Поэтому одним из показателей географического разделения труда может служить отношение процента городского населения (точнее городских сословий) в данном районе к среднему проценту городского населения в стране — будем условно называть это отношение показателем *промышленной специализации* (условность данного показателя объясняется тем, что значительная часть сельского населения не занималась сельскохозяйственным трудом, в то время как значительная часть городского населения им занималась).[5] Несмотря на это, можно однако полагать, что район, где это

---

[4] Вольская Б. А. Обзор опытов районирования России с конца XVIII в. по 1861 г. — В кн.: Вопросы географии. Сб. 17. М., 1950, с. 139—201.

[5] См., например: Водарский Я. Е. Промышленные селения Центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972, с. 198—202; Милов Л. В. О так называемых аграрных городах России XVIII в. — Вопросы истории, 1968, № 6, с. 54—64; Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 83—89.

отношение больше единицы, имеет торгово-промышленную ориентацию, где меньше единицы — сельскохозяйственную (табл. 9).

Данные табл. 9 показывают, что в течение всего XVIII—первой половины XIX в. между районами России существовала определенная хозяйственная специализация, поскольку не было ни одного района, где бы показатель специализации равнялся единице. Обращает на себя внимание и другой примечательный факт: до отмены крепостного права черноземная и нечерноземная зоны страны не различались между собой сколько-нибудь существенно в отношении промышленной специализации (показатель специализации для нечерноземной полосы в целом составил в 1719—1795 гг. 0.98, в 1811—1857 гг. — 0.98, для черноземной соответственно — 0.99 и 1.01). Зато внутри каждой зоны и в целом по России различия показателей промышленной специализации были весьма значительны. Это свидетельствует о том, что географический фактор уже не играл решающей роли в определении хозяйственного профиля района. Колебания показателя промышленной специализации по районам могут быть оценены также и с помощью коэффициента вариации, который в нашем конкретном случае показывает, во-первых, степень различия районов в отношении хозяйственной ориентации вообще и промышленной в частности и, во-вторых, уровень территориального разделения труда в целом по стране и зоне. Чем больше коэффициент вариации, тем выше уровень географического разделения труда и, наоборот, чем он меньше, тем степень территориального разделения труда ниже. Динамика коэффициента вариации свидетельствует о тенденции к увеличению уровня территориального разделения труда в России: в 1719—1796 гг. коэффициент в целом по стране равнялся 0.41, в 1811—1857 гг. — 0.48, в 1913 г. — 0.51. Как видим, уровень географического разделения труда уже на рубеже XVIII и XIX вв. был довольно высок, даже если его сравнивать с уровнем, достигнутым к началу XX в., когда хозяйственная специализация районов достигла своего максимума в дореволюционной России.

Другим показателем территориального разделения труда может служить отношение доли данного района в общем производстве зерна и картофеля в России к доле района в общем количестве населения России — это отношение будем называть показателем *сельскохозяйственной специализации* района. Если это отношение превышает единицу, можно полагать, что район специализируется на земледельческом производстве, если оно меньше единицы, то район имеет промышленную ориентацию[8] (табл. 10).

---

[8] Идея данного показателя принадлежит И. Д. Ковальченко. Однако он рассматривает такой показатель уже — только как показатель район-

городского насе

Район	1719	1744	1762
Нечерноземная зона	0.94	0.72	0.94
Коэффициент вариации	0.22	0.27	0.32
Северный	0.88	0.81	0.96
Северо-Западный	1.24	0.77	1.07
Прибалтийский	—	—	—
Западный	—	—	—
Центрально-промышленный	0.87	0.86	1.20
Приуральский	0.78	0.43	0.51
Черноземная зона	1.06	1.03	0.95
Коэффициент вариации	0.59	0.50	0.52
Центрально-черноземный	0.86	0.74	0.90
Средне-Волжский	0.57	0.44	0.56
Украинский Левобережный	1.76	1.46	0.69
Юго-Западный	—	—	—
Юго-Восточный	—	1.46	1.66
Южный Степной	—	—	—
Сибирь	1.81	—	1.20
В среднем по России	100	100	100
Коэффициент вариации	0.42	0.40	0.36

[*] Средние отношения по нечерноземной и черноземной зонам подсчитаны на основе мещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971, с. 59—181;

Динамика показателя сельскохозяйственной специализации в течение XIX—начале XX в. оказалась в целом такой же, как и динамика показателя промышленной специализации. Из данных табл. 10 следует, что отношение доли сбора хлебов и картофеля к доле населения уже в начале XIX в. сильно варьировало по отдельным районам — от 0.54 в Северном районе до 1.36 в Центрально-черноземном. Общий уровень вариации этих отношений по 13 районам Европейской России, измеренный с помощью коэффициента вариации, оказался равным в 1802—1811 гг. 0.27, в 1851—1860-х гг. — 0.25, в 1883—1887 гг. — 0.26, в 1909—1913 гг. — 0.36. Значит, с начала XIX в. и до 1880-х гг. территориальное разделение труда находилось примерно на одном уровне, специализация районов уже в начале XIX в. была

ной специализации земледелия. Кроме того, он не придает значения вариации этого показателя по районам, сосредоточивая главное внимание на различии этого показателя между группой черноземных и нечерноземных губерний, и потому не считает коэффициент вариации. См.: Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР. М., 1973, с. 212—214.

Таблица 9

(отношение процента городского населения в районе к проценту ления в России) [а]

1782	1795	1811	1815	1833	1850	1887	1914
1.29	1.01	1.02	1.03	0.95	0.93	0.95	1.14
0.38	0.36	0.38	0.47	0.51	0.49	0.52	0.57
1.24	0.87	0.77	0.55	0.52	0.47	0.48	0.58
1.50	1.17	1.20	1.13	1.09	1.06	1.06	1.58
1.90	1.39	1.31	1.35	1.28	1.23	1.28	2.20
1.56	1.26	1.44	1.74	1.58	1.60	1.59	0.87
1.11	1.00	1.03	0.89	0.95	0.97	1.00	1.09
0.47	0.38	0.38	0.50	0.27	0.35	0.28	0.49
0.87	1.04	0.98	1.00	1.07	1.09	1.11	0.82
0.38	0.40	0.33	0.67	0.56	0.52	0.50	0.29
0.85	0.77	0.90	0.65	0.68	0.73	0.75	0.60
0.46	0.48	0.49	0.44	0.44	0.53	0.55	0.60
0.87	0.91	0.78	0.69	0.71	0.80	0.83	0.83
—	1.41	1.19	2.26	1.97	1.99	1.96	0.80
1.28	1.11	1.09	0.77	1.00	0.87	0.95	0.81
—	1.58	1.42	1.21	1.62	1.59	1.63	1.25
1.81	1.20	1.03	0.59	0.53	0.43	0.48	0.79
100	100	100	100	100	100	100	100
0.46	0.36	0.33	0.54	0.52	0.51	0.51	0.51

районных отношений. Данные о населении см. в кн.: Кабузан В. М. Изменения в раз-Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 101.

достаточно четко выраженной и лишь к началу XX в. достигла нового, более высокого рубежа.

Сходство сельскохозяйственной и промышленной специализации регионов далее обнаруживается в том, что во второй половине XIX в. наряду с углублением порайонной сельскохозяйственной специализации определеннее проявилась специализация *зональная*, которая в первой половине XIX в. была выражена недостаточно четко, хотя и значительнее, чем зональная промышленная ориентация. Развитие территориального разделения труда, судя по показателю сельскохозяйственной специализации, тоже проходило противоречиво. Общая динамика показателя по стране свидетельствует о постепенном углублении хозяйственной специализации районов (коэффициент вариации в целом по стране растет), а динамика того же показателя по зонам — о нивелировании хозяйственных различий между районами в пределах черноземной и нечерноземной зон (зональный коэффициент вариации снижается). Этот процесс обнаруживается и при сравнении зональных коэффициентов вариации и общего по России коэффициента вариации за 1880-е и 1910-е гг.: зональные коэф-

Таблица 10

Хозяйственная специализация районов России в 1802—1913 гг. (отношение доли сбора хлебов и картофеля к доле населения) [*]

Район	1802—1811	1851—1860	1883—1887	1909—1913
Нечерноземная зона	0.88	0.85	0.80	0.66
Коэффициент вариации	0.28	0.27	0.25	0.32
Северный	0.54	0.58	0.59	0.50
Северо-Западный	0.91	0.55	0.59	0.35
Прибалтийский	0.75	0.87	1.04	0.84
Литовский	1.17	0.88	0.73	0.78
Белорусский	1.22	0.86	0.76	0.71
Центрально-промышленный	0.87	1.00	0.80	0.50
Приуральский	0.72	1.20	1.11	0.93
Черноземная зона	0.97	1.01	1.08	1.23
Коэффициент вариации	0.28	0.26	0.20	0.16
Центрально-черноземный	1.36	1.33	1.28	1.13
Средне-Волжский	1.13	1.26	1.29	1.08
Украинский Левобережный	0.90	0.87	0.78	1.09
Юго-Западный	0.86	0.79	0.85	1.11
Южный Степной	0.55	0.63	1.14	1.51
Юго-Восточный	1.04	1.15	1.11	0.36
Коэффициент вариации	0.27	0.25	0.26	0.36

[*] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. Е. Историческая география СССР, с. 213. — Коэффициенты вариации и средние отношения по зонам подсчитаны нами на основе районных отношений.

фициенты становятся меньше общего коэффициента, и разница между ними со временем растет (см. табл. 10).

Анализ территориального разделения труда с помощью показателей промышленной и сельскохозяйственной специализации выявил важный факт: специализация промышленная между районами и между зонами была выражена четче, чем специализация сельскохозяйственная, поскольку коэффициенты вариации показателя промышленной специализации превосходят по абсолютному значению коэффициенты вариации показателя сельскохозяйственной специализации. Вместе с тем различие черноземной и нечерноземной зон в сельскохозяйственном отношении оказалось более существенным, чем их различие в отношении промышленном. Если показатели зональной промышленной специализации в России стали заметно различаться лишь к началу XX в. (на 40%), то показатели зональной сельскохозяйственной специализации ощутимо (на 10%) отличались уже в начале XIX в., а к началу XX в. различие между ними достигло 200% (см. табл. 10). На основании этих данных можно предположить, что развитие территориального разделения труда в промышлен-

ности во второй половине XVIII—первой половине XIX в. проходило преимущественно между районами, а не между зонами, а в сельском хозяйстве оно шло сразу в двух направлениях: и в межрайонном, и в межзональном.[7]

Подводя итоги измерения уровня географического разделения труда, полученные указанными выше двумя способами, следует согласиться с Л. Н. Рубинштейном, что именно в XVIII в., в особенности во второй его половине, произошел качественный скачок в территориальном разделении труда в России, которое стало с этих пор, во-первых, в своей основе не географическо-демографическим, а экономическим, а во-вторых, более четким и определенным, чем прежде.

К отчетливо определившимся экономическим районам страны во второй половине XVIII—первой половине XIX в. относились: Центрально-нечерноземный — промышленный; Северо-Западный — промышленный и торгово-промысловый; Северный — промысловый и скотоводческий; Центрально-черноземный и Юго-Западный — земледельческие; Средне-Волжский — земледельческий и торгово-промысловый; Приуральский — промышленный и скотоводческо-земледельческий; Юго-Восточный, Украинский, Западный, Новороссийский, Сибирь и Предкавказье — скотоводческо-земледельческие; Прибалтика — земледельческо-скотоводческий и промышленный. Система водных и гужевых дорог связывала воедино все экономические районы огромной Российской империи.[8] Эти районы вместе образовали единый народно-хозяйственный организм, *систему всероссийского значения*, которая могла существовать лишь при условии правильного функционирования каждого района, т. е. при условии выполнения им своей особой экономической роли, определившихся хозяйственных «обязательств» перед другими районами и системой в целом.

Несомненно, подобный народно-хозяйственный организм мог существовать в России при наличии соответствующего внутреннего рынка, достаточно разветвленного и мощного, способного обеспечить правильный межрайонный обмен, жизненно необходимый для успешного функционирования всего народного хозяйства в целом. Отчетливо обозначившиеся промышленные и промысловые районы страны (Центрально-промышленный, Северо-Западный, Урал, Прибалтика) нуждались в сырьевых ресурсах преимущественно земледельческих районов (Украинского,

---

[7] Конкретно-эмпирическая сторона территориального разделения труда отражена в ряде работ, в том числе в обобщающем труде: Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР, с. 205—262.

[8] Там же, с. 211—223, 233—240, 252—262; Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка.— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 88—100.

Новороссийского, Центрально-земледельческого, Западного, Юго-Западного, Юго-Восточного, Предкавказья и Сибири), а последние — в промышленной продукции первых. Успешное освоение новых территорий Юга и Востока могло осуществляться лишь при поддержке людскими и материальными ресурсами со стороны районов старого освоения (особенно Центрально-промышленного и Центрально-земледельческого), а последние в свою очередь испытывали потребность в реализации избытков рабочей силы, товарной продукции и капитала. Таким образом, рациональное распределение труда и капитала, экономически целесообразное и необходимое перераспределение товарных избытков по всей территории России стало со второй половины XVIII в. насущной задачей экономики страны. Реализация этой новой задачи и привела к громадному по своим масштабам увеличению товарообмена, торговли, что потребовало в свою очередь соответствующего расширения торговой сети, в особенности расширения ярмарочной и базарной сети, поскольку именно ярмарка и базар на протяжении 1750—1850-х гг. являлись главными формами торгового обмена.

К экономическим факторам интенсивного порядка, определившим изменение структуры российского внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в., следует отнести и рост городов и промышленности, в чем также находило свое выражение развитие общественного разделения труда.

Городское население России в течение 1750—1850-х гг. увеличивалось не только абсолютно, но и относительно. Количественный и качественный рост городов свидетельствовал об углублении разделения между трудом земледельческим и промышленным, об относительном повышении роли промышленно-торговой деятельности населения и об относительном понижении значения сельскохозяйственного труда. Этот вывод подтверждается данными о развитии российской промышленности.

В рассматриваемое время в России получило широкое распространение сначала крупное мануфактурное, а затем и фабричное производство, что привело к ускорению темпов промышленного развития. Только в обрабатывающей промышленности численность рабочих увеличилась до 56 тыс. к 1767 г., до 83 тыс. к 1799 г., до 211 тыс. к 1825 г. и до 565 тыс. к 1860 г., т. е. за столетие возросла в 10 раз.[9] Объем производства обрабатывающей промышленности в постоянных ценах в 1767 г. составил

---

[9] Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР, с. 233. — В горнозаводской промышленности в 1860 г. было занято 250 тыс. рабочих (там же, с. 233). Для XVIII в. численность этой категории рабочих не поддается точному учету, так как в горной промышленности работали приписные крестьяне, занятые на предприятии неполный рабочий день.

приблизительно 2.1 млн. сер. руб., в 1799 г. — 4.8, а в 1858 г. — 180.1 млн. сер. руб.,[10] т. е. за 1767—1799 гг. он вырос в 2.3 раза, а за 1800—1858 гг. — в 37.5 раза, всего же за 1767—1858 гг. — в 86 раз. На одного жителя России в ценах 1767 г. обрабатывающая промышленность произвела товаров в 1767 г. примерно на 9 коп., в 1799 г. — на 13 коп., в 1858 г. — на 3 р. 4 к. сер., т. е. среднедушевое потребление промышленных изделий за 1767—1858 гг. увеличилось почти в 34 раза.

Поскольку быстрое увеличение душевого потребления промышленных изделий, особенно в первой половине XIX в., не сопровождалось столь же быстрым расширением торговой сети, то возникает вопрос: как же реализовывалась промышленная продукция? Ответ кроется, вероятно, в росте оборотов ярмарочной, базарной, стационарной торговли и росте российского экспорта. Систематические данные об оборотах, имеющиеся, правда, только по ярмаркам да и то лишь с конца 1820-х гг., свидетельствуют об их постоянном росте. Если в начале 1830-х гг. средний оборот ярмарки по продаже равнялся в текущих ценах 99 тыс. асс. руб., то в 1868 г. он составил 47 тыс. кред. руб., в переводе на золотые рубли — соответственно 26 тыс. и 46 тыс. руб., т. е. увеличился в 1.7 раза номинально, а в постоянных ценах — в 1.3 раза (см. табл. 18). Если в начале 1830-х гг. привоз товаров на все российские ярмарки составлял около 150 млн. зол. руб., то в начале 1860-х гг. — 350 млн. зол. руб., т. е. возрос в 2.3 раза. С учетом же повышения общего индекса цен потребительских товаров на 33% и увеличения населения на 22% обороты ярмарочной торговли на душу населения только за 30 лет возросли примерно на треть. Нет сомнения, что обороты ярмарок росли и во второй половине XVIII—начале XIX в. Так, обороты Макарьевской (впоследствии Нижегородской) ярмарки — первой ярмарки России — за 1720—1830 гг. увеличились номинально с 244.6 тыс. сер. руб. до 30.4 млн. сер. руб. — в 124 раза, с учетом же падения курса рубля и в постоянных ценах 1800 г. — примерно в 33 раза; обороты Ирбитской ярмарки — второй по значению в империи — за 1706—1830 гг. возросли с 25.9 тыс. сер. руб. до 4.9 млн. сер. руб., соответственно в 189 и в 32 раза; обороты Курской коренной ярмарки — третьей по величине в стране — за 1791—1830 гг. возросли с 3 млн. сер. руб. до 5.8 млн. сер. руб., соответственно в 1.9 и в 2 раза.[11] Следует также учесть, что промышленные изделия

---

[10] Там же, с. 233; Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959, с. 217; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973, с. 99. — О динамике цен см.: Миронов Б. Н. Революция цен в России XVIII в. — Вопросы истории, 1971, № 11, с. 51—52; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, с. 380.

[11] Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958, с. 189 (оборот Макарьевской ярмарки 1720 г.);

являлись важнейшими товарами в ассортименте стационарной торговли, которая достигла значительного развития в течение первой половины XIX в., и в большом количестве шли на экспорт.[12]

А кто и на что покупал промышленные изделия? Главным потребителем изделий российской промышленности в 1750—1850-е гг. могло быть сельское население, потому что городское население было малочисленным, экспорт промышленных товаров из России относительно внутреннего потребления был невелик, богатые слои городского населения предпочитали пользоваться импортными мануфактурными изделиями. Чтобы деревня могла покупать непрерывно возраставшую массу мануфактурных товаров, она должна была поставлять на рынок в обмен на эти товары столь же быстро возраставшее количество сельскохозяйственной продукции за счет роста как производства, так и товарности сельского хозяйства. Действительно только за два последних десятилетия XVIII в. в 20 российских губерниях посевы зерновых культур, а значит, и их сборы увеличились примерно на 60%,[13] на душу населения — на 14%. В первой половине XIX в. прогресс в земледелии продолжался. Сбор зерновых и картофеля на душу населения за 1802—1863 гг. увеличился с 4.1 до 4.4 четверти, т. е. еще на 7%.[14] Рост сельскохозяйственной продукции повлек за собой повышение товарности, которая к началу XIX в., согласно подсчетам В. К. Яцунского и И. Д. Ковальченко, достигла 9—12%, а к 1860 г. — 17—18% валового сбора зерна,[15] а последнее обстоятельство в свою очередь определило возрастание товарной массы на российском внутреннем рынке за счет земледельческих продуктов. Так произошла, пользуясь купече-

---

Александров В. А. Начало Ирбитской ярмарки. — История СССР, 1974, № 6, с. 41 (оборот Ирбитской ярмарки 1706 г.); Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 1161, л. 194 об. (оборот Курской Коренной ярмарки 1791 г.); Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834, с. 212, 242, 156 (обороты ярмарок в 1831 г.).

[13] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, с. XXVI—XXXII, XXXIV; таблицы, с. 58—62. — С 1802—1804 гг. по 1896—1898 гг. экспорт промышленных изделий из России возрос в текущих ценах в 13.6 раза, а с учетом понижения цен на промышленные товары — примерно в 27.2 раза.

[13] Подсчитано по данным: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 320—331. — Некоторые исследователи считают, что рост посевов, по данным Н. Л. Рубинштейна, преувеличен (Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв., с. 282—284; История СССР, 1958, № 3, с. 237 — рецензия Н. М. Дружинина на книгу Н. Л. Рубинштейна).

[14] Яцунский В. К. Изменение в размещении земледелия в Европейской России с конца XVIII в. до первой мировой войны. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 130—131.

[15] Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв., с. 104; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 96—98, 340.

ским языком XIX в., «развязка» промышленного и сельскохозяйственного производства.[16] А одновременное возрастание промышленной и сельскохозяйственной продукции явилось тем существенным фактором, который способствовал расширению торговой сети и оборотов на российском внутреннем рынке.

Развитие общественного разделения труда в 1750—1850 гг., выражавшееся в росте географического разделения труда, в углублении разделения между трудом земледельческим и торгово-промышленным, в повышении специализации в сферах промышленности и сельского хозяйства, имело следствием повышение производительности труда, а в конечном счете увеличение товарности всех отраслей народного хозяйства России и как результат этого рост товарной массы на внутреннем рынке. За вторую половину XVIII—первую половину XIX в. производительность труда в промышленности возросла примерно в 8.6 раза (это следует из сопоставления сведений о росте рабочей силы и объема производства, приведенных выше), а в земледелии, по данным С. Г. Струмилина, — на 14%. Товарность ремесленного и промышленного производства на протяжении исследуемого периода вряд ли сколько-нибудь заметно изменилась: и ремесло, и промышленность по природе своей отличались высокой товарностью, поскольку работали почти исключительно на рынок. Зато товарность земледелия — важнейшей сферы народного хозяйства России, где производилось даже в 1913 г. около 65% валового продукта страны,[17] — как было указано выше, только в дореформенное время возросла примерно на 67%. В результате общая товарность российской экономики в дореформенный период увеличилась примерно на 43%.[18] Товарная же продукция России на душу населения в постоянных ценах, согласно данным С. Г. Струмилина, увеличилась за 1749—1888 г. с 14.1 до 31.4 зол. руб., или в 2.2 раза.[19] Следовательно, за 1750—1850 гг. она возросла

---

[16] Следует иметь в виду, что в этой торговой «развязке» активная роль принадлежала внешней торговле, обороты которой достигали в 1751—1760 гг. 19.2 млн. зол. руб., в 1791—1800 гг. — 66.1, в 1851—1860 гг. — 235.6 млн. зол. руб., т. е. возросли за весь исследуемый период в 12.3 раза, с учетом изменения цен только с 1791—1800 по 1851—1860 гг. — в 4.5 раза. Подсчитано по данным: Опарин Д. И. Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742—1917 гг.), с. 120—125.

[17] Там же, с. 160. — Согласно весьма условным и приблизительным оценкам доли сельского хозяйства в валовом или чистом национальном продукте России для второй половины XVIII—XIX вв., сделанным разными авторами, она колебалась от 60 до 70%. См.: Вайнштейн Альб. Народный доход России и СССР. История, методология исчисления, динамика. М., 1969, с. 33, 37—38, 41—42, 45—48, 68.

[18] Если товарность земледелия, производившего более 64% валового продукта, увеличилась на 67%, а товарность ремесла и промышленности, дававшей менее 36% валового продукта, даже осталась прежней, то общее увеличение товарности составит более 43%.

[19] Струмилин С. Г. Очерки экономической истории..., с. 160.

примерно в 1.8 раза при условии, что темпы роста товарной массы в 1860—1888-е гг. были равны темпам предшествующего периода. Благодаря быстро возраставшей денежной массе увеличившийся товарооборот имел и соответствующие средства для циркуляции на внутреннем рынке. По нашим расчетам, количество денег, находившихся в обращении с 1740—1751 гг. по 1861—1870 гг., увеличилось с 278 до 813 зол. коп. на душу населения, т. е. почти в 3 раза.

Таким образом, экономические факторы должны были оказать существенное влияние на изменение структуры российского внутреннего рынка. Совокупное их влияние может быть определено после анализа географо-демографических факторов, среди которых бесспорно важнейшим является расширение пределов России и вследствие этого увеличение населения.[20] На изучаемой территории страны в границах 1760 г. за 1760—1790-е гг. число ярмарок возросло на 449%, базаров — на 84%, а в целом по России — соответственно на 645 и 124% (см. табл. 2). Следовательно, значительная часть прироста ярмарок и базаров может быть отнесена на счет увеличения территории и населения империи вдоль западной, юго-западной и южной границ. После 1809 г. и до конца исследуемого периода владения России на изучаемой нами территории не увеличивались и влияние данного фактора прекратилось. Однако следует принять во внимание, что некоторый прирост числа ярмарок и базаров в первой половине XIX в. может быть объяснен естественным приростом населения и соответственным увеличением торговой сети на территориях, присоединенных до 1796 г., где за 1796—1857 гг. население увеличилось на 41%. Поскольку на присоединенных к России землях проживала почти четверть всего населения страны, то на счет прироста населения на этих землях относится еще некоторая доля общего увеличения численности ярмарок в первой половине XIX в.

Второй существенной причиной роста торговой сети можно считать освоение районов старого заселения — Центра, Севера и Северо-Запада, но в особенности южных, восточных, северных окраин России и Сибири с богатыми и неиспользованными природными ресурсами. Вовлечение в хозяйственный оборот целинных земель, промысловых угодий, минеральных богатств, естественно, потребовало налаживания межрайонного обмена, жизненно необходимого как для районов старого освоения с более развитым ремеслом и промышленностью (в которых к тому же природные ресурсы в 1750—1850-е гг. стали несколько истощаться), так и для вновь осваиваемых районов с избытками хлеба, рыбы, соли и других сырых продуктов. Хозяйственное освоение новых и ста-

---

[20] Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб., 1848, с. 29—48; Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1963, с. 164—165.

рых районов осуществлялось, как известно, прежде всего крестьянством. В основе этого освоения в рассматриваемое время лежал прирост сельского населения, проходивший весьма быстрыми темпами (среднегодовой прирост населения в России в границах 1-й ревизии за 1719—1857-е гг. составлял 0.81%). Поэтому увеличение населения в районах старого освоения, приведшее к возникновению новых поселений, к укрупнению старых и к миграции в колонизуемые районы, с одной стороны, и к расширению коммуникаций, росту потребности в торговых связях и новых торговых центрах — с другой, объясняет значительную часть прироста числа базаров и ярмарок. В 1760—1857 гг. ярмарочная сеть на территории России в границах 1-й ревизии возросла на 743%, базарная — на 194%, а население — на 118%. Отсюда следует, что определенная часть увеличения торговой сети может быть отнесена на счет прироста населения на территории старого освоения.

Мы проанализировали в общем виде влияние двух групп факторов — экономических и географо-демографических — на развитие структуры российского внутреннего рынка в 1750—1860-е гг. Представляет большой интерес выяснение относительного влияния каждой из этих групп. Эта оценка с большим приближением и только ориентировочно может быть сделана с помощью индексного метода.[21] Согласно ей, роль экономических факторов в развитии внутреннего рынка России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. уже несколько превалировала. Это позволяет согласиться с мнением большинства советских исследователей, согласно которому со второй половины XVIII в. обозначился новый этап в развитии не только внутреннего рынка, но, по-видимому, и всего хозяйственного уклада России, поскольку рынок являлся важнейшей составной частью экономики страны. Усиленное проникновение во все сферы народного хозяйства товарно-денежных отношений, приведшее в конечном итоге к утверждению капитализма, являлось главной

[21] Суть его применительно к нашему случаю состоит в следующем: относительное значение отдельных факторов (или групп факторов) в расширении торговой сети пропорционально динамике этих факторов за данный отрезок времени. Исходные данные для оценки таковы: численность ярмарок за 1760—1857 гг. возросла на 796%, базаров — на 445%; индекс прироста абсолютного значения группы географо-демографических, экстенсивных, факторов, выраженный через прирост населения за этот период времени, составил 155%; индекс прироста абсолютного значения группы экономических, интенсивных, факторов, выраженный через увеличение товарной массы на душу населения, — 180%. Отсюда получаем, что географо-демографические факторы обусловили примерно 368% [796 : (155 + +180) · 155] расширения ярмарочной сети, а экономические — 428% [796 : (155+180) · 180] и соответственно 206 [445 : (155+180) · 155] и 240% [445 : (155+180) · 180] расширения базарной сети. Другими словами, на долю экстенсивных факторов приходится всего около 46% [(368 : 796) = = (206 : 455)] общего влияния двух групп факторов, а на долю интенсивных — 54% [(428 : 796) = (240 : 445)].

отличительной чертой данного этапа в социально-экономическом развитии России.[22]

Следует принять во внимание, что глубинные экономические факторы, определившие динамику внутреннего рынка России второй половины XVIII—первой половины XIX в., реализовывались также в законодательных актах, деятельности правительства, в экономическом поведении людей и что, будучи отражением и проявлением действия экономических законов, политические и правовые нормы и учреждения России в свою очередь оказывали определенное влияние на динамику внутреннего рынка страны, в одних случаях замедляя, в других ускоряя его развитие.

До отмены в 1754 г. внутренних таможен правительство, опасаясь, что при расширении торговой сети трудно будет следить за собиранием пошлин, склонно было препятствовать возникновению новых торговых центров, стремилось ограничить число пунктов, где разрешалась правильная торговля, в особенности в сельской местности. Подобная торговая политика, уходившая корнями еще в XVI в.,[23] очень сильно тормозила развитие внутреннего рынка.[24] Поэтому некоторое расширение торговой сети в первой половине XVIII в. происходило в основном под давлением чисто экономических факторов — в результате прогресса мелкотоварного и мануфактурного производства, развития сельского хозяйства и усиливавшегося отделения промышленности от земледелия, роста географического разделения труда — и редко поддерживалось соответствующими мероприятиями правительства. Причем новые торговые центры возникали преимущественно в городах, так как купечеству до поры до времени удавалось не выпускать торговлю в значительных размерах за границы городов. Лишь в 1745 г. дворянство добивается от правительства разрешения для крестьян на розничную торговлю сельскими произведениями и «мелочными товарами», т. е. товарами ценой до 20 коп., «в больших селениях вдали от городов

---

[22] Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. — В кн.: Десятый международный конгресс историков в Риме (сентябрь 1955 г.). Доклады советской делегации. М., 1956, с. 215—216; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв., с. 96.

[23] Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — Собр. соч. Т. 20. СПб., 1905, с. 234, 315.

[24] Покровительственное отношение к торговле Петра I и его преемников имело в виду преимущественно внешнюю торговлю, а также торговлю в пограничных районах. Организации же внутренней торговли привлекала несравненно меньшее внимание. Так, по данным И. К. Кирилова (хотя и неполным), в России в 1727 г. действовали только 42 ярмарки в 25 пунктах (Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977, с. 84, 88, 97, 98, 163, 167, 170, 176, 181, 196, 197, 221, 224, 237, 241, 243), по другим сведениям (тоже неполным) — 54 ярмарки в 27 пунктах (Сборы поступающие в казну с ярмарок в 1720—1743 гг. — ЦГАДА. ф. XIX, оп. 1, д. 265, л. 1—14). В обоих случаях сведения, видимо, относятся только к крупным ярмаркам.

и на больших дорогах, где для крестьян и проезжающих необходим был торг».[25] Конечно, нельзя упускать из вида, что ограничение до 1745 г. торговли в сельской местности являлось правилом с довольно многочисленными исключениями. Известны как ярмарки, так и базары, происходившие в сельской местности и до 1745 г.[26] Крупнейшие в России в первой половине XVIII в. Важская Благовещенская, Курская Коренная и Макарьевская ярмарки не были городскими.

Разрешение стационарной торговли в сельской местности, даже в ограниченных масштабах, вместе с отменой внутренних таможен можно рассматривать как сильный толчок к расширению в России торговой сети, в особенности на селе. Новое торговое законодательство вывело наружу острую потребность деревни и всей экономики страны в целом в расширении торгового оборота, придало ей законную силу, сообщило организационные формы. В той большой скорости, с которой расширялась торговая сеть в следующее после таможенной реформы двадцатилетие, проявились, вероятно, не только новые экономические потребности в торговом обороте, возникшие в 1750—1770-х гг., но и устранение постоянного сдерживания естественного роста внутреннего рынка торговой политикой правительства в предшествующие 1750-м гг. десятилетия.

Правительственная политика в отношении внутренней торговли России после таможенной реформы 1753—1757 гг., продолжая оставаться — в основной своей тенденции — преимущественно либеральной и поощрительной, в отдельных своих аспектах отмечена колебаниями и противоречиями. Правительство предпринимало определенные меры к улучшению путей сообщения и обеспечению безопасности торгового движения, к расширению спроса на земледельческие произведения за счет развития промышленности и городов и к поощрению занятий торговлей со стороны как купечества, так и дворянства и крестьянства, к развитию кредита и биржевой торговли.[27]

---

[25] Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 г. Ч. I. СПб., 1859, с. 120. — Указ был подтвержден в 1755 г. Новый таможенный устав 1755 г. разрешал крестьянам вести постоянную торговлю значительным ассортиментом товаров «в знатных селах и деревнях по большим дорогам», не далее пяти верст от ближайшего города, «ради проезжающего народа и их крестьянских необходимых нужд» (ПСЗ I, т. XIV, № 10486, п. 4).

[26] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957, с. 157.

[27] Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (дооктябрьский период). М., 1951, с. 151—153, 313; Оппенгейм К. А. Россия в дорожном отношении. М., 1920, с. 7—11, 19, 34, 38—40, 59—65, 109—115; Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. — 1861 г.). М., 1958, с. 124—127; Министерство финансов. 1802—1902. Ч. 1. СПб., 1902, с. 44; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 143—148, 262—263, 270;

Царское правительство в лице Коммерц-коллегии, призванной руководить российской торговлей, было достаточно хорошо осведомлено о состоянии дел на российском и заграничных рынках и предпринимало необходимые меры к устранению препятствий в развитии внутренней торговли. В основе поощрительного отношения правительства к торговле вообще и внутренней в особенности лежала озабоченность хорошей организацией сбыта сельскохозяйственной продукции. От этого в значительной мере зависело исправное поступление налогов, надлежащее удовлетворение потребностей армии в питании и фураже, благосостояние социальной опоры самодержавия — дворянства (жившего почти исключительно доходами от земледелия), но также и главной производительной силы России XVIII—XIX вв. — крестьянства, которое деньги для уплаты налогов и повинностей получало посредством продажи результатов своего труда на рынке. Зависимость между ходом торговых дел и благополучием государства отлично сознавали люди, определявшие внутреннюю политику правительства. Так, министр финансов Е. Ф. Канкрин указывал в 1825 г.: «По недостатку городов не может усилиться мена всех прочих, различных потребностей между городским жителем и землепашцем, от коей единственной происходит внутреннее богатство разных классов людей, но сей благодетельной цели нельзя достигнуть, доколе в каждом уезде не будет довольно значительного города и несколько торговых местечек».[28]

Осознание зависимости между возможностью реализации продуктов земледелия и удовлетворительным состоянием государственного бюджета и благосостоянием правящего класса и заставляло правительство проводить покровительственную политику в отношении торговли. Поэтому всякий раз, когда возникали трудности со сбытом земледельческих товаров или неурядицы на внутреннем рынке — вроде неумеренного повышения или понижения хлебных цен, — правительство учреждало специальные комитеты и комиссии, которые собирали соответствующую информацию о состоянии дел на местах и принимали меры для выхода из кризисной ситуации. Когда в 1760-е и 1780-е гг. на внутреннем рынке произошло повышение цен на сельскохозяйственные товары, нарушившее привычное равновесие между спросом и предложением хлеба, власти забили тревогу. В 1767 г. сам Сенат, а в 1787 г. специально созданная Комиссия собрали посредством анкет необходимую информацию и приняли ряд мер, направленных к стабилизации положения на рынке: в столицах были введены таксы на цены, временно сокращался экспорт и др.

Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 359—379; Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Т. I. Л., 1924, с. 101—106; Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма. М., 1965, с. 61—101, 110—113.

[28] Цит. по кн.: Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 374.

Наоборот, в 1820-е гг., когда произошло понижение цен на сельскохозяйственные товары, приведшее к затовариванию внутреннего рынка, правительство создало ряд комиссий для отыскания и принятия мер к повышению цен и налаживанию сбыта земледельческих «произведений». Принятые меры были направлены на развитие экспорта, городов и отечественной промышленности, так как от этого зависело улучшение конъюнктуры, увеличение сбыта сельских продуктов и повышение цен на них.[29]

В плане поощрения сбыта земледельческой продукции целесообразно рассмотреть и внешнеторговую политику правительства за 1750—1850-е гг. Провозглашение свободы хлебной торговли в 1762 г. — важнейший шаг правительства Екатерины II, имевший целью поощрить сбыт продуктов сельскохозяйственного производства за границу, улучшить конъюнктуру внутреннего рынка, который по узости своей не в состоянии был поглотить возросшую массу сельскохозяйственных товаров.[30] С известными колебаниями либеральный курс в отношении экспорта сельских продуктов просуществовал и в последующем, вплоть до первой мировой войны. Этот курс соответствовал и видам правительства — поддержать государственный бюджет, и вожделениям дворянства, желавшего иметь средства для устройства своей частной жизни на европейский лад.

Напротив, в отношении импорта промышленных товаров правительство во второй половине XVIII—первой половине XIX в. занимало, опять же при известных колебаниях, обусловленных внешнеполитическими обстоятельствами, в основном сдержанную позицию, склоняясь к запретительной системе. Одним из мотивов запретительной политики являлось стремление правительства способствовать развитию отечественной промышленности и городов для расширения круга потребителей сельскохозяйственных продуктов, для обеспечения последних рынками сбыта и для повышения хлебных цен.[31] Характерно, что запретительная таможенная система после временного от нее отступления была принята в 1822 г., в момент резкого ухудшения конъюнктуры на внутреннем рынке, и просуществовала с незначительными изменениями до 1850 г., когда конъюнктура за счет увеличения сельскохозяйственного экспорта заметно улучшилась. Таким образом, внутренний рынок постоянно находился в центре внимания правительства, которое заботилось о его развитии и принимало для этого соответствующие меры.

Покровительственно относилось правительство во второй половине XVIII—первой половине XIX в. и к расширению торговой сети страны. Оно неизменно шло навстречу пожеланиям по-

---

[29] Там же, с. 375.

[30] Миронов Б. Н. Экспорт русского хлеба во второй половине XVIII—начале XIX в. — Ист. зап., 1974, т. 93, с. 173—178.

[31] Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 370—375.

мещиков и местной администрации об открытии новых ярмарок и базаров как в городах, так и в селах, справедливо считая их главными каналами для сбыта продуктов сельскохозяйственного производства. Подобная позиция, преследовавшая ту же цель — улучшить сбыт сельских товаров, — наблюдалась в правительственных кругах еще в 1760—1770-е гг.

В 1779—1780 гг. Комиссия о коммерции, собрав обширные сведения о состоянии ярмарочной торговли в стране — главной формы торговли, по ее мнению, — представила Екатерине II доклад, в котором сформулировала точку зрения по этому вопросу, ставшую впоследствии определяющей в отношении правительства к ярмаркам. Поскольку ярмарки возникают в силу естественной необходимости, то, по мнению Комиссии, нет нужды в учреждении новых ярмарок силой правительственной власти, сверху. Комиссия предложила: местная администрация, прежде всего генерал-губернаторы, должна внимательно изучать местные потребности и в случае необходимости учреждения новых больших ярмарок доносить об этом в Сенат, который эти предложения будет рассматривать и удовлетворять; малые же ярмарки, считала Комиссия, генерал-губернатор может устанавливать по своей инициативе.[32] Предложения Комиссии о коммерции в отношении ярмарочной торговли были одобрены, и установленный с тех пор порядок учреждения новых ярмарок просуществовал без изменения до отмены крепостного права, а с небольшими отклонениями вплоть до 1917 г.[33]

Понимая, что ярмарки являлись важнейшей формой торговли, правительство в целях ее поощрения наделило ярмарки определенными привилегиями. С 1754 по 1774 г. и с 1814 по 1882 г. все участники ярмарочной торговли освобождались от платежа всяких пошлин. В течение же 1775—1813 гг. за право торговли на ярмарках платили небольшие пошлины только мещане и купцы 3-й гильдии, да и то лишь в том случае, если они приезжали на ярмарки «чужих» уездов, где они не были прописаны.[34] Практически ярмарочная торговля в отличие от стационарной в течение 1754—1881 гг. освобождалась от всякого рода поборов, что, конечно, не могло не способствовать ее развитию.

Аналогичную покровительственно-либеральную позицию правительство занимало и в отношении базарной торговли, осуществлявшей экономическую связь города с деревней. Учреждать базарные дни местному начальству разрешалось как в городских, так и в сельских поселениях, «кои... от городов расстоянием не далее пяти верст».[35] Правда, периодичность базаров ограни-

[32] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 286—295.

[33] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, с. 184—185.

[34] Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893, с. 238—239.

[35] ПСЗ 1, 1755, т. XIV, № 10486, Таможенный устав 1755 г., гл. X, ст. 4. — До 1755 г. расстояние от города, далее которого разрешалось от-

чивалась обычно 1—3 днями в неделю и находилась в зависимости от торгового значения данного пункта. Но, как показала практика, 1—3 базарных дней в неделю хватало для удовлетворения потребностей как сельских, так и городских жителей. В тех же случаях, когда базарных дней для горожан было недостаточно, разрешался ежедневный приезд уездных крестьян для продажи своих товаров в утренние часы. При этом базарная торговля тоже не облагалась пошлинами. Местная администрация делала представления правительству или самостоятельно учреждала ярмарки и базары, порой не исследуя глубоко вопрос, соответствуют ли эти пожелания или представления истинным нуждам в торговом обороте или являются отражением интересов узкой группы торговцев, отдельных влиятельных лиц. Ярмарки и базары, учрежденные без учета действительных потребностей в торговом обороте, как правило, не действовали. Поэтому в источниках нередко встречаются указания на ярмарки и базары, только числящиеся на бумаге, но фактически не функционирующие. «Годовые ярмарки хотя по открытии Ярославского наместничества и назначены две: первая 29 июня, а вторая 6 декабря, — пишет в 1796 г. о г. Любиме автор Топографического описания Ярославской губернии, — но как издревле их не было, то на оные ниоткуда съезду не бывает».[36] Аналогичные свидетельства встречаем и в последующем. «Некоторые ярмарки и торжки, будучи учреждены правительством с целью развития торговли без соображения с местными потребностями и обстоятельствами, существуют с самого своего учреждения только на бумаге, — отмечал автор описания Пермской губернии в 1864 г. Х. Мозель. — В доказательство можно привести 2 ярмарки в г. Верхотурье и из трех 2 — в г. Перми. В первом из этих городов привозу вовсе не бывает и ярмарки вовсе не открываются, а во втором местные купцы и торговцы выносят в построенные для ярмарки балаганы из лавок свои залежалые товары и, что не успеют сбыть в течение законного срока, снова переносят в постоянные лавки».[37]

Наличие недействовавших ярмарок и базаров при свободе и легкости их открытия дает основания для заключения о том, что фактическая торговая сеть ярмарок и базаров, существовавшая в России в течение 1750—1850-х гг., полностью удовлетворяла

кривать торги и торжки, составляло 10, 20, а иногда и более верст. См.: Волков М. Я. Таможенная реформа 1753—1757 гг. — Ист. зап., 1962, т. 71, с. 152.

[36] Топографическое описание Ярославской губернии, сочиненное в Ярославле в 1798 году. — ЦГВИА, ф. ВУА, № 19178, л. 33 об.

[37] Мозель Х. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864 г., с. 387. — По обследованию ЦСК в 1894 г., когда учет был налажен достаточно хорошо, недействовавших ярмарок и торжков в Европейской России насчитывалось 115, что составляло всего 0,8% от общего числа ярмарок — 14 048 (Статистика Российской империи. XI. Сборник сведений по России. 1896. СПб., 1897, с. 232—235).

местные потребности в торговом обороте и по ее масштабам можно судить о действительных потребностях в торговом обороте, а значит, и об уровне товарно-денежных отношений в стране.

В несколько ином положении была стационарная торговля, которая находилась преимущественно в руках гильдейского купечества. После отмены в 1754 г. внутренних таможен и до 1769 г. купечество вносило множество мелких торговых платежей, общая сумма которых доходила до 2.5 млн. сер. руб. в год.[38] Их запутанность и стеснительный способ взимания сильно тормозили развитие стационарной торговли. С 1769 г. вместо множества торговых сборов вводятся частно-промысловые сборы, которые собирались по разным основаниям с разного рода торгово-промышленных предприятий и достигали в отдельных случаях 10% с прибыли. В 1775 г. происходит новая реформа — купечество освобождается от подушной подати, и вместо нее вводится гильдейский налог в размере 1% с объявленного капитала. Налог постепенно повышается и к 1812 г. достигает 3.75%. Система процентного гильдейского сбора с объявленного капитала просуществовала до 1824 г. и была заменена затем сословно-патентной системой обложения. В соответствии с ней гильдейский налог обращался в неизменный оклад, взимавшийся за свидетельства на право торговли. Этот оклад устанавливался в зависимости от двух факторов: рода торговли (заграничная, оптовая, розничная, мелочная, развозная и разносная) и географического коэффициента (местности по степени выгодности ведения в них торговых операций разделялись на 3 класса). Размеры оборотов торговых предприятий, капитала, прибыльности, т. е. сам объем торговой деятельности, по-прежнему в расчет не принимались, поскольку оклад зависел исключительно от вида торгового свидетельства и местности. Подобный способ налогообложения стационарной торговли был несовершенным и затруднял ее развитие, что признавалось и купечеством, и официальными властями.[39]

Однако несовершенство организации обложения и сбора торговых пошлин — одна сторона положения стационарной торговли. Вторая сторона — уровень этого обложения. С 1775 и до 1812 г. уровень обложения купечества, а значит, и стационарной торговли повышался. Гильдейский сбор в 1798 г. достиг 1.25%, в 1812 г. — 3.75%, т. е. всего за 37 лет увеличился втрое. В 1813—1823 гг. уровень обложения торговли оставался неизменным. В 1824—1862 гг., за 38 лет, ежегодные налоговые поступления со стационарной торговли возросли на 2.5 млн. руб., достигнув в 1862 г. 5.2 млн. сер. руб.[40] Среднегодовые темпы роста стационарной торговой сети в эти годы составляли при-

[38] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с. 92.
[39] Там же, с. 103, 131.
[40] Там же, с. 91, 111, 117, 147, прил. 1.

мерно 1.65%, а налог со стационарной торговли увеличивался ежегодно на 1.75%. Можно считать поэтому, что тяжесть налогообложения в 1824—1862 гг. повышалась, но несущественно, так как обороты стационарной торговли увеличивались, вероятно, в прямо пропорциональной зависимости от увеличения числа торговых заведений.

Таким образом, с точки зрения тяжести налогообложения, вторая половина XVIII в. и первая четверть XIX в. оказались менее выгодными для развития стационарной торговли в городе, чем вторая четверть XIX в. Вероятно, этим отчасти можно объяснить ускоренное развитие городской стационарной торговли именно со второй четверти XIX в. В целом же более благоприятные финансовые и правовые условия для существования ярмарочной торговли в 1750—1850-е гг. являлись, видимо, фактором, способствовавшим относительному преобладанию ее на российском внутреннем рынке в этот период. Сосредоточение же стационарной торговли преимущественно в городах обусловливалось отчасти правовым запрещением горожанам заводить постоянные торговые заведения на селе, но главным образом недостаточным развитием купеческого капитала и товарно-денежных отношений в деревне. В этом плане торговая политика правительства лишь в слабой степени тормозила развитие сельской стационарной торговли.

Таким образом, социально-экономические и политико-правовые условия в целом благоприятствовали развитию в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. всех видов торговли, но периодической торговли в несколько большей степени. В этом сказался и классовый характер политики самодержавия, учитывавшего прежде всего пожелания и требования дворянства, а потом уже интересы и другого привилегированного сословия — гильдейского купечества.

Говоря о политике правительства в отношении торговли, не следует забывать ни ее противоречивости, ни консервативно-охранительного характера экономической политики в целом, поскольку рынок не являлся автономным организмом, а находился в теснейшей зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений в стране. Поэтому получалось так: с одной стороны, царское правительство поощряло развитие торговли, а с другой стороны, в своей политике в области финансов, промышленности, по земельному и крестьянскому вопросам оно пыталось сохранить крепостнический базис, тем самым — сознательно или бессознательно — препятствуя развитию российского внутреннего рынка.

При либерально-покровительственном отношении правительства к ярмарочной и базарной торговле ее развитие все же в большей степени ставилось в зависимость от требований господствующих классов и потребностей фиска. Поэтому представляет интерес выяснение вопроса о том, на чьей земле, в каких поселениях — казенных, удельных, экономических или владельческих —

Таблица 11

Распределение сельских ярмарок по группам населенных пунктов [a]

Населенные пункты	Ярмарки			Крестьяне (тыс. душ)		
	1760	1800	1857	1762	1795	1857
Помещичьи	413/36 [б]	1615/51	2074/50	3612/36	9788/60	11359/47
Государственные	630/47	1153/36	1806/44	2781/28	4848/28	11785/49
Удельные	22/2	54/2	54/1	524/5	521/3	949/4
Экономические	90/8	167/5	2	1061/11	1465/9	—
Не известно	74/6	191/6	204/5	—	—	—
Итого	1143	3180	4140	9978	16322	24016

[a] Составлена по данным: Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России. . ., с. 91—93, 115—117, 175—177. — Экономические крестьяне до 1764 г. были монастырскими. Источники данных о ярмарках см. в прим. к табл. 1, 2. [б] Вторая цифра соответствует проценту, сумма которых по столбцам составляет 100.

торговая сеть была более развита. Ответ на этот вопрос позволит получить дополнительные сведения о том, кто и почему проявлял заинтересованность в расширении торговой сети. В табл. 11 приведены данные о распределении сельских ярмарок по категориям населенных пунктов. Они свидетельствуют о том, что на 1760 г. почти половина сельских ярмарок (47%) действовала в государственных селениях, немногим более трети (36%) — в помещичьих и 11% — в удельных и монастырских селениях. С учетом же городских ярмарок, которые сплошь были «казенными», всего в государственном секторе действовало 63% всех ярмарок. К 1800 г. положение радикально изменилось: более половины сельских ярмарок (51%) стали собираться на помещичьих землях и лишь 36% — на землях казенных. Даже с учетом городских ярмарок (в подавляющей массе «государственных») видно, что на долю государственного сектора приходилось не более половины общего числа ярмарок. На землях удельных и экономических проходило всего 7% ярмарок. Подобное соотношение ярмарок сохранилось до реформы 1861 г. Незначительное увеличение (на 8%) доли сельских ярмарок в государственных селениях объясняется исключительно тем, что экономические земли перешли в разряд государственных, и те ярмарки, которые устраивались в экономических селениях, стали «казенными». Этим же объясняется и увеличение удельного веса «государственных» ярмарок (с учетом городских) в общем числе российских ярмарок до 58%.

На основании вышеприведенных данных можно сделать предположение, что заинтересованность и соответственно активность помещиков в деле организации ярмарок резко возросла после 1760 г. и не ослабла вплоть до отмены крепостного права. Благодаря этому помещичьи селения в отношении ярмарочной сети

уже в первой половине XIX в. догнали селения государственные и экономические, что хорошо видно из сравнения доли ярмарок разных категорий с долей крестьянства соответствующих категорий. В 1760 г. на долю государственных крестьян приходилось 28% сельского населения, а в их селениях проходило 47% всех ярмарок, в удельном ведомстве — соответственно 5 и 2%, в монастырском — 11 и 9%, в помещичьем секторе — 56 и 36%. Отсюда следует, что лучше всех в 1760 г. были обеспечены ярмарками, а следовательно, и возможностью сбыть сельские товары и купить городские промышленные изделия крестьяне казенные, затем монастырские, помещичьи и удельные. К 1800 г. государственные селения по-прежнему лучше других были обеспечены ярмарками, за ними следовали селения удельные, помещичьи и экономические. Но за 40 лет помещичьи селения заметно расширили ярмарочную торговлю, а к 1857 г. они по относительному и абсолютному числу ярмарок вышли на первое место, опередив государственные: на долю первых приходилось в сельском населении 47%, а в общем количестве ярмарок — 50%, в то время как в государственном ведомстве — соответственно 49 и 44%.

Аналогичные результаты получаются при анализе распределения сельских базаров по категориям владельцев населенных пунктов, где они собирались. До 1760 г. абсолютное большинство базаров принадлежало государственным селениям, затем помещичьим, монастырским и удельным. По относительной же обеспеченности базарами первыми были также казенные селения, вторыми — монастырские, третьими — помещичьи, последними — удельные. К 1857 г. по абсолютному и относительному числу базаров на первое место вышли селения помещичьи, затем казенные и удельные.

Вышеприведенные данные позволяют предположить, что помещики стремились вовлечь своих крестьян в товарно-денежные отношения и играть активную роль в торговле. В достижении этой цели они достаточно преуспели. Лишь стационарная торговля осталась вне сферы их влияния.

Чем же можно объяснить изменения в соотношении численности действовавших в селениях ярмарок и базаров разных категорий за столетие? Здесь было несколько причин. До отмены внутренних таможен в 1754 г. на ярмарках с торговцев собирались пошлины в пользу государства.[41] Сбор пошлин легко было осуществить в селениях казенных, где всегда обязательно находились представители власти. По этой же причине в государственных селениях гарантировалась и бóльшая, чем во владельческих селениях, безопасность продавцам и покупателям. Следует принять во внимание также, что Петр I создал определенную традицию активного правительственного вмешательства в промышленно-торговую жизнь страны с целью ее стимулирования.

[41] Осокин К. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850, с. 139—142.

Осуществить подобное вмешательство в казенных поселениях у правительства было больше прав и возможностей. Здесь, вероятно, кроется еще одна причина большего распространения ярмарок на государственных землях в XVIII в., в особенности до 1760-х гг.

Во второй половине XVIII в. положение существенно изменилось. После отмены внутренних таможен фискальный интерес правительства к ярмаркам пропал, поскольку ярмарочная торговля перестала облагаться пошлинами, а указами 1762 и 1775 гг. правительство провозгласило свободу предпринимательства[42] и в соответствии с этим несколько ослабило свое вмешательство в экономическую жизнь страны. Однако почти одновременно с этими указами и манифестом 18 февраля 1762 г. дворянству была дарована вольность. Освобождение дворянства от обязанностей службы вместе с разрешением им продавать оптом и в розницу «домашние свои товары, которые в собственных их деревнях у них и у крестьян родятся»,[43] способствовало развитию дворянского предпринимательства, вызывало рост крепостной эксплуатации крестьян, в результате чего в одних случаях появилась, а в других усилилась потребность в рынках сбыта сельскохозяйственной продукции. Товарность земледелия в помещичьем хозяйстве к середине XIX в. достигла 45—50%.[44] Рост торговой сети в помещичьих селениях начиная с 1760-х гг., по-видимому, и отразил усилившуюся экономическую заинтересованность дворянства в сбыте своих и крестьянских «произведений», с одной стороны, и увеличившуюся потребность в покупке промышленных и ремесленных изделий — с другой.

Последнее обстоятельство находит объяснение в том, что финансовые ресурсы дворянства в течение второй половины XVIII—начала XIX в. существенно возросли. Кроме усиления эксплуатации крестьянства, здесь существенное значение имела также выгодная рыночная конъюнктура благодаря провозглашению и реализации принципа свободной торговли. Но особенно серьезную роль сыграло перераспределение прибавочного продукта, создаваемого трудом крепостных, в пользу помещика за счет государства. Дело в том, что рост государственных повинностей с помещичьих крестьян отставал от роста ренты и цен на сельскохозяйственные товары. Подушная подать с 1725 по 1860 г. увеличилась с 70 до 95 коп. сер. (в 1818—1860 гг. она не изменялась)[45] — на 36% (с учетом же изменения денежной стопы — содержания серебра в рубле — всего на 18%), хлебные цены за

[42] ПСЗ I, 1762, т. XVI, № 11630, Указ об отмене торгово-промышленных монополий 1762 г.; т. XX, 1775, № 14275, Манифест о свободе предпринимательства 1775 г.

[43] Там же, т. XIV, № 10486, Таможенный устав 1755 г., гл. II, ст. 9.

[44] Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 338.

[45] Новый энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефрон. Т. 24. СПб., 1898, с. 123—124.

это время возросли на 287% (в сер. коп.). Следовательно, реальное значение подушной подати понизилось в 3.3 раза. Весь выигрыш от этого в конечном счете присвоили помещики, поскольку (если степень помещичьей эксплуатации оценивать по росту денежного оброка) рента за 1760—1780-е гг. возросла в 1.5—2 раза,[46] а за 1780—1850-е гг. — в 2.2—3.5 раза[47] (в сер. коп.), всего за столетие примерно в 3.3—7 раз. Рост ренты опережал и рост цен, и рост подушной подати. Доходы помещика поэтому возрастали и за счет понижения реального значения подушной подати, и за счет роста цен на сельскохозяйственные продукты, а в некоторых случаях и за счет роста эксплуатации крестьянства. Все это чрезвычайно повысило платежеспособную силу помещиков, их заинтересованность в развитии торговли, причем не только ярмарочной и базарной, посредством которой они преимущественно сбывали «свою» сельскохозяйственную продукцию, но и городской, стационарной, обеспечивавшей их промышленными изделиями, экспортными товарами и предметами роскоши.

Важным фактором развития внутреннего рынка служил также растущий интерес к развитию городской и особенно сельской торговли и со стороны крестьянства, что особенно существенно, поскольку крестьяне составляли более 90% населения России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. Этот интерес обусловливался несколькими обстоятельствами. Рост ренты и налогов, с одной стороны, и товарно-денежных отношений в деревне — с другой, заставлял крестьян все чаще иметь дело с рынком для реализации своей продукции. По расчетам Н. Л. Рубинштейна для второй половины XVIII в. и И. Д. Ковальченко для первой половины XIX в., главным поставщиком сельскохозяйственной продукции на российский рынок выступало крестьянское хозяйство, товарность которого в 1850-х гг. в разных районах колебалась от 11 до 17%.[48] Поскольку поездка в город требовала много времени, а также и дополнительных средств, земледельцы предпочитали, чтобы в их собственных селениях действовали ярмарки и базары. Стимулировало обращение крестьянства на рынок, но уже с целью покупки недорогих мануфактурных «крас-

[46] Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб., 1881, с. 49, 54; Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., с. 156—160.

[47] Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 290—292.

[48] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство в России во второй половине XVIII в., с. 315; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 339. — В. К. Яцунский оспорил положение Н. Л. Рубинштейна в отношении преобладания на рынке крестьянского хлеба, сославшись на мнение экономистов первой половины XIX в., но, однако, не привел достаточных фактических аргументов в пользу своей точки зрения (Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв., с. 295—296). Важно, однако, отметить, что все авторы признают факт роста товарности крестьянского хозяйства.

ных товаров» проникновение в деревню городской культуры и в особенности появление в среде крестьянства богатой верхушки, имевшей определенные денежные накопления. Описание одежды зажиточной части сельского населения, которое дает, например, автор «Топографического описания Владимирской губернии» 1784 г., позволяет получить некоторое представление о том, какие товары покупала деревня уже в конце XVIII в. «Девки носят сарафаны или ферези китаецные или кумашные, перепоясываясь или шелковыми астраханскими поясами, или покромами от тонких сукон, а ноги обувают в коты с медными скобами... зажиточные же крестьяне для праздников и выездов одеваются в суконные синие и прочих цветов кафтаны, надевая на ноги сапоги с медными скобами, а на голову с высокою тулеею шляпу, обложенную по тулье разными лентами».[49] По сведениям этнографических описаний, собранных в середине XIX в. Русским географическим обществом, в промысловых деревнях той же Владимирской и других губерний «не редкость видеть дома, построенные со вкусом, в четыре-пять окон, на каменных фундаментах, с мезонинами, а внутри оклеенные шпалерами, с порядочной мебелью»; у крестьян «праздничные наряды жен и дочерей не уступали городским щеголихам»; «на богатых крестьян у некоторых есть даже довольно порядочные библиотеки» и т. п.[50]

Повышению заинтересованности в рынке способствовал и общий рост платежеспособного спроса крестьянства. Этот рост не был одинаковым для всех категорий крестьянства, но в той или иной мере коснулся большей части земледельцев. Главными факторами увеличения платежеспособного спроса сельского населения являлись рост производительности и интенсивности труда в земледелии, развитие отходничества, более высокие темпы роста цен на сельскохозяйственные товары сравнительно с ценами на промышленные товары и с темпами роста налогов и повинностей. Так, повинности государственных крестьян с 1724 по 1797 г. номинально возросли в 3,6 раза, а цены сельских «произведений» — в 5 раз, с 1798 по 1860 г. повинности государственных крестьян «на оброчном положении» (в 1857 г. они составляли почти 90% всех государственных крестьян) благодаря переводу их с ассигнаций на серебро в 1839 г. понизились примерно на 20%,[51] а цены повысились на 50%. Повинности удельных (до 1797 г. дворцовых) и экономических крестьян изменялись примерно в той же пропорции, что и государственных (во второй половине XVIII в. несколько опережая их, а в пер-

[49] ЦГВИА, ф. ВУА, № 18628, Топографическое описание Владимирской губернии, л. 10.

[50] Цитировано по кн.: Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 374.

[51] Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906, с. 122—123, 139; Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I. М.—Л., 1946, с. 48—49.

вой половине XIX в. отставая), доходность же их хозяйств по крайней мере не сокращалась.[52] Поскольку на долю данных трех категорий приходилось в 1762 г. 44% всего крестьянского населения, в 1795 г. — 40, а в 1857 г. — 53%, можно полагать, что примерно у половины сельского населения платежеспособный спрос увеличился.

Сложнее дело обстояло с помещичьими крестьянами и с той, незначительной правда, частью государственных крестьян, которые в первой половине XIX в. находились «на хозяйственном положении». В целом за 1760—1850-е гг. рост крестьянских платежей отставал от роста сельскохозяйственных цен. Однако во второй половине XVIII в., если основываться на данных, обобщенных В. И. Семевским и Н. Л. Рубинштейном, рост повинностей помещичьих крестьян отставал от роста цен,[53] а в первой половине XIX в., по данным В. А. Федорова[54] и И. Д. Ковальченко, опережал его. Однако, по мнению последнего, «у зажиточной прослойки земледельческого крестьянства, а также в промысловой и промыслово-земледельческой деревне в целом и частично в оброчной земледельческой деревне преобладала тенденция к сохранению и даже повышению уровня хозяйства и положения крестьян».[55] Суммируя эти данные, можно, по-видимому, с большой вероятностью предполагать, что в целом уровень платежеспособного спроса российской деревни за счет роста производительности, главным образом интенсивности, крестьянского труда в течение 1750—1850-х гг. возрос,[56] что повышало интерес крестьян к рынку, способствуя развитию товарно-денежных отношений на селе.

Однако личная заинтересованность дворянства и в особенности крестьянства в расширении торговой сети, как правило, ограничивалась желанием увеличения численности ярмарок и базаров. Крестьянские хозяйства даже в первой половине XIX в. в массе своей в основном обеспечивали себя всем необходимым, да и помещичье барщинное хозяйство, несмотря на высокую товарность, тоже вполне самостоятельно справлялось со своими главными потребностями.[57] Нужда в рынке у тех и других по-

---

[52] История уделов за столетие их существования. 1797—1897. Т. 2. СПб., 1901, с. 26—33, 87—88.

[53] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., с. 156—160, 414.

[54] Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России (конца XVIII—первой половины XIX в.). М., 1974, с. 249.

[55] Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 309.

[56] Рындзюнский П. Г. Об определении оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII—первой половине XIX в. — История СССР, 1966, № 6, с. 52—53; Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861—1895 гг. М., 1972, с. 146—151.

[57] Литвак Б. Г. О степени распространения товарно-денежных отношений в предреформенной деревне черноземного центра. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории России. Сб. статей к 85-летию

сила преимущественно временный, периодический характер: сбыть урожай и закупить на полгода-год, до следующего урожая, некоторое количество мануфактурных, ремесленных и других «городских» товаров. Вследствие этого и ярмарки в одних и тех же пунктах происходили, как правило, 1—3 раза в год — этого было большей частью достаточно, чтобы удовлетворить потребности деревни в торговом обороте. В случае крайней необходимости в сбыте и закупке необходимых товаров крестьянин, а тем более помещик могли съездить в город на базар. Периодическая форма торговли, обусловленная комплексом экономических факторов, находилась, таким образом, в полном согласии с субъективными стремлениями и желаниями земледельцев. На этом в значительной мере и покоилось длительное относительное преобладание ярмарочной и базарной форм торговли на российском внутреннем рынке.

Если деревня второй половины XVIII—первой половины XIX в. проявляла преимущественный интерес к торговле периодической и развозно-разносной, то город был заинтересован в большей степени в торговле стационарной. Рост городского населения и числа крупных городов, сокращение числа аграрных городов и начало становления городов промышленно-капиталистического типа, в которых фабрично-заводской пролетариат превращался в главную категорию населения, — вот ведущие социальные процессы городской жизни России рассматриваемого времени.[58] Они с неизбежностью приводили к расширению стационарной торговли, так как численность городского населения, имевшего свое подсобное хозяйство, сокращалась; наоборот, удельный вес горожан, вынужденных ежедневно покупать продукты и другие потребительские товары на рынке, возрастал. Заинтересованность подавляющей массы горожан в стационарной торговле становилась важным фактором, стимулирующим увеличение постоянных торговых заведений в городах. К этому следует добавить, что платежеспособный спрос городского населения, по-видимому, тоже возрастал в течение 1750—1850-х гг. благодаря общему увеличению численности населения, развитию ремесла, промышленности и торговли, а также вследствие перехода богатого крестьянства в городские сословия. Этот двуединый процесс — рост потребности в стационарной форме торговли и увеличение платежеспособного спроса городского населения —

со дня рождения акад. Н. М. Дружинина. М., 1971, с. 52—68; Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв., с. 293—296; Хромов П. А. Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967, с. 185—187.

[58] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 151—165; Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 276—358; Рындзюнский П. Г. Изучение городов России первой половины XIX в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 65—74.

способствовал расширению сети постоянной торговли в городе. И не случайно, конечно, что именно в первой половине XIX в., в особенности в 1830—1850-е гг., он обнаружился наиболее ощутимо (см. табл. 2).

Таким образом, вся совокупность социально-экономических, политико-правовых и географо-демографических факторов в целом способствовала развитию российского внутреннего рынка в 1750—1850-е гг. При этом в наиболее выгодном положении в течение всего периода находилась периодическая сфера рынка, в то время как для развития стационарной сферы рынка относительно благоприятные условия создались лишь со второй трети XIX в. в связи с ускорением процесса урбанизации. Отсюда и различие в темпах развития разных сфер рынка. Здесь сказались и продворянское направление экономической политики правительства, и аграрный характер экономики страны (нуждавшейся больше в периодической торговле, чем в постоянной), и континентальность ее территории и соответственно внутренней торговли (при невысокой плотности населения и необъятных просторах), и почти непрерывное расширение внутреннего рынка за счет присоединения к Российской империи Белоруссии, Литвы, Финляндии, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и Казахстана.

На изменение структуры внутреннего рынка во второй половине XVIII—первой половине XIX в. экономические факторы оказывали большее влияние, чем географо-демографические. Это объясняется повышением роли товарно-денежных отношений в экономике России, зарождением в ее экономическом базисе капиталистического уклада. Сравнительно высокий и непрерывно возраставший в течение исследуемого периода уровень территориального разделения труда явился важнейшей предпосылкой развития внутреннего рынка вширь и вглубь, складывания единого народнохозяйственного организма как системы экономических регионов, которые могли успешно функционировать лишь в системе единого всероссийского рынка.

Поскольку на состоянии внутреннего рынка отражался весь ход социально-экономического развития России, то в замедлении темпов развития рынка в первой половине XIX в., в особенности с 1830-х гг., вероятно, следует усмотреть одно из проявлений стагнации феодально-крепостнической системы хозяйства, которая во всей полноте и остроте обнаружилась со второй четверти XIX в., достигнув наибольшей глубины и размаха к середине века.[59] Темпы роста периодической сферы рынка, обслуживавшей преимущественно деревню, замедлились в большей степени, чем темпы роста стационарной сферы, обслуживавшей в основном город. Отсюда можно предположить, что стагнация в боль-

---

[59] История СССР. Первая серия. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. IV. М., 1968, с. 55, 242—243.

шей мере затронула сельскохозяйственное, а не промышленное производство, что в городе условия для развития капиталистических отношений были несравненно более благоприятными, чем в деревне.

Анализ материалов о структуре внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в. приводит к выводу о наличии уже в этот период тесной взаимосвязи между отдельными его сферами — периодической, стационарной и развозно-разносной — и отдельными региональными рынками страны. Согласованность в развитии региональных рынков и всех сфер внутреннего рынка в целом свидетельствует, по нашему мнению, о сложившемся к концу XVIII в. общероссийском рынке.

Характер структуры российского внутреннего рынка, где в последнее столетие перед реформой 1861 г. все еще преобладали периодическая и развозно-разносная формы торговли, указывает на относительно невысокую степень распространения товарно-денежных отношений в экономике страны в целом в этот период. Географическая структура рынка раскрывает разные уровни развития товарно-денежных отношений в различных регионах. Именно в тех районах России, где рост промышленного производства, городов, общественного разделения труда был особенно значительным и заметным, где товарно-денежные отношения достигли к середине XIX в. наиболее высокой степени прогресса — в Центрально-промышленном, Северо-Западном и некоторых других, — плотность торговой сети оказалась выше, а наиболее прогрессивная форма торговли — стационарная — достигла наибольшего по стране для того времени уровня. В районах же с земледельческой специализацией, с нижесредним уровнем развития товарно-денежных отношений — в Юго-Западном, Центрально-земледельческом, Юго-Восточном и др. — плотность торговой сети была минимальной, обороты торговли наименьшими и стационарная форма торговли развивалась замедленно.

Таким образом, российский внутренний товарный рынок 1750—1850-е гг. прогрессировал в русле общего хода социально-экономического развития страны, обусловливался им и в свою очередь оказывал на него заметное влияние, способствуя разложению феодально-крепостнического уклада и утверждению в России капиталистических отношений.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Внутренний рынок обеспечивает обмен товарами между производителями одного и разных экономических районов страны. Характер этого обмена зависит от уровня развития производительных сил, обусловливается культурно-географическими и хозяйственными особенностями страны.

Обмен товарной продукцией в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. не мог осуществляться прямым путем: производитель—потребитель или производитель—оптовая торговля—розничная торговля—потребитель, как это имело место в то же самое время в капиталистических странах Запада. Громадные пространства страны и низкая плотность населения, сосредоточение главных отраслей промышленного производства в немногих центрах и мелкотоварный характер крестьянской промышленности и земледелия, плохие пути сообщения и неразвитость средств информации, недостаток торговых капиталов и относительная малочисленность профессиональных торговцев придавали внутренней российской торговле в значительной степени иной (по сравнению с торговлей, существовавшей в развитых капиталистических странах) характер. Продукция, произведенная в сельском хозяйстве, в мелкой крестьянской и крупной промышленности, в большинстве своем проходила в России через несколько рук или звеньев в торговле, прежде чем попадала к потребителю. Требовалось множество торговых посредников, для того чтобы товарный хлеб пензенского крестьянина попал на стол петербургского ремесленника и, наоборот, какое-нибудь изделие последнего попало в руки крестьянина. Производитель сбывал отдельные изделия или небольшие партии товаров мелкому розничному торговцу на базаре или ярмарке. Последний, собрав значительное количество товаров, продавал их мелкому оптовому купцу, который, еще более увеличив массу товаров, перепродавал их оптовому торговцу. И хотя на этом заканчивалась лишь стадия мобилизации товарных излишков, товар уже побывал в четырех руках. Вся первая стадия проходила в основном в районе производства и избытков данного товара. Затем наступала стадия реализации товара, которая происходила уже в районе недостатков данного товара. Сначала товар поступал к оптовому

купцу, от него — к мелко-оптовому, затем к розничному и, наконец, к потребителю, т. е. требовалось еще три посредника, чтобы товар достиг конечной точки своего продвижения. Таким образом, между производителем и потребителем находилось до шести, а иногда и более посредников.

Вследствие многоступенчатости торговых оборотов на внутреннем рынке России циркулировали два встречных потока товаров: один поток — от производителя к оптовому торговцу — *мобилизационный*, сборный поток товаров; второй — от оптового купца к потребителю — *реализационный*, распределительный поток товаров. Сборный поток товаров постепенно увеличивался, пока не достигал предельного объема в руках купцов-оптовиков. Распределительный поток неуклонно уменьшался, пока не исчезал в руках потребителя. Чтобы такой механизм мобилизации и реализации товаров мог действовать, требовалась строгая увязка, большая согласованность в работе всех его звеньев. Поэтому в исследовании российского внутреннего рынка 1750—1850-х гг. первостепенное значение имеет анализ не только его структуры, но и функционирования. Решение последней проблемы требует предварительного ответа на три вопроса: 1) как действовали, какую роль играли периодическая, стационарная и развозно-разносная формы торговли в коммерческом обороте страны; 2) образовывала ли сеть ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений некую систему с определенной внутренней структурой и определенными функциями; 3) какие товары обращались в ярмарочной, базарной и стационарной торговле, кто их продавал и покупал.

Внутренний рынок России второй половины XVIII—первой половины XIX в., как было показано в первой части монографии, разделялся на ярмарочно-базарную, стационарную и развозно-разносную сферы. Посредством стационарной торговли товары в рассматриваемое время преимущественно реализовывались; на базарах, ярмарках и посредством развозно-разносной торговли мобилизовывались и реализовывались одновременно. Многоступенчатый характер торговли был присущ всем трем сферам рынка. Но именно в периодической сфере, относительно преобладавшей в данный период, наиболее наглядно обнаруживались особенности функционирования внутреннего рынка России.

Глава четвертая

ЯРМАРОЧНАЯ СФЕРА РОССИЙСКОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА В 1750—1850-е гг.

Решение вопросов, поставленных во второй части работы, будет опираться на результаты контентного анализа сведений о 3157 ярмарках на конец XVIII в. и 6050 ярмарках на начало 1860-х гг., что составило соответственно 78 и 98% общего числа

действовавших ярмарок (по 22 и 2% ярмарок сведения недостаточно полные). Данные конца XVIII в. освещают состояние ярмарочной торговли во всех районах России, правда, в разной степени (табл. 12). Ограничены данные о торговле в губерниях, присоединенных к России в 1793—1795 гг. по второму и третьему разделам Польши. Это относится к Западному, Юго-Западному и Прибалтийскому районам, хотя, как следует из материалов более позднего времени, ярмарочная торговля находилась там в развитом состоянии. Мало сведений о ярмарках в Предкавказье, Южном Приуралье и Юго-Восточном районах, экономическое освоение которых в конце XVIII в. только начиналось. Данные о ярмарках 1860-х гг. (см. табл. 14) равномерно представляют все районы Европейской России, а 98-процентная выборка обеспечивает их представительность при характеристике всей ярмарочной торговли России этого времени.

1. Время и продолжительность ярмарок

Исследование ярмарочной торговли начнем с анализа «хронологии» ярмарок. Вопрос этот имеет важное значение. Распределение ярмарок по месяцам до некоторой степени прольет свет на два вопроса: 1) на кого «работали» ярмарки, какое значение они имели для разных слоев населения, прежде всего для крестьянства; 2) равномерно ли распределялись ярмарки в течение года, усугублялась ли периодичность действия ярмарок их неравномерным распределением по месяцам или, наоборот, компенсировалась их более или менее равномерным распределением в течение года.

Время ярмарок. В течение года, по месяцам (I—XII), ярмарки распределялись неравномерно (данные в процентах по всей России):[1]

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
1790-е гг.	4	2	5	4	11	19	16	10	11	7	6	5
1860-е гг.	5	4	9	5	15	9	10	9	11	10	7	6
1894 г.	6	5	8	5	12	12	8	8	12	10	8	6

В конце XVIII в. большая часть ярмарок проходила в июне, июле, мае, сентябре и августе, т. е. с конца весны до начала осени, на эти пять месяцев приходилось 2/3 (67%) всех ярмарок. Весной, поздней осенью и зимой ярмарки случались почти в три раза реже. В целом сходное положение со сроками ярмарок наблюдалось и 70 лет спустя. На пять самых популярных в XVIII в. для ярмарок месяцев приходилось более половины всех ярмарок (54%). Однако в XIX в. в число популярных попали октябрь и

[1] Подсчитано по данным табл. 12, 13 настоящей работы; данные за 1894 г. см.: Статистика Российской империи. XI. Сборник сведений по России. 1896. СПб., 1897, с. 232—235.

Район	Всего ярмарок	Число ярмарок											
		в январе	в феврале	в марте	в апреле	в мае	в июне	в июле	в августе	в сентябре	в октябре	в ноябре	в декабре
Северный	72	12	3	11	—	1	11	16	1	4	3	6	4
Северо-Западный	224	15	2	6	9	15	61	23	24	24	8	12	25
Северное Приуралье	90	6	3	4	3	8	11	8	8	4	8	12	15
Южное Приуралье	14	2	1	—	—	1	4	1	2	2	—	—	1
Юго-Восточный	8	—	—	—	—	—	3	1	2	—	—	—	—
Средне-Волжский	57	—	1	—	—	7	16	21	4	6	1	—	1
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	303	5	3	8	9	28	92	75	30	20	14	10	9
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	413	6	7	13	19	57	72	101	38	31	32	16	21
Центрально-промышленный	645	21	7	44	8	73	126	128	70	62	34	28	44
Прибалтийский	136	3	3	3	1	3	23	7	24	56	9	2	2
Западный	337	15	9	15	10	46	77	34	35	22	33	27	14
Юго-Западный	18	2	1	1	2	2	3	1	3	1	—	1	1
Малороссийский	628	38	15	47	50	72	79	59	53	53	47	54	31
Новороссийский	88	9	7	7	8	9	9	8	7	10	6	7	1
Сибирь	121	8	1	4	4	15	23	14	6	8	13	12	13
Выборгская губерния	5	2	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	—
Итого	3159	144	63	163	123	337	610	497	308	336	209	187	182

[a] Составлена по материалам: ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 1—419; Топографи источники, указанные в прим. табл. 1.

Район	Число ярмарок с торговым оборотом			Число ярмарок с профилем			
	большим	средним	малым	сельскохозяйственным	мануфактурным	промышленным	универсальным
Северный	5	20	47	—	12	—	60
Северо-Западный	20	29	175	11	123	22	68
Северное Приуралье	3	14	73	13	15	8	54

Таблица 12

в конце XVIII в. (по районам) *

Число ярмарок продолжительностью						Число ярмарок по категориям (I–VII), на которые приезжали						
1–3 дня	4–7 дней	8–14 дней	15–21 день	22–30 дней	более 30 дней	из многих несмежных районов или из-за границы	из несмежных губерний 2 и более несмежных районов	из несмежных губерний смежных районов	из смежных губерний	из смежных уездов разных губерний	из уездов одной губернии	из одного уезда
						I	II	III	IV	V	VI	VII
46	12	9	2	1	2	2	—	24	11	10	18	7
206	14	4	—	—	—	—	—	7	23	14	124	56
83	4	2	—	1	—	1	—	2	8	15	55	9
6	6	—	—	—	2	2	—	—	1	6	5	—
4	3	—	—	1	—	2	3	3	—	—	—	—
45	9	1	1	1	—	1	1	2	2	4	47	—
254	35	13	—	1	—	—	1	48	71	102	70	11
392	18	1	1	1	—	1	1	4	38	100	224	45
598	35	10	2	—	—	5	3	27	69	164	271	106
133	—	—	1	2	—	2	—	—	1	16	117	—
316	15	6	—	—	—	11	15	9	20	133	109	40
13	—	3	2	—	—	2	—	3	—	13	—	—
245	315	43	20	5	—	32	28	114	295	49	108	2
12	72	4	—	—	—	4	7	3	16	—	58	—
98	6	2	—	7	8	11	—	—	2	12	96	—
4	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	2	2
2455	545	98	29	20	12	76	59	247	557	638	1304	278

ческие описания губерний (подробно о них см. на с. 28 настоящей работы); см. также

Таблица 12 (*продолжение*)

Число ярмарок с преобладающим характером торговли					Число ярмарок						
					с мобилизацией			с реализацией			с перепродажей товаров торговцами друг другу
розничным	узловым сборным	узловым распределительным	узловым розничным	оптовым	продовольствия	сырья для промышленности	товаров для экспорта	крестьянами продуктов промыслов	торговцами отечественных товаров	торговцами импортных товаров	
27	—	4	39	2	40	—	5	56	70	14	15
208	5	5	6	—	67	—	4	176	221	12	12
85	2	1	—	2	49	—	1	33	89	18	3

Район	Число ярмарок с торговым оборотом			Число ярмарок с профилем			
	большим	средним	малым	сельскохозяйственным	мануфактурным	промышленным	универсальным
Южное Приуралье	2	7	5	1	5	—	8
Юго-Восточный	5	3	—	—	—	—	8
Средне-Волжский	6	5	46	1	4	1	51
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	74	55	174	96	62	19	126
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	7	85	321	131	45	6	231
Центрально-промышленный	56	112	477	97	100	3	445
Прибалтийский	1	18	117	132	1	—	3
Западный	46	71	220	36	192	—	109
Юго-Западный	5	—	13	—	3	—	15
Малороссийский	105	151	372	106	15	—	507
Новороссийский	11	13	64	61	3	—	24
Сибирь	20	5	96	—	—	—	121
Выборгская губернии	1	2	2	4	—	—	1
Итого	367	590	2202	689	580	59	1831

Районы	Число ярмарок с преобладанием товаров						
	земледельческо-растительных	живо-рыбо-пушных	лесных	минерально-металлических	мануфактурных	спиро-винных	бакалейно-москательных
Северный	46	54	10	17	69	—	18
Северо-Западный	88	112	126	145	210	1	103
Северное Приуралье	47	50	29	34	84	1	13
Южное Приуралье	6	9	9	9	11	3	5
Юго-Восточный	8	8	8	8	8	8	3
Средне-Волжский	48	52	48	24	56	1	24
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	187	189	204	181	286	22	107
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	315	325	146	288	398	12	274
Центрально-промышленный	476	423	421	381	631	20	244

Таблица 12 (*продолжение*)

Число ярмарок с преобладающим характером торговли					Число ярмарок						
					с мобилизацией			с реализацией			
розничным	узловым сборным	узловым распределительным	узловым розничным	оптовым	продовольствия	сырья для промышленности	товаров для экспорта	крестьянами продуктов промыслов	торговцами отечественных товаров	торговцами импортных товаров	с перепродажей товаров торговцами друг другу
12	—	—	—	2	6	—	2	6	12	2	2
—	—	—	6	2	8	8	2	8	8	3	5
53	—	—	2	2	44	—	—	45	54	1	3
259	16	15	13	—	189	—	—	143	288	27	21
382	6	18	7	—	360	1	33	234	396	24	4
550	2	15	77	1	431	33	44	352	605	50	83
133	—	2	—	1	127	—	2	7	115	9	3
282	—	51	4	—	166	—	4	82	320	31	46
13	—	—	3	2	13	—	—	13	18	5	5
417	67	23	87	34	564	—	40	529	620	56	109
81	—	—	7	—	73	—	7	73	77	7	7
106	—	—	9	6	5	—	5	117	121	12	13
4	—	—	—	1	4	—	—	—	5	—	1
2612	98	134	260	55	2146	42	149	1874	3023	271	332

Таблица 12 (*продолжение*)

Число ярмарок с преобладанием товаров			Число ярмарок, на которых продавцами и покупателями были								
«роскоши»	крестьянских «черных»	импортных	купцы	мещане	крестьяне	дворяне	фабриканты, заводчики	разночинцы, казаки	малые народы	иностранцы	чиновники
1	62	8	72	29	64	—	—	—	2	1	—
11	101	15	220	121	221	—	—	10	—	—	—
6	52	24	90	10	89	—	—	1	2	1	—
2	14	2	14	8	8	—	—	3	3	2	—
2	8	2	8	—	—	—	—	8	8	2	—
1	30	4	56	7	56	2	1	2	1	—	—
22	208	41	291	125	291	45	12	54	32	4	2
6	301	26	395	106	413	17	1	3	2	1	—
52	466	69	633	302	616	36	—	40	2	1	—

Район	Число ярмарок с преобладанием товаров						
	земледельческо-растительных	мясо-рыбо-пушных	лесных	минерально-металлических	мануфактурных	спиртно-винных	бакалейно-мелочательных
Прибалтийский	134	135	—	19	136	—	19
Западный	151	205	106	126	311	—	175
Юго-Западный	2	17	15	15	16	2	5
Малороссийский	452	619	512	605	627	497	195
Новороссийский	67	82	65	17	77	26	9
Сибирь	117	117	117	117	121	13	117
Выборгская губерния	1	5	—	—	5	—	1
Итого	2145	2402	1816	1988	3099	606	1312

март, и всего за семь месяцев собиралось 73% всех ярмарок, т. е. почти в 2 раза чаще, чем в оставшиеся пять месяцев. В неравномерном распределении ярмарок по месяцам сказывались причины экономического, метеорологического и морального порядка: состояние дорог и температура воздуха (ярмарки в подавляющем большинстве проходили на открытом воздухе), периодическое наличие товарных излишков и периодическая потребность в деньгах и товарах со стороны основного участника большинства ярмарок — крестьянина, а также неравномерное распределение главных религиозных праздников, которые особенно чтили земледельцы.

Многочисленность ярмарок, проводимых в мае, вызывалась тем, что крестьяне в мае заготавливали на лето, на самую рабочую пору, лошадей, посевные семена, земледельческие орудия, а также во многих случаях хлеб и соль, поскольку их запасы за зиму и весну истощались. Погода и дороги, обсохшие после весенней распутицы, также благоприятствовали проведению ярмарок в это время.

Второй подъем в ярмарочной торговле наступал в конце июня и захватывал начало июля. У крестьянина, который только что вспахал и засеял яровое поле, вывез навоз на паровое, оставалось несколько дней относительно свободного времени перед сенокосом, начинавшимся по традиции после петрова дня (29 июня). В это время и проходила основная масса ярмарок; с 23 по 30 июня собиралось 85% июньских ярмарок. На них земледельцы покупали косы и серпы, соленую рыбу и другие съестные припасы для сенокоса. На июньских ярмарках активно тор-

Таблица 12 (*продолжение*)

	Число ярмарок с преобладанием товаров			Число ярмарок, на которых продавцами и покупателями были									
	«русских»	крестьянских «черных»	импортных	купцы	мещане	крестьяне	дворяне	фабриканты, заводчики	разночинцы, казаки	малые народы	иностранцы	чиновники
	2	112	9	116	25	134	2	—	2	2	—	—
	31	212	17	335	74	337	119	—	—	—	—	—
	2	—	5	18	5	15	2	2	2	2	2	2
	73	543	113	613	104	618	20	20	96	44	20	20
	31	38	4	81	29	85	—	—	—	—	—	—
	13	117	13	121	107	121	3	3	103	23	4	—
	—	—	—	5	5	4	2	—	—	—	—	—
	255	2264	352	3072	1057	3076	248	39	324	123	38	24

говали крестьяники, сбывая холст, сотканный за зиму—весну, и покупая необходимые предметы одежды. Новые или погоревшие семьи, строившиеся в теплую пору, закупали строительные материалы и домашнюю утварь. В июне выгодно было покупать и лошадей, так как летом они находились на подножном корму. Немаловажно также, что домочадцы, работавшие на стороне, в середине июня высылали семьям первый свой весенний заработок (это особенно существенно для нечерноземных губерний) и дороги в июне находились в удовлетворительном состоянии. Существенным фактором обилия майских и июньских ярмарок служило и то, что на эти месяцы, как правило, падало значительное число больших переходящих церковных праздников — пасха, преполовение, вознесение, троица, духов день, — а также постоянных праздников — в мае — Бориса и Глеба, Николая-чудотворца, Константина и Елены; в июне — владимирской и тихвинской божьей матери, рождества Иоанна Предтечи и апостолов Петра и Павла (во время этих двенадцати праздников проходило более 80% ярмарок).

В июле и августе число ярмарок сравнительно с маем—июнем уменьшалось; в деревне это была самая рабочая пора. Но и в эти месяцы число ярмарок было выше среднемесячного их уровня (который и в конце XVIII в., и в 1860-х гг. составлял 8.3% ярмарки в месяц), потому что в рабочую пору крестьянство постоянно испытывало потребность в тех или иных товарах, необходимых по хозяйству; и в эти месяцы, особенно в августе, появлялись первые плоды крестьянских трудов, которые можно было сбыть на ярмарках. Ярмарки и в это время традиционно приуро-

чивались к церковным праздникам: пророка Ильи, казанской божьей матери (в июле), св. спаса, преображения господня, успения богородицы, усекновения главы Иоанна Предтечи.

В сентябре численность ярмарок вновь возрастала. К этому времени основные сельскохозяйственные работы почти повсеместно заканчивались, земледельцы собирали урожай и в обмен на него покупали необходимые товары. Осенняя распутица еще не наступила. Три крупных церковных праздника — рождество богородицы, Иоанна Богослова и воздвижение честного креста — служили наиболее частыми датами ярмарок в сентябре.

С октября число ярмарок начинало постепенно уменьшаться вплоть до мая, исключая кратковременное увеличение в марте. Подобная динамика численности ярмарок в свободное от сельских работ время, после сбора урожая, когда нужно платить подати (сроки их внесения 1 марта и 15 декабря), в лучшую пору года для перевозок, в декабре—феврале, объяснялась, по-видимому, тем, что урожай свой земледелец сбывал преимущественно на базарах, а не на ярмарках. Для этого ему приходилось ехать, как правило, в город, где он заодно и покупал на вырученные деньги необходимый товар, чтобы не ехать порожняком домой. Тем самым надобность в ярмарках сокращалась.

При сравнении распределения ярмарок по месяцам в течение второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. выявляется увеличение равномерности их распределения в течение года. Разница в доле ярмарок, приходившихся на самый богатый и самый бедный ярмарками месяц в конце XVIII в., равнялась 17% (июнь—февраль), в 1860-е гг. — 11 (май—февраль), 1894 г. — 7% (июнь—февраль).[2] Данный факт свидетельствует о появлении в ярмарочной торговле некоторых черт перманентного торга: распределяясь более равномерно по месяцам и сезонам года, ярмарки тем самым создавали более или менее одинаковую или во всяком случае бо́льшую, чем прежде, возможность для населения удовлетворить свои потребности в торговом обороте в любом месяце.

Известный исследователь XVIII в. акад. Г. Ф. Миллер, описывая состояние сибирской торговли в середине XVIII в., заметил, что и купечество, и крестьянство страдают от неравномерного распределения ярмарок в течение года. «Тем жители в малых местечках наобижены, потому что они всеми нужными вещами так способно запастися и излишество своего рукоделия с рук збыть не могут. А такие непорядки, — советует автор, — можно бы было отвратить исправным расположением ярманок и назначением оных в рассуждении обстоятельств тех мест в неко-

[2] Точную оценку изменения колеблемости числа ярмарок по месяцам дает коэффициент вариации ярмарок: к концу XVIII в. он составил 63%, к началу 1860-х гг. — 36, к концу XIX в. — 32%. Это означает, что равномерность в распределении ярмарок в течение года увеличилась за это время почти вдвое.

торые другие, а не в те дни, когда церковные праздники празднуются».[3] Частично стихийно, а в значительной степени и благодаря предусмотрительности администрации новые ярмарки во второй половине XVIII—первой половине XIX в. возникали и назначались в другие числа по сравнению с уже действующими. Таким способом объективная экономическая потребность постепенно реализовывалась, принося населению ощутимые выгоды и способствуя развитию торговли.

Выявленные закономерности в сезонном распределении ярмарок действовали в большинстве районов, однако в некоторых районах наблюдаем порой существенные от них отклонения (см. табл. 12, 13). Так, на Севере ярмарок в январе и марте проходило больше, чем в среднем по России, а в мае и августе — меньше; в Прибалтийском районе чуть ли не половина ярмарок имела место в сентябре и т. д. От общероссийских закономерностей в помесячном распределении ярмарок отклонялись пограничные районы России: Северный, Северное и Южное Приуралье, Прибалтийский, Юго-Западный, Малороссийский, Новороссийский и Предкавказье. Исключая Север, это были районы, вновь присоединенные к России, некоторые из них имели уже прочно сложившиеся торговые традиции к моменту вхождения в состав страны. А как справедливо отметил крупный знаток торговли первой половины XIX в. И. С. Аксаков, «много значит в торговле заведенный обычай, давнее знакомство, личные связи, проторенная дорожка старинных сношений, даже симпатия, основанная на единстве быта и происхождения».[4] Но самое существенное состояло в том, что эти традиции отвечали особенностям хозяйственного быта и природным условиям соответствующего региона. В общем именно экономические и природные условия определили сезонное распределение ярмарок. Жители Севера предпочитали для ярмарок июнь и июль, потому что это самые теплые месяцы, когда в разгаре связывающая Север с остальной Россией навигация, во время которой они покупали необходимые им товары. А январь любили за то, что по зимнему пути удобно было сбывать основные свои товары: рыбу, пушнину и «черный» крестьянский товар. Популярность сентября для ярмарок в Прибалтике (42% общего числа ярмарок за год) связана с тем, что к этому времени заканчивались как внешняя заморская, так и внутренняя навигация, прибалтийское купечество начинало сбывать закупленные товары местному крестьянству, а последнее продавать свои продукты после сбора нового урожая. Южные и восточные районы являлись для всей России главным поставщиком скота, включая лошадей. Перегонять его на большие расстояния удобнее всего

[3] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 555, Известия о торгах сибирских, л. 16—17.

[4] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, с. 28.

Район	Всего ярмарок	Число ярмарок					
		в январе	в феврале	в марте	в апреле	в мае	в июне
Северный	205	22	16	28	3	17	20
Северо-Западный	168	10	11	11	3	12	21
Северное Приуралье	256	29	11	24	4	24	25
Южное Приуралье	270	13	17	10	—	37	24
Юго-Восточный	208	12	11	17	20	36	3
Средне-Волжский	137	2	2	—	—	18	35
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	735	27	21	64	39	124	59
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	628	22	22	30	41	101	48
Центрально-промышленный	591	22	22	24	11	100	58
Прибалтийский	150	8	9	1	2	8	15
Западный	398	37	25	15	20	66	57
Юго-Западный	366	31	19	32	22	61	37
Малороссийский	1269	65	57	174	108	165	79
Новороссийский	669	17	32	101	68	110	30
Предкавказье	54	1	2	7	3	9	5
Сибирь	95	8	1	4	1	11	15
Итого	6199	326	278	542	345	899	531

* Подсчитано по: Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб.,

Район	Число ярмарок, на которые привезено товаров на сумму (в пред. руб.)								
	более 1 млн.	501 тыс.—1 млн.	101—500 тыс.	51—100 тыс.	11—50 тыс.	6—10 тыс.	1—5 тыс.	менее 1 тыс.	не было привоза
Северный	1	1	6	18	48	15	90	18	8
Северо-Западный	—	—	6	8	30	24	57	34	9
Северное Приуралье	2	1	18	15	105	33	54	5	23
Южное Приуралье	3	5	30	14	82	24	38	5	69
Юго-Восточный	2	2	12	15	78	38	46	8	7
Средне-Волжский	2	1	6	6	30	32	46	11	3
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	—	7	31	34	160	120	250	90	43
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	1	—	4	19	86	91	267	134	26
Центрально-промышленный	1	2	13	14	98	87	231	136	9
Прибалтийский	—	—	3	2	28	34	59	19	5
Западный	—	2	4	4	29	26	169	134	30
Юго-Западный	3	1	1	7	46	46	222	13	27
Малороссийский	9	—	12	30	295	231	499	143	50
Новороссийский	4	8	38	28	181	128	160	34	88
Предкавказье	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сибирь	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	28	30	184	214	1296	929	2188	784	397

Таблица 13

начале 1860-х гг. (по районам)[*]

Число ярмарок						Число ярмарок продолжительностью					
в июле	в августе	в сентябре	в октябре	в ноябре	в декабре	1—3 дня	4—7 дней	8—14 дней	15—21 день	22—30 дней	более 30 дней
13	6	12	15	23	30	124	52	23	5	1	—
20	18	19	13	14	16	143	6	13	5	1	—
19	9	19	16	45	31	204	23	15	11	3	—
38	11	32	32	26	30	151	92	22	5	—	—
20	16	32	25	8	8	28	47	57	60	16	—
36	10	11	14	1	8	114	12	3	4	3	1
105	68	71	76	46	35	643	52	18	16	6	—
102	73	55	66	39	29	536	59	20	10	3	—
104	55	69	50	40	36	543	17	14	15	2	—
8	12	47	32	6	2	134	8	3	2	3	—
44	29	36	40	13	16	379	10	5	1	2	1
19	32	23	43	27	20	355	5	—	3	3	—
79	114	149	120	86	73	1095	106	44	13	10	1
23	59	80	72	47	30	564	94	4	6	1	—
—	7	9	9	2	—	—	—	27	6	18	3
8	7	7	9	15	9	42	14	16	14	5	4
638	526	671	632	438	373	5055	597	284	176	77	10

1868, отд. 2, с. 158—180.

Таблица 13 (*продолжение*)

Число ярмарок, на которых продано товаров на сумму (в иред. руб.)								Число ярмарок с торговым оборотом		
более 1 млн.	501 тыс.—1 млн.	101—500 тыс.	51—100 тыс.	11—50 тыс.	6—10 тыс.	1—5 тыс.	менее 1 тыс.	большим	средним	малым
1	1	2	8	31	18	93	43	4	39	154
—	—	2	2	19	16	50	70	2	21	136
2	1	6	6	59	51	94	14	9	65	159
1	1	13	13	43	46	63	21	15	56	130
1	—	4	4	21	26	78	67	5	25	171
2	—	3	2	20	23	55	29	5	22	107
—	—	14	22	98	73	264	221	14	120	558
1	—	—	2	45	61	248	245	1	47	554
1	1	6	6	52	63	239	214	8	58	516
—	—	1	1	13	19	80	31	1	14	130
—	—	4	2	13	17	120	212	4	15	342
—	1	3	3	23	25	180	104	4	26	309
8	1	2	12	123	198	517	358	11	135	1073
3	—	16	17	83	76	227	159	19	100	462
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	6	76	100	643	712	2308	1788	102	743	4808

было ранней весной и ранней осенью из-за погоды, корма и благоприятной возможности для сбыта, отсюда и многочисленность ярмарок в это время. Говоря о порайонных особенностях в распределении ярмарок по отдельным месяцам в XVIII и XIX вв., следует подчеркнуть, что в течение рассматриваемого времени наблюдалось все же определенное сглаживание этих особенностей, некоторая что ли унификация в сроках ярмарок, распространение общероссийских закономерностей на окраины.

Анализ сезонного распределения российских ярмарок во второй половине XVIII—первой половине XIX в. позволяет судить о том, что уже во второй половине XVIII в. определились некоторые типичные, характерные черты ярмарочной торговли, свойственные и ярмаркам более позднего времени, что в свою очередь указывает на наличие стабильных торговых связей между отдельными торговыми пунктами с ярмарками. Это становится еще более очевидным, если обратиться к анализу данных о продолжительности ярмарок.

Продолжительность ярмарок. Определенное значение для понимания не только особенностей функционирования ярмарочной формы торговли, но и степени развития товарных отношений в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. имеет вопрос о продолжительности ярмарок. Сроки действия ярмарок указывают на интенсивность ярмарочного торга, на широту охвата им населения, а изменение продолжительности действия ярмарок в течение 1750—1860-х гг. (увеличение продолжительности или ее уменьшение) — на направление развития ярмарочной торговли и, в частности, на то, имела ли она тенденцию превращаться в стационарную форму торговли или продолжала оставаться периодической.

По продолжительности функционирования ярмарки можно разделить на 6 групп (I—VI), причем их распределение по группам в среднем по России оказывается крайне неравномерным (данные приведены в процентах, подсчитаны по материалам табл. 12, 13):

	1—3 дня (I)	4—7 дней (II)	8—14 дней (III)	15—21 день (IV)	22—30 дней (V)	Более 30 (VI)
1790-е гг.	77.7	17.3	3.1	0.9	0.6	0.4
1860-е гг.	88.7	8.4	1.5	0.8	0.3	0.2

Большинство ярмарок (78% в XVIII в. и 89% в XIX в.) приходилось на долю кратковременных ярмарок I группы, причем около половины их продолжалось всего один день. Число ярмарок в группах находилось в обратной пропорциональной связи со сроком их действия: чем больше дней действовала ярмарка, тем малочисленнее была группа, в которую она входила, и наоборот. Весьма характерно, что со временем доля ярмарок с большей длительностью сокращалась и, наоборот, с меньшей продолжительностью увеличивалась — это при общем увеличении чис-

ленности ярмарок во всех группах, кроме VI. Отсюда очевидно, что расширение ярмарочной сети в 1750—1850-е гг. происходило преимущественно за счет увеличения доли кратковременных, 1—3-дневных, ярмарок.

Однако сокращение длительности ярмарок компенсировалось увеличением их общей численности, более равномерным распределением в течение года и возрастанием их среднего коммерческого оборота. Можно полагать поэтому, что ни торговцы, ни потребители (при всей условности деления участников ярмарок на покупателей-потребителей и продавцов, поскольку почти каждый участник ярмарки последовательно или одновременно выступал в той или другой роли) не проигрывали от общего сокращения сроков действия ярмарок. Если в XVIII в. потребитель обыкновенно вынужденно делал закупки товаров на ярмарках на весь год, в лучшем случае на полгода, так как ярмарка в одной и той же местности (не в пункте, а в местности!) бывала один-два раза в год, то к середине XIX в. ввиду указанных выше обстоятельств — увеличения торговых оборотов и ярмарочной сети — такая надобность отпадала.

Уменьшение продолжительности ярмарок при увеличении их среднего оборота и более равномерного распределения в течение года способствовало ускорению оборота капитала, поскольку торговец за то же время успевал побывать на большем числе ярмарок и базаров, чем прежде. К ускорению и увеличению торгового оборота российских купцов вынуждали законы функционирования товарной экономики. Известно, что норма торговой, как и вообще предпринимательской, прибыли с развитием капиталистических отношений имеет тенденцию уменьшаться. Выход из этого положения торговец находил в увеличении абсолютной массы прибыли посредством увеличения масштабов своей коммерческой деятельности и ускорения оборачиваемости капитала. Этот новый подход к торговым операциям, хорошо известный Западной Европе уже в XVIII в., утверждается в России в середине XIX в. Знаток купеческого быта и торговых обычаев середины XIX в. П. И. Мельников (Андрей Печерский) в романе «В лесах» показал купцов нового типа Меркулова и Веденеева, ведущих торговую деятельность по-новому, по-европейски. Свои расчеты в торговле они строят не на том, чтобы непомерно поднять цены, не на всевозможных коммерческих плутнях — «бронзовых», т. е. подложных, векселях, выдаваемых без обеспечения, мнимых банкротствах и т. п., — а на ускорении оборота своего капитала, что в конечном итоге приносило бóльшие прибыли.[5]

Сокращению продолжительности ярмарок способствовали такие факторы, как налаживание более прочных торговых связей

[5] Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. Кн. 2. М., 1956, гл. 8, с. 156—157, и др. — По роду своих служебных обязанностей в МВД автор профессионально изучал состояние ярмарочной торговли в России в середине XIX в.

между продавцами и покупателями, установление более или менее стабильных цен на товары благодаря ускоренной циркуляции коммерческой информации. В работах о движении хлебных цен XVIII—XIX вв.[6] показано, что цены в XVIII в. и еще более в XIX в. сравнительно с XVI—XVII вв. стали, пользуясь выражением В. О. Ключевского, «менее пугливыми», их изменения во времени в большей мере обусловливались не случайными преходящими обстоятельствами, а закономерностями движения конъюнктуры и сельскохозяйственного цикла. Еще бо́льшую стабильность благодаря успехам отечественной промышленности приобретали цены ремесленно-мануфактурных товаров. Широкое проникновение товарно-денежных отношений во все сферы народного хозяйства, наблюдавшееся во второй половине XVIII—первой половине XIX в., способствовало лучшему знанию конъюнктуры и вообще условий торговли среди широких слоев населения. Поэтому длительное ожидание хороших цен на ярмарке в надежде повыгоднее сбыть или купить товар, найти менее опытного и знающего покупателя постепенно теряло свою результативность. «Купцы русские, — писал Н. И. Костомаров о XVII в., — постоянно были во мраке относительно большей части того, чем торговали, страшились обмана, были обманываемы и в свою очередь обманывали».[7] К середине XVIII в. и особенно в XIX в. положение существенно изменилось. Расширение и ускорение почтовых операций, включая денежные переводы, появление телеграфа, несравненно более широкое, чем прежде, освещение в печати состояния торговых дел чрезвычайно способствовали распространению коммерческой информации в широких слоях торгующих. Вследствие этого, приезжая на ярмарку, и производитель, и торговец, и покупатель лучше, чем прежде, знали, на что они могли рассчитывать. Надобность в длительных сроках ярмарок поэтому уменьшалась, и «торговая развязка» проходила быстрее.

Следует учесть и улучшения в организации ярмарочной торговли, и бо́льшую безопасность движения купечества с товарами к ярмарке и их пребывания на ней, а также определенное совершенствование путей сообщения. В XVII—первой половине XVIII в. даже на крупнейшей в стране Макарьевской ярмарке условия торговли были самыми неблагоприятными.[8] В течение второй половины XVIII в. и еще более в первой половине XIX в. положение существенно изменилось к лучшему, хотя условия торговли и не стали образцовыми. Правительство приняло более строгие меры к улучшению порядка на ярмарках, посылая на

---

[6] Миронов Б. Н. 1) Революция цен в России в XVIII в. — Вопросы истории, 1971, № 11, с. 49—64; 2) Движение хлебных цен в России в 1801—1914 гг. — Там же, 1975, № 2, с. 45—57.

[7] Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — Собр. соч. Т. 20. СПб., 1905, с. 333.

[8] Там же, с. 296.

крупнейшие из них специальные воинские и пожарные команды. Повысилась также безопасность передвижения купечества по стране.

Жалобы на недостаток торговых помещений и их плохое содержание во время ярмарок раздавались в XVIII в. довольно часто. Согласно ответам на кадетскую и академическую анкеты, в 1760-х гг. только 5% городов имели гостиные дворы. В ряде случаев они плохо содержались.[9] К 1860-м гг. на многих, в том числе почти на всех крупных, ярмарках были построены гостиные дворы, каменные лавки, склады, что не могло не стимулировать более быстрое совершение торговых сделок.

Определенное улучшение состояния путей сообщения благодаря строительству мостов, каналов, шоссе, а с 1840-х гг. пароходов и железных дорог повысило мобильность купечества, которое получило бóльшую, чем прежде, возможность поспеть на ярмарку в срок, к началу, а значит, быстрее на ней завершить свои дела. И в XVIII, и в XIX вв. ярмарки, в особенности крупные, как правило, продолжались дольше официально утвержденных и указываемых в отчетах сроков в значительной мере из-за трудности для купцов в желаемое время прибыть на ярмарку и сильной зависимости от погоды. Однако со временем этот разрыв между действительной и указанной продолжительностью ярмарок благодаря улучшению путей сообщения и организации ярмарочной торговли уменьшился. Один характерный пример проиллюстрирует этот процесс. В ответе воронежского губернатора на анкету генерал-прокурора 1779 г. о ярмарке в г. Коротояке указывается, что происходит она 8 июля. А затем следует любопытное дополнение: «...начинают собираться, естьли благоприятная погода, за два дни до настоящего упоминаемого богородичня дня празднования (имеется в виду праздник в честь иконы богородицы в Казани, — *Б. М.*) и разъезжаются также, естьли красные дни случатся, на третий день; буде непогода последует, то продолжение бывает меньше».[10] В 1830-х гг. официальный срок ярмарки приблизился к фактическому — 7—9 июля, а в начале 1860-х гг. в точном соответствии с указанным сроком она проходила только один день — 8 июля.[11]

Продолжительность ярмарки зависела главным образом от масштаба ее торговых операций, категории ярмарки и ее назначения. Чем больше стягивала ярмарка товаров из разных губерний страны, чем большим был ее оборот, тем дольше она действовала. Оптовые ярмарки, как правило, длились 3—4 недели и более, узловые — 1—2 недели, розничные — неделю и менее, городские ярмарки, превосходившие сельские по оборотам, в массе

[9] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 542. Дело о неудовлетворительном содержании гостиного двора на Корсунской ярмарке, л. 92—106.

[10] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 262.

[11] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. I. СПб., 1863, Воронежская губ., с. 25.

своей были длительнее. Связь между оборотом, общим торговым значением ярмарки и ее длительностью являлась весьма ощутимой. Это подтверждается тем, например, что когда в 1883 г. вводилось обложение пошлинами ярмарочной торговли, то оно ставилось в зависимость от продолжительности происходившего на ярмарках торга. Все ярмарки разделялись на пять разрядов. К первому относилась Нижегородская ярмарка, длившаяся более месяца; ко второму — ярмарки, продолжавшиеся более 21 дня; к третьему — от 15 до 21 дня; к четвертому — от 8 до 14 дней; к пятому разряду отнесены ярмарки сроком до 7 дней.[12]

Если ярмарки приурочивались к навигации, как, например, Архангельская, или собирались в отдаленных или пограничных губерниях к моменту прихода караванов с товарами — Оренбургская, Троицкая, Енисейская, Якутская, Иркутская, Кяхтинская и некоторые другие, — то в XVIII в. они продолжались всю навигацию или до полной реализации товаров, иногда по 3 и более месяцев. В XIX в. в соответствии с общей тенденцией сокращения сроков прохождения ярмарок число ярмарок, действовавших месяц и более, сократилось не только относительно, но и абсолютно (с 12 до 11), а число всех ярмарок, работавших более 3 дней, уменьшилось относительно.

Распределение ярмарок разной длительности внутри районов и между ними (см. табл. 12, 13) вызывалось преимущественно условиями хозяйственного быта жителей — заселенностью края, состоянием путей сообщения и др. — и составом ярмарок по категориям и типам. Где проходило больше оптовых и узловых ярмарок, населения было мало, дороги находились в плохом состоянии — а это в основном окраинные, пограничные или районы нового заселения: Малороссийский, Южное Приуралье, Северный, Юго-Восточный, Средне-Волжский и Сибирь, — там встречаем больше продолжительных ярмарок, действовавших неделю и дольше. Наоборот, в Западном, Юго-Западном, Прибалтийском и Центральных районах с относительно лучшим состоянием дорог (для России рассматриваемого времени можно говорить лишь об относительно хорошем состоянии дорог, ибо везде дороги содержались неудовлетворительно), с относительно высокой плотностью населения и преобладанием розничного характера ярмарочной торговли доминировали кратковременные, 1—3-х дневные, ярмарки.

В XVIII в. только в трех районах — Южном Приуралье, Малороссийском и Новороссийском — на долю 1—3-х дневных ярмарок приходилось менее половины их общего числа; в XIX в. лишь в Оренбургской, Иркутской и трех предкавказских губерниях (Ставропольской, Терской и Кубанской) доля 1—3-х дневных ярмарок не превышала 50%. Здесь ярко проявилась зависимость

[12] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, с. 243—244.

продолжительности ярмарок от хозяйственных условий края. Слабая заселенность, опасность передвижения, плохие дороги, не установившиеся еще четко и определенно вследствие непрерывной миграции населения связи между потребителями, производителями и торговцами разных уровней, слабая циркуляция коммерческой информации требовали, как в старину, длительных торжищ, чтобы участники успели собраться, присмотреться друг к другу и определиться в своих торговых операциях.

2. Профиль ярмарок по преобладающим товарам

Формирование и дальнейшее развитие всероссийского внутреннего рынка, направление этого процесса отчетливо выявляются при анализе ассортимента товаров, обращавшихся на ярмарках. Если ассортимент товаров большинства ярмарок окажется бедным и однообразным, это будет свидетельствовать либо о невысоком уровне общественного разделения труда в стране, либо об ограниченном значении ярмарок в торговом обороте страны. Если на ярмарках будут преобладать сельскохозяйственные товары, как полагал, например, Н. Л. Рубинштейн,[13] это укажет на виллинизацию ярмарок, на их преимущественно сельский характер. Если же, наоборот, состав товаров на ярмарках окажется богатым и универсальным, это будет служить сильным аргументом в пользу, во-первых, достаточно высокого уровня общественного и, в частности, географического разделения труда и, во-вторых, важной роли ярмарок в общем торговом обороте страны, которые не только мобилизовывали сельскохозяйственное сырье, но и удовлетворяли основные потребности населения страны в товарной продукции.

Главные группы товаров на ярмарках. В контентном анализе сведений о ярмарках было выделено 76 групп товаров. Однако вследствие невозможности привести результаты этого анализа полностью ограничимся более общими данными, характеризующими ярмарочную торговлю по 10 типам товаров (I—X), в которые объединены эти 76 групп (см. табл. 12). В целом по России главные типы товаров в рассматриваемое время были представлены на ярмарках таким образом (подсчитано по материалам табл. 12, 13; первая строка — процент ярмарок, на которых зафиксирован данный тип товаров, вторая — место данного типа товаров в товарообороте):

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
1790-е гг.	68	76	57	63	98	19	41	8	72	11
	4-е	2-е	6-е	5-е	1-е	8-е	7-е	10-е	3-е	9-е
1860-е гг.	78	94	26	74	100	34	69	31	58	32
	3-е	2-е	10-е	4-е	1-е	7-е	5-е	9-е	6-е	8-е

[13] Рубинштейн Н. Л. Русская ярмарка XVIII века. — Уч. зап. кафедры истории народов СССР Моск. обл. пед. ин-та, 1939, вып. 1, с. 16—20.

Сумма процентов по отдельным видам товаров превышает 100 ввиду того, что почти на каждой ярмарке фигурировало несколько типов товаров.

Прежде чем переходить к анализу этих данных, необходимо остановиться на характеристике информации, которую они содержат. Данные показывают *частоту* обращения, фигурирования товара в ярмарочной торговле, т. е. как часто упоминается данный тип товаров в источниках о торговле на отдельных ярмарках. В совокупности эти данные характеризуют стоимостную структуру товарной массы, но не прямо, а косвенно. Частота появления товаров на ярмарках свидетельствует о популярности тех или иных товаров у населения, значении отдельных групп товаров в ярмарочном товарообороте, ассортименте товаров, количестве товаров, обращавшихся на ярмарках, но не со стоимостной точки зрения, а с точки зрения их массы. Отсутствие денежных оценок состава товарооборота при нашем подходе к ярмарочной торговле имеет определенные преимущества по следующей причине. Предметы роскоши, импортные товары и вообще все дорогие товары в своем стоимостном выражении выглядят всегда весомее остальных. Поэтому структура товарной массы по цене товаров не отразит адекватно спрос широких слоев населения на те или иные группы товаров, популярность последних (тем более что стоимостные данные лишь приблизительно верны). А вот данные о частоте упоминания товаров отражают это значительно надежнее.

При выяснении изменений в ассортименте ярмарочных товаров большую ценность представляют *относительные* данные о частоте присутствия товаров на ярмарках, т. е. данные о проценте (доле) ярмарок, на которых появление товара зафиксировано. Так, абсолютные частоты появления товаров в XIX в. почти всегда будут больше, чем в XVIII в., поскольку численность ярмарок за это время увеличилась. Но данный факт не может служить показателем изменения ни потребительского спроса и предложения, ни значения отдельных товаров в ярмарочной торговле. Для оценки подобных явлений необходимо устранить влияние изменения общего числа ярмарок за исследуемый отрезок времени. Это достигается очень простым способом: нужно сравнивать изменения не абсолютных, а относительных частот присутствия тех или иных товаров на ярмарках, другими словами, сравнивать процент ярмарок, на которых зарегистрирован данный товар в XVIII и XIX вв. Вот поэтому все приводимые ниже данные о частоте появления товаров на ярмарках выражены не только в абсолютных, но и в относительных числах.

Детальный анализ ассортимента ярмарочной торговли показывает, что в XVIII в. первое место на ярмарках занимали мануфактурные изделия и галантерея (V тип), только на 2 ярмарках из 100 не бывало подобных изделий. На втором месте среди товаров находились продукты животноводства, рыболовства и охоты (II тип), которые продавались на $^3/_4$ (75%) всех ярмарок. Не-

сколько меньшую роль играли крестьянские «черные товары» (IX тип), представленные на 72% ярмарок. Земледельческие растительные продукты (I тип) занимали четвертое место, находясь в числе главных товаров на $^2/_3$ (68%) ярмарок. Пятое место в товарной массе принадлежало минеральным и металлическим изделиям (IV тип), продававшимся тоже почти на $^2/_3$ (63%) ярмарок, шестое — лесным материалам и деревянным изделиям (III тип), привозившимся на 57% всех ярмарок. Последующие 7—10-е места занимали бакалейно-москательные товары (VII тип), спирт и напитки (VI тип), импортные товары (X тип) и предметы роскоши (VIII тип). Последние четыре типа товаров поставлялись соответственно на 41, 19, 11 и 8% всех ярмарок. Из приведенных данных следует, что на ярмарках доминировали продукты сельскохозяйственного производства, крестьянских промыслов и ремесленно-мануфактурные товары широкого потребления. Остальные товары играли в товарообороте второстепенную роль, в особенности предметы роскоши и импортные товары. Различия в значении (доле) отдельных типов товаров в ярмарочной торговле были велики, колеблясь от 8 до 98%.

К 1860-м гг. состав товаров на ярмарках практически не изменился, но зато изменилось относительное значение отдельных товаров. Только два типа товаров — лесной (III) и «черный» (IX) — стали поставляться на относительно меньшее число ярмарок: лесные товары — на 26% ярмарок вместо 57%, «черные» — на 58% вместо 72%. Сокращение относительного значения лесных материалов и деревянных изделий свидетельствует о постепенном вытеснении в течение первой половины XIX в. дерева как топлива, основного материала для всякого рода поделок, о замене его во многих сферах хозяйства металлом и другими материалами. Это было обусловлено прежде всего широким внедрением в производство и быт каменного угля, нефтяных продуктов, камня, металла, стекла, фаянса, фарфора и т. д. Словом, везде дерево в XIX в. оказалось потесненным минеральным и металлическим сырьем, о чем говорит и увеличение значения минеральных продуктов и металлических изделий в ярмарочной торговле: в XVIII в. они встречались на 63% ярмарок, в XIX в. — на 74%. Вторую причину снижения относительной роли лесных и деревянных изделий в составе товаров следует, вероятно, усматривать в изменении лесистости России. Согласно данным М. А. Цветкова за 1763—1861 гг., лесистость Европейской России уменьшилась с 49 до 42%.[14] Сокращение лесов, особенно в наиболее доступных местах, неизбежно вело к замене дерева другими материалами.

Все остальные типы товаров на ярмарках XIX в. стали появляться чаще, чем прежде. Особенно большое значение приобрели продукты животноводства и рыболовства (II тип): они заняли

[14] Цветков М. А. Уменьшение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957, с. 123.

второе место среди товаров после мануфактурных, поскольку отмечены на 94% ярмарок (практически ни одна ярмарка не могла без них обходиться), в то время как в XVIII в. они отсутствовали на 24% ярмарок. В течение первой половины XIX в. в рыночной торговле еще более возросла роль продуктов земледелия (в особенности хлеба), которые зарегистрированы на 76% всех ярмарок. Благодаря этому I тип товаров по своему значению переместился с четвертого места на третье.

Существенно возросло значение в ярмарочной торговле товаров VI типа: спирта, вина, в особенности водки; в 1860-х гг. они зафиксированы на каждой третьей ярмарке, а в конце XVIII в. всего на каждой пятой, т. е. стали почти вдвое чаще появляться на ярмарках, вследствие чего VI тип товаров поднялся с 8-го на 7-е место. Таким образом, сельскохозяйственные товары, включая сюда и спирто-винный тип товаров, стали значительно чаще фигурировать на ярмарках, что указывает на рост товарности крестьянского и помещичьего хозяйства, на развитие в деревне товарно-денежных отношений.

Вместе с тем и все промышленные товары стали значительно чаще появляться в ярмарочной торговле. Обращает на себя внимание весьма сильное развитие торговли относительно дорогими товарами: москательными, гастрономическими и пр. (VII тип) и особенно импортными и предметами роскоши (X тип). В XVIII в. первые отмечены на 41% ярмарок, в XIX в. — на 69%, вторые — соответственно на 11 и 32%, третьи — на 41 и 69%. Увеличение спроса на эти товары свидетельствует о росте ассортимента ярмарочной торговли, но главное, о появлении и более активном, чем прежде, участии в ярмарках зажиточных слоев населения. Кто здесь имеется в виду? Дворянское и духовное сословие было весьма немногочисленным: в 1858 г. всех категорий дворян обоего пола в России насчитывалось немногим более 1 млн., духовенства — 667 тыс. человек (следует иметь в виду, что среди последнего немало находилось и людей невысокого достатка), соответственно около 1,5 и 1% общей численности населения. Из 4,6 млн. горожан к зажиточным слоям можно отнести лишь почетных граждан (22 тыс.) да купцов (403 тыс.), всего 425 тыс. человек. Следовательно, на дворянство, духовенство и зажиточных горожан приходилось лишь около 3% населения страны.[15] Отсюда очевидно: главными покупателями дорогих товаров на ярмарках становились в XIX в. зажиточные земледельцы, что свидетельствует о расслоении деревни, о появлении в ней весьма состоятельных крестьян, которые могли позволить себе покупку «панских товаров», хрусталя, картин и т. п. П. И. Мельников (Андрей Печерский) на страницах своего романа «В лесах» ярко показывает быт богатых заволжских крестьян, так называемых тысячников.

[15] Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. СПб., 1863, с. 294—304.

Один из них, удельный крестьянин Потап Максимович Чапурин, занимавшийся торговлей хлебом и изделиями из дерева, жил не хуже любого богатого купца, устраивая у себя в деревне, в заволжском захолустье, роскошные обеды. Дивились бывавшие у него из города гости на убранство стола, на вина, на кушанья, на камчатое белье, хрусталь и серебряные приборы.[16]

Понижение относительного значения крестьянских «черных» товаров в ярмарочной торговле XIX в. было связано с ростом фабрично-заводской промышленности и изменением потребностей населения, приведшими в совокупности к относительному снижению роли изделий крестьянской кустарной промышленности в потреблении населения.[17] В первой половине XIX в. товары мануфактурного производства — платки, шелковые и хлопчатобумажные повязки, кушаки, шляпы, чулки, ленты, шнурки, кумачи, — серебряная, медная и оловянная галантерея и другие изделия стали обычными для зажиточного крестьянства и на купеческом языке уже в конце XVIII в. так и назывались — «принадлежащие до крестьянства щепетильные мелкие товары». Параллельный рост спроса и предложения на мануфактурные изделия привел к повышению их доли в составе товаров (в XVIII в. они зафиксированы на 98% ярмарок, в 1860-е гг. — на всех ярмарках) и к значительному понижению доли «черных» крестьянских товаров (в XVIII в. они отмечены на 72% ярмарках, в XIX в. — на 58%).

Увеличение на ярмарках массы сельскохозяйственных, промышленных и импортных товаров — убедительное доказательство усиления обмена между городом и деревней, промышленностью и сельским хозяйством, общего роста товарности народного хозяйства, его капитализации. Существенно определить, доля каких товаров в ярмарочной торговле увеличилась в большей мере. Для решения этого вопроса в нашем распоряжении имеются данные о стоимости отдельных групп товаров, проданных на 20 крупнейших ярмарках, оборот которых составлял 57—73% всей ярмарочной торговли России в 1860-е гг.[18] (они отразят преимущественно торговлю на крупных ярмарках), и данные о частоте упоминания тех или иных групп товаров на ярмарках (они охарактеризуют главным образом торговлю на мелких ярмарках). Для этого разделим 10 типов товаров на две группы. В одну войдут товары, связанные своим происхождением с сельским хозяйством, кустарными, лесными промыслами (последним занимались пре-

---

[16] Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах. Кн. 1. М., 1955, с. 171—173.

[17] Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 342; Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII—первой половины XIX в. М., 1974, с. 222—223; Аксаков И. С. Исследования о торговле на украинских ярмарках, с. 24.

[18] Военно-статистический сборник. Вып. 4. России. СПб., 1871, с. 646—647.

имущественно крестьяне и дворяне) и винокурением, бывшим привилегией дворянства; все эти товары (I—III, VI и IX типы) производились и привозились на ярмарки из деревни. Другую группу образуют промышленные, ремесленные и импортные товары, поставлявшиеся преимущественно городом (IV, V, VII, VIII и X типы). Затем подсчитаем частоту упоминания тех и других в сведениях о ярмарках и сравним полученные результаты (табл. 14).

Таблица 14

Роль сельскохозяйственных и промышленных товаров в ярмарочной торговле России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. *

Тип товаров	Частота упоминания товаров (в % к числу ярмарок)		Место по частоте упоминания товаров		Привоз товаров в 1860-е гг.		
	1790-е гг.	1860-е гг.	1790-е гг.	1860-е гг.	тыс. кред. руб.	%	место по %
Земледельческий (I)	68	76	4	3	16494	6.3	5
Мясо-рыбо-пушной (II)	76	94	2	1	34128	13.1	3
Лесной (III)	57	26	6	10	3702	1.4	8
Спирто-винный (VI)	19	34	8	7	2271	0.9	10
Крестьянский (IX)	72	58	3	6	4216	1.6	7
Итого	292	288	23	27	60811	23.3	33
Минерально-металлический (IV)	63	74	5	4	17903	6.9	4
Мануфактурный (V)	98	100	1	2	120324	46.1	1
Бакалейно-москательный (VII)	41	69	7	5	12725	4.9	6
Предметы роскоши (VIII)	8	31	10	9	3505	1.3	9
Импортный (X)	11	32	11	8	45772	17.5	2
Итого	221	306	34	28	200229	76.7	22

* Подсчитана по данным табл. 12 и 13.

Приведенные данные показывают, что относительное значение «деревенских» товаров понизилось сравнительно с товарами «городскими» (и по частоте упоминания, и по сумме мест) главным образом вследствие понижения роли лесных материалов и деревянных изделий (III тип) и «черного» крестьянского товара (IX тип). Отсюда следует вывод, что ассортимент ярмарочных товаров принимал все более «городской» характер. Об этом же свидетельствуют и стоимостная структура товаров в ярмарочной торговле, и тот факт, что купечество на ярмарках обычно продавало больше, чем покупало.

При сравнении относительного значения отдельных типов товаров на ярмарках XIX в. обращает на себя внимание еще одна их особенность: каждая ярмарка (не ярмарочная торговля в целом!) стала *универсальнее*, чем была прежде, на ней стали фигурировать более разнообразные товары, частоты присутствия или упоминания отдельных типов товаров в ярмарочной торговле значительно выровнялись. В 1790-е гг. наиболее часто упоминаемый мануфактурный товар (V тип) зафиксирован на 98% ярмарок, а наименее популярный — предметы роскоши (VIII тип) — только на 8%; различие в частоте упоминания — 90%. В 1860-е гг. подобное же различие составило 74% (100% у V типа, 26% у VI). Среднее различие в частоте присутствия отдельных типов товаров на ярмарках (оно выражается с помощью коэффициента вариации) тоже существенно снизилось — на треть: в 1790-е гг. оно составляло 59%, в 1860-е гг. — 44%. Расширение ассортимента товаров на ярмарках указывает на рост общей товарности народного хозяйства и в особенности земледелия (ведь большинство ярмарок XIX в. являлись сельскими), на изменение материальных потребностей населения, на проникновение городского быта и культуры в деревню.[19]

Поскольку материальные потребности людей находятся в существенной связи с их общей культурой и духовными потребностями, то данные об изменении ассортимента товаров указывают также и на определенные сдвиги в сфере культуры и сознания. Вот два весьма характерных примера. Среди товаров, фигурировавших на ярмарках в 1790-е гг., лишь изредка упоминаются книги, а в 1860-е гг. на 5% ярмарок книги указываются в числе важных товаров. Конечно, это еще не показатель массового проникновения книги в широкие слои населения, но все же свидетельство появления интереса к книге, к знанию и образованию, что подтверждается и специальными исследованиями.[20] К 1860-м гг. в ассортименте товаров существенно возросло и значение писчей бумаги (редко фигурировавшей на ярмарках XVIII в.) — в XIX в. она продавалась на 39% ярмарок. Значит, люди стали больше писать и не только, по-видимому, всякого рода официальные бумаги (что, правда, несомненно), а и, наверное,

---

[19] Возможность оценить количественно, с помощью корреляционного анализа, насколько в целом структура ассортимента товаров XVIII в. отличалась от структуры ассортимента товаров XIX в., открывает путь и для решения вопроса о степени изменения материальных потребностей населения. Коэффициент детерминации (квадрат коэффициента корреляции) между частотой упоминания отдельных типов товаров в 1790-е и 1860-е гг. составил 0.59, т. е. структура ассортимента товаров в течение первой половины XIX в. изменилась на 41% (100—59). Отсюда можно предположить, что столь же существенно изменились и материальные потребности населения, преимущественно сельского.

[20] Блюм А. В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII—первой четверти XIX в. — Тр. Ленингр. ин-та культуры, 1973, т. 25, с. 37—57; Мартынов И. Ф. Книга в русской провинции 1760—1790-х гг. — В кн.: Книга в России до середины XIX в. Л., 1978, с. 100—124.

письма, использовали бумагу в учебных занятиях. Действительно только за 1825—1857 гг. письменная внутрироссийская корреспонденция увеличилась более чем в 6.3 раза, а число писем, отправленных по почте, в 1857 г. достигло 33.5 млн., в 1866 г. — 42.6 млн.[21] Появление на ярмарках в значительном количестве книг и бумаги свидетельствует также о росте грамотности, числа учащихся, что тоже находит подтверждение в специальных исследованиях. За 23 года (с 1834 по 1856 г.) число учащихся увеличилось с 245 тыс. до 450 тыс. человек, грамотность среди сельского населения в 1860-е гг. достигла 5—6%, среди городского — 33%.[22]

Нельзя не указать и на то, что в ассортименте товаров сельских ярмарок XIX в. довольно часто стали упоминаться мыло, чай, кофе (зафиксированы соответственно на 47, 26 и 14% ярмарок). Появление этих малоизвестных прежде широким слоям населения товаров свидетельствовало о расширении влияния городского быта на деревенский и городской, буржуазной культуры на сельскую, более традиционную культуру.

Если говорить о наиболее популярных товарах, то, судя по ассортименту ярмарочной торговли, здесь следует назвать среди *земледельческих* продуктов табак (73 — в скобках здесь и далее указывается процент ярмарок, на которых фигурировали эти товары в 1860-е гг.), хлеб (65); среди продуктов *животноводства, охоты и рыболовства* — кожи (69), лошади (68), крупный рогатый скот (66), рыба (50), пушнина (45), воск (36), овцы (34), сало (19), мед (18), масло (17), шерсть (10); среди *лесных* товаров — деревянные изделия (26) и деготь (11); среди *минерально-металлических* товаров — металлы (64), посуда (61), стекло (23), зеркала (20), соль (18); среди *мануфактурных* изделий — хлопчатобумажные (82), шерстяные (69), шелковые (61) и полушелковые (47), льняные (34) ткани и изделия из них, а также галантерея (11); среди *напитков* — горячее вино (34); среди пестрого по составу *VII типа* товаров — бакалейные и гастрономические (50), москательные (19), сахар (27); среди *предметов роскоши* — хрусталь и «панские товары» (31); среди *«черных» крестьянских* товаров — съестные припасы (24), холст льняной (34), пеньковые изделия (30); среди *импортных* товаров — чай (26) и кофе (14).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что российская ярмарка второй половины XVIII — первой половины XIX в. в любом виде представляла собой своего рода универсальный магазин, где, как правило, можно было купить все — от иголки до драгоценностей, от лаптей до роскошной бухарской шали, от калача до дорогого заморского вина. Данный факт имеет исключительно

[21] Юбилейный сборник Центрального статистического комитета МВД. СПб., 1913, отд. IV, с. 40.

[22] Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX и начале XX в. — Ист. зап., 1951, т. 37, с. 28—81.

важное значение. Товары повседневного массового потребления стали обычными и наиболее распространенными на ярмарках — важнейшей форме торговли в рассматриваемое время. Это свидетельствует о том, что товарно-денежные отношения глубоко затронули экономический быт России, и влияние торговли сказывалось на положении всех социальных слоев ее населения. Если бы основной ассортимент товаров состоял из предметов редкого потребления, то торговля могла бы оказывать влияние преимущественно на купечество и «верхи» общества. Вместе с тем важно отметить, что, судя по ассортименту товаров, обращавшихся на ярмарках, в подавляющей массе на рынок поступали товары *потребительского* назначения. Это позволяет предположить, что рынок даже в дореформенное время не оказывал еще решающего воздействия на процессы воспроизводства и что натуральность хозяйства далеко не была еще изжита.

Товарная специализация ярмарок. По преобладанию определенных групп товаров российские ярмарки конца XVIII—первой половины XIX в. можно разделить на четыре группы: сельскохозяйственные, мануфактурные, промысловые и универсальные. Такое деление ярмарок, несмотря на некоторую его условность, отражало товарную специализацию производившейся на них торговли. Группы ярмарок распределялись в целом по России следующим образом (подсчитано по данным табл. 12, 13):

	1790-е гг.	1860-е гг.
Сельскохозяйственные	23%	3%
Мануфактурные . . .	19%	6%
Промысловые	2%	1%
Универсальные . . .	56%	90%

В XVIII в. преимущественно действовали универсальные ярмарки, на которых в качестве главных товаров обращались разные их группы, затем шли сельскохозяйственные, мануфактурные и промысловые ярмарки.

На сельскохозяйственных ярмарках продавцами выступали преимущественно земледельцы, покупателями — торговцы. Эти ярмарки, имея базарный характер, являлись сборными пунктами скота и земледельческих продуктов, способных к длительному сроку хранения (преимущественно хлеб, лен и пенька). Закупленные там товары доставлялись торговцами водным или сухопутным путем в места потребления. Сельскохозяйственные ярмарки находились преимущественно в земледельческих или скотоводческих губерниях Центрально-земледельческого, Прибалтийского и Малороссийского районов, в XIX в. к ним добавились Северное и Южное Приуралье, Юго-Западный и Новороссийский районы. Проходили они в основном осенью и зимой. Сельскохозяйственная ярмарка имела розничный характер, поскольку ее

основным участником являлся крестьянин, не обладавший в большинстве своем значительными запасами земледельческих продуктов.

На мануфактурной ярмарке в противоположность сельскохозяйственной продавцами товаров выступали главным образом купцы и мещане (в XIX в. и торгующие крестьяне), а покупателями — сельские жители. На этих ярмарках земледельцы снабжались необходимыми «городскими» товарами, сами же продавали мало; происходили ярмарки главным образом в весенне-летние месяцы. Порайонное распределение мануфактурных ярмарок не имело четкой связи с хозяйственной специализацией районов. В значительном количестве ярмарки данного профиля встречались и в губерниях с развитой промышленностью (Северо-Западный и Западный районы), и в губерниях сельскохозяйственной специализации (Центрально-земледельческий район), и в губерниях нового заселения (Южное Приуралье). Подавляющее большинство мануфактурных ярмарок являлись сельскими и обслуживали деревню.

Промысловые ярмарки специализировались на торговле изделиями деревенского ремесла, кустарной промышленности, крестьянских промыслов; холст и пряжа, пушнина и рыба, «черный» крестьянский товар — вот что на них преимущественно продавалось. Как и на сельскохозяйственных ярмарках, продавцами здесь выступали главным образом производители, покупателями — торговцы. Промысловые ярмарки были малочисленны, и большинство их отмечено в Северо-Западном, Центрально-земледельческом районах и в Приуралье. Может вызвать удивление отсутствие их на Севере, Юге и в Сибири и малочисленность их в Центрально-промышленном районе. Обусловливалось это тем, что, хотя на рынках перечисленных районов промысловые товары занимали очень видное место, фигурировали они там наряду с другими весьма распространенными типами товаров: земледельческими и мануфактурными. Последнее обстоятельство объясняется просто: главные поставщики промысловых товаров в XVIII в. находились либо на осваиваемых окраинах, где не было еще местной промышленности да и своего продовольствия нередко не хватало, либо в губерниях с довольно четкой промышленной специализацией, нуждавшихся в поставках земледельческих продуктов.

Более половины ярмарок XVIII в. относилось к группе универсальных (56% общего числа). И это не случайно: ярмарка, на которой в равной мере были представлены разнообразные товары, являлась наиболее типичной. Здесь продавались, покупались и обменивались все группы товаров, причем роль покупателя и продавца, потребителя и производителя исполнялась земледельцами, купцами и мещанами последовательно или одновременно. Все крупные ярмарки являлись универсальными. Во всех великорусских губерниях старого заселения, исключая С.-Петербургскую и Псковскую, они составляли большинство.

В течение первой половины XIX в. в ярмарочной торговле проходили два процесса: с одной стороны, проявилась специализация отдельных ярмарок на торговле одним или двумя-тремя какими-либо товарами (скотом, шерстью и пр.), с другой — увеличивалась универсальность большинства ярмарок. Результатом этих процессов явилось подавляющее преобладание универсальных ярмарок, число которых достигло 90% от общего числа, и выделение небольшого числа ярмарок с ярко выраженной специализацией.

К началу 1860-х гг. определились ярмарки, специализировавшиеся на торговле: *шерстью* — Троицкая в Харькове, Петропавловская в Екатеринославе и Ильинская в Полтаве; *лесом* — в Козьмодемьянске (Казанской губернии), Макарьеве (Костромской), Минске и Гомеле (Могилевской); *льном* — в Грязовце, Лальске, в селах Шолей и Вохме (Вологодской); *пенькой* — Покровская Свенская (Орловской); *сахаром* — Крещенская в Киеве, Харьковская и Ильинская в Полтаве; *крупным рогатым скотом* — в Криворожской, Раздорской и Урюпинской станицах (Донского Войска земля); *хмелем* — в Житомире, Дубно и Ровно (Волынской); *пушниной* — в Якутске; *кожей* — в с. Крестовском (Пермской), в Ишиме (Тобольской), Мензелинске (Уфимской), Алексеевская в Котельниче (Вятской), ст. Урюпинской, в Ростове-на-Дону, Балте (Подольской), в ст. Георгиевской, в Елисаветграде (Херсонской) и некоторые другие; *металлом* — в Мензелинске, Шадринске (Пермской), Ишиме (Тобольской губернии) и др. Особенно заметно специализация коснулась торговли лошадьми. На 511 ярмарках страны *скот* занимал видное место в торговле, из них 15 являлись крупнейшими ярмарками: в Балте (Подольской губернии), Бердичеве, местечке Белой Церкви (Киевской), Ильинская в Полтаве, Царицыне и селах Баленде и Бекове (Саратовской), в Тамбове, Коренная в Курске, в Елисаветграде (Херсонской), в Нижнедевицке и Боброве и селах Тищанке и Орехове (Воронежской), в ст. Карповке (Донского Войска земля). На каждой из них продавалось от 3 до 10 тыс. лошадей.[23]

Высокоспециализированные ярмарки со временем приобретали общероссийское значение, обслуживая либо несколько районов одновременно, либо экспорт, либо многие районы. Общероссийскую значимость имели и крупные оптовые универсальные ярмарки. Большинство же ярмарок играло роль районных, губернских, областных, местных центров торговли.

3. Типы и функции ярмарок по основному характеру производимой на них торговли

Существенное значение для понимания особенностей функционирования российского внутреннего рынка XVIII—первой половины XIX в. имеет выяснение характера торговых операций,

[23] Военно-статистический сборник, вып. 4, с. 645—647. — О конских ярмарках в 1820-е гг. см.: Коммерческая газета, 1827, № 39.

производимых в его важнейшей сфере — в ярмарочной торговле.

Тип ярмарки по основному характеру производимой торговли. По доминирующему характеру торговли ярмарки распадаются на пять типов: розничный, узловой сборный, узловой распределительный, узловой розничный и оптовый (см. табл. 12, 13, 15).

Прежде чем переходить к анализу статистических данных о распределении ярмарок по характеру торговли, необходимо отметить, что каждая российская ярмарка XVIII в. да и первой половины XIX в., даже если ее рассматривать под одним углом зрения — какая торговля производилась на ней, — представляла собой сложный организм. На ярмарке происходило одновременно два вида торговых операций: мобилизация избытков местной товарной продукции для отправки их на другие рынки и реализация товаров, которые производились в других местностях и в которых данный уезд, губерния, район испытывали недостаток. На самой мелкой ярмарке осуществлялся подобный обмен излишками товарной продукции разных местностей. В этом смысле на любой ярмарке практически реализовывалось географическое разделение труда, а в более широком смысле — и общественное разделение труда.

Излишки товаров сначала мобилизовывались в районах производства начиная с базаров и мелких ярмарок, затем, постепенно накапливаясь, доходили до крупных оптовых ярмарок в данном районе. Оттуда они переходили на оптовые ярмарки в районы потребления и тем же путем, только в обратной последовательности — от крупных к мелким ярмаркам и базарам — попадали к потребителям. Отсюда и предлагаемое разделение ярмарок на пять типов в зависимости от доминирующего на них характера торговли. На розничных ярмарках происходила либо мобилизация розничными торговцами товарных излишков у производителей, либо окончательная реализация ими же товарных излишков из других местностей, либо и то, и другое одновременно. На узловых сборных ярмарках продолжалась мобилизация товарных излишков данной местности теперь уже мелкими оптовыми торговцами; туда поступали товары с розничных ярмарок от мелких торговцев либо от непосредственных производителей. На оптовые ярмарки поступали товары с розничных и узловых сборных ярмарок, на них же заканчивалась мобилизация излишков товарной продукции данной местности и начиналось перераспределение товаров между районами с избытком и районами с недостатком определенных товаров. С оптовых ярмарок товары поступали на узловые распределительные ярмарки, где продолжалась их реализация, — товары покупались оптом для дальнейшей перепродажи их на розничных ярмарках потребителям. Таким образом, мобилизация товарной продукции проходила от розничных к узловым сборным и оптовым ярмаркам, а реализация — от оптовых к узловым распределительным и розничным ярмаркам. Розничные ярмарки являлись начальным звеном для потока сборных мобили-

зуемых товаров и конечным звеном для потока реализуемых товаров, а оптовые ярмарки — конечным звеном для мобилизуемых и начальным для реализуемых товаров. Структура ярмарок по характеру торговли представлена в табл. 15.

Таблица 15

Распределение ярмарок в России по основному характеру торговли *

Основной характер торговли	Число ярмарок	
	1790-е гг.	1860-е гг.
Розничный	2612 (83%)	5263 (87%)
Узловой сборный	98 (3%)	162 (3%)
Узловой распределительный	134 (4%)	204 (3%)
Узловой розничный	260 (8%)	363 (6%)
Оптовый	55 (2%)	58 (1%)
Итого	3159 (100%)	6050 (100%)

* Подсчитано по данным табл. 12 и 13.

Приведенные данные свидетельствуют о преобладании розничных ярмарок, на которые приходилось 83% их общего числа. Кроме того, следует учесть, что наполовину розничный характер имели и узловые розничные ярмарки, которые составляли до 8% общей численности ярмарок. Примерно поровну было узловых сборных и узловых распределительных (соответственно 3 и 4%) и менее всего оптовых ярмарок — 55, что составляло всего 2%. Одна оптовая ярмарка приходилась на 48 розничных и на 9 узловых (включая сюда и узловые розничные). Подобное распределение вполне соответствовало многоступенчатому характеру внутренней торговли России XVIII—первой половины XIX в.

Сравнительно широкая и разветвленная сеть розничных ярмарок позволяла мобилизовывать товарные излишки у производителей и доводить их до потребителей. Более или менее равномерное распределение между районами узловых ярмарок и их значительная численность обеспечивали концентрацию товарных излишков, с одной стороны, и их распределение между розничными ярмарками — с другой. Оптовых ярмарок имелось немного, но они находились на пересечении торговых путей, в удобных для транспортировки товаров местах, на значительном расстоянии друг от друга, проходили в разные сроки и действовали продолжительное время — месяц и более. Все это создавало благоприятные возможности для привоза на них с узловых сборных и розничных ярмарок громадных масс товаров, а также для последующего перераспределения их между оптовыми ярмарками и дальнейшей отправки на узловые распреде-

лительные и розничные ярмарки. Вся сеть ярмарок представляла собой слаженный механизм, который, несмотря на свою громоздкость, довольно успешно справлялся с трудной задачей — в сложных условиях обеспечить товарообмен между разными частями огромной страны, нередко удаленными друг от друга на тысячи километров.

В течение первой половины XIX в. в структуре ярмарок по типам произошли некоторые изменения: крупное увеличение числа мелких розничных ярмарок, незначительный рост числа узловых ярмарок, главным образом ввиду прироста территории России, и еще меньшее увеличение количества оптовых ярмарок (число же крупнейших среди них сократилось). Соотношение ярмарок разных типов изменилось в пользу розничных ярмарок за счет сокращения доли узловых и оптовых. Причину этого явления следует усматривать в более глубоком проникновении товарных отношений в экономику страны вообще и деревни в особенности. Это привело к возрастанию абсолютного и относительного значения того звена в ярмарочной сети, которое обслуживало непосредственно потребителей и производителей.

Данные о соотношении ярмарок разных типов свидетельствуют о некотором преобладании в ярмарочной торговле функции распределения над функцией мобилизации товаров. Численность узловых распределительных ярмарок превосходила число узловых сборных, а среди розничных ярмарок бóльшая половина занималась реализацией товаров. Сделанное наблюдение подкрепляется и данными о назначении, или функциях, ярмарок.

Функции ярмарок. Чтобы учесть разнообразную деятельность торговцев на ярмарках, надо выделить три главные функции ярмарок — мобилизацию, реализацию и перепродажу товаров, — а для большей ясности учесть и сами товары, по которым заключались сделки (табл. 16).

Весьма симптоматично снижение в течение первой половины XIX в. доли ярмарок, на которых имела место продажа импортных промышленных товаров (при общем увеличении роли ярмарок по реализации импортных товаров). Данный факт явился, вероятно, результатом значительного прогресса отечественной промышленности, с одной стороны, и покровительственного характера русского тарифа, введенного в 1822 г., — с другой. Российским заводчикам и фабрикантам удалось воспользоваться благоприятными возможностями для увеличения производства и сбыта своих товаров — отсюда рост относительного числа ярмарок, на которых реализовывались мануфактурные изделия. Относительное уменьшение ярмарок, на которых скупались изделия крестьянских промыслов, и увеличение тех, на которых скупалось сырье для крупной промышленности, тоже, видимо, находилось в связи с ростом отечественной промышленности. Последняя успешно конкурировала с дешевыми

Таблица 16

Распределение ярмарок в России по их функциям *

Функции ярмарок	% ярмарок	
	1790-е гг.	1860-е гг.
Мобилизация товаров у производителей:	74	78
в том числе продовольствия	68	74
сырья для промышленности	1	2
продуктов крестьянских промыслов	58	51
товаров для экспорта	5	8
Реализация товаров потребителям:	95	97
в том числе товаров отечественной промышленности	95	97
импортных товаров	8	29
в том числе промышленных	7	5
Перепродажа торговцами товаров друг другу	10	9

* Подсчитано по данным табл. 12, 13. Поскольку при контентном анализе учитывалась частота тех или иных операций, упоминаемых в источниках, а на каждой ярмарке, как говорилось выше, совершались самые разные сделки, то сумма частот, соответствующих разным функциям ярмарок, превышает 100%.

кустарными изделиями даже в деревне, а для роста своего производства нуждалась в сырье.

Только на 9—10% ярмарок осуществлялась перепродажа товаров торговцами друг другу (это примерно соответствует числу оптовых и узловых ярмарок), на остальных происходила скупка у производителей и реализация потребителям товарной продукции. Следовательно, из каждых десяти ярмарок на одной велась посредническая торговля между ярмарками, благодаря чему эта ярмарка занимала как бы «руководящее» положение в ярмарочной структуре, а девять остальных ярмарок обслуживали и эту ключевую ярмарку, и непосредственных производителей и потребителей. Подобное положение, когда каждая десятая ярмарка занималась посредничеством между другими ярмарками, имея слабые непосредственные контакты с производителями и потребителями, свидетельствует о многоступенчатом характере торговли и громоздкости ярмарочной сети.

В течение всего исследуемого времени функция реализации товаров существенно преобладала над функцией мобилизации товаров. Во второй половине XVIII в. на 95% ярмарок происходила реализация товаров, а мобилизация — только на 74%. В течение первой половины XIX в. мобилизационная роль ярмарок несколько повысилась (до 78%), но по-прежнему преобладали ярмарки, на которых происходила реализация товаров — их было 97%. Налицо нарушение соотношения операций. Причина этого несоответствия состояла в том, что важную роль в мобилизации товаров у производителей, в первую очередь

у крестьянства, играли базары. С учетом деятельности торговцев на базарах баланс между реализацией и мобилизующей функцией торговли восстанавливался. В этом факте еще раз отчетливо проявилась взаимосвязь разных видов и сфер внутренней российской торговли в XVIII—первой половине XIX в.

Как следует из приведенных статистических данных о мобилизующей функции ярмарок, на них происходила преимущественно скупка продовольствия и продуктов крестьянских промыслов, в меньшей степени — мобилизация сырья для промышленности и товаров для экспорта. Это являлось закономерным следствием аграрного характера российской экономики и преобладания (по оборотам) внутренней торговли над внешней.[24]

Отметим, что на ярмарках почти вовсе отсутствовала мобилизация ремесленной и промышленной продукции (последняя там главным образом сбывалась). Это наблюдение подтверждается и данными о составе продавцов: ремесленники, фабриканты и заводчики (включая сюда и конноазаводчиков) — редкие гости на ярмарках. В конце XVIII в. их участие в ярмарочной торговле зафиксировано всего 39 раз, в первой половине XIX в., особенно с 1820-х гг., фабриканты и заводчики стали чаще, чем прежде, появляться на ярмарках с изделиями своих предприятий. Однако это не могло изменить положения: по-прежнему мобилизация промышленных изделий на ярмарках была незначительной, преобладал сбыт этих товаров. Скупка промышленной продукции осуществлялась купцами непосредственно у владельцев заводов и фабрик по контрактам, потому что промышленные предприятия в большинстве своем работали круглый год и фабриканты нуждались в регулярном и гарантированном сбыте своей продукции, с одной стороны, и в регулярной закупке сырья, а значит, и в постоянных наличных деньгах — с другой. Стационарное промышленное производство периодические формы торговли удовлетворить уже не могли. Именно поэтому фабриканты стремились продать свои изделия у себя на фабрике оптом за наличные деньги либо купечеству, либо государству.

Мелкотоварное производство ремесленника также носило стационарный характер, и он тоже нуждался в постоянных формах торговли. Свою продукцию ремесленники сбывали либо непосредственно потребителям по заказу, либо на городских и сельских базарах, либо скупщику. Вследствие этого участие ремесленника на ярмарках в качестве продавца тоже носило эпизодический характер.

При рассмотрении реализующей функции ярмарок замечается превалирование продажи товаров отечественного производства над импортными изделиями. Здесь обнаруживается тот существенный

[24] Шипов А. О значении внутренней и внешней торговли вообще и в особенности в России. М., 1861, с. 16; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978, с. 10.

факт, что российская промышленность уже к концу XVIII в. достигла такой степени развития, что в значительной части могла удовлетворять внутренний спрос на промышленные товары.

Ценную информацию несут данные о распределении ярмарок по типам и функциям в отдельных районах (см. табл. 12, 13). Розничные ярмарки в значительном количестве находились во всех районах: потребители и производители имелись всюду. Уловые сборные ярмарки преобладали в Центрально-земледельческом и Малороссийском районах, что объясняется их экономической специализацией на производстве сельскохозяйственной продукции. Число же уловых распределительных и оптовых ярмарок в районе в большей мере зависело от его географического положения и удобства с ним сообщений, чем от его хозяйственной ориентации, так как выбор места для ярмарки с посредническими функциями в решающей степени определялся тем, насколько удобно и дешево свезти и затем развезти товар с этой ярмарки.

Изложенные выше наблюдения подтверждаются и данными о распределении ярмарок по функциям в районах. Мобилизация продовольствия осуществлялась главным образом в районах сельскохозяйственной ориентации, сырья для промышленности — в Центрально-промышленном районе, товаров для экспорта — в Центрально-земледельческом и пограничных районах. Реализация мануфактурных товаров происходила во всех районах примерно в равной степени. Это служит одним из доказательств развитости товарных отношений в России, в том числе и в сельской местности уже во второй половине XVIII в. Исследователи крестьянства приходят к аналогичным выводам.[25]

4. Масштабы ярмарочной торговли

Ярмарочная торговля в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. являлась чрезвычайно важной, поэтому выяснение ее масштабов — численности и состава участников, а также величины коммерческого оборота ярмарок — представляет большой научный интерес. По масштабам ярмарочной торговли в определенной степени можно судить о широте и глубине проникновения товарных отношений в экономику различных губерний и районов страны.

Продавцы и покупатели. Результаты контентного анализа сведений об участии на ярмарках различных категорий населения в целом по России оказались следующими (подсчитано по данным табл. 12, 13; приведены проценты ярмарок, в которых участвовали разные категории населения):

---

[25] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 424—425; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., с. 338—342; Федоров В. А. Помещичьи крестьяне..., с. 80—81.

	1720-е гг.	1860-е гг.
Купцы	97	100
Мещане	38	26
Крестьяне	97	99
Дворяне	8	3
Фабриканты	1	2
Разночинцы, казаки	10	4
Представители малых народов	4	1
Иностранцы	1	1
Чиновники	1	—

Как показывают вышеприведенные данные, наиболее активными участниками ярмарок были купечество и главный производитель страны крестьянство — они отмечены на 97% общего числа ярмарок. Заметную роль играло также мещанство, которое зафиксировано на каждой третьей ярмарке. Скромное участие в ярмарочной торговле принимали дворяне и разночинцы, и уже совсем ничтожное место занимали представители малых народов, а также фабриканты и заводчики, иностранцы и чиновники. Таким образом, в ярмарочной торговле были представлены все слои населения.

Следует иметь в виду, что в приведенных данных зафиксирована *частота* появления различных слоев населения на ярмарках, а не их численность, так как в сведениях, которые подвергались контентному анализу, указывалось только, какие категории населения принимали участие в ярмарке, а их численность порознь, как правило, не показывалась.

Купцы участвовали в ярмарках в качестве профессиональных торговцев. В значительной мере таким же было участие и мещан. Преимущественно в роли торговцев выступали и иностранцы (имеются в виду заграничные купцы), и представители малых народов, среди которых более других встречались армяне, евреи и татары. Среди разночинцев и казаков бо́льшая часть занималась торговлей тоже профессионально. Как уже указывалось, участие дворянства, ремесленников, фабрикантов и чиновников в ярмарочной торговле, судя по сведениям о частоте их упоминания на ярмарках, было незначительным. На основании приведенных данных закономерно полагать, что ярмарки в первую очередь обслуживали деревню, крестьянина, причем и как производителя, и как потребителя. Чем это можно объяснить?

Городские жители, в том числе и проживавшие в городах дворяне, как потребители нуждались в ярмарках в меньшей степени, чем крестьяне, потому что к их услугам были городские базары, магазины и лавки, которые уже на рубеже XVIII—XIX вв. имелись почти в каждом уездном городе. Не случайно также, что участие дворян как потребителей в ярмарках отмечено в основном в земледельческих барщинных губерниях, где они проживали в своих поместьях и занимались сельским хозяйством, — в Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Калужской и т. д. (см. табл. 12).

Ремесленники и фабриканты сбывали свою продукцию и закупали сырье у торговцев, как правило, минуя ярмарку, а если и участвовали в ярмарочной торговле, то главным образом как потребители. Жившие в деревнях помещики преимущественно продавали свою продукцию торговцам по контрактам или отвозили ее на ближайшие пристани и там продавали купцам. Государство имело связи с рынком через купцов, с которыми заключало подряды и контракты. Вот почему дворяне, фабриканты, ремесленники и чиновники редко отмечены источниками как непосредственные участники ярмарок. Однако в конечном итоге продукция заводов и фабрик, помещичьих имений, в меньшей степени ремесленников также реализовывалась главным образом на ярмарках. А агенты государства — купцы-подрядчики закупали бо́льшую часть необходимой для него продукции тоже на ярмарках, хотя значительную часть промышленных изделий, нужную для армии, правительство закупало и непосредственно у фабрикантов.[26]

Таким образом, можно полагать, что без ярмарочной торговли почти никто в российском государстве второй половины XVIII — первой половины XIX в. не обходился, хотя некоторые слои населения, а также государство и не принимали прямого, непосредственного участия в ярмарках. Крестьянин же выступал на крупных ярмарках преимущественно как потребитель, а на средних и мелких — и как продавец своей продукции, причем на мелких ярмарках он был, вероятно, главной фигурой. Важно отметить, что во второй половине XVIII в. крестьянин участвовал в ярмарках главным образом как покупатель промышленных изделий и как продавец своей продукции; в качестве профессиональных торговцев крестьяне встречались, но сравнительно редко.[27]

С конца XVIII в. по мере развития товарно-денежных отношений крестьянин стал все чаще появляться на ярмарке уже как торговец скупленных у других крестьян продуктов. Широкие торговые операции крестьянства вызывали острую конкуренцию с купечеством и протесты с его стороны.[28] Весьма показа-

---

[26] С этой целью Комиссариатский департамент даже в середине XIX в. ежегодно командировал своих чиновников на крупнейшие ярмарки для сбора сведений о ходе ярмарочной торговли. См.: Статистические сведения о торговле на разных ярмарках предметами комиссариатского довольствия войск за 1860 год. Б. м., 1861. Введение (без нумерации страниц).

[27] Так, например, Московский магистрат в ответе на кадетскую анкету 1760 г. жаловался на крестьянскую торговлю: Бакмейстер Л. И. Топографические известия. Т. I, ч. I. СПб., 1771, с. 41.

[28] Троицкий С. М. Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 60-х гг. XVIII в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 227—239; Вартанов Г. Л. Купечество и торгующее крестьянство центральной части Европейской России во второй половине XVIII в. — Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1962, т. 229, с. 163—177.

телей для характеристики указанного явления эпизод из торговой жизни Архангельска 1797 г. По доносу 34 архангельских купцов губернское правление арестовало группу вологодских крестьян за торговлю в городе льном и холстом, скупленным последними по деревням на ярмарках и торжках, на том основании, что крестьяне торговали продуктами не их собственного производства. По мнению чиновников, подобные торговые операции крестьянства противоречили закону о свободе торговли хлебом и другими земледельческими товарами. Однако губернатор не нашел в данном случае нарушения закона и распорядился снять арест с крестьян и разрешить им продолжать торговлю.[29]

Конкуренция между купечеством и крестьянством в сфере торговли с начала XIX в. становилась довольно распространенным явлением, особенно остро она проходила в неземледельческих губерниях.[30] Крестьянство находилось, однако, до поры до времени в более выгодном положении, поскольку не платило, как купечество, со своих коммерческих операций специальных торговых пошлин (за исключением Петербурга и Москвы, где с 1799 г. крестьяне за каждую лавку платили в городскую казну акциза от 25 до 100 руб. в год соразмерно обширности их торговли).[31] Тогда правительство, стремясь, с одной стороны, поддержать крестьянскую торговлю, а с другой — поставить ее в равные условия с купеческой, манифестом 1812 г. обложило крестьянскую торговлю налогами. Крестьяне соответственно роду торговли обязаны были покупать свидетельства: за право оптовой торговли общей и при биржах — 2.5 тыс. руб., оптовой внутренней — 1 тыс. руб., розничной — 400 руб. Чрезмерность обложения крестьянской торговли стала сразу очевидна, и правительство в том же году изменило систему обложения. Крестьянам разрешалось без свидетельств торговать скупленными продуктами на сумму до 2 тыс. руб., а за торговлю товарами на бо́льшую сумму они должны были покупать торговые свидетельства согласно объявленному капиталу. Крестьянская торговля на ярмарках и базарах не облагалась никакой пошлиной.[32]

Купечество попыталось дать иное толкование нового торгового законодательства и начало протестовать против участия крестьянства на ярмарках без торговых свидетельств, найдя поддержку у части высших чиновников. Тогда по запросу нижегородского губернатора правительство издало специальный указ, дававший право беспошлинной торговли на ярмарках всем со-

[29] ЦГИА СССР, ф. 1341 (1-й департамент Сената), оп. 1, д. 30, л. 17—22 об.

[30] Федоров В. А. Помещичьи крестьяне..., с. 172—176.

[31] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, с. 112.

[32] Там же, с. 114; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство в дореформенной России. М., 1958, с. 77—90, 128—152.

словиям государства.[33] Ярмарочная торговля вновь оказалась в привилегированном положении, что способствовало еще более активному вовлечению в нее крестьянства. К началу 1860-х гг. уже почти не встречалось ярмарок без участия крестьянства (на 90% ярмарок было зафиксировано участие крестьян и как покупателей, и как продавцов, причем они продавали не только свою, но и скупленную продукцию).

Важным моментом при анализе ярмарочной торговли является также выяснение общей численности ее участников и распределение ярмарок по их числу. При всей неточности и условности сведения о численности участников ярмарок все же дают представление о степени охвата ярмарками населения. Сначала рассмотрим распределение ярмарок по числу их участников. На конец XVIII в. такие сведения имеются о 559 ярмарках (или о 14% общего числа ярмарок). Хотя эти данные представляют только 12 губерний — Витебскую, Владимирскую, Вологодскую, Воронежскую, Курскую, Лифляндскую, Новгородскую, Пензенскую, Пермскую, Петербургскую, Саратовскую и Тобольскую, — все же на их основе, не претендуя на абсолютную точность, можно воссоздать с некоторым приближением и общую численность участников ярмарок.[34]

Аналогичные данные за 1830-е гг. охватывают 57% ярмарок, а за 1860-е гг. — свыше 90%.[35] В целом по России ярмарки по числу участников, согласно выполненным нами расчетам, распределялись следующим образом (данные приводятся в процентах):

	1790-е гг.	1830-е гг.	1860-е гг.
Менее 1 тыс. чел.	53,4	41,5	23,5
1—5 тыс. чел.	44,4	47,0	61,1
5,1—10 тыс. чел.	2,0	9,1	11,8
10,1—50 тыс. чел.	—	2,4	3,5
Более 50 тыс. чел.	0,2	0,06	0,1
Итого:	100	100	100

Из приведенных данных следует, что в конце XVIII в. на большую половину ярмарок (53,4%) собиралось менее 1 тыс. человек, на 44,4% ярмарок — от 1 до 5 тыс. и только на 2,2% ярмарок — более 5 тыс. человек. К середине XIX в. состав ярмарок по численности участников несколько изменился. Ведущей группой стали ярмарки, на которые съезжались 1—5 тыс. человек, почти в 6 раз увеличилась доля ярмарок с количеством участников 5,1—10 тыс., образовалась довольно большая по абсолютному значению группа ярмарок с числом участников 10,1—50 тыс. Изменение состава ярмарок привело к увеличению средней численности участников ярмарок. В конце XVIII в. она рав-

[33] ПСЗ I, 1812, т. 32, № 25594.
[34] Подсчитано по: ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б.
[35] Подсчитано по: ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 5, д. 250—252.

Распределение ярмарок по числу участников в районах России

Район	% ярмарок							
	до 0,1	0,1—0,5	0,51—1,0	1,1—2	2,1—3	3,1—4	4,1—5	5,1—6
Северный	2,7	12,3	17,8	17,8	15,1	11,0	6,8	4,1
Северо-Западный	—	29,7	8,1	21,6	16,2	10,8	5,4	2,7
Северное Приуралье	—	—	5,6	44,4	11,1	5,7	5,6	5,5
Южное Приуралье	—	—	30,8	3,8	19,2	—	19,2	—
Юго-Восточный	8,4	33,7	23,2	13,7	6,3	5,3	—	1,4
Средне-Волжский	—	10,0	6,6	30,0	10,0	3,3	3,3	3,3
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	—	27,4	13,9	17,5	13,9	5,9	6,9	3,3
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	0,7	10,4	20,9	21,9	20,0	9,7	4,8	4,6
Центрально-промышленный	—	19,0	21,2	17,7	12,3	11,8	6,7	3,5
Прибалтийский	8,5	49,5	22,3	8,5	5,3	3,2	0,5	0,5
Западный	3,7	19,8	25,5	25,9	8,6	6,6	5,8	1,6
Юго-Западный	—	16,9	27,3	35,0	12,3	1,9	1,2	—
Малороссийский	0,3	18,4	16,1	18,4	15,3	9,2	6,6	4,5
Новороссийский	6,9	27,2	16,6	22,1	6,9	3,4	4,5	3,1
Предкавказье	—	4,3	—	11,6	4,3	23,4	19,1	8,5
Сибирь	—	22,5	11,3	26,8	22,5	7,0	—	1,4
Итого	1,7	20,6	19,0	21,2	13,4	7,3	5,1	3,0

* Составлена по данным: ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 5, д. 250—252.

нялась 1908 человекам (по 559 ярмаркам), в 1820-е гг. — 3267, в начале 1860-х гг. — 4542 человекам. Рост числа участников ярмарок обгонял рост населения России за 1780—1860-е гг.: первый составил 238%, второй — 186%. Следует иметь в виду, что данные XVIII и XIX вв. не вполне сопоставимы из-за неполноты сведений за XVIII в. Однако сравнение среднего числа участников 559 ярмарок, о которых сохранились сведения на конец XVIII в., с числом участников тех же ярмарок в 1860-е гг. дает примерно одинаковый результат: среднее число участников по сопоставимым данным возросло на 229%.

Таким образом, в течение исследуемого периода не только увеличивалась общая численность ярмарок и расширялась территория, охваченная ими, но и росло число участников каждой ярмарки. Это свидетельствует о том, что товарные отношения в российской экономике второй половины XVIII—первой половины XIX в. развивались не только вширь, но и вглубь и внутренний российский рынок вовлекал в свою орбиту все большее число мелких производителей, превращая их в товаропроизводителей.

Таблица 17

в 1830-е гг. (в процентах к общему числу ярмарок в районе)*

с числом участников (тыс. человек)											Всего	
0,1—1	1,1—2	2,1—5	5,1—10	10,1—15	15,1—20	20,1—30	30,1—40	40,1—50	50,1—100	более 100	абс.	%
2.7	2.7	—	1.4	2.7	2.7	—	—	—	—	—	73	100
—	1.4	—	1.4	1.4	1.4	—	—	—	—	—	74	100
—	11.1	2.8	2.8	2.8	2.8	—	—	—	—	—	36	100
3.8	19.2	—	3.8	—	—	—	—	—	—	—	26	100
—	5.3	1.1	—	1.1	—	—	1.1	—	—	—	95	100
—	3.3	3.3	20.0	3.3	—	—	—	—	—	3.3	30	100
1.7	2.6	—	2.3	3.3	0.3	1.0	—	—	—	—	303	100
1.4	0.7	0.5	1.5	0.7	—	1.4	—	—	0.2	—	401	100
1.3	1.6	0.2	0.8	1.3	1.2	—	—	1.3	—	—	373	100
0.5	1.1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	188	100
0.4	0.4	—	0.8	0.8	—	—	—	—	—	—	243	100
1.9	0.5	—	2.1	0.3	0.7	—	—	0.3	—	—	432	100
1.4	5.0	0.9	1.5	1.3	—	0.5	0.3	0.1	—	—	862	100
1.4	4.8	—	0.7	1.7	0.3	—	—	0.3	—	—	290	100
10.6	2.1	4.3	6.4	2.1	—	4.3	—	—	—	—	47	100
2.8	1.4	1.4	2.8	—	—	—	—	—	—	—	71	100
1.5	2.8	0.5	1.6	1.2	0.4	0.4	0.1	0.2	0.1	0.1	3544	100

Имеющиеся сведения позволяют более детально рассмотреть распределение ярмарок по числу участников по районам в 1830-х гг. (табл. 17). Для полноты картины ярмарки по числу участников разбиты на 19 групп: от 50 до 2 млн. человек (самые мелкие ярмарки собирали по 50 человек, самая крупная, Нижегородская, по некоторым оценкам, — до 250 тыс. человек в день или до 2 млн. за все время ее действия в течение года).[35]

В приведенных данных просматривается закономерность: по мере увеличения среднего числа участников численность ярмарок сокращается. Однако эта закономерность очень часто нарушалась. Наибольшее число ярмарок приходится не на первую, а на четвертую группу с числом участников от 1 до 2 тыс. человек; первая же группа, с числом участников до 100 человек, находится на 10-м месте по числу ярмарок и т. д. Следовательно, данная закономерность, выведенная визуальным путем, действовала лишь как тенденция. И действительно зависимость между долей (процентом) группы в общем числе ярмарок и средним числом ее участников, оцененная с помощью коэффициента кор-

* Остроухов П. А. Нижегородская ярмарка в 1817—1867 гг. — Ист. зап., 1972, т. 90, с. 218—219.

реляции, оказалась слабовыраженной — коэффициент составил (—) 0.3.

На большинство ярмарок (61.1%) собиралось от 100 до 2 тыс. человек, на 25.6% ярмарок — от 2 до 5 тыс. человек. Ярмарки с числом участников менее 100 человек были редкими, так же как и крупные ярмарки, собиравшие более 10 тыс. человек. Средние по числу участников ярмарки, собиравшие от 5 до 10 тыс. человек, составляли 13.4% всех ярмарок. Важно отметить, что приводимые средние цифры, относящиеся в целом к России, не нуалируют действительное распределение ярмарок по числу участников в районах, не являются средним между крайностями. Во всех регионах страны преобладали мелкие ярмарки. Наиболее распространенными в пяти районах — в Северо-Западном, Юго-Восточном, Центрально-земледельческом (юго-восточная группа), Прибалтийском и Новороссийском — были ярмарки с числом участников от 100 до 500 человек; в трех районах — в Северном, Южном Приуралье, Центрально-промышленном — с числом участников от 500 до 1000; в семи районах — в Северном Приуралье, Средне-Волжском, Центрально-земледельческом (северо-западная группа), Западном, Юго-Западном, Малороссийском и Сибири — с числом участников от 1 до 2 тыс.; и лишь в одном районе — в Предкавказье — подобные ярмарки собирали от 3 до 4 тыс. человек (см. табл. 17).

Остается выяснить, какое общее число людей охватывалось ежегодно ярмарочной торговлей. Расчет, выполненный на основе среднего количества участников на одной ярмарке и общего числа ярмарок, позволяет предположить, что в 1760-е гг. на всех учтенных российских ярмарках в течение года приблизительно собиралось 2.1 млн. человек, к концу XVIII в. — 7.7 млн., в 1830-е гг. — 16.2 млн., в начале 1860-х гг. — 26.8 млн. человек. Однако эти данные несомненно включают повторные посещения ярмарок одними и теми же лицами, тем более что в большинстве случаев ярмарки проходили в одном пункте в течение года дважды. Поэтому для получения более верной картины внесем в итоги посещений ярмарок поправки, снизив их на треть (33%) — за счет повторного учета одних и тех же лиц.[37] Тогда уже с большей вероятностью, хотя по-прежнему ориентировочно, можно полагать, что в 1760-е гг. в ярмарочной торговле участвовало около 1.4 млн. человек, к концу XVIII в. — около 5.8 млн., в 1830-е гг. — 12.2 млн., в 1860-е гг. — до 20.2 млн. человек (что составляло соответственно примерно 9, 16, 24 и 32% всего населения страны). При этом необходимо отметить, что общий рост числа участников ярмарок проходил во второй половине XVIII в. больше за счет увеличения числа ярмарок,

[37] С. Г. Струмилин вносил в итог торговых оборотов XIX в. поправку на 35%, чтобы устранить повторный учет товаров в оптовой и розничной торговле. См.: Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, с. 160.

чем за счет роста среднего количества участников на одной ярмарке, а в первой половине XIX в. — наоборот. Выводы о численности участников ярмарок находят подтверждение и в данных об изменении оборотов ярмарок в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в.

Обороты ярмарок. Обороты ярмарок в источниках второй половины XVIII в. оценивались двояким способом: для подавляющего большинства ярмарок — как большой, средний или малый, для незначительного меньшинства (244 ярмарки, или 6% общего числа ярмарок) — в денежном выражении (без указания на то, о привозе или продаже идет речь). В XIX в. в ярмарочной статистике обороты ярмарок стали выражаться преимущественно в деньгах (отдельно по привозу и продаже), хотя деление ярмарок по оборотам торговли на большие, средние и малые тоже не забылось. К малым относились ярмарки с оборотом по привозу или продаже до 10 тыс. руб., к средним — 11—100 тыс., к большим — более 100 тыс. руб. Поэтому динамику ярмарочной торговли целесообразно оценивать по обоим критериям. При всем несовершенстве ярмарочной статистики последняя, по нашему мнению, дает ориентировочную оценку оборотов ярмарочной торговли.

В целом по России ярмарки в зависимости от величины оборота торговли распределялись на три группы (подсчитано по данным табл. 12, 13):

	1790-е гг.	1860-е гг.
Большой оборот	367 (11%)	102 (2%)
Средний »	590 (19%)	743 (13%)
Малый »	2202 (70%)	4808 (85%)
Итого:	3159 (100%)	5653 (100%)

Налицо явное преобладание малых по оборотам ярмарок, причем в течение первой половины XIX в. относительное значение малых ярмарок еще более увеличилось. В 1790-е гг. на долю средних по оборотам ярмарок приходилось 19% общего числа ярмарок, а на долю больших — 11%, но к началу 1860-х гг. относительное значение и тех, и других понизилось, а численность больших по оборотам ярмарок уменьшилась даже и по абсолютному числу. Эти средние российские показатели типичны, так как во всех районах страны, кроме Южного Приуралья, в рассматриваемое время распределение ярмарок по оборотам оказалось аналогичным (см. табл. 12, 13).

Разделим ярмарки конца XVIII в., по которым сохранились сведения об оборотах, и ярмарки 1860-х гг. на 8 групп (сведения даны в процентах).

Из приведенных данных следует, что и в конце XVIII в., и в середине XIX в. преобладали ярмарки, на которых продажа товаров производилась на 1—5 тыс. руб., затем шли ярмарки

Обороты ярмарок (по продаже):	1790-е гг.	1860-е гг.
менее 1 тыс. руб.	23.0	31.6
1—5 » »	37.3	40.8
6—10 » »	8.1	12.6
11—50 » »	14.3	11.4
51—100 » »	6.1	1.8
101—500 » »	5.7	1.3
501—1 млн. руб.	1.6	0.1
более 1 млн. руб.	3.7	0.4
Итого:	100	100

с суммой продажи до 1 тыс. руб. и т. д. В целом заметна тенденция уменьшения числа ярмарок по мере роста их оборота (аналогичная той, которую мы наблюдали при анализе численности участников ярмарок). В XIX в. эта тенденция выражена четче, чем прежде: в XVIII в. она нарушалась трижды, в XIX в. — дважды.

А как изменился общий оборот ярмарочной торговли в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить изменение среднего оборота ярмарок и среднего уровня цен. По нашему расчету, средний оборот ярмарок составлял приблизительно в конце XVIII в. 15.7 тыс. сер. руб., в 1832 г. — 22.1, в 1849 г. — 32.3 и в 1863 г. — 40.6 тыс. сер. руб. Следовательно, за первую треть XIX в. он увеличился примерно на 41%, за вторую треть XIX в. — на 84%. Этот рост проходил преимущественно за счет увеличения оборотов на крупнейших ярмарках, в то время как обороты мелких ярмарок, составлявших абсолютное большинство, практически не увеличивались. С конца 1780-х гг. по 1863 г. обороты по привозу Ирбитской ярмарки возросли в 20 раз, Макарьевской — в 15, Харьковских ярмарок — в 5, Коренной в 3 раза, а средний оборот всех ярмарок за это же время увеличился в 2.6 раза. Оборот только 20 крупнейших ярмарок (3% общего числа) в 1860-е гг. составлял от 57 до 73% общего оборота ярмарочной торговли.[58] Значит, на каждой из них продавалось в 45—87 раз больше товаров, чем в среднем на каждой из остальных 97% ярмарок. Концентрация ярмарочной торговли на немногих ярмарках — характернейшее явление внутренней торговли России второй половины XVIII—первой половины XIX в. Отмечая эту особенность русской торговли, известный русский экономист В. П. Безобразов писал, что «товары и торговцы, крупные и мелкие, имели надобность собираться периодически в одну кучу, как они это делают на ярмарках, для того чтобы товары могли из мест своего производства, по необходимости сосредоточенных на немногих пространствах, и из рук немногих гуртовщиков переходить в места потребления, рассеян-

[58] Военно-статистический сборник, вып. 4, с. 646—647.

ные повсюду в государстве, и в руки бесчисленного множества мелких продавцов».[39]

На основе средних оборотов ярмарок и их общего числа можно предположить, что обороты ярмарочной торговли (по продаже) достигали ориентировочно к концу XVIII в. 64 млн., к началу 1860-х гг. — 300 млн. сер. руб., т. е. возросли примерно в 4.7 раза, а на душу населения — в 2.7 раза. Поскольку общий индекс цен в России с конца XVIII в. по 1863 г. повысился примерно на 14%, то с поправкой на изменение цен (т. е. в постоянных ценах) можно рассчитать, что общие обороты ярмарочной торговли России с 1790-х гг. по 1860-е гг. возросли приблизительно в 4.1 раза, а на душу населения — в 2.4 раза,[40] что указывает на быструю товаризацию экономики России во второй половине XVIII—первой половине XIX в.

Данные об оборотах ярмарок по губерниям и районам показывают, что ярмарочная торговля за исследуемое столетие развивалась почти в равной степени повсеместно (табл. 18). Не было ни одной губернии, где бы обороты ярмарок не возросли почти в той же мере, как и в среднем по России.[41] А это чрезвычайно важный факт. Он свидетельствует, во-первых, о повсеместном развитии товарных отношений и, во-вторых, о наличии единства внутреннего товарного рынка, о появлении все более ощутимой хозяйственной общности между различными районами и губерниями страны.

Таким образом, ярмарочная сеть России уже с конца XVIII в. представляла собой весьма стройную систему, каждая часть которой находилась в тесной связи с другими частями и выполняла определенную функцию. Под каким бы углом зрения ни рассматривать систему российских ярмарок — по профилю ли, находящемуся в зависимости от преобладающих на ярмарке групп товаров; по типу ли, стоящему в зависимости от основного характера торговли; по назначению ли ярмарок, — везде можно выявить определенную систему, своего рода разделение труда между ярмарками, несомненную и расширяющуюся со временем взаимосвязь и взаимодействие между ними. Интересно отметить, что сходное с вышеприведенным суждение относительно строения и функционирования ярмарочной сети было высказано еще Комиссией о коммерции в докладе Екатерине II от 1 июля 1781 г. после ознакомления с материалами, поступившими в Комиссию по запросу генерал-прокурора А. А. Вяземского. По мне-

[39] Белобразов В. П. Народное хозяйство России. Ч. 1. СПб., 1882. Приложения, с. 243.

[40] Если предположить, что темпы роста средних торговых оборотов ярмарок во второй половине XVIII в. были такими же, как и в первой половине XIX в., то в 1760-е гг. средний оборот одной ярмарки мог составлять приблизительно 12.7 тыс. сер. руб., а общий оборот ярмарочной торговли по России — около 20 млн. сер. руб.

[41] Численность ярмарок, по которым имеются сведения о торговых оборотах, меньше общей численности действовавших ярмарок.

Обороты ярмарочной торговли в России XIX в. по районам и губер

Район и губерния	Число ярмарок				
	1832	1849	1863	1868	1894
Северный	74	136	205	301	362
Архангельская	5	8	16	18	5
Вологодская	51	91	161	216	319
Олонецкая	18	37	28	67	38
Северо-Западный	77	113	168	194	849
Новгородская	26	66	94	109	271
Псковская	20	32	40	31	509
Петербургская	31	15	34	54	69
Северное Приуралье	37	75	256	427	1990
Вятская	10	58	75	147	1164
Пермская	27	17	181	280	826
Южное Приуралье	45	119	270	252	531
Оренбургская	20	119	103	30	148
Уфимская	—	—	—	84	124
Самарская	25	—	167	138	259
Юго-Восточный	98	146	208	242	95
Астраханская	2	22	61	80	67
Ловская	96	124	147	162	28
Средне-Волжский	28	172	137	187	212
Казанская	7	22	33	43	71
Нижегородская	8	90	51	63	62
Симбирская	13	60	53	81	79
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	285	493	735	753	900
Воронежская	118	219	380	406	627
Пензенская	13	35	44	56	84
Саратовская	71	135	122	122	180
Тамбовская	83	104	189	169	9
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	475	421	628	672	1124
Курская	244	122	354	376	600
Орловская	38	61	73	78	235
Рязанская	102	132	97	109	179
Тульская	91	106	104	109	110
Центрально-промышленный	379	389	591	661	1990
Владимирская	4	9	20	23	281
Калужская	112	55	118	113	227
Костромская	37	46	56	70	241
Московская	81	104	125	166	197

* Составлена по материалам: ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 3, д. 251—252; оп. 6, д. 1451; Военно-статистический сборник, вып. 4, с. 643; Статистика Российской империи. XI.

Таблица 18

ниям (в 1832 г. в ассигн. руб., в остальные годы в кредит. руб.)*

Привезено товаров (в тыс. руб.)					Продано товаров (в тыс. руб.)				
1832	1849	1863	1868	1894	1832	1849	1863	1868	1894
5099	3175	5857	5793	8460	2244	1779	3628	3735	4636
728	1140	2328	2312	2454	504	804	1993	1820	1497
2718	1336	2458	2221	5227	1093	589	1009	1198	2627
1653	700	1071	1260	1079	647	376	626	717	512
3934	2603	2803	2182	3446	1812	1531	1230	961	1939
1492	1096	1268	959	1305	693	499	422	347	727
1427	1050	951	720	1562	423	691	399	311	763
1015	547	674	503	579	696	361	409	303	449
21413	35007	62591	68020	80662	19564	27155	44267	49770	56399
724	1803	3031	3750	12298	271	963	1468	1870	4852
20689	33204	59560	64270	68364	19290	26192	39799	47900	51447
4403	6484	20039	19748	25535	2834	3004	9489	10541	10720
1980	6484	9683	1429	4915	1125	3004	5773	1310	2194
—	—	—	8367	9067	—	—	—	4291	3782
2423	—	10356	9961	11553	1709	—	3716	4940	4744
24303	14363	22890	28963	7495	10575	5833	8828	12794	3099
463	2099	4373	5635	5395	180	586	733	2588	2175
23840	12264	18522	23328	2100	10395	5367	8095	10206	924
142496	60124	107444	135288	203417	118097	46851	95153	106881	175746
340	355	566	1316	9097	124	103	222	435	2777
139407	55759	101186	126041	186792	116432	45668	90857	104506	167329
2749	4010	5692	7931	7528	1541	1180	4074	4040	5640
22559	13769	18025	32246	22870	11010	6596	7824	15565	8861
5111	3644	6170	18043	11186	1738	1815	2609	9805	4404
2812	1123	1778	2412	2307	1081	349	793	664	1075
3465	4156	5892	6074	8752	2474	1711	2238	2822	3099
11171	4846	5285	5717	425	5717	2721	2184	2215	283
54233	12124	10650	11185	12816	28575	5239	6862	5973	6926
43036	8999	8817	7482	7381	25018	3845	5887	4300	3970
3330	830	988	1210	1395	1173	334	387	635	909
2011	1429	639	1906	2629	517	663	319	649	1145
2856	875	506	887	1411	967	397	269	389	902
27952	12154	11133	12754	15301	15531	7589	5828	6956	8019
3044	1822	2518	2826	2821	1054	839	1275	1172	1195
2015	858	841	946	1583	853	278	400	479	818
1377	1108	1016	1317	2897	1077	543	635	682	1681
3760	1002	804	818	1242	1006	495	417	434	687

ф. 869, оп. 1, д. 789, л. 19; Статистический временник Российской империи, с. 158—159; Сборник сведений по России.

Район и губерния	Число ярмарок				
	1812	1849	1863	1888	1894
Смоленская	22	26	27	33	638
Тверская	102	135	151	163	284
Ярославская	21	14	88	93	142
Прибалтийский	197	244	150	150	556
Курляндская	46	30	62	63	131
Лифляндская	129	189	58	54	357
Эстляндская	22	25	30	33	68
Западный	207	304	398	488	1556
Виленская	22	66	60	62	197
Витебская	27	38	42	46	379
Гродненская	111	43	105	149	315
Ковенская	16	47	58	98	243
Минская	44	58	60	58	176
Могилевская	47	52	73	74	246
Юго-Западный	404	330	366	448	963
Волынская	158	79	199	177	581
Киевская	221	211	141	146	233
Подольская	25	40	26	125	149
Малороссийский	844	972	1289	1271	2205
Полтавская	342	358	451	448	991
Харьковская	330	421	602	597	801
Черниговская	172	193	216	226	413
Новороссийский	300	545	669	633	715
Бессарабская	41	31	27	32	4
Екатеринославская	221	342	423	357	386
Таврическая	13	72	84	89	137
Херсонская	25	100	135	155	188
Предкавказье	48	—	—	—	111
Кубанская	22	—	—	—	62
Ставропольская	15	—	—	—	38
Терская	11	—	—	—	11
Сибирь	71	—	—	—	401
Енисейская	—	—	—	—	2
Иркутская	12	—	—	—	17
Тобольская	49	—	—	—	386
Томская	1	—	—	—	21
Якутская	6	—	—	—	7
Забайкальская	—	—	—	—	14
Приморская	2	—	—	—	—
Семипалатинская	1	—	—	—	14
Итого	3629	4459	6050	6679	14620

Таблица 18 (*продолжение*)

Привезено товаров (в тыс. руб.)					Продано товаров (в тыс. руб.)				
1832	1840	1863	1868	1894	1832	1840	1863	1868	1894
1519	398	444	585	915	574	168	239	366	562
2997	2539	2124	2179	2853	816	1943	1036	1407	1226
13240	4424	3386	4080	2990	9551	3323	1826	2416	1850
2209	1424	1914	1984	2179	1049	288	833	1144	1604
153	99	177	162	—	100	54	102	118	475
1680	1025	1262	1310	1212	818	105	430	620	595
376	300	475	512	967	131	129	301	406	534
7484	5233	3968	3810	6040	3424	2208	1875	2138	4068
1199	359	367	367	942	340	145	117	187	611
954	1152	949	878	505	289	359	370	464	345
879	1842	947	370	1783	777	949	533	235	1204
316	507	189	260	1258	115	162	69	136	790
1144	315	174	161	718	440	132	112	90	559
2992	1058	1342	1774	834	1463	461	674	1026	559
7977	5904	8796	9326	12446	3811	3068	3291	4597	5739
764	367	1020	525	5410	355	140	598	294	1978
6425	3821	4712	5697	4065	3133	2181	1796	2847	1963
788	1716	3064	3104	2971	323	747	897	1456	1798
122593	58325	92656	110480	102553	53859	26799	51867	69932	53883
37686	22805	40494	35070	25285	16498	10906	23119	20978	12291
65873	29282	43973	67004	71734	27443	12737	24534	43492	38545
19034	6438	8189	8406	5534	9918	3156	4214	5462	3047
30229	14906	29777	41140	36206	13627	5078	12754	21488	15636
1177	286	181	305	145	680	77	126	151	81
23864	9413	18216	16945	13545	11176	3554	7575	7359	4760
4180	3916	3893	7740	12325	1479	871	1026	3346	5687
1008	1291	7487	16150	10191	292	576	4027	10632	5108
13100	—	—	—	13302	4198	—	—	—	3903
3980	—	—	—	9274	1536	—	—	—	2245
4749	—	—	—	2934	1719	—	—	—	938
4371	—	—	—	1094	943	—	—	—	720
10036	—	—	—	29823	4235	—	—	—	17806
—	—	—	—	50	—	—	—	—	49
3019	—	—	—	5370	990	—	—	—	757
3471	—	—	—	16546	1729	—	—	—	11078
54	—	—	—	—	33	—	—	—	—
2848	—	—	—	1664	1026	—	—	—	1103
—	—	—	—	2523	—	—	—	—	1984
478	—	—	—	—	357	—	—	—	—
166	—	—	—	3670	100	—	—	—	2835
497020	245682	369838	482916	582351	294542	143238	250729	315415	378984

нию Комиссии, ярмарки целесообразно разделить на две группы — «большие» и «малые», — которые различаются «величиной, образом и правилами торга, на них производимого». Большие ярмарки предназначаются для оптовой (на деньги или меновой) торговли. Они находятся на большом расстоянии друг от друга и происходят через промежутки времени, достаточные для переезда с одной ярмарки на другую в тех случаях, когда торгующие хотят и «пользуются выгодами всех постепенно», как, например, Макарьевская, Ирбитская и Кяхтинская ярмарки. Поэтому большие ярмарки не конкурируют друг с другом. Малые же ярмарки, считает Комиссия, «поддерживают цветущее состояние больших», так как на них распродается в розницу то, что покупается на больших, и, кроме того, мобилизуется товар для экспорта и сырье для фабрик. Количество больших и малых ярмарок находится «в определенной пропорции», так как они поддерживают друг друга. В настоящее время, по мнению Комиссии, ярмарки находятся «в цветущем состоянии» и в нужном количестве, так как вполне удовлетворяют потребностям и продавцов, и покупателей. Для дальнейшего развития ярмарочной сети по мере роста городов и объема торговли целесообразно увеличивать число малых ярмарок[42] (напомним, что так в действительности и развивалась в дальнейшем ярмарочная сеть). В этой несколько схематичной картине структуры и функционирования ярмарочной сети России на 1781 г. Комиссия уже тогда отразила *системность* ярмарочной сети: взаимодействие ярмарок, разделение труда между ними.

Развитие ярмарочной торговли в первой половине XIX в. не ограничилось расширением ее сети. Одновременно происходило укрепление связей между ярмарками, дальнейшее развитие их специализации. Однако главные принципы функционирования ярмарочной сети остались прежними, какими они были к концу XVIII в. Поэтому Комитет, созданный при Русском географическом обществе в 1848 г. для написания и издания «Обозрения внутренней торговли России» (к сожалению, предполагаемая работа не была выполнена) и состоявший из виднейших ученых, экономистов своего времени — К. И. Арсеньева, Н. А. Милютина, Г. П. Небольсина, В. С. Порошина и В. С. Мейендорфа, — имел все основания сказать в составленной «Программе обозрения внутренней торговли России»: «По своему коммерческому значению ярмарки могут быть разделены на три разряда. К первому принадлежат ярмарки, на которых производится обширный оптовый и розничный торг товарами, привозимыми из дальних и ближайших мест для сбыта во многие края государства. Ко второму относятся такие, где производится большей частью раздробительная продажа товаров, которые доставляются с главнейших ярма-

[42] ЦГАДА, ф. 397 (Комиссия о коммерции), оп. 1, д. 370, л. 23—30; Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 286—292.

рок, равно как из ближайших мест, и сбываются наиболее в окрестных губерниях. К третьему разряду принадлежат ярмарки, на которых продаются почти исключительно крестьянские изделия и продукты из окрестных мест. Важнейшее значение для внутренней торговли имеют ярмарки первого разряда». В «Программе» подчеркивалось: «...но как вообще все второстепенные ярмарки находятся в тесной связи с главнейшими, то предварительно нужно составить, сколь возможно, полное описание ярмарок первого разряда, которые могли бы раскрыть их связь с другими менее значительными».[49] Это пожелание было реализовано нами при составлении программы обработки сведений о ярмарках, в которую включен специальный вопрос о межъярмарочных связях. Оценка масштабов и направления, периодичности и устойчивости подобных связей чрезвычайно важна для выяснения вопросов функционирования всероссийского товарного рынка и его развития во второй половине XVIII—первой половине XIX в.

Глава пятая

РАЗВОЗНО-РАЗНОСНАЯ, БАЗАРНАЯ И СТАЦИОНАРНАЯ СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ВНУТРЕННЕГО РЫНКА В 1750—1850-е гг.

Кроме ярмарочной торговли, являвшейся в исследуемое время наиболее обширной, важную роль играли и другие формы торговли: развозно-разносная, базарная и стационарная. Но о них сохранилось несравненно меньше сведений, чем о ярмарочной торговле. На неполноту и отрывочность данных об этих сферах внутренней торговли жаловались многие исследователи первой половины XIX в., в частности даже составители описаний губерний 1850—1860-х гг. — офицеры Генерального штаба, которым были доступны практически все официальные и неофициальные источники сведений того времени.[1]

Недостаток сведений о развозно-разносной, базарной и стационарной торговле объясняется в основном двумя обстоятельствами. Во-первых, ненадобностью учета этих форм торговли для государственного фиска в связи с отменой внутренних таможен в 1754 г. В 1754—1774 гг. господствовала система мелких сборов и платежей, в 1775—1824 гг. — процентно-гильдейский сбор, в 1824—1863 гг. — сословная патентная система обложения. Все они исходили не из величины производимых торговых оборотов, а из сословных прав плательщиков и числа торговых заведений. «Откуда больше и с какими товарами приезжают, о том ныне

[49] ЦГИА СССР, ф. 869 (Милютиных), оп. 1, д. 782, л. 1—3.

[1] См., например: Орановский А. Курляндская губерния. СПб., 1862, с. 315; Шмидт А. Херсонская губерния. Ч. 2. СПб., 1863, с. 485; Покрошний М. Калужская губерния. Ч. 1. СПб., 1864, с. 687—688.

за уничтожением внутренних таможен справиться и показать не с чего», — отвечал воевода Вязниковской слободы на кадетскую анкету 1760 г.[2] Во-вторых, трудностью учета и относительной маловажностью этих форм торговли сравнительно с торговлей ярмарочной. Барометром и регулятором всей хозяйственной и коммерческой жизни России 1750—1860-х гг. для правительственных учреждений служили крупные оптовые ярмарки. Естественно поэтому, что внимание правительственных учреждений и частных лиц во второй половине XVIII—первой половине XIX в. сосредоточивалось на ярмарках. Однако имеющиеся сведения создают возможность для получения представления о месте непериодической, базарной и стационарной торговли в системе российского внутреннего рынка.

1. Развозно-разносная сфера рынка

Экономика России в 1750—1850-е гг. являлась аграрной, поэтому на рынке обращались главным образом земледельческие продукты. Но сельскохозяйственное производство являлось преимущественно мелкотоварным, так как было сосредоточено более чем наполовину в руках крестьянства, которое в силу этого поставляло на рынок, согласно подсчетам некоторых советских историков, больше половины товарной продукции.[3] В условиях чрезвычайной раздробленности сельскохозяйственного производства оптовые торговцы не могли вступать в прямые непосредственные отношения с миллионами крестьян для мобилизации сельских «произведений». С другой стороны, редкость населения и разбросанность малочисленных — сравнительно с общим числом поселений — городских и торговых центров, бедность страны путями сообщения и замерзание рек, правовые ограничения для организации в сельской местности стационарной торговли, низкая плотность торговых пунктов создавали серьезные препятствия для налаживания и правильной реализации промышленных изделий среди сельского населения посредством ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений. Вследствие этого на внутреннем рынке действовало множество разного рода мелких торговых посредников, одни из которых занимались скупкой земледельческих товаров, другие — продажей промышленных изделий.

Хозяйственные анкеты 1760-х гг. рисуют картину широкого развития непериодических форм торговли во всех районах России не только на селе, но и в городе. «Ярманок не бывает, но только временем приезжают города Торопца купцы с суконными и шелковыми товарами и продают оные по квартирам», — так характеризует воевода торговлю в г. Пустой Ржеве Псковской

[2] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 131, л. 27.

[3] Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 425; Ковальченко И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967, с. 338—339.

провинции.[4] Эти сведения о развозной торговле торопецких купцов подтверждаются ответом торопецкого воеводы: «У купцов промыслы состояли в продаже из лавок товаров; также в отъезжих торгах по великороссийским и малороссийским городам и отчасти, а особенно из второй и третьей гильдии, мелочными товарами в уезде по деревням».[5] Вязниковский воевода указал, что в слободе только 8 человек ведут оптовую торговлю льном, пенькою и юфтью, «а протчим торгом оное купечество упражняется по отъездам в городы и уезды с разными своими мелочными товарами».[6] Тульское купечество наряду с крупными оптовыми операциями «обращается больше в торговых промыслах отлучками».[7] У тарусских купцов «промыслов больших нет, токмо торгуют от малой части по уездам».[8] «У белевского купечества торговые промыслы к армии ее императорского величества в маркитентерах (маркитантах, — *Б. М.*) с разными товары». Брянское купечество «имеют промыслы покупного от уездных обывателей пенькою и отпускают оное от себя в зимнее время до Ржацкой и Порецкой пристаней».[9] Елецкое купечество «промыслы имеют мелочными товарами, отъезжая в уезды, торгуют за городом же и в слободах».[10]

Приведенные выше и множество других данных хозяйственных анкет и Топографических описаний свидетельствуют о широком распространении развозно-разносной торговли во второй половине XVIII в. Характерно, однако, что ею занималось преимущественно городское купечество второй и отчасти третьей гильдий. Крестьянство среди бродячих торговцев даже в конце XVIII в. встречается еще очень редко. Но уже в начале XIX в. крестьянство начинает играть все более и более заметную роль в непериодической торговле, постепенно монополизируя ее в своих руках. Объясняется эта перемена тем, что с начала XIX в. в деревню активно внедряются товарно-денежные отношения, и никто не мог сыграть роль посредников между городом, рынком и деревней лучше, чем сами крестьяне, тем более что в это время среди них начинает выделяться зажиточная прослойка, располагавшая средствами для ведения торговых операций.

Среди скупщиков в XIX в. первое место принадлежало прасолам. Покупая сельские продукты по мелочам, иногда в самых ничтожных количествах, они составляли из них значительные партии, которые перепродавали затем более крупным торговцам.

---

[4] Баммейстер Л. И. Топографические известия. Т. I, ч. 4. СПб., 1774, с. 359.
[5] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 131, л. 14.
[6] Там же, д. 143.
[7] Там же, д. 131, л. 14.
[8] Там же, л. 25.
[9] Там же, оп. 10-а, д. 94, л. 3.
[10] Там же, д. 113, т. 4.

Прасолы скупали многие товары: мед, воск, перо, пух, щетину, шпанскую муху, шкурки разных зверей, холст, тряпье, металлический лом, сало, пеньку, кожи, скот и т. п. Те, кто занимался скупкой крестьянского хлеба, назывались также кулаками, шмырями, закликалами, мартышками, а те, кто скупал лен, — булыгами.

Скупка сельскохозяйственных товаров существовала во всех губерниях, поэтому в зависимости от местных условий и закупаемого товара имела в разных местностях много внешнего своеобразия, но в основе своей была одинаковой. Скупщики по соглашению между собой обычно монополизировали отдельные округа, состоявшие из нескольких сел. Прасол вступал в тесные отношения с жителями своего округа и чуть ли не с каждым был лично знаком, оказывая крестьянам иногда и некоторую материальную помощь. Благодаря этому он имел возможность хорошо изучить потребности и нужды «своих» клиентов, войти к ним в доверие и пользоваться им для своих выгод. В течение года скупщик по нескольку раз наведывался в деревни, внимательно следил за ходом хозяйственной жизни и скупал сельские продукты по мелочам. После уборки урожая прасол появлялся в «своих» деревнях для окончательного расчета и более капитальной скупки у крестьян всего того, что они могли продать, рассчитываясь с ними либо деньгами, либо товарами, которые заодно брал с собой, охотно продавая товары в долг по более высоким ценам, чем за наличные деньги. Прасол покупал товары по более низким сравнительно с существующими в городе ценам, а продавал по более высоким. Земледельцы соглашались на подобные сделки по многим причинам: из-за незнания конъюнктуры, материальной зависимости от прасола, трудности доставки и продажи своих продуктов в городе и т. п.

Некоторые прасолы объединялись в артели по 6—10 человек, которыми руководили выбранные из их числа старосты. Каждый член такой артели вносил определенный пай в общий капитал. Артель закупала, но большей частью брала в кредит популярные у крестьян товары — преимущественно дешевую галантерею, так называемый игольный товар. Артельщики делили между собой часть товара и наличных денег, назначали срок и место для сбора и расходились по разным деревням с котомкой или коробкой за плечами. Выбранный же староста — обычно грамотный и наиболее опытный среди остальных по торговой части крестьянин — с большей частью товаров и денег отправлялся прямо к месту назначенной встречи всех членов артели. Артельщики, странствуя по деревням и весям, либо скупали, но преимущественно выменивали игольный товар на сельские продукты и доставляли их в сборный пункт старосте. Там они отчитывались в своей деятельности, брали новую партию товаров и деньги и вновь отправлялись в путь. Когда был продан весь закупленный игольный товар и истрачены все наличные деньги, артель

возвращалась домой, продавала скупленные сельские продукты обычно тому купцу, который дал ей ссуду деньгами или товарами, возвращала долги, а полученную прибыль делила поровну между своими участниками.

К числу прасолов относились крестьяне, развозившие товары на собственных лошадях, на юге — на волах, это так называемые самовозы. Самовоз скупал в своем околотке местные продукты — ягоды, грибы, деревянные изделия, кули, рогожи — «черный» крестьянский товар — и отправлялся в другие местности, часто весьма отдаленные, где продавал их на наличные деньги, а иногда выменивал на товары, которые затем перепродавал либо купцам, либо односельчанам. Среди самовозов наблюдалась специализация. Были горшечники, скупавшие глиняные горшки и обменивавшие их на хлеб, холст и прочие сельские «произведения»; тряпичники и шабунники, занимавшиеся меной тряпья, льна, пеньки, холста на платки, ленты, ситцы и другие «красные» товары; краснотоварники, обменивавшие по деревням мелочный «красный» товар на разные сельские продукты. Самовозы побогаче разъезжали по селениям, не занимаясь меной товаров, а только скупая на наличные деньги шерсть, воск, мед и другие сельские продукты подешевле с целью их дальнейшей перепродажи по более высоким ценам. Таковы были татары скупщики в Казанской и смежных с ней губерниях, литвяки в Черниговской и Могилевской губерниях. Литвяки, например, целыми артелями по 5—10 и более возов отправлялись преимущественно зимой в хлебородные уезды своей и соседних губерний для скупки хлеба, который затем сбывали оптовым торговцам.[11]

Наряду с прасолами, имевшими главной целью скупку, а в конечном итоге мобилизацию сельских продуктов, на российском рынке действовала не менее многочисленная группа мелких торговцев (офеней, ходебщиков, коробейников, слобожан и др.), занимавшихся развозом и разносом промышленных изделий. Первое место среди них принадлежало офеням — уроженцам Ковровского и частично Шуйского и Вязниковского уездов Владимирской губернии, которые с подвижными лавочками разного «красного» мелочного товара странствовали по всем частям огромной страны. На Северо-Западе они доходили до Олонецкой губернии, на Юго-Западе — до Карпат, на Востоке — до Сибири, на Юге — до киргизских степей и границ Кавказа.

---

[11] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, с. 32—35; Соловьев Я. А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. М., 1855, с. 415—419; Барановичъ М. Рязанская губернія. СПб., 1860, с. 330—331, 351—353; Линицкій. Симбирская губернія. Ч. 2. СПб., 1868, с. 321—322; Янсон Ю. Э. Хлебная торговля на самовозных рынках. СПб., 1870, с. 403—406; Михалевичъ В. Воронежская губернія. СПб., 1862, с. 268—270; Лаптев М. Казанская губернія. СПб., 1864, с. 422; Конорев И. Кулак и барышник. М., 1848.

Офени разделялись на хозяев и приказчиков, или счетов. Хозяин (обычно купец) снабжал своих приказчиков, которых у него бывало по 8—10 человек, товарами на определенную сумму (в середине XIX в. до 5 тыс. руб.) и давал им право получать на хозяйское имя в кредит товары на такую же сумму. Кроме того, у приказчика имелся собственный товар на 2—3 тыс. руб. С этими товарами, нагруженными на 5—6 возов, приказчики разъезжались по определенной территории и с помощью своих помощников — «ребят», или «молодцов», — распространяли товар среди крестьян. Первые партии товара приобретались офенями на Макарьевской, Холуйской, Ростовской, Парской, Шуйской и других ярмарках нечерноземного Центра, по мере распродажи товаров они пополняли свои запасы на попутных ярмарках. Офени отправлялись из дома после уборки урожая, в конце августа — начале сентября, и возвращались почти через год — к началу страды, в мае—июне, за исключением тех, которые отправлялись в Сибирь: те не бывали дома по 3—5 лет. По прибытии домой каждый приказчик рассчитывался с хозяином, полученная прибыль делилась пополам. Офени сбывали преимущественно хлопчатобумажные изделия, ситцы, миткали, но также деревянную посуду, дешевую галантерею и украшения — ленты, тесемки, пуговицы, маленькие зеркала, серьги, кольца и т. п.; иконы, книги, кресты, лубочные картинки и др.

Офени известны с XVII в., но расцвет офенской торговли приходился на начало XIX в., до 1820-х гг. После этого офенский промысел начал падать вследствие того, что многие разбогатевшие на офенской торговле крестьяне стали записываться в купечество по сибирским городам. Однако и в начале 1860-х гг. годовой оборот офенской торговли представлял внушительную величину — около 6 млн. кред. руб., число же офеней доходило до 5 тыс. человек.[12]

Крестьяне Буйского, Галичского, Костромского и Нерехотского уездов Костромской губернии разносили пешком мануфактурные изделия по разным губерниям в коробьях — оттого они назывались коробейниками или ходебщиками, а их промысел — ходебством. Коробейники значительно уступали офеням в «капиталистости» и предприимчивости. Товарами их обычно снабжали купцы в долг — нередко на значительную сумму; купцы рисковали, но не слишком, поскольку семья ходебщика оставалась дома как бы в залог долга. Коробейники обычно сбывали хлопчатобумажные, ситцевые, а часто и шелковые изделия в сельской местности Европейской России и Сибири.[13]

---

[12] Владимирская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1863, с. XXII—XXIII; Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках, с. 37; Овсянников И. И. О торговле на Нижегородской ярмарке. — В кн.: Нижегородский сборник. Т. I. Нижний Новгород, 1857, с. 163—164.

[13] Кржижановский Я. Костромская губерния. СПб., 1861, с. 425.

К странствующим торговцам мануфактурными изделиями относились и так называемые слобожане — жители старообрядческих слобод Мглинского, Новозыбковского, Сурожского и Стародубского уездов Черниговской губернии. Они разносили «красные» товары низших сортов — холстину, нанку, саржинку и т. п. — по всей Малороссии и Украине. Торговля слобожан организовывалась следующим образом. Во главе дела стоял хозяин — купец. На него работало до 400 человек коробочников, за которыми наблюдали 10—20 приказчиков. Хозяин распределял между приказчиками сферы действия, округа странствования слобожан. В каждом округе у купца имелась центральная лавка, из которой приказчики снабжались товарами на определенных условиях: хозяин отдавал им товар, договариваясь заранее об их проценте прибыли (который не бывал ниже 10), назначал им срок и место отчета (обычно одна из оптовых украинских ярмарок). При отчете хозяин забирал обусловленную прибыль, а непроданный товар принимал без вычета. Приказчики через коробочников сбывали товары по деревням и селам. Слобожане странствовали целый год, исключая лето, которое они проводили дома.[14]

Странствующие торговцы, подобные прасолам, офеням, коробейникам, слобожанам, действовали во всех российских губерниях. Так, в Ярославской губернии «отлучные торговцы из крестьян рассеяны почти по всем городам Европейской России, но самое большее их число находится внутри Ярославской губернии и преимущественно в селениях торговых, где бывают ярмарки и еженедельные торги».[15] В Нижегородской губернии на скупке и перепродаже товаров специализировались государственные крестьяне Спасской волости Васильевского уезда,[16] широко распространен был развозно-разносный торг в Пермской и других губерниях.[17]

В Западном районе роль бродячих торговцев выполняли евреи, которые по всему краю разносили мануфактурные товары, поступавшие туда из других районов, прежде всего из нечерноземного Центра, и одновременно занимались скупкой сельских продуктов у крестьян и помещиков. Каждого оптового еврейского купца обслуживала сотня бедных евреев — разносчиков и развозчиков товаров, комиссионеров и маклеров, которые за небольшое вознаграждение помогали своему патрону выгодно сбыть или закупить товар.[18]

---

[14] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках, с. 38—39.

[15] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Вып. 2. СПб., 1859, с. 84, 85—89.

[16] Там же, вып. 1, 1857, с. 46—53.

[17] Модель Х. Пермская губерния. Ч. 2. СПб., 1864, с. 405.

[18] Янсон Ю. Э. Пинск и его район. СПб., 1869, с. 157—160; Корев А. Виленская губерния. СПб., 1861, с. 514, 523; Бобровский П. Гродненская губерния. Ч. 2. СПб., 1868, с. 353—354.

В Симбирской губернии торговлей и развоз занимались преимущественно крестьяне Жадовской волости Корсунского уезда, называвшиеся там также прасолами, шабонниками, краснотоварниками. Одни, закупив изделия местных кустарных промыслов — щепной товар, рукавицы, сапоги, шляпы, оконные рамы, — отправлялись в разные губернии, доезжая до Сибири, киргизских степей и Кавказа. По дороге они занимались продажей, но большей частью променом своих товаров на другие и возвращались домой с возами, наполненными новыми товарами. Из Сибири они привозили шкурки, кедровые орехи, а зимой даже масло; с Кавказа — мерлушки, виноград, шерсть и вино; из Астрахани — рыбу, шерсть и вино; из Оренбурга — шерсть. Другие закупали деревенскую посуду, привозимую в с. Жадовку нижегородскими купцами, и разносили ее по базарам губернии, а также за Волгу, на Кубань, где обменивали на местные «произведения».[19] В данном случае странствующие торговцы не хуже оптовых купцов осуществляли увязку хозяйственной деятельности жителей разных губерний.

Таким образом, условия производства и внутренней российской торговли второй половины XVIII—первой половины XIX в. были таковы, что рынок нуждался в наличии множества мелких торговых посредников. Все перечисленные, как и многие другие, виды странствующих торговцев служили связующим звеном между земледельцами и купцами, между отдаленными сельскими поселениями и торговыми центрами, между городом и деревней. В 1846 г., например, на Макарьевской ярмарке ими было куплено хлопчатобумажных тканей на 5,6 млн. кред. руб., что составляло 75% изделий такого рода, проданных на ярмарке в этом году.[20] С одной стороны, торговцы-посредники избавляли крестьян от напрасной траты времени и средств на провоз своих продуктов до мест сбыта, равно как и на поездку в город ради покупки необходимых в домашнем быту товаров.[21] С другой стороны, они эксплуатировали крестьянство, наживаясь на разнице цен как скупаемых, так и продаваемых ими товаров.[22] «Все крестьяне находится в постоянном неоплатном долгу у прасолов и уплачивают его произведениями земледельческой промышленности и, конечно, по цене, устанавливаемой самими прасолами. Излишне было бы говорить о том страшном зле, которое вносится в дом крестьянина прасольскою опекою, но избавить его от нее не представляется пока никакой возможности; бедность и дурное хозяйство составляют главные преграды, сокрушаемые только временем, а еще более распространением образования

[19] Липинский. Симбирская губерния, ч. 2, с. 223.
[20] Очерки экономической истории России первой половины XIX в. М., 1959, с. 259.
[21] Военно-статистический сборник. Вып. 4. Россия. СПб., 1871, с. 532.
[22] Федоров В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII—первой половины XIX в. М., 1974, с. 172—176.

между сельскими сословиями», — свидетельствовал видный чиновник Центрального статистического комитета Н. Штиглиц.[23]

Негативной стороной существования торговых посредников являлось также вздорожание товаров, цены которых существенно превышали их себестоимость. Даже при самой низкой закупочной цене (отчего доходы производителей, прежде всего крестьянства, были невысоки) покупатель все равно платил за все высокие цены. Однако деятельность странствующих торговцев в рассматриваемое время являлась необходимой, так как без их участия значительная часть сельских продуктов и промышленных изделий не находила бы сбыта. Выходцы из зажиточных крестьян, они способствовали повышению товарности сельского хозяйства, втягиванию крестьянства в товарные отношения. Из мелких торговцев-посредников со временем вырастали крупные купцы, городская и сельская буржуазия.

Размеры развозной и разносной торговли были значительными и в течение всего исследуемого периода увеличивались, о чем свидетельствует постепенное возрастание численности странствующих торговцев. Общероссийские данные о числе последних появились только с 1864 г., после податной реформы 1863 г., когда за различные виды торговой деятельности стали взиматься определенные пошлины. Однако, как и все данные торговой статистики, они дают лишь приблизительное, заниженное представление о масштабах развозно-разносной торговли. Согласно официальным данным, в 1864 г. в Европейской России на собственный капитал развозной торговлей вне места прописки занимались 4,6 тыс. человек, разносной — 6 тыс., всего около 11 тыс. человек.[24] С расширением сети постоянной и периодической торговли потребность производителей и потребителей в странствующих торговцах сокращалась, и в пореформенный период значение развозно-разносной торговли в России стало быстро падать.[25]

2. Базарная сфера рынка

Важное значение во внутренней торговле России 1750—1850-х гг. имели базары. Некоторые исследователи первой половины XIX в. считали даже, что базары играли более существенную роль (во всяком случае для сельских жителей), чем ярмарки. «Ярмарочная торговля далеко не исчерпывает всего торгового значения Пензенской губернии и составляет едва ли

[23] Смоленская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868, с. XXV.

[24] Статистический временник Российской империи. Вып. 1. СПб., 1866, отд. 2, с. 182—183.

[25] Ежегодник Министерства финансов, выпуск 1903 года. СПб., 1904, с. 155—159; выпуск 1912 года. 1912, с. 801—803; Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с. 87.

не треть постоянного непрерывного торга на базарах, этих главных рынках для сбыта всех предметов промышленности (под промышленностью в то время имели в виду любую хозяйственную деятельность, — *Б. М.*) главной массы населения», — читаем в исследовании о Пензенской губернии.[26] «Гораздо больше значения в торговле и больше влияния на промышленность и экономический быт сельских жителей имеют базары», — указывал автор статистического описания Казанской губернии.[27] «Нет никакого сомнения, что базары в общей сложности имеют в обороте не меньшее число ценностей, как и все ярмарки края вообще», — указывалось в описании Херсонской губернии.[28]

Базары в России действовали издавна в городах и сельской местности. В § 25 Жалованной грамоты городам от 21 апреля 1785 г. о базарах сказано: «В городе назначить еженедельные торговые дни и часы во дне; и для того назначить в городе место куда и время когда привозить, продавать и покупать удобно, кому потребно, и на том месте Городовый магистрат велит поднять распущенное знамя, и в те часы, пока знамя поднято, запрещается продавать или покупать или закупать оптом припасы; со спущением же знамя запрещение таковое снимается. Непроданное же кем не запрещается паки отвозить за город».[29] Жалованная грамота не внесла в организацию базарной формы торговли ничего нового.[30] Однако она облегчила процедуру утверждения новых городских базаров, обобщила и унифицировала действующую практику базарной торговли не только в городе, но и в сельской местности.

Правительство рассматривало городские базары главным образом как способ снабжения городских жителей дешевыми продуктами питания из первых рук, прямо от производителей, а сельские базары — как способ для крестьянства сбыть свою продукцию купечеству уездного города и тем самым получить необходимые средства для уплаты налогов и повинностей. С этой целью торговля в базарные дни из подвижных торговых точек — возов, судов, лодок и т. п. — освобождалась от всякого платежа пошлин.[31]

В действительности и городские, и сельские базары были универсальнее по своему назначению. На них происходила закупка не только продовольствия для жителей уездного города, но также и сырья для промышленности, сельскохозяйственных

---

[26] Сталь. Пензенская губерния. Ч. 2. СПб., 1867, с. 124.

[27] Лаптев М. Казанская губерния, с. 416.

[28] Шмидт А. Херсонская губерния, ч. 2, с. 527.

[29] ПСЗ I, 1785, т. XXII, № 16188.

[30] Тот же порядок организации базарной торговли утверждался и Таможенным уставом 1755 г. См.: ПСЗ I, XIV, № 10486, гл. X, п. 1.

[31] Случалось, однако, что городские власти вопреки закону практиковали произвольное обложение пошлиной крестьян, приехавших на базар. См.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, с. 389—390.

продуктов для отправки в другие губернии. Одновременно купцы, в том числе из других губерний, во время базаров продавали крестьянам промышленные изделия, а крестьяне сбывали друг другу, а также горожанам и купцам изделия кустарных промыслов.

Указанные функции базары выполняли в течение всего исследуемого времени и во всех районах России: от Северного до Новороссийского, от Западного до Сибири. «При Звенигороде торгуют только по воскресным дням немногие звенигородские купцы, — отмечает воевода в ответе на кадетскую анкету 1760 г., — мелким щепетьем и холщевыми набойками, шелковыми лентами и снурками, бумагою, что шьют красною, съестным припасом, также и из других городов: из Боровска, из Вереи жители и прочие поблизости обыватели приезжают и временем торгуют всим порознь луком, маслом конопляным, горшками, лыками, лаптями, тележными колесами».[32] На Северо-Западе, в Новгороде, наблюдаем сходную картину. «Еженедельно бывает торговый день в пятницу, — сообщает о городе 1770-х гг. М. Д. Чулков, — товары привозят из уезду крестьяне разной хлеб, из ближних деревень сено, дрова, муку и деревянную посуду и прочия крестьянские рукоделия, а из других городов купцы товары шелковые и шерстяные продают новгородским купцам в проезд свой через Новгород».[33] Д. М. Щекатов о базарной торговле в городах Тобольской губернии в конце XVIII в. сообщает почти то же самое: «В городе Туринске, так как и в других небольших российских городах, торг бывает не всегда, но один токмо день в неделю, кой базарным днем называется. В оной не только городские купцы сидят со всякою мелочью в своих лавках, но и окольные крестьяне привозят хлеб и другие избытки своих мест, также и крестьянские поделки».[34]

И через 60 лет, в середине XIX в., базарная торговля в этих и других районах описывалась исследователями примерно в тех же выражениях. В Казанской губернии «на сельских базарах преимущественно бывают закупы разного рода хлеба, кож, сала, шерсти, воску и других сырьевых произведений. Небольшие партии этих товаров идут или прямо на фабрики и заводы или же сдаются оптовым торговцам».[35] В Херсонской губернии на базары «свозятся все предметы сельского хозяйства как для местного потребления городов и местечек, так и для продажи там промышленникам (купцам, — *В. М.*), которые покупают по мелочам, составляя из каких-либо предметов порядочные партии,

---

[32] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 131, л. 11.

[33] Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788, с. 132.

[34] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. VI. М., 1808, стб. 487.

[35] Лаптев М. Казанская губерния, с. 416.

сбывают их оптовым торговцам».[36] В Рязанской губернии, «кроме разных сельскохозяйственных произведений — хлеба, льна, пеньки, конопляного и льняного семени, овощей, шерсти, скота, птицы, пчелиной узы (прополис, — *Б. М.*) и пр., — покупаемых приезжающими нарочно из городов скупщиками и поверенными купцов, на сельских базарах продается все, что необходимо для удовлетворения неприхотливых нужд сельских жителей: деревянная посуда, ульи, санки, полозья, колеса, бочки, горшки; одним словом, все, что производится сообща по деревням, находит здесь выгодный сбыт. В небольших деревянных лавочках, нарочно выстроенных для базарных дней, появляются разные дешевые изделия; бумажные, шерстяные, полотняные и даже шелковые, различные чугунные, железные и медные вещи для домашнего обихода, товары москательные и лакомства».[37]

Главными участниками базаров являлись крестьяне и мелкие купцы; основными товарами были сельскохозяйственные; промышленные товары играли на базарах (в противоположность ярмаркам) менее заметную роль, среди этих товаров преобладали «крестьянские товары» — мануфактурные «красные» мелочные товары, галантерея, металлические изделия. В отношении ассортимента товаров ярмарки и базары дополняли друг друга: на первых преобладали промышленные изделия, на вторых — сельские «произведения».

В зависимости от оборота, числа участников, продолжительности и регулярности базары подразделялись на несколько видов, каждый из которых имел особое название: торжок, базар, главный или большой базар, торги, красные торги. В крупных городах, преимущественно губернских, собирались ежедневные утренние небольшие базары, называемые *торжками*, на которых горожане удовлетворяли свои ежедневные потребности в продуктах питания. В большинстве городов дважды или трижды, в крупных — ежедневно, в больших селах и деревнях один раз в неделю собирались *базары*, продолжавшиеся с утра до вечера. На городских базарах в первой половине дня, согласно базарным правилам, сельские продукты могли покупать только жители города для себя, т. е. для собственного употребления, во второй половине дня оставшиеся товары раскупались торговцами для дальнейшей перепродажи. Порядок этот внедрялся местной администрацией для того, чтобы городские жители среднего и мелкого достатка могли приобрести продукты питания из первых рук по более низким ценам, так как те же самые товары из лавок купцов продавались по закону примерно на 10% дороже. Таким способом местное начальство стремилось уменьшить недовольство малоимущих слоев города. Порядок этот, естественно, не нравился городовым купцам, и они стреми-

[36] Шмидт А. Херсонская губерния, ч. 2, с. 491.
[37] Баранович М. Рязанская губерния, с. 322—323.

лись всячески его обойти. С этой целью, например, они с вечера выезжали за городские заставы и скупали продукты у крестьян, направлявшихся на базар, и тем вынуждая горожан покупать продукты из лавок по более высоким ценам. Или, сговорившись, купцы сбивали базарные цены; крестьянин в ожидании хороших цен задерживал продажу товаров, а во второй половине дня, так и не дождавшись повышения цен, вынужден был продать их купцам, которые потом с лихвой компенсировали свои убытки. На сельских базарах никаких строгих правил в отношении организации торговли не соблюдалось.

Базары превосходили торжки продолжительностью, ассортиментом товаров, торговым оборотом, числом участников, но собирались они реже, хотя в течение 1750—1850-х гг. наблюдалась тенденция к увеличению числа базарных дней в городах: где собирался раньше один базар, становилось два базара, где действовали два, стало собираться три и т. д. В тех пунктах, где в течение недели базары происходили два и большее число раз, один из них обычно признавался главным, или большим.[38] Он превосходил обычный базар привозом товаров и числом торгующих. Во многих населенных пунктах один раз в две недели или в месяц в очередной базарный день собирались *торги*, а перед большими церковными праздниками — *красные торги*. Торги по своему обороту и количеству участников приближались к малым ярмаркам, а в некоторых случаях даже их превосходили. На торги нередко приезжали купцы из нескольких ближних и даже дальних городов для продажи промышленных изделий и для закупки сельскохозяйственных товаров.

Таким образом, среди базаров, как и среди ярмарок, существовала иерархия — от торжка до торга. Каждый вид базара собирал определенный контингент торговцев и ассортимент товаров, и окрестные жители в зависимости от своих потребностей выбирали для посещения то один, то другой базар.

Несмотря на однородные функции всех базаров, между ними существовали заметные различия. На городских базарах, например, ассортимент товаров был богаче, промышленные изделия представлены шире, бо́льшую роль в торговле играли купцы, которые не только скупали сельские продукты, но на время базаров открывали лавки, магазины, т. е. к базарной торговле подключали стационарную, вследствие чего сильно увеличивался сбыт промышленных изделий. Если в подавляющем большинстве сельские базары имели характер местного торга, обслуживавшего небольшую округу из нескольких ближайших сел и деревень, то многие городские базары являлись рынками для нескольких уездов, собиравшими крестьян и торговцев с товарами на несколько тысяч рублей. Таковы, например, были базары в Кишиневе, Нежине, Чернигове, Киеве, Симбирске, Казани,

[38] Шмидт А. Херсонская губерния, ч. 2, с. 491.

Нижнем Новгороде, Владимире, Шуе и других крупных торговых центрах.

Однако в сельской местности тоже происходило немало очень крупных базаров, хотя и относительно реже, чем в городах. Устраивались они преимущественно в тех пунктах, которые либо занимали удобное местоположение (находились вблизи дорог, на крупных реках с судовым ходом или вдали от главных рынков), либо являлись важными центрами крестьянской кустарной промышленности. В Рязанской губернии славилось, например, своими базарами с. Ухолово Ряжского уезда. В течение зимы на устраиваемых там два раза в неделю базарах в 1850-е гг. продавалось до 600 тыс. четвертей хлеба, в отдельные дни — до 20 тыс. четвертей.[39] На всю Россию известны были хлебные базары в имевших удобные пристани селах Промзино, Ундорье, Порецком хлебородной Симбирской губернии, снабжавшие хлебом Петербург.[40] Села той же губернии Жадовка, Попус, Базарный Сызган славились своими базарами благодаря тому, что находились в центре округи с развитыми промыслами и торговлей. На этих базарах почти не продавалась сельскохозяйственная продукция. Местные производители поставляли на них посконь, лен, щепной товар, рукавицы, шляпы, сукно, сапоги и обмен на привозимые туда нижегородскими купцами стеклянные и глиняные изделия, а местными торговцами — меховые шкурки из Сибири, мерлушки, виноград, фрукты, рыбу, вино, шерсть с Кавказа, из Астрахани, Оренбурга. Подобные сельские базары и служили важными пунктами обмена товаров местного производства на товары, привозимые из других районов.[41]

Несмотря на то что на большей части базаров ассортимент товаров не имел такого универсального характера, как на ярмарках, он все же был весьма разнообразным и определялся хозяйственной деятельностью жителей округи, которую он обслуживал. Однако, как и ярмарки, некоторые базары специализировались на торговле одним каким-либо товаром. Например, базары в Ромнах, Полтаве, Прилуках, Нежине специализировались на продаже табака, в Елизаветграде, Новомиргороде, Житомире, Алатыре, Симбирске — хлеба, в Шуе — бумажной пряжи, в Кишиневе — скота и т. д.[42] При этом определенная специализация базаров наблюдалась даже в пределах одной губернии. «Каждый базар носит на себе характер той местности, среди которой он учрежден, — заметил автор описания Казанской губернии. — Базары северных уездов изобилуют лесными изделиями, южные — хлебом, кожами, базары селений, близких к рекам, — рыбою

[39] Баранович М. Рязанская губерния, с. 322.
[40] Лященкий. Симбирская губерния, ч. 2, с. 222.
[41] Там же, с. 222—223.
[42] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г. Ч. 1—2. СПб., 1863, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская, Херсонская, Симбирская, Владимирская, Бессарабская губернии.

и т. д.».[43] То же наблюдалось в Симбирской[44] и других губерниях.

Вследствие большого разнообразия базаров разовые и годовые обороты их торговли сильно различались. Так, в 1850-е гг. разовые обороты сельских базаров колебались от 50 руб. до 3,5 тыс. руб.,[45] городских — от 50 руб. до 60 тыс. руб., а годовые обороты сельских базаров — от 2,6 тыс. до 36 тыс. руб., городских — от 3 тыс. до 2,3 млн. руб.[46] В уездных городах Режице Витебской, Троках Виленской, Епотаевске, Цареве, Красноярске Астраханской губерний средний разовый оборот базаров составлял 50 руб., в Шуе — 20 тыс. руб., а в Кишиневе в весенние месяцы — до 60 тыс. руб. Соответственно различались и годовые обороты: в Троках — 2,6 тыс. руб., в Шуе — 2 млн. руб., в Кишиневе — 2,3 млн. руб.[47] Средний разовый оборот базарной торговли в 1850-е гг., по имеющимся неполным сведениям, в Европейской России находился в пределах от 1 тыс. до 2 тыс. руб.; по сумме оборотов и разовым оборотам базары, как правило, уступали ярмаркам, хотя нередко крупные базары даже по разовым оборотам превосходили мелкие ярмарки. Например, в Судиславе Костромской губернии на годовую ярмарку привозилось товаров на 1 тыс. руб., а разовый оборот еженедельных базаров доходил до 2 тыс. руб.[48]

Базарная торговля, тесно связанная с хозяйственной деятельностью крестьянства, была подвержена сильным сезонным колебаниям. Она оживлялась в праздники и ранней осенью, когда после уборки урожая и окончания основных сельскохозяйственных работ на базары поступали в большом количестве «сельские произведения», затем после ослабления в связи с осенней распутицей вновь оживала зимой. В зависимости от местности либо осенние, либо зимние базары, как правило, являлись наиболее значительными и по числу участников, и по величине торгового оборота. Весной и летом из-за занятости крестьян сельскими работами базарная торговля замирала.[49] Таким образом, сезонные колебания базарной торговли находились в обратной связи с ярмарочной торговлей: в месяцы, когда интенсивно действовали базары, ослаблялась деятельность ярмарок, и наоборот. Это указывает на тесную взаимозависимость разных сфер российского внутреннего рынка в 1750—1850-е гг.

Мелким товаропроизводителям — ремесленникам и крестьянам — разрешалось продавать на базарах продукты и изделия

---

[43] Лаптев М. Казанская губерния, с. 420.

[44] Линицкий. Симбирская губерния, ч. 2, с. 222—223.

[45] См., например: Михалевич В. Воронежская губерния, с. 264—265.

[46] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1—2.

[47] Там же, ч. 1, Витебская, Виленская, Астраханская, Владимирская, Бессарабская губернии.

[48] Лаптев М. Казанская губерния, с. 421.

[49] Линицкий. Симбирская губерния, ч. 2, с. 232.

своего производства без всяких пошлин. Наряду с непосредственными потребителями важную роль на базарах играли и мелкие торговцы, которые скупали товары по мелочам и перепродавали их затем оптовым торговцам. Поэтому они и назывались «мелочными торговцами».[50] С 1755 (год принятия Таможенного устава) по 1775 г. мелочная торговля находилась преимущественно в руках купцов второй гильдии (купцы третьей гильдии занимались в основном ремеслом, земледелием, были рабочими и т. п.; первогильдейское купечество вело крупный оптовый торг; права крестьянства на торговлю существенно ограничивались).[51] С 1775 г. после введения гильдейского сбора с объявленного капитала и до 1812 г. ведущее место в мелочной торговле принадлежало купцам третьей гильдии и мещанам (последние занимались мелочной торговлей без платежа пошлины).[52] С 1798 г. в Петербурге, с 1799 г. в Москве, с 1812 г. повсеместно мелочный торг по специальным свидетельствам могли вести и крестьяне.[53] В последующем мелочные торговцы выделяются в особую категорию и их торговая деятельность облагается особыми пошлинами.[54]

В 1764—1766 гг. купцов второй гильдии и торгующих крестьян насчитывалось в России около 13.2 тыс. человек.[55] В 1867 г. свидетельства только на мелочную торговлю получили 178.5 тыс. человек.[56] Отсюда можно предполагать, что количество лиц, занимавшихся мелочной, в том числе базарной, торговлей, увеличилось за 1766—1867 гг. примерно в 13.5 раза. Поскольку число базаров за это же время возросло приблизительно в 3.1 раза, то можно полагать, что темпы роста количества мелочных торговцев обгоняли темпы роста и числа базаров, и общей численности населения, что свидетельствовало о возрастании оборотов базарной торговли, а в конечном итоге о росте товарности экономики, товарно-денежных отношений в городе и деревне.

---

[50] Там же.

[51] ПСЗ I, т. XIV, № 10486; Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России. СПб., 1893, с. 84—90; Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, с. 54, 55.

[52] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с. 112—115.

[53] Там же, с. 117—146.

[54] Там же, с. 178—191; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 78—81, 116—124, 151—152.

[55] Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, с. 50—54. — У автора фигурирует общее число душ купеческого сословия по гильдиям, включая детей. По данным 1830-х гг., на одно торговое свидетельство третьей гильдии приходилось 3.86 души мужского пола (ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 160, л. 1—2; д. 165, л. 2). По этому соотношению данные Яковцевского нами пересчитаны, чтобы их можно было сравнивать с данными XIX в.

[56] Военно-статистический сборник, вып. 4, с. 538—539.

Базарные дни в близлежащих селах одного или смежных уездов обычно назначались в разные дни недели, чтобы создать возможность для переезда с непроданными товарами с одного базара на другой и не вызывать конкуренции между базарами. При соответствующем распределении базаров по дням недели получался своего рода торговый недельный круг. Так было, например, в Саратовской губернии в 1770—1790-е гг. «В шести селениях Кузнецкого округа и поблизости лежащего Хвалынского, расстоянием в 10, 20 и 30 верстах, вкруг Кузнецка, бывают в каждом из них в свою очередь в неделе торги, так что делается в них торговый недельный круг, который и обращается весь год».[57] Аналогичная картина наблюдалась в конце XVIII—первой половине XIX в. на Украине,[58] в Симбирской,[59] Владимирской[60] и других губерниях. Показателен в этом отношении и такой факт. В 1867 г. МВД приказало губернскому начальству перенести «по религиозно-нравственным соображениям» все базары с воскресенья на будние дни. Реализация этого распоряжения на местах встретила затруднения ввиду того, что торговля между окрестными селами распределялась в определенном порядке в разные дни, «чтобы не мешать друг другу».[61] Но мешать друг другу базары могли лишь в том случае, если на них приезжали одни и те же торговцы и крестьяне. Поэтому затруднения с реализацией распоряжения МВД вызваны были, видимо, существованием базарного торгового круга.

По-видимому, базарный круг во второй половине XVIII—первой половине XIX в. был широко распространенным, хотя и не обязательно всеобщим принципом базарной торговли, сообщавшим ей некоторый характер стационарности. Об этом же свидетельствует и распределение базаров по дням недели в пределах уездов и губерний (данные в процентах):[62]

	Понедельник	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	Воскресенье
1760-е гг.	14	9	8	11	30	11	17
1770-е гг.	11	13	11	8	29	10	18
1850-е гг.	14	11	8	13	22	13	19

[57] Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок, с. 102—103; Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. III. М., 1804, стб. 954.

[58] Гуржий И. А. Сельские и городские базары на Украине в конце XVIII—первой половине XIX в. и их роль в развитии товарного производства. — В кн.: Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961, с. 100.

[59] Лященский. Симбирская губерния, ч. 2, с. 224.

[60] Разгон А. М. Промышленные и торговые слободы и села Владимирской губернии во второй половине XVIII в. — Ист. зап., 1950, т. 32, с. 156.

[61] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 2836, л. 2.

[62] Использованы данные кадетской и академической анкет 1760 г., анкеты И. Ф. Германа 1779 г. и статистических описаний губерний 1850-х гг.

Если исключить пятницу — самый популярный у крестьянства день для торговли, то видно, что в остальные дни базары распределялись хотя и не строго, но более или менее равномерно.

Базарная торговля в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. непрерывно развивалась. Это выражалось, во-первых, в быстром росте сети базаров за счет увеличения численности поселений с базарами и числа базарных дней в торговых пунктах (как было показано во второй главе монографии, в начале 1770-х гг. действовали 637 базаров в 471 пункте, в 1790-х гг. — 1330 базаров в 1113 пунктах, в 1850-х гг. — 2006 базаров в 1434 пунктах). Во-вторых, росли количество и ассортимент товаров и соответственно обороты базарной торговли как на отдельных базарах, так и на всех вместе. В-третьих, со временем увеличивалось количество участников базарной торговли, в особенности крестьян. Наконец, базары все теснее переплетались в своей коммерческой деятельности с ярмарками и стационарной торговлей, все органичнее входили в систему всероссийского рынка, как бы выводя местные, в особенности сельские, рынки, которые они обслуживали, на путь интенсивных межгубернских и межрайонных торговых связей.

Расширение и развитие базарной торговли в городе обусловливалось главным образом ростом промышленного производства, в деревне — развитием товарно-денежных отношений. Весьма показательны в этом отношении ходатайства крестьян, помещиков, управляющих казенными имениями об открытии в их селениях базаров и ярмарок. Эти просьбы местная администрация после изучения их обоснованности, как правило, удовлетворяла. Главным мотивом во всех ходатайствах выступала потребность в сбыте товарной продукции. «Хорольского уезда селения Лимана казачье общество, стесняясь в сбыте хлеба, скота и других домашних произведений по отдаленности ярмарок, а также в покупке для себя необходимых в хозяйстве потребностей, просит учредить в том селении три ярмарки, а по воскресным и праздничным дням торги». Ходатайство казаков Полтавское губернское правление удовлетворило.[63] Подобных просьб в фонде Хозяйственного департамента МВД было множество,[64] а постановления о вновь учрежденцых базарах «для всеобщего сведения» можно встретить в большом количестве в «Журнале МВД» и Губернских ведомостях за 1830—1850-е гг.

Базарная торговля во второй половине XVIII—первой половине XIX в. была неотъемлемой частью российского внутреннего рынка, она органически дополняла как ярмарочную, так и стацио-

[63] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 159. Об учреждении базаров и ярмарок в селениях и городах за 1845 г., л. 3—4.

[64] Там же, д. 253 (1846 г.); д. 367 (1847 г.); д. 437 (1848 г.); д. 540 (1849 г.); д. 715 (1850 г.); д. 768 (1851 г.); д. 813 (1852 г.); д. 875 (1853 г.); д. 937 (1854 г.); д. 1093 (1856 г.); д. 1200 (1857 г.); д. 1338 (1858 г.); д. 1451 (1859 г.); д. 1566 (1860 г.) и др.

парную торговлю. Базары являлись одновременно и начальным, и конечным звеном движения товарных потоков из мест производства в места сбыта: здесь начиналась мобилизация сельскохозяйственных товаров и здесь же заканчивалась реализация промышленных изделий, циркулировавших на российском внутреннем рынке. Вследствие этого базары способствовали экономической связи города и деревни, промышленного и сельскохозяйственного производства, развитию товарных отношений как в городе, так и на селе.[65]

3. Стационарная сфера рынка

Торговля из постоянных торговых помещений — из лавок, магазинов, балаганов, лабазов, столов, палаток и т. п. — во второй половине XVIII—первой половине XIX в. имела распространение, как это показано во второй главе данной работы, главным образом в городах. Сельская базарная и ярмарочная сеть не отличалась густотой. Поэтому крестьянству довольно часто приходилось ездить в окрестные города. «В оной вотчине знатных рядов и сельских малых торгов не имеется, — доносило, например, вотчинное правление с. Крупец Севского уезда в ответе на кадетскую анкету 1760 г. — А обыватели для продажи хлеба и для покупок своих надобностей ездят в состоящие окрестные города, в Глухов, Рыльск и Путивль».[66] В таком же положении находились земледельцы Сибири, Севера и даже Прибалтики, хотя стационарная торговля там была более развита, чем в великороссийских губерниях. «Обыкновенных торговых дней в неделе здесь не бывает, — говорится в Географическом словаре о Дерптском уезде 1790-х гг., — а ездят крестьяне в город с своим крестьянским товаром по произволению».[67]

В городской черте стационарная торговля, как следует из данных табл. 19, получила значительное развитие. Число торговых пунктов со стационарной торговлей с 1760 г. по 1850-е гг. возросло примерно в 3.2 раза, а торговых заведений за вторую треть XIX в. — в 2.4 раза. Однако степень этого развития в разных губерниях и в разных торговых центрах была различной.

В коммерческой жизни крупных городов с населением более 20 тыс. человек, которых в 1750 г. насчитывалось всего 8, в 1811 г. — 14, а в 1863 г. — уже 49, стационарная торговля играла важную роль. Городовое купечество монополизировало в этих городах снабжение жителей промышленными изделиями и в значительной мере продовольственными товарами.

---

[65] К аналогичным выводам о роли базаров во внутренней торговле на Украине пришел И. А. Гуржий: Сельские и городские базары на Украине..., с. 96—97, 105.

[66] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-а, д. 82, л. 5.

[67] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. II. М., 1804, с. 189.

Развитие стационарной торговли в России в 1840—1856 гг.*

Район и губерния	1840 г.		1856 г.	
	число лунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений	число пунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений
Северный	26	1305	29	1825
В том числе губернские города	3	546	3	713
Архангельская	7	386	9	587
Вологодская	13	822	13	1079
Олонецкая	6	187	7	159
Северо-Западный	33	7247	35	7925
В том числе губернские города	3	5513	3	5778
Новгородская	11	735	12	1081
Псковская	10	948	11	1026
С.-Петербургская	12	3564	12	5818
Северное Приуралье	21	1737	27	2717
В том числе губернские города	2	337	2	431
Вятская	10	676	12	918
Пермская	11	1061	15	1799
Южное Приуралье	15	1125	17	2246
В том числе губернские города	2	240	2	460
Оренбургская	10	834	9	1546
Самарская	5	291	8	700
Юго-Восточный	5	1370	6	2476
В том числе губернские города	2	1303	2	1405
Астраханская	4	1192	5	2258
Донского Войска земля	1	178	1	218
Средне-Волжский	27	3575	36	4014
В том числе губернские города	3	2338	3	2358
Казанская	11	1856	13	1477
Нижегородская	10	1059	13	1015
Симбирская	6	660	10	1522
Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	51	4155	58	6365
В том числе губернские города	4	1300	4	2367
Курская	15	1045	17	1634
Орловская	12	1341	12	1949
Рязанская	12	949	12	1127
Тульская	12	820	12	1655
Центрально-земледельческий, северо-западная группа	45	3657	49	4741
В том числе губернские города	4	1452	4	1822
Воронежская	12	950	12	973
Пензенская	10	730	13	606
Саратовская	11	850	11	1779
Тамбовская	12	1127	13	1383
Центрально-промышленный	89	17401	102	19276
В том числе губернские города	7	8653	7	9602
Владимирская	15	2323	15	1495

Таблица 19 (*продолжение*)

Район и губерния	1840 г.		1856 г.	
	число пунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений	число пунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений
Калужская	11	1047	14	1010
Костромская	15	1018	19	1618
Московская	13	7428	16	7712
Смоленская	11	899	12	877
Тверская	13	1937	14	2589
Ярославская	11	2449	12	3975
Прибалтийский	24	1319	26	1748
В том числе губернские города	3	850	3	1137
Курляндская	10	469	11	620
Лифляндская	10	695	10	880
Эстляндская	4	155	5	248
Западный	56	3657	69	7419
В том числе губернские города	6	1267	6	3031
Виленская	3	371	9	1155
Витебская	10	718	12	1139
Гродненская	16	1000	17	1478
Ковенская	7	326	9	1063
Минская	10	868	10	1061
Могилевская	10	374	12	1523
Юго-Западный	39	3566	41	5747
В том числе губернские города	3	1075	3	1325
Волынская	12	1298	13	2054
Киевская	14	1461	12	2267
Подольская	13	807	16	1426
Малороссийский	49	3038	53	4685
В том числе губернские города	3	462	3	2085
Полтавская	16	910	17	1639
Харьковская	16	982	18	1856
Черниговская	17	1146	18	1190
Новороссийский	42	5905	52	8237
В том числе губернские города	4	615	4	1777
Бессарабская	9	929	11	1486
Екатеринославская	11	569	13	1442
Таврическая	12	2571	16	2819
Херсонская	10	1536	12	2490
Предкавказье	5	453	10	1331
В том числе губернские города	2	142	3	398
Кубанская обл.	—	—	3	202
Ставропольская	3	170	5	846
Терская обл.	2	283	2	283
Сибирь	31	2295	38	3467
В том числе губернские города	7	1221	7	1590
Енисейская	5	142	5	406
Иркутская	5	616	4	763
Тобольская	10	875	11	1214
Томская	6	342	7	497

Таблица 19 (*продолжение*)

Район и губерния	1840 г.		1856 г.	
	число пунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений	число пунктов с постоянной торговлей	число постоянных торговых заведений
Якутская	1	74	4	175
Забайкальская	2	175	4	331
Камчатская	—	—	—	—
Семипалатинская	2	71	3	81
Итого	558	61295	643	84219
В том числе по губернским и областным городам	58	27214	59	36279

* Составлена по данным: *1840 г.* — Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1842. — Итоговая цифра по Саратовской губернии откорректирована по данным о городах губернии; *1856 г.* — Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год. СПб., 1858. — Данные по Саратовской губернии откорректированы по сведениям: Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 2, Саратовская губерния.

К числу городов с развитой постоянной торговлей относилась, например, Казань. По данным кадетской анкеты 1760 г., в городе не было ярмарок, но зато ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней, работали лавки, где во всякое время дня предлагался широкий ассортимент товаров.[68] К концу XVIII в. в городе действовало до 850 лавок. В гостином дворе продавались всевозможные шелковые материи с золотом и серебром, китайские, сибирские и персидские товары, немецкие и российские сукна, каразеи, плисы, стамеды, гарусные и шелковые материи, позументы, тканное золото и серебро, шелк, платки, ситцы, ленты и кумачи и другие товары, доставляемые из Петербурга, Москвы, с Макарьевской и Ирбитской ярмарок. В 8 торговых рядах всегда можно было купить чай, кофе, деревянное масло, олово, разные краски, ладан, бумагу, сургуч, медную, оловянную и чугунную посуду, полосовое и листовое железо, сталь, козловые выделанные кожи, лисьи, беличьи, заячьи, волчьи и медвежьи, собольи, песцовые и бобровые меха, тулупы, мерлушку всяких зверей и «всякой мелочной немецкой и российской товар». На трех площадях города тоже производилась торговля; на хлебной каждый день съезжались крестьяне из уездов для продажи хлеба, гороха, просяных, гречишных, льняных, конопляных, репных и маковых семян, а на двух других площадях крестьяне продавали всякие съестные припасы, рыбу, мясо, скот, лошадей, сено, повозки и т. п. Из Архангельска и из Малороссии в Казань доставлялись вино-

[68] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 56, л. 6.

градные французские и венгерские вина, французская водка, английское пиво и всякие фрукты; из Астрахани — рыба соленая, икра, клей и визига, перец стручковый, сорочинское пшено и хлопчатая бумага; из Оренбурга — невыделанные кожи, сало, «азиатские тулупы», пряденый и непряденый хлопок, пушной, шелковый, бумажный «бухарский товар» и пригонялся во множестве скот. Из Казани в свою очередь вывозились товары в Петербург, Москву, Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Ирбитскую ярмарку. Это были воск, сало, мед, пух, нефть, щетина, онойки, козловые, яловочные и конские кожи, медь, шерстяные чулки, мыло, хлеб, пшено, дрова, повозки, холст, обувь, сермяжные сукна.[69]

К 1861 г. в Казани имелось торговых заведений: магазинов — 38, лавок и лавочек — 893, амбаров на пристанях — 73, гостиниц — 33, ресторанов, кафе-ресторанов и кофейных домов — 11, харчевен — 12, подворьев и постоялых дворов — 20. Общий итог торговых оборотов в лавках и прочих торговых заведениях экспертами исчислялся примерно от 4,5 до 5 млн. кред. руб. И это в городе с постоянным населением всего в 59,4 тыс. человек! Общая же годовая ценность привоза разных товаров в Казань превосходила 12 млн. руб., а вывоза — 9 млн. кред. руб.[70]

Стационарная торговля в Казани в течение 1760—1860-х гг. отличалась высокой специализацией, которая со временем увеличивалась. В конце 1850-х гг. торговые заведения по роду товаров разделялись на 46 групп, в том числе имелись лавки книжные и часовые, хирургические и оптические, мебельные и каретные, галантерейные и железные, хлебные, солянные, рыбные и медовые, мясные и фруктовые, табачные и т. п. «Торговая деятельность здесь и в самом деле бросается в глаза: на всех местах, где только может быть публичное сборище, где есть большой проезд, на перекрестках больших трактовых улиц, на дамбе, непременно привитится или столик, или крошечная лавочка в заборе».[71]

Но десяток верст в сторону от Казани — и картина коренным образом изменяется. Даже в 1850-х гг. в уездных городах и посадах постоянная торговля была совершенно незначительна, а в сельской местности почти отсутствовала. Вследствие небольшого спроса городовые купцы боялись брать значительные партии товаров, и поэтому жители уездных городов нередко не могли купить в лавке необходимые продукты и изделия. Ассортимент товаров в лавках был несравненно меньшим, чем в Казани. Даже крестьянские товары не везде продавались. Из 10 уездных городов только в четырех (Чистополе, Мамадыше, Чебоксарах, Козь-

---

[69] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства..., ч. III, отд. 106—108; Чулков М. Д. Историческое описание Российской коммерции. Т. 6, кн. 4. М., 1788, с. 211—213.

[70] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 гг., ч. 1. Казанская губерния, с. 5.

[71] Лаптев М. Казанская губерния, с. 423—424, 426.

модемьянске) для этих товаров имелись лавки, в остальных же городах они завозились лишь в базарные дни. Общий годовой оборот стационарной лавочной торговли 10 уездных городов, составлявший в 1850-е гг. около 248 тыс. кред. руб., почти в 20 раз был меньше, чем в одном губернском городе Казани, а годовой оборот постоянной лавочной торговли в Казани в 200 раз превосходил оборот торговли одного уездного города.[72]

Подобное положение наблюдалось и в других местах огромной страны. Вокруг крупного торгового центра с развитой стационарной торговлей или большой ярмарки на сотни верст во все стороны постоянная торговля находилась в жалком состоянии. Так, в Симбирской губернии действовали две крупные ярмарки — Симбирская и Корсунская, а в Симбирске была довольно широкая сеть постоянных торговых заведений — (в 1790-е гг. — 223 лавки, в 1861 г. — 9 магазинов и 813 лавок, в том числе 493 временных).[73] В губернии же и в 1850-е гг. «постоянная лавочная торговля даже в городах совершенно ничтожна, за исключением Симбирска и Сызрани; случается, что города остаются надолго без сахара или табака — продуктов, составляющих в каждом городе предмет главной необходимости; в некоторых городах не в базарные дни невозможно купить белого хлеба». В селениях же стационарная торговля, «можно сказать, вовсе не существует; только в самых промышленных селах и на пристанях, где съезжается на зиму купечество, открывают (временно, — *Б. М.*) лавки колониальных товаров и вин; с мануфактурными же изделиями нам удалось встретить лавки только в двух, трех самых богатых селах, например Промзине и Поречком»,[74] в то время как общее число сельских поселений в 1857 г. составляло 1609.[75] Аналогичным образом Москва стесняла развитие лавочной торговли в Калуге, Харьков — в Полтаве, Петербург — в Новгороде и Пскове, крупные ярмарки Уфимской губернии — развитие стационарной торговли в ее городах и т. д.[76] Некоторое исключение представляли прибалтийские губернии — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская, где постоянная торговля находилась в уездных городах и местечках в лучшем состоянии, чем в великороссийских губерниях, в особенности во второй половине XVIII — начале XIX в.,

---

[72] Там же, с. 426—427.

[73] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. V. М., 1807, стб. 968; Экономическое состояние городских поселений европейской России в 1861—62 гг., ч. 2, Симбирская губерния, с. 4.

[74] Лишневский. Симбирская губерния, с. 231.

[75] Статистические таблицы Российской империи. Вып. 2. СПб., 1863, с. 90.

[76] Попроцкий М. Калужская губерния, ч. 1, с. 657; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 2, Полтавская губерния, с. 4, Оренбургская губерния, с. 4; Мозель Х. Пермская губерния, ч. 2, с. 402—405; Шмидт А. Херсонская губерния, ч. 2, с. 527—528; Корев А. Виленская губерния, с. 515—516; Соловьев Я. А. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, с. 439.

до официальной отмены монополии городского купечества на занятие торговыми промыслами.[77]

О концентрации стационарной торговли в немногих крупных торговых центрах свидетельствует и такой факт. В губернских и областных городах (число которых к 1856 г. достигло 60, что составляло 9,3% общего количества городов) сосредоточивалось 44% постоянных торговых заведений (см. табл. 19). На один губернский город в 1856 г. приходилось в среднем 605 лавок и магазинов, а в прочих городских поселениях — 131, т. е. в 4,6 раза меньше. К тому же по размерам оборота торговые заведения в губернских городах намного превосходили заведения уездных городов и посадов.

Казань — типичный торговый центр с развитой специализированной торговлей. Жители таких городов, как Тверь, Нижний Новгород, Москва и др., тоже как будто особо не нуждались ни в базарах, ни тем более в ярмарках. И тем не менее во всех из них действовали базары, а в большинстве и ярмарки. Даже в середине XIX в. редко можно было встретить крупный город без ярмарки, и еще реже купечество крупного торгового города возражало против учреждения в нем ярмарки. Напротив, купцы ходатайствовали об открытии ярмарок (как, например, петербургские купцы в 1779 г.[78]), а также упорно боролись против попыток администрации перенести ярмарку из их города в другой (как это имело место при переводе ярмарки из г. Ромны в Полтаву или из Бердичева в Киев[79]).

Известны лишь единичные случаи недовольства или борьбы купечества городов (с развитой стационарной торговлей) против функционирования в их городе ярмарок или базаров. «Купечество весьма великое неудобство претерпевает от годовых сего уезда ярмарок и недельных торжков»,— жаловался, например, волоколамский воевода в ответе на кадетскую анкету 1760 г. Но в дальнейшем разъясняется, что купечество возражает не столько против ярмарок и базаров, сколько против крестьянской торговли: «...а паче от крестьян, которые в недельные торжки, так и в годовую ярмонку покупают на значительную сумму разные товары и отвозят, куда им по способности случается».[80]

Исключителен и потому не характерен пример борьбы виленского купечества против учреждения в городе ярмарки. В Вильно — третьем по величине городе России первой трети XIX в. (в 1830 г. в нем насчитывалось около 50 тыс. человек[81]) с раз-

---

[77] Вейдарн Ф. Лифляндская губерния. СПб., 1864, с. 470—475; Оранжевский А. Курляндская губерния, с. 322—324.

[78] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, прил., л. 1—4.

[79] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 5, д. 727, О переводе в Полтаву из г. Ромны Ильинской ярмарки, л. 6—17 об.

[80] Бакмейстер Л. И. Топографические известия. Т. I, ч. 1. СПб., 1771, с. 41.

[81] Корев А. Виленская губерния, с. 711.

нятой стационарной торговлей — в 1829 г. местным начальством была учреждена четырехнедельная ярмарка. Ее срок (23 апреля—15 мая) приходился на время так называемых контрактов, когда в город съезжались землевладельцы и фабриканты для заключения различных контрактов, договоров, сделок, продажи и отдачи в аренду имений и т. п. и когда всякий из прибывавших делал нужные закупки товаров до следующих контрактов, вследствие чего обороты городской стационарной торговли возрастали чрезвычайно. Быстро оценив последствия учреждения в городе ярмарки, виленское купечество начало хлопоты об ее отмене либо на крайний случай о перенесении ее на другое время. Городовые купцы обратились к литовскому генерал-губернатору А. М. Римскому-Корсакову, а после его отказа к министру финансов Е. Ф. Канкрину. В прошении купцы мотивировали свою просьбу: «Ярмонки нужны и полезны там, где нет постоянного купечества и торги, да и во внутренности империи, а не близ границы... В г. Вильне находится множество лавок, кои открыты ежедневно в течение целого года, и публика, нуждающаяся в товарах, не встречает недостатка в оных... В других губернских городах нет ярмарок, и поэтому тамошнее купечество находится в цветущем состоянии, в г. Вильно таковое же имеет право на защиту и покровительство». В случае, если ярмарка не будет отменена, просители предсказывали разорение купечества и города.[82]

Почему же так встревожило купцов назначение ярмарок? Причина заключалась в том, что учреждение ярмарки на время контрактов, когда наблюдалось наибольшее стечение народа со всей губернии, грозило купечеству потерей больших прибылей. По торговому законодательству на ярмарках любой человек мог производить торговлю оптом и в розницу без всяких торговых свидетельств и пошлин. Поэтому население губернии на учрежденной ярмарке могло закупить необходимое количество товаров по ценам более низким, чем те, которые оно платило городовым виленским купцам, тем более что на время ярмарки лавки местных купцов закрывались. Невозможность конкуренции с приезжающими из центральных российских губерний торговцами и фабрикантами (с ярмоночными же купцами и торговцами виленское купечество состязаться не может, так как привозные товары большей частью дешевле»), перспектива потери главных покупателей и утраты монопольного права торговли в самое выгодное время — вот что волновало виленское купечество. Высшая администрация разобралась в истинных мотивах прошения и в просьбе купечеству отказала. Судьба ярмарки лишь отчасти подтвердила прогноз виленского купечества. Уже в 1832 г. на ярмарку было привезено товаров на 133 тыс. сер. руб., а в 1863 г. — на 310 тыс. сер. руб.[83]

---

[82] ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 4, д. 378, л. 3—3б.

[83] Список существующих в Российской империи ярмарок. СПб., 1834, с. 12; Статистический временник Российской империи, вып. I, с. 174.

К 1861 г. контракты утратили свое значение,[84] в результате чего потребители выиграли, а городовые купцы проиграли.

Таким образом, возражение купечества некоторых городов против учреждения ярмарок свидетельствовало не о противоречии между стационарной и периодической торговлей — такого противоречия объективно в исследуемое время не существовало, — а, вероятно, о расхождении интересов между разными группами купечества, разными сословиями, производителями и торговцами, потребителями и купцами. В тех городах, где имелось «капиталистое» купечество с широкими торговыми связями, которое не боялось конкуренции ни со стороны мещанства, ни крестьянства, ни иногородных купцов, там в большинстве случаев действовали ярмарки, несмотря даже на развернутую стационарную торговлю, и число таких торговых центров в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в. не уменьшалось, а возрастало. Киев, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Таганрог, Харьков, Архангельск, Екатеринослав, Бердичев, Уфа, Симбирск, Самара, Тамбов, Одесса, Вологда, Пенза, Саратов, Чернигов, Рига, Ростов Ярославский, Тамбов, Курск, Рыбинск — вот неполный перечень крупных торговых центров, где в середине XIX в. действовали важнейшие ярмарки наряду с функционированием в них широкой сети постоянных торговых заведений.

Вместе с тем имеющиеся данные указывают на то, что объективное развитие товарно-денежных отношений и рост промышленного населения в XIX в. приводили и стихийному вытеснению периодической и непериодической форм торговли стационарной торговлей.[85] Так произошло, например, в крупном промышленном центре Урала г. Екатеринбурге, население которого к 1861 г. превысило 21 тыс. человек. В силу настоятельной потребности жителей в постоянной торговле в городе постепенно к 1860-м гг. образовалась широкая сеть торговых заведений: 13 магазинов, 308 лавок, 425 подвижных лавочек, гостиница, кофейня, 3 кондитерские, 66 постоялых дворов. Две прежде значительные ярмарки превратились в «незначительные торжки», а два еженедельных базара стали играть второстепенную роль в снабжении жителей предметами первой необходимости.[86]

Перерастание периодической торговли в стационарную происходило медленно и постепенно — от ярмарочной к базарной и от последней к стационарной. При этом не требовалось никаких

---

[84] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1, Виленская губерния, с. 5.

[85] См., например: Бобровский П. Гродненская губерния, ч. 2, с. 385; Баранович М. Рязанская губерния, с. 323; Веймарн Ф. Лифляндская губерния, с. 479; Орановский А. Курляндская губерния, с. 322; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 249—250.

[86] Экономическое состояние городских поселений Европейской России 1861—62 г., ч. 2, Пермская губерния, с. 40.

специальных распоряжений начальства для закрытия ярмарок или базаров, они прекращали или ослабляли свою деятельность сами собой, в силу естественного хода событий. В г. Бобруйске Минской губернии еще в 1830-е гг. функционировали 3 ярмарки, но к 1861 г. они перестали собираться; а 2 базара в неделю потеряли прежнее значение. Торговля сосредоточилась в 120 лавках. К этому времени в городе проживало 16 тыс. гражданского населения и несколько тысяч военных, составлявших гарнизон крепости.[87] В г. Угличе Ярославской губернии во второй половине XVIII в. действовали 2 крупные ярмарки и 3 базара в неделю. К 1861 г., когда население превысило 10 тыс. человек, осталась одна ярмарка с маленьким оборотом, базары же все сохранились и «почти всегда бывают многолюдны и отличаются особой оживленностью в пору навигации», а магазинов и лавок стало 206.[88] В результате этих перемен торговля в Угличе приобрела базарно-стационарный характер.

Аналогичные процессы, правда в меньших масштабах, наблюдались и в сельской местности. Например, в слободе Томаровке Белгородского уезда Курской губернии в 1760-е гг. собиралось 5 ярмарок, в 1830-е гг. они еще функционировали. Но в 1860-е гг., когда слобода превратилась в промышленное селение с населением почти в 10 тыс. человек, ярмарки прекратили свое существование и вместо них стали действовать 3 лавки и 2 базара в неделю.[89] В других крупных селениях ярмарки сохранились, но к ним добавлялись базары и лавочная торговля. Вследствие этого вся торговля приобретала преимущественно базарно-стационарный характер, как это случилось в селах Порецком и Промзине Алаторского уезда Симбирской губернии.[90]

Таким образом, развитие базарной и в особенности стационарной торговли, рост постоянных торговых связей с другими местностями приводили к тому, что в некоторых городах ярмарочная торговля замирала. Но в рассматриваемое время этот процесс еще не стал массовым, определяющим. Ярмарка вплоть до 1860-х гг. сохранила свои позиции даже в городах, о чем, в частности, свидетельствует увеличение числа городов с ярмарками и с базарами: в 1760-е гг. их насчитывалось 224, а в 1850-е гг. — 555.

От первой половины XIX в. сохранился ценный источник для характеристики торговых промыслов гильдейского купечества,

---

[87] Список существующих в Российской империи ярмарок, с. 189—190; Экономическое состояние городских поселений Европейской России 1861—62 г., ч. 1, Минская губерния, с. 7.

[88] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 101; Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства..., ч. VI, стб. 535—537; Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 2, Ярославская губерния, с. 41.

[89] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 81; Список существующих в Российской империи ярмарок, с. 157—158; Волости и важнейшие селения Европейской России. Вып. 1. СПб., 1880, с. 367, № 171.

[90] Липинский. Симбирская губерния, ч. 2, с. 231.

в руках которого находилась стационарная торговля, — «Донесения губернаторов и ведомости о купцах, предметах их торговли и размерах наложенных на них пошлинностей», представлявшиеся в Департамент мануфактур и внутренней торговли в 1820—1850-е гг.[91] В донесениях, составленных в магистратах и ратушах, поименно перечисляются купцы с краткой характеристикой их торговой деятельности. Анализ этих данных приводит к выводу, что даже в первой половине XIX в. стационарная торговля, подобно другим формам торговли, была еще малоспециализированной как в отношении ассортимента товаров, так и в отношении разделения на розничную или оптовую торговлю. Только в самых значительных городах специализация торговли проявлялась довольно четко, в остальных же в одной лавке продавались самые разнообразные товары, и одни и те же купцы занимались торговлей разными продуктами и изделиями.

В крупном торговом центре страны, г. Архангельске, в 1830-е гг., как доносил магистрат, купцы первой гильдии производили торг «в разных российских городах и ярмонках, равно и в иностранных государствах, разными российскими и иностранными товарами оптом и подробно», купцы второй гильдии — «в разных российских городах и ярмонках разными товарами оптом и подробно».[92] В городах же поменьше, например в Холме, Олонце, Зубцове, где имелись только купцы третьей гильдии, каждый из них торговал «хлебом, лесом, дровами, посудою, маслом, скотом, кожами и прочими дозволенными товарами оптом и в розницу».[93] В Астрахани (тогда шестом по численности населения городе России) с традиционно развитой стационарной торговлей в 1832 г. лишь около трети купцов специализировалось на торговле определенными группами товаров, например лесом и дровами, железными и медными изделиями и т. д., а оптовой и розничной торговлей одновременно занимались почти все.[94]

До 1812 г. городская стационарная торговля юридически и фактически находилась преимущественно в руках гильдейского купечества и отчасти мещанства. В 1812 г. право держать лавки в городах было предоставлено и крестьянам при условии платежа ими специальных пошлин соответственно характеру торговли.[95] С 1824 г. за определенные пошлины право заниматься стационарной торговлей предоставлялось всем желающим. Положение 1824 г.

---

[91] ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 4, д. 226 (1822—1823 гг.); д. 457 (1832 г.); д. 588, 589 (1838 г.); д. 601 (1839 г.); д. 796 (1850 г.) и др.

[92] Там же, д. 588, л. 118—118 об.

[93] Там же, д. 457, л. 19—20 об.

[94] Там же, л. 2—17 об.

[95] ПСЗ I, 1812, т. XXXII, № 24992, 25302. — В столицах это право крестьяне получили еще раньше: в Петербурге — в 1798 г., в Москве — в 1799 г.

просуществовало с небольшими изменениями, принятыми в 1826—1827 и 1839 гг., до 1862 г.[96]

Несмотря на высокие нормы обложения торговых промыслов (это сознавало и правительство),[97] крестьяне воспользовались предоставленным им правом заниматься постоянной торговлей в городах и к началу реформ 1860-х гг. довольно преуспели в этом. На конкуренцию между гильдейским купечеством и торгующим крестьянством, победу в которой одерживали последние, уже в 1820-е гг. обратил внимание Департамент разных податей и сборов. Чиновники Департамента постоянное уменьшение гильдейских сборов (только за один 1821 г. сборы уменьшились на 600 тыс. руб.) объясняли конкуренцией крестьян.[98]

О падении роли гильдейского купечества в постоянной торговле городов после 1812 г. свидетельствуют и данные об изменении его численности. В 1811 г. купцов трех гильдий насчитывалось 125 тыс. ревизских душ, в 1820 г. — 67 тыс.; число объявленных капиталов в 1816 г. было 20 059, в 1824 г. — 13 106.[99] С введением нового торгового положения 1824 г. гильдейское купечество начало оправляться и процесс его упадка сильно замедлился: численность купцов к 1849 г. достигла 133 тыс. душ, а число объявленных капиталов составляло 40 747.[100] Однако при сравнении данных о числе выданных свидетельств на право постоянной торговли гильдейскому купечеству и крестьянству (табл. 20) видно, что процесс падения относительной роли купечества продолжался. За 15 лет, с 1838 по 1852 г., количество купцов, занимавшихся стационарной торговлей, увеличилось с 35 440 до 46 788, т. е. на 32%, а крестьян — с 5252 до 7450, на 42%. В 1766 г. на долю всех профессионально торгующих крестьян приходилось лишь 3%,[101] а в 1852 г. только крестьяне, занимавшиеся стационарной торговлей, составляли 14%, что примерно соответствовало и их доле в оборотах стационарной торговли. Налицо постепенное вытеснение гильдейского купечества, процесс падения относительного его значения, хотя и не такой быстрый, как это наблюдалось в 1812—1824 гг.[102]

Для оценки абсолютного и относительного значения стационарной торговли в системе российского внутреннего рынка пред-

---

[96] Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с. 117—147.

[97] ПСЗ I, 1812, т. XXXII, № 25115.

[98] ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 4, д. 226, л. 1—2 об.

[99] Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 308.

[100] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 165, л. 2; д. 780, л. 8.

[101] Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, с. 50—54. — Число торгующих крестьян у автора приводится в душах, т. е. вместе с детьми.

[102] См. также: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 378; Очерки экономической истории России первой половины XIX в., с. 288.

Число выданных свидетельств на право торговли в России за 1829—1856 гг.*

Год	Купцам гильдий			Крестьянам со свидетельствами рядов				Приказчикам
	I	II	III	I	II	III	IV	
1829	629	1464	24672	—	—	—	—	—
1830	650	1364	24436	—	—	—	—	—
1831	643	1334	24382	—	—	—	—	—
1832	628	1361	26778	—	—	—	—	—
1833	657	1458	26711	—	—	—	—	—
1834	711	1501	28952	—	—	—	—	—
1835	740	1547	30099	—	—	—	—	—
1836	836	1676	31328	—	—	—	—	—
1837	851	1783	33100	—	—	—	—	—
1838	856	1830	32754	3	23	2201	2965	8099
1839	933	1858	33566	3	18	2118	3170	8420
1840	962	1925	34229	5	19	2311	3326	8925
1841	908	1941	35215	5	22	2421	3269	9457
1842	921	1919	35804	3	23	2504	3193	11134
1843	896	1963	36612	10	24	2621	3297	11717
1844	876	2086	36821	6	59	2754	3022	11388
1845	882	2115	36414	6	32	2861	4116	12989
1846	856	2193	36780	5	36	2884	4215	13335
1847	843	2317	37397	5	29	2944	4292	13624
1848	857	2281	37825	4	24	3061	4249	13758
1849	886	2280	38090	5	27	2988	4285	13631
1850	894	2359	41257	6	22	3075	4417	14029
1851	936	2340	42357	2	26	2776	4171	13666
1852	942	2473	43368	5	28	2821	4596	14156
1856	1149	2909	51052	—	—	—	—	—

* ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, ж. 160, л. 1—2 (1838—1852 гг.); д. 165, л. 2 (1829—1837 гг.); Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год, с. 217. — Тире означают отсутствие сведений.

ставляют интерес данные об оборотах этой формы торговли в их динамике. К сожалению, обороты стационарной торговли не фиксировались. Однако некоторое представление об их динамике в первой половине XIX в. можно получить по данным о сборе пошлин, которые собирались с купцов, торговавших из постоянных торговых заведений начиная с 1812 г. (табл. 21). Вследствие того что система сбора пошлин существенно изменялась в 1824 и 1862 гг., динамику пошлинных сборов следует исчислять в пределах однородных периодов, т. е. за 1813—1824 и 1825—1861 гг. С 1813 по 1824 г. поступление торговых пошлин уменьшилось на 38%, что указывает на абсолютное, а с учетом роста оборотов периодической торговли и на относительное падение оборотов постоянной торговли. В 1825—1830 гг. данный процесс продолжался — к 1831 г. сбор пошлин сократился еще на 42%, и лишь с 1831 г. обнаружился устойчивый рост оборотов стационарной

Таблица 21

Поступление торговых пошлин
в России (в тыс. сер. руб.) за 1812—1862 гг. *

Год	Сумма пошлин	Год	Сумма пошлин	Год	Сумма пошлин
1812	1346	1829	2211	1846	3483
1813	4341	1830	2185	1847	3554
1814	3519	1831	2219	1848	3538
1815	3198	1832	2315	1849	3660
1816	2857	1833	2432	1850	3688
1817	2907	1834	2533	1851	3886
1818	1912	1835	2680	1852	3902
1819	2787	1836	2672	1853	3917
1820	2771	1837	2701	1854	3880
1821	2720	1838	2864	1855	3978
1822	2856	1839	2893	1856	4188
1823	2726	1840	3063	1857	4354
1824	2708	1841	3184	1858	4808
1825	3761	1842	3313	1859	5090
1826	3086	1843	3529	1860	5189
1827	2311	1844	3372	1861	5219
1828	2233	1845	3444	1862	5254

* Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, прил. 1.

торговли, кратковременно прерываемый в 1844 и 1848 гг. Судя по поступлению пошлин, ее оборот за 1831—1861 гг. увеличился примерно на 70%, что позволило превысить уровень 1813 г. Эти выводы косвенно подтверждаются и сведениями (несмотря на всю их условность) об изменении численности лавок. В первой четверти XIX в. наблюдалось снижение числа постоянных торговых заведений примерно на 36%, с конца 1830-х и до конца 1850-х гг. их рост составил приблизительно 37% (см. табл. 19). Таким образом, о повышении абсолютного и, вероятно, относительного значения стационарной торговли можно говорить, исходя из выявленных данных, лишь для второй трети XIX в.

Современники заметили некоторый упадок гильдейского купечества в первой половине XIX в., объясняя его главным образом разрешением крестьянской торговли, в том числе постоянной, а также неблагоприятной экономической конъюнктурой и раздроблением крупных капиталов.[103] Этот упадок в той или иной мере затронул все губернии России, но в большей степени те, где монополия купцов на торговые занятия, в частности на стационарную торговлю, была особенно заметной, твердо проводилась

[103] См., например: Попроцкий М. Калужская губерния, с. 656—658. — На это указывается и в кн.: Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 105; Исторический очерк обложения торговли и промыслов в России, с. 120—121.

в жизнь, — прибалтийские губернии. «Торговля их (городов, — *Б. М.*) незначительна и сравнительно с прежним состоянием находится в упадке, — отмечал автор статистического описания Лифляндской губернии. — Причиной этому считают разрешение так называемой крестьянской торговли, последовавшее в 1811 и 1824 годах... Эти указы, уничтожив монополию (гильдейских, — *Б. М.*) купцов, повлекли за собой уменьшение их числа в мелких городах и упадок торговли последних». Вместе с тем тот же автор подчеркивал, что «указы 1811 и 1824 гг. были совершенно рациональны, сняв опеку над производителями и предоставив им полную свободу в выборе мест для продажи. Происшедший вследствие этого упадок торговли городов ясно показал, что прежнее состояние ее было ненормальное (в пользу нескольких лиц жертвовались интересы огромного класса сельского населения), а незначительность ее в настоящее время, кроме недостатка удобных сообщений, объясняется малыми потребностями большей части населения, которое само приготавливает почти все необходимое для себя».[104]

Стоит подчеркнуть, что при всей значимости правового разрешения крестьянской и мещанской торговли формальная отмена монополии гильдейского купечества на торговые промыслы явилась лишь юридическим оформлением того фактического положения, которое сложилось на внутреннем российском рынке в конце XVIII—начале XIX в. Крестьянская и мещанская торговли в широких размерах практиковалась и до ее формального разрешения, о чем свидетельствуют постоянные жалобы на нее купечества начиная с середины XVIII в.[105] Правительство, провозглашая свободу торговли, делало это по необходимости, чтобы получить право на фискальные обложения крестьянской и мещанской торговли и иметь свою долю с тех доходов, которые получало крестьянство и мещанство от торговых промыслов.

---

[104] Вейдемари Ф. Лифляндская губерния, с. 470—471.

[105] Индова Е. И. Торгово-промысловая деятельность и предпринимательство дворцовых крестьян Черноземного центра в 20—60-х годах XVIII в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 307—312; Комиссаренко А. И. Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII в. — Тр. Моск. историко-архивного ин-та, 1965, т. 21, с. 270—288; Кулишер И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пб., 1923, с. 256—265; Поленов Д. В. Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения. Ч. 2. СПб., 1871; Свиридов Н. С. Торгующие крестьяне конца крепостной эпохи. (По материалам первой половины XIX столетия). — История СССР, 1969, № 5, с. 48—67; Троицкий С. М. Обсуждение вопроса о крестьянской торговле в Комиссии о коммерции в середине 60-х гг. XVIII в. — В кн.: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975, с. 227—239; Черепнин А. С. Развитие товарно-денежных отношений на Европейском Севере России во второй половине XVIII—первой трети XIX вв. (Условия развития крестьянской торговли). — Учен. зап. Петрозаводского ун-та, 1967, т. 14, вып. 6, с. 31—47; Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России, с. 139—151.

Развитие товарно-денежных отношений в российской деревне во второй половине XVIII—первой половине XIX в. и увеличение товарооборота было столь существенным, что относительно малочисленное гильдейское купечество не могло обеспечить нормальное функционирование внутреннего рынка и объективно нуждалось в помощи крестьянства и мещанства. Это в конечном итоге и привело к падению относительной значимости купечества.

Таким образом, постоянная торговля во второй половине XVIII—первой половине XIX в. развивалась при общей поступательной тенденции противоречиво и зигзагообразно. Вследствие этого она не стала даже к 1860-м гг. ведущей формой торговли. Только в крупных городах с многочисленным населением, с большим числом постоянных потребителей, она могла приобрести — и приобретала — важное, а в некоторых случаях доминирующее значение. Но и крупные города росли медленно. В середине XVIII в. в 45% городских поселений проживало менее 1 тыс. человек. В 1785 г. после Москвы (400 тыс. чел.) и Петербурга (около 200 тыс. чел.) только в трех городах (Риге, Астрахани, Кронштадте) проживало по 30 тыс. чел., в одном городе (Ярославле) — 25 тыс., в 12 городах — от 10 до 20 тыс., в 21 городе — 10 тыс., в 33 городах — от 3 до 8 тыс. В подавляющем же большинстве городских поселений проживало менее 3 тыс. человек.[106] В 1811 г. число городов с населением более 20 тыс. увеличилось до 14: Петербург — 335.6 тыс. человек, Вильно — 56.3, Казань — 53.9, Тула — 52.1, Астрахань — 37.8, Рига — 32.0 Саратов — 26.7, Орел — 24.6, Ярославль — 23.8, Курск — 23.5, Киев — 23.3, Калуга — 23.1, Воронеж — 22.1 тыс. человек. Как видим, в 1811 г. даже большинство губернских городов являлись малонаселенными. В подавляющей массе городов проживало от 1 до 5 тыс. чел. К 1840 г. численность городов с населением свыше 20 тыс. человек увеличилась до 23, к 1856 г. — до 44, но в абсолютном большинстве городов по-прежнему проживало от 1 до 5 тыс. чел.[107] Медленный рост городов, в особенности крупных, являлся важнейшим фактором, сдерживавшим развитие стационарной торговли.

Серьезным препятствием для развития постоянной торговли была также относительная неразвитость торгово-промышленной жизни в городах. В 1760-х гг., по данным хозяйственных анкет, в 4% городов сельскохозяйственные занятия являлись единственным «промыслом» горожан, в 67% — главным, в 12% — важным. Оставалось лишь 17% городов, где ремесло, промышленность и торговля оказывались важнейшими занятиями городских жи-

---

[106] Очерки истории СССР. Период феодализма. России во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 151—152.

[107] Данные за 1811 г. см.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М., 1956, с. 103. — Данные за 1856 г. см.: Статистические таблицы Российской империи за 1856-й год, с. 222—234. — Группировка произведена нами.

телей. Только эти города и можно по-настоящему рассматривать как торгово-промышленные центры.

Уровень разделения общественного труда в России середины XVIII в. еще был таков, что во многих городах широко практиковалось сочетание производственной деятельности горожан с торговлей произведенными товарами в отъезд. «Боровское третьей статьи купечество все кормятся работою своею: садят лук и чеснок и отъезжают с оными для продажи в украинские города».[108] А «гороховецкое купечество делают разных сортов снасти, смолу, всякий щепной товар, дрова, тес отпускают водой до Астрахани и оттуда привозят разного звания засольную рыбу, зернистую в бочках икру, говяжья сала для варения мыла».[109]

За столетие, с 1750-х по 1850-е гг., в численности, размерах городов, их экономике, укладе жизни, в занятиях горожан произошли крупные изменения, обусловленные движением России по пути утверждения капиталистических отношений. К 1861 г. земледелие перестало быть важнейшим промыслом горожан; однако и тогда редко еще можно было встретить город, где горожане не занимались бы сельским хозяйством, где оно не служило бы дополнительным источником средств существования.[110] Значительное распространение среди городских жителей сельскохозяйственного промысла приводило к тому, что многие из них не нуждались в регулярной закупке продуктов питания, а промышленные изделия покупали редко, 1—2 раза в году на ярмарках или на базарах.

Слабое развитие стационарной торговли в сельской местности, помимо правовых ограничений, объяснялось главным образом тем, что даже в середине XIX в. бо́льшую часть изделий и предметов, необходимых в хозяйстве, крестьянин либо производил сам, либо покупал на базарах или ярмарках. Существовавшая же у растущей прослойки зажиточных крестьян потребность в «красных» товарах — хлопчато-бумажных, шерстяных и шелковых изделиях — для праздничной одежды удовлетворялась опять же на базарах и ярмарках либо бродячими торговцами. В тех губерниях, где действовали крупные ярмарки, потребность в постоянной торговле еще более снижалась.

При объяснении относительно слабого развития стационарной торговли в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. следует учитывать также характер потребностей основной массы населения и способ их удовлетворения. За исключением дворянства, да и то его высшей прослойки, подавляющее большинство как сельских, так и городских жителей не знали,

---

[108] ЛО ААН СССР, ф. 3, оп. 10-б, д. 131, л. 3.
[109] Там же, д. 130-в, л. 4.
[110] Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861—62 г., ч. 1—2; см. также: Ган И. А. О настоящем быте мещан Саратовской губернии. СПб., 1860, с. 27—30; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 12.

не следовали и не могли следовать моде ни в одежде, ни в предметах бытового пользования и т. п. Все предметы домашнего обихода, включая одежду, делались «на века», как можно прочнее и основательнее, идея морального старения вещи практически не существовало. Ассортимент необходимых предметов личного потребления был сравнительно узким и мало подвергался воздействию времени: что годилось отцу, то хорошо было и для сына. Покупки одинаковых вещей, предметов могли производиться единовременно, на долгий срок, что отметил еще Н. И. Костомаров, имея в виду в первую очередь городских жителей и зажиточную верхушку села. «Замечательною чертою русской старой торговли было то, что продажа была чаще всего оптовая... Домовитый и расчетливый хозяин всегда старался покупать для себя запасы оптом на долгое время, потому что при этом выигрывал четверть с рубля... Товар, который не портится, закупался на год и больше. Съестные припасы покупались пудами и бочками, ибо мясо и рыба употреблялись большею частью соленые, а зимою и свежее не портилось. Рукодельные товары, закупаемые в лавках, приобретались также большими порциями... Дом его был полон всякой всячиной на долгое время: это считалось знаком расчетливости и ума».[111] Русское общество 1750—1800-х гг. не являлось «обществом массового потребления», поэтому периодическая и даже непериодическая формы торговли практически его вполне удовлетворяли, рынок не отставал от потребностей населения и развития экономики, а, наоборот, их стимулировал.

Особо следует подчеркнуть, что падение роли гильдейского купечества и противоречивое развитие стационарной торговли в рассматриваемое время вовсе не означали ни регресса рынка, ни регресса экономики. Наоборот, именно развитие российской экономики в 1750—1850-е гг. в сторону роста товарных отношений подрывало сословную монополию купечества на торговлю, способствовало более успешному развитию периодических и непериодических форм торговли, которые наилучшим образом соответствовали экономическим условиям того времени и преимущественно аграрному характеру российской экономики.

На внутреннем рынке второй половины XVIII—первой половины XIX в. не существовало объективных противоречий между разными формами торговли, поскольку они взаимно дополняли друг друга, и только их взаимодействие позволяло рынку нормально действовать, успешно выполнять свою главную функцию по обеспечению товарного обмена между различными губерниями и районами огромной страны. Постоянная торговля нуждалась в ярмарках и базарах, где гильдейское купечество преимущественно покупало товары; базарная и ярмарочная торговля органически дополнялась стационарной, через которую сбывалось зна-

[111] Костомаров Н. И. Собр. соч. Т. 20. СПб., 1905, с. 330—331.

чительное количество преимущественно промышленных изделий. Все сферы внутреннего рынка, несмотря на их относительную разнозначимость, оказывались необходимыми и находились в определенном соотношении, обусловленном конкретными особенностями исторического момента. Это соотношение, как мы видели, было подвижным, благодаря чему рынок приобретал необходимую гибкость и пластичность, позволявшую приспосабливаться к постоянно изменявшимся социально-экономическим условиям его существования.

Глава шестая

РАЗВИТИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В данной главе автор пытается установить время складывания *всероссийского* внутреннего рынка, а также определить степень его единства путем выяснения частоты прямых и косвенных торговых связей между отдельными уездами, губерниями и районами России. При этом под *прямыми* торговыми отношениями имеется в виду непосредственная связь между отдельными местными рынками, пунктами, уездами, губерниями, районами, а под *косвенными* — опосредствованная связь между ними через отношения с третьими пунктами, уездами, губерниями, районами, имеющими торговые отношения порознь с каждым из двух. Учет косвенных связей для такой страны, как Россия, до эпохи железных дорог имеет большое значение, так как торговые отношения в 1750—1850-е гг. были многоступенчатыми.

Наши источники позволяют исследовать степень единства российского внутреннего товарного рынка разными приемами. Первый прием — выяснение *взаимодействия* между ярмарками. Здесь предстоит решить, сколь тесно взаимодействовали ярмарки в отношении перемещения товаров из мест производства в места потребления и образовывала ли вся совокупность ярмарок единую взаимодействующую систему, подчиненную единой задаче — обеспечить обмен продуктами между товаропроизводителями.

Второй прием — *подсчет частоты* торговых отношений между отдельными местными рынками. Цель такого подсчета: выяснить, все ли местные рынки разных масштабов (уездные, губернские, районные) были между собой в достаточно тесных торговых отношениях (прямых и косвенных); не было ли на территории страны таких местностей, которые не находились в торговых отношениях с другими местностями и не участвовали в географическом разделении труда.

Наконец, третий прием — выделение из общего комплекса торговых связей местного рынка его внутренних торговых отношений, которые происходят в пределах местного рынка (а этими

пределами в зависимости от угла зрения могут быть уезды, губернии и экономические районы), и его внешних связей с другими местными рынками и определение *доли внутренних и внешних связей*, которая может изменяться от 0 до 100%. Очевидно, что преобладание внешних связей местного рынка соответствует более высокому уровню единства российского внутреннего рынка. Чем значительнее преобладание внешних торговых связей над внутренними, тем прочнее единство российского рынка и выше его развитие. Это следует из того, что при слабом развитии географического разделения труда внешние связи местного рынка должны практически отсутствовать, а при более высоком, — наоборот, доминировать. Чем выше уровень географического разделения труда и, следовательно, товарного производства, тем интенсивнее внешние связи местного рынка.

Выяснение взаимодействия между отдельными ярмарками и учет частоты торговых отношений между местными рынками — это преимущественно *качественный* анализ единства внутреннего рынка (так как в результате получаем ответ на вопрос, сложился или нет единый российский рынок), а выделение и оценка доли внутренних и внешних связей местного рынка — это *качественно-количественный* анализ (так как оценивается также и степень единства всероссийского рынка).

1. Роль ярмарок в образовании всероссийского рынка

Постараемся выяснить степень единства местных рынков, а следовательно, и отдельных экономических районов России путем оценки взаимосвязей между отдельными ярмарками, затем между ярмарками, с одной стороны, и производителями и потребителями товаров — с другой, а также путем оценки протяженности торговых связей отдельных ярмарок по группам и всех вместе.

Масштаб торговых связей ярмарки, размер территории, которую она обслуживала, а значит, и масштаб ее деятельности довольно точно оцениваются протяженностью торговых связей ярмарки. С точки зрения протяженности торговых связей ярмарки России к концу XVIII в. могут быть разделены на семь категорий (подсчитано по данным табл. 12):

	I	II	III	IV	V	VI	VII
Число ярмарок	76	59	247	557	638	1304	278
Процент ярмарок	2.4	1.9	8	18	20	41	9

Ярмарки VII категории (9% общего числа) обслуживали один уезд (в дальнейшем называем их уездными, или *местными*, ярмарками). На них съезжались купцы и мещане из уездного города и окрестные крестьяне. Эти ярмарки представляли собой мелкие сельские торжки наподобие базаров с тем отличием, что

проходили они не 1—3 раза в неделю, как базары, а 1—2 раза в год. Характер торговли уездных ярмарок был также базарным: крестьяне продавали сельские и покупали городские товары, торговцы скупали земледельческие продукты и продавали промышленные изделия. Эти ярмарки можно рассматривать как промежуточную форму между типично ярмарочным и типично базарным видами торговли.

Ярмарки VII категории, как и базары, являлись торговыми центрами местного уездного рынка, где происходила мобилизация продукции, производимой в уезде, и реализация товаров, поступивших из других уездов и губерний, в которых данный уезд испытывал недостаток. Другими словами, на этих ярмарках сбывались товарные излишки и покрывался товарный дефицит в масштабе уезда. Находясь в руках купечества своего уездного города, которое по действовавшему законодательству обладало определенными привилегиями в отношении уездных ярмарок (купцы 3-й гильдии и мещане торговали на них беспошлинно), уездные ярмарки, даже не имея прямых связей с другими рынками, тем не менее не являлись самодовлеющими единицами, оторванными от ярмарок других уездов и губерний, от внутренней российской торговли вообще.

Уездное городовое купечество, ведущее стационарную торговлю в уездном городе, поддерживало постоянные торговые отношения с купцами более высокого ранга в родном городе, в других городах, а также на ярмарках более высокого ранга в своем уезде. Оно приобретало для населения уезда товары на ярмарках, бывающих и в других уездах и губерниях, и там же одновременно реализовывало продукты и изделия, скупленные на местных ярмарках своего уезда. Подобной торговой деятельностью городовое купечество осуществляло увязку мелких сельских ярмарок VII категории, так же как и базаров, с более крупными ярмарками и торговыми центрами, следовательно, увязку хозяйственной деятельности населения данного уезда и других уездов и губерний. В зависимости от уровня развития уездного города эти косвенные связи мелких уездных ярмарок могли быть значительными и незначительными, в большинстве своем они не простирались далее ближайшего губернского города и смежных уездов и губерний. Однако и этого было достаточно, чтобы вывести данный уезд на более обширный областной, региональный и, наконец, всероссийский рынок. Поясним эту мысль примером.

В Арзамасском уезде в 5 селах (Измайлове, Большой Макателеме, Худошине, Водоватове и Выездном) в 1780-е гг. проходили небольшие однодневные ярмарки, на которых уездные крестьяне продавали арзамасским купцам домотканые льняные и посконные холсты и покупали у них крестьянские товары.[1] Арзамасские купцы скупленный холст отвозили на продажу к Петер-

[1] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 516, л. 38 об.

бургскому порту.[2] Кроме того, они находились в широких торговых связях с украинскими, центральнороссийскими (включая Москву) и поволжскими городами, бывали на Макарьевской и Коренной ярмарках. В результате арзамасские крестьяне указанных селений, не выезжая за околицу своего села, благодаря торговой деятельности уездного купечества оказывались вовлеченными во всероссийский рынок.

Большинство ярмарок относилось к VI (41%) и V (22%) категориям. Вместе на их долю приходилось почти $^2/_3$ общего числа ярмарок. Каждая из этих ярмарок обслуживала группу уездов, только в первом случае (VI категория) это были уезды одной губернии, а в другом (V категории) — смежные уезды двух и более губерний. Протяженность торговых связей ярмарок V и VI категорий в географическом отношении различалась несущественно. Однако в XVIII—первой половине XIX в. губернские границы нередко совпадали с национальными границами, служили в некоторых случаях и границами региональных рынков, для преодоления которых необходим был довольно высокий уровень торговых отношений. Поэтому ярмарки V категории, особенно в XVIII в., соответствовали несколько более высокому уровню торговых связей. В течение первой половины XIX в. по мере более тесного экономического сближения отдельных областей и районов страны различия между ярмарками V и VI категорий стирались, что и позволяет их рассматривать вместе.

Ярмарки V и VI категорий объединяли отдельные местные уездные рынки-базары и ярмарки уездного масштаба (VII категории) в областные рынки, а территорию, которую они обслуживали, — в торгово-экономическую область. Поэтому ярмарки V и VI категорий будем в дальнейшем называть *областными* ярмарками. Будучи торговыми центрами области, ярмарки V и VI категорий осуществляли достаточно широкие межгородские связи, поэтому сравнительно с ярмарками VII категории они действовали более продолжительное время, их торговые обороты были бо́льшими, ассортимент товаров разнообразнее. По профилю они являлись в большинстве своем универсальными. Главными деятелями на областных ярмарках выступали городовые купцы, которые снабжали сельское население городскими товарами, а городское — сельскими. Областные ярмарки собирали и аккумулировали товары, производимые на территории области. Эти товары потреблялись на месте, но в большей мере шли дальше, вливаясь в общий поток товаров, циркулировавших в экономическом районе, частью которого являлась данная область. Одновременно на этих ярмарках население покупало необходимые ему изделия и продукты, производимые не только в других уездах области, но и в других губерниях и районах. Товары эти поставлялись на област-

[2] Максимович Л. М., Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. I. М., 1801, стб. 201.

ные ярмарки городовыми купцами уездных городов непосредственно с ярмарок более высоких категорий, проходивших побли-зости, из крупных торговых центров, а также из своих складов, амбаров, лавок, которые они имели в городах, где вели постоянную торговлю. Областные, как и уездные, ярмарки иной раз выглядели торговыми центрами самодовлеющей в экономико-торговом отношении области. В действительности область не являлась изолированной, а находилась благодаря торговой деятельности городовых купцов в широких торговых отношениях с другими областными рынками данного и других районов. Вследствие этого результаты трудовой деятельности производителей данной области — горожан и земледельцев — становились органической частью совокупного продукта отдельных регионов, а затем и всей страны.

Вместе с тем деятельность городовых купцов среднего звена позволяла областным ярмаркам объединять местные уездные рынки в областные и служить теми каналами, через которые осуществлялись между ними торговые отношения. На областных ярмарках осуществлялось снабжение мелких розничных торговцев в уездных городах, а через них и уездных ярмарок товарами, в которых нуждалась данная губерния или область, и одновременно производилась мобилизация мелкими оптовыми торговцами товарных излишков области для перепродажи их на других ярмарках большего или меньшего масштаба.

Например, на областную ярмарку VI категории в г. Клину, проходившую в субботу перед пятидесятницею, в 1770—1780-е гг. привозились купцами из Дмитрова, Волоколамска и Боровска «огородные плоды», товары шелковые, бумажные и «прочие щепетильные мелочные», которые покупались клинскими уездными крестьянами на деньги, вырученные ими от продажи хлеба, харчевых припасов, колес и деревянной посуды.[3] Маленькая ярмарка находилась в прямых торговых связях всего с тремя смежными уездами. Но зато купечество этих уездов закупало привозимые на ярмарку товары в Москве и у Макария, в Калуге и на украинских ярмарках и отъезжало к Петербургскому порту для продажи закупленных у крестьянства товаров. Посредством областной ярмарки население Клинского уезда вовлекалось в широкие торгово-экономические отношения со многими регионами страны.

Ярмарки IV категории составляли 18% общего их числа. На эти ярмарки съезжались купцы преимущественно из смежных губерний и «обыватели» ближних городов и уездов. Главная роль на подобных ярмарках принадлежала купечеству. Если на ярмарки IV категории съезжались тысячи людей исключительно за покупками товаров для личного потребления, тогда на них происходила

---

[3] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 46—46 об.; Максимович Л. М., Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства..., ч. I, стб. 1019—1020; ч. II, 1804, стб. 211—212.

в основном розничная торговля. Если же непосредственных потребителей прибывало мало, то купцы перепродавали товары друг другу и торговля приобретала преимущественно оптовый характер.

Ярмарки IV категории объединяли несколько областных рынков в региональный рынок, а территорию, ими обслуживаемую, в торгово-экономический регион (поэтому в дальнейшем будем называть их *региональными* ярмарками). Региональные ярмарки снабжали мелких оптовых торговцев и областные ярмарки товарами, производимыми в других районах, и одновременно мобилизовывали товары данного региона для отправки их в другие районы, на другие ярмарки. Региональным ярмаркам принадлежала важная роль по распределению товаров между отдельными районами. Они устанавливали торговые отношения между районами с избытками и недостатками определенных групп товаров, благодаря чему избытки товаров из одних районов поступали в другие, где испытывался их дефицит. Поэтому большинство региональных ярмарок являлись по характеру производимой на них торговли узловыми сборными, узловыми распределительными или узловыми розничными. Собранные на них местные товары поступали затем в крупные торговые центры или на ярмарки высших категорий, а товары, привозимые с ярмарок и торговых центров других районов, реализовывались затем на областных и уездных ярмарках. Региональные ярмарки, будучи связанными с ярмарками высших и низших категорий, с крупными торговыми центрами, в какой-то степени осуществляли уже стыковку хозяйственной деятельности разных районов. На одном примере покажем, как это происходило в действительности.

В Московском уезде, в погосте Ильи Пророка, принадлежавшем Н. Н. Демидову, уже в 1780-е гг. действовали 3 ярмарки: 9 мая, 20 июля и 6 декабря. На них съезжалось крестьянство из Рязанского, Михайловского, Сапожковского, Данковского, Шацкого и Коломенского уездов с зерновым хлебом, крупой и мукой, из Гжельской волости Московского уезда — с глиняной и муравленой посудой, из ближайших селений — со «съестными припасами», купцы из Егорьевска и Коломны — с «разным щепетильным крестьянским мелочным товаром», из Владимирского и Егорьевского уездов привозили дрань, тес, доски, колеса. «Все оное раскупают привезжающие окольной округи жители про себя, а хлеб употребляется для продажи соседственным жителям».[4] Здесь мы имеем характерный пример региональной ярмарки розничного-узлового характера. Крестьянство трех губерний — Рязанской, Тамбовской и Московской — сводит на продажу хлеб, который затем отправляется купечеством в центрально-черноземные губернии, в Москву, — здесь проявляется узловой сборный характер производимой на ярмарке торговли. С другой стороны, на вырученные

[4] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 39—39 об.

деньги земледельцы покупают в розницу для своего личного потребления мануфактурные товары, изделия крестьянских промыслов, лесные товары — здесь наблюдаем розничный потребительский характер торговли. На ярмарках происходит увязка хозяйственной деятельности жителей Московской, Владимирской, Рязанской и Тамбовской губерний, а посредством широких торговых связей купечества этих губерний и со всей хозяйственной жизнью страны. Егорьевские, коломенские и владимирские купцы — главные деятели на данных ярмарках — скупленные продукты земледелия отвозят на продажу в крупные торговые центры и на ярмарки, где закупают «крестьянский товар». Так население этих четырех губерний вовлекалось во всероссийский рынок и участвовало в географическом разделении труда.

Подобную роль по увязке отдельных экономических районов в единый народнохозяйственный организм, но только на более высоком уровне играли ярмарки II и III категорий (они составляли около 10% общего числа ярмарок). Подобно всем ярмаркам низших категорий, они имели двоякое значение. Они принимали поток товаров, двигавшийся снизу — с базаров и ярмарок меньшего территориального охвата, включая региональные, и отправляли их на ярмарки I категории; с другой стороны, получая товары с ярмарок I категории, они перераспределяли их между региональными ярмарками. Ярмарки II и III категорий являлись поэтому *межрегиональными* ярмарками, объединявшими два-три района. Они находились в прямых торговых связях с ярмарками I категории, с крупнейшими торговыми центрами страны и с ярмарками низших категорий. На межрегиональных ярмарках велась — главным образом купечеством — как оптовая, так и розничная торговля. Она обеспечивала необходимыми продуктами и изделиями не только окрестных жителей, но и потребителей, приезжавших иногда из дальних мест. Подобно региональным ярмаркам, большинство межрегиональных ярмарок по характеру производимой на них торговли являлись либо узловыми сборными, либо узловыми распределительными. Как правило, они продолжались 10—14 и больше дней и относились, по определению современников, к большим ярмаркам.

Два типичных примера проиллюстрируют обширную деятельность межрегиональных ярмарок. В г. Муроме Владимирской губернии (Центрально-промышленный район) в 1770-е гг. с 20 июня по 1 июля действовала большая ярмарка, на которую съезжалось до 10 тыс. человек. На ярмарку купцы и мещане привозили из городов Юрьева Польского, Арзамаса, Касимова, из сел Кохмы и Иваново Суздальского уезда, Мурашкино, Богородицкого и Павлово Нижегородского уезда шелковые, бумажные и с золотом материи, сукна немецкие и прочие щепетильные товары, железные изделия, мыло; из Елатомского уезда и Керженца Нижегородского уезда — деревянную посуду; с заводов Мальцева Владимирского уезда — стеклянную и хрустальную посуду; «с Батышевых заво-

дов» — полосное железо, котлы и горшки и прочую мелочь; из Риги и «с Батышевых же заводов» — косы разных сортов; сельские жители привозили юфтяные кожи, рукавицы, сапоги, коты, башмаки; из Тамбовского, Верхоломовского и Пензенского уездов приводились лошади. Муромские купцы во время ярмарки продавали из лавок мануфактурные товары, которые покупали в Москве, Петербурге, на Макарьевской и Ростовской ярмарках, отвозя туда товары, скупленные на Муромской ярмарке.[5] Перед нами универсальная узловая сборная ярмарка, на которой муромское купечество формировало большие партии товаров для отправки на ярмарки I категории — Ростовскую и Макарьевскую. Муромская ярмарка, таким образом, связывала ряд губерний Центрально-промышленного, Центрально-земледельческого, Средне-Волжского районов с Прибалтикой, Северо-Западом и крупнейшими торговыми центрами страны — Москвой, Петербургом, Ригой, Макарьевской и Ростовской ярмарками.

В местечке Зеньково Полтавской губернии (Малороссийский район), ставшем впоследствии уездным городом, в 1770-е гг. ежегодно собирались 4 ярмарки II категории: двухнедельная открывалась 24 июня, 10-дневная — 15 августа, 7-дневные — 1 октября и 6 декабря. На эти ярмарки привозили из городов Ахтырки и Лебедина Харьковской губернии сукна; из Тулы — железо, медь, чугунные товары, ружья, пистоли, сабли; из Курска — кожевенные товары; из Крыма — соль; с Дона — рыбу «вялую»; из Городища Полтавской губернии — деготь; из слобод Юнаковки, Тимофеевки и Боромли Полтавской губернии — вино; из Стародуба и Чернигова — цветное стекло; из Новороссийской губернии — овечью шерсть, овчинки; из городов Ромны, Харькова, Сум и Гадича — писчую бумагу, сургуч, холст, набойки, стамед, сахар, пряные коренья и мелкие щепетильные товары; из «околичных мест» и с малых ярмарок — кожи заячьи и кошачьи, табак, хлеб, скот. Главными товарами являлись вино, скот, шерсть, соль, рыба, хлеб, табак, т. е. товары местного производства. Скот отправлялся в Тулу, Москву, Петербург, Ригу, Ревель, Смоленск, Дорогобуж, Могилев; шерсть — в великороссийские города; соль — в города Короп, Погар, Почеп Черниговской губернии; мануфактурные товары развозили по ярмаркам Черниговского, Харьковского, Екатеринославского, Киевского и Новгород-Северского наместничеств.[6] Как видим, Зеньковская ярмарка объединяла Малороссийский район с Центрально-промышленным, Центрально-земледельческим, Юго-Западным, Западным, Прибалтийским, Северо-Западным и Новороссийским районами и имела торговые отношения с рядом крупнейших торговых центров страны. Товары местного произ-

[5] Там же, л. 265—266; Топографическое описание Владимирской губернии 1784 г. Владимир, 1906, с. 54, 56.

[6] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 182—182 об.; Шафонский А. Ф. Черниговского наместничества топографическое описание (1786 год). Киев, 1864, с. 667—669.

водства, собиравшиеся на ярмарке, отправлялись на Север, а промышленные товары заграничного и отечественного производства, поступавшие с ярмарок I категории (харьковских, сумских, ромненских), а также соль и рыбу зеньковское купечество развозило по более мелким ярмаркам смежных губерний. Зеньковская ярмарка, таким образом, осуществляла увязку хозяйственной деятельности восьми районов страны.

Рассмотрение двух межрегиональных ярмарок — Муромской и Зеньковской — из 302 подобных им, действовавших в России к концу XVIII в., не оставляет сомнения в том, что межрегиональные ярмарки вносили большой вклад в создание экономического единства страны и занимали важное место в системе внутреннего рынка. Устанавливая тесные торговые отношения между несколькими районами, межрегиональные ярмарки тем самым делали еще один важный шаг в направлении объединения отдельных экономических районов страны в единый народнохозяйственный организм, а местных, областных, региональных рынков в единый всероссийский рынок. Этот важный для экономики страны процесс завершали ярмарки I категории, большинство которых имело уже всероссийское значение (поэтому в дальнейшем будем называть их *всероссийскими*). На их долю приходилось около 2% общего числа ярмарок. Это был верхний этаж ярмарочной сети, куда входили 75 крупнейших ярмарок страны. На такие всероссийские торжища съезжались купцы из многих районов России и из-за границы, вследствие чего эти ярмарки обладали наибольшей протяженностью торговых связей.

В 1780—1790-е гг. Оренбургская и Троицкая ярмарки Оренбургской губернии получали и отправляли товары в Среднюю Азию, в крупнейшие торговые центры России — в Москву, Петербург, Тулу, Нижний Новгород, Астрахань, Архангельск, Казань, Кизляр, на Корсунскую (Симбирской губернии), Макарьевскую, Ирбитскую, Коренную ярмарки и в другие российские города.[7] Донские ярмарки имели торговые связи с Закавказьем, Грецией, Персией, Турцией и 52 российскими городами 19 губерний, в том числе с Москвой, Петербургом, Таганрогом, Калугой, Тулой, Курском, Вяткой, Воронежем, Нижним Новгородом, Харьковом, Иркутском, Макарьевской ярмаркой.[8] Свенская ярмарка под Брянском собирала купечество из 37 крупнейших городов 21 губернии России. Ирбитская ярмарка имела торговые отношения со Средней Азией, Персией и более чем с 60 городами 17 губерний. На Коренную ярмарку съезжались купцы из Австрии, Польши, Германии, Греции, Турции, Молдавии, Валахии, Китая, Италии и 127 российских городов и посадов.[9]

[7] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 11—29.

[8] Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. III. М., 1804, стб. 60, 88, 1199; ч. IV, 1805, стб. 259, 266; ч. VI, 1808, стб. 34, 632, 638, 681; ч. VII, 1809, стб. 83.

[9] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 171—185, 191—202.

Обширнейшую торговлю уже во второй половине XVIII в. вели украинские ярмарки в Харькове, Нежине, Сумах, Полтаве, Ромнах, своими масштабами они почти не уступали Коренной ярмарке: торговцы 24 губерний, 60 крупнейших торговых центров России и 20 заграничных, в том числе итальянские, венгерские, германские, турецкие, персидские, польские и т. д., продавали и покупали на них товары.[10] Но все российские ярмарки превосходила и объемом торговли, и торговыми связями Макарьевская ярмарка: к середине XIX в. на нее съезжались купцы из 134 уездов 41 губернии страны и многих зарубежных стран; она имела прямые отношения со всеми крупнейшими торговыми центрами и ярмарками России, собирая до 500 тыс. человек ежедневно (число участников ярмарки за весь срок ее работы составило около 2 млн. человек).[11]

Не все ярмарки I категории имели прямые торговые отношения со всеми или большинством районов страны. Из 75 ярмарок 20 ярмарок отнесены к I категории вследствие того, что находились в прямых торговых связях с заграницей, хотя по протяженности своих внутрироссийских контактов соответствовали межрегиональным ярмаркам II и III категорий (в основном это были ярмарки пограничных районов: прибалтийские, донские, сибирские, уральские). Поэтому по-настоящему всероссийское значение имели оставшиеся 55 ярмарок, обороты которых оказывали влияние на ход хозяйственных дел во всей стране.

Среди ярмарок I категории особо выдающееся значение в XVIII в. имели 28 крупнейших ярмарок: Макарьевская, Ирбитская, Коренная, четыре харьковские, три ромненские, Ростовская сборная (Ярославской губернии), Введенская в Сумах, Киевская контрактовая, Крестовоздвиженская в Кролевце, Всеедная в Нежине, Сырная в Новгороде-Северском, Рижская, Архангельская, Важская Благовещенская, Свенская в Брянске, Уржинская, Троицкая, Оренбургская, Рижская, Якутская, Иркутская, Енисейская, Кяхтинская. Расположенные в разных частях России — на Севере и Юге, на Западе и Востоке, а также в Центре страны, — они как бы управляли вместе с Москвой и Петербургом всей торговой жизнью, всем внутренним рынком России. В первой половине XIX в. круг особо значимых ярмарок сузился, но объем их торговли и торговые связи увеличились. Потеряли прежнее значение, хотя и оставались в числе крупных, 13 ярмарок: Ильинская, Ромненская (вследствие ее перевода в Полтаву), Новгород-Северская, Архангельская, Важская Благовещенская, Свенская, Уржинская, Рижская, Троицкая, Оренбургская, Якутская, Иркутская и Енисейская в Сибири (три последние вследствие учреждения в 1845 г. Тюменской ярмарки как главной посредницы между Ев-

---

[10] Там же, л. 107—152.

[11] А. С. Алфавитный указатель лиц, торгующих на Нижегородской ярмарке. М., 1870.

ропейской Россией и Сибирью).[12] В результате руководящая роль в ярмарочной торговле перешла к оставшимся 16 ярмаркам, среди которых еще более выдвинулась Нижегородская. Если в 1780-е гг. по своим оборотам она опережала любую из крупнейших ярмарок всего на 25—50%, то в 1860-е гг. вторую по значению Ирбитскую ярмарку она превосходила в 3 раза, другие ярмарки — в 5—10 и более раз.[13] «Он (Макарьевский торг, — *Б. М.*) является у нас главным ежегодным регулятором между спросом и предложением, между производством и потреблением всех без изъятия товаров», — писал В. П. Безобразов о ярмарке 1860-х гг.[14]

С одной стороны, всероссийские ярмарки являлись как бы конечным пунктом для товарного потока, двигавшегося снизу *от производителей через базары и ярмарки низших категорий*: областные, региональные, межрегиональные. По пути на всероссийские ярмарки, как было показано выше, товары находили своих потребителей. Но товарный поток отдавал товары и при этом не скудел: проходя через каждую категорию ярмарок, он возрастал в своем объеме. С другой стороны, от ярмарок I категории товарный поток начинал свой путь к потребителю через межрегиональные, региональные, областные и уездные ярмарки, через базары, постоянную торговлю из лавок и магазинов и через разносную торговлю. Если на своем пути на всероссийские ярмарки товарный поток увеличивался, то по пути к потребителю он с каждым шагом уменьшался. Это начиналось уже на самих ярмарках I категории, поскольку на них наряду с преимущественно оптовой одновременно производилась и обширнейшая розничная торговля: на эти ярмарки съезжались десятки тысяч человек, покупавшие товары для личного потребления.

Таким образом, на всероссийских ярмарках заканчивалась мобилизация избытков товарной продукции местных рынков, отдельных экономических регионов и начиналось их распределение между потребителями. Поэтому именно ярмарки I категории играли самую видную роль в объединении местных, областных, региональных и межрегиональных рынков в единый всероссийский товарный рынок.

О высокой организации системы ярмарок, слаженности их деятельности в масштабе всей России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. и об их значении в развитии межрегиональных торговых связей и в формировании единого общероссийского рынка свидетельствует и такое интересное явление, как *ярмарочные круги или цепи*. Суть этого явления состоит в том, что несколько ярмарок в определенной последова-

---

[12] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854, с. 576—577.

[13] Статистический временник Российской империи. Вып. I. СПб., 1866, отд. 2, с. 174—180.

[14] Безобразов В. П. Народное хозяйство России. Ч. 1. СПб., 1882, с. 229.

тельности сменяли друг друга в течение года, как бы создавая либо цепь, либо замкнутый круг; почти одни и те же купцы и товары переходили с ярмарки на ярмарку, превращая их таким образом в своеобразный подвижной ходячий рынок, обслуживавший круглый год известную территорию. Получалось как бы ярмарочное колесо, медленно с годичным циклом вращавшееся на одной и той же территории начиная и кончая свой путь нередко в одном и том же месте. Подобные круги образовывались как из малых, так и из крупных оптовых ярмарок. Ярмарочный круг, состоявший из 10 крупных оптовых малороссийских ярмарок, в середине XIX в. изучил и описал в своей известной книге И. С. Аксаков.[15]

Принцип ярмарочной цепи был известен в России задолго до 1850-х гг., по крайней мере с начала XVIII в. В тесном взаимодействии находились, например, между собой Коренная, Макарьевская, Кролевецкая и Свенская ярмарки. Это усматривается из того, что правительство еще в XVIII в. принимало меры для увязки сроков этих ярмарок, чтобы купцы с одной ярмарки могли проехать на вторую, затем на третью, четвертую и пятую. Только за 1728—1757 гг. издается пять указов, направленных на согласование сроков проведения этих ярмарок. Так, указом 1728 г. был определен новый срок Макарьевской ярмарки — с 29 июня по 8 июля (вместо прежнего срока — 25 июля—1 августа), чтобы купцы могли поспевать к 1 августа на Свенскую ярмарку, а оттуда к 15 сентября на Кролевецкую.[16] В 1749 г. начало Кролевецкой ярмарки было перенесено на 15 октября, «чтобы Макарьевской и Свенской дать большую свободу».[17] Соответственно с изменением срока Макарьевской ярмарки передвигается на две недели раньше начало Коренной ярмарки, чтобы купечество могло успеть к «Макарию».

В докладе, который представила в 1781 г. Комиссия о коммерции Екатерине II, указывалось, что большие оптовые ярмарки находились на большом расстоянии друг от друга и происходили через промежуток времени, достаточный для переезда с одной ярмарки на другую в тех случаях, когда торгующие «пользуются выгодами всех постепенно, как, например, Макарьевская, Ирбитская, Кяхтинская».[18] К концу XVIII в. принцип «колеса» или «цепи» настолько укоренился в торговой жизни России, что в соответствии с ним действовали не только ярмарки, но, как было показано в пятой главе, и базары.

По всей России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. действовало множество маленьких и больших ярмарочных цепей. Местное губернское начальство и Сенат, а в первой

---

[15] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках. СПб., 1858, с. 3—6 и др.

[16] ПСЗ I, 1728, т. VIII, № 5306.

[17] Там же, 1749, т. XIII, № 9609.

[18] Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 546, л. 288 об.—289.

половине XIX в. МВД издают десятки постановлений о переносе сроков ярмарок в связи с возникновением новых ярмарок и прекращением действия некоторых старых с целью увязки их последовательности и создания более благоприятных возможностей для передвижения купечества с одних ярмарок на другие.[19] Так, в ответе на генерал-прокурорскую анкету 1779 г. из Ярославской губернии указывается на существование в Ярославле двух ярмарок (15 февраля—1 марта и 10—24 апреля) и добавляется, что первая «учреждена ныне вместо бывшей в Ярославле марта 5 ярмарки в рассуждении, что в то же время и в Ростове бывает ярмонка», а вторая «вновь же учреждена перед наступлением Макарьевской ярмонки».[20]

Стараниями мелкого уездного купечества и при поддержке местного начальства увязываются в последовательные цепи наиболее значительные ярмарки в уездах; усилиями купцов покрупнее, действующих в пределах губернии, согласуются сроки важных ярмарок в губернии. Наконец, специальными правительственными указами стыкуется время проведения крупных оптовых ярмарок межрайонного и всероссийского значения. Рассмотрим некоторые наиболее важные ярмарочные цепи.[21]

К концу XVIII и в первой половине XIX в. важное место занимала состоявшая из 10 ярмарок украинская цепь. Она начиналась с Введенской ярмарки в г. Сумах, которая продолжалась с 21 ноября по 6 декабря. Главным товаром на ярмарке были мануфактурные изделия, поступавшие из Москвы. С Сумской ярмарки нераспроданные товары отправлялись в Харьков на Крещенскую ярмарку. Купцы же, пока их товары находились 170 верст в пути, успевали съездить домой, провести там первые рождественские праздники и вернуться в Харьков к началу ярмарки 6 января. Ярмарка продолжалась месяц. На нее съезжались почти все купцы, которые затем торговали в течение года, кочуя по украинским ярмаркам. В середине XIX в. они привозили с собой до 100 тыс. подвод, фур, возов, саней с товарами из разных городов и районов России, в том числе из Нижнего Новгорода, Москвы, Риги, Петербурга, Бессарабии, Кавказа.

С окончанием Крещенской ярмарки нераспроданные товары вновь укладывались в подводы, и купцы отправлялись в Ромны (в 260 верстах от Харькова) на Масленскую ярмарку. К началу

---

[19] См., например: Журнал Мануфактур, 1845, т. 1—3, с. 4, 278; ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 437, 540 и др.

[20] ЦГАДА, ф. 347, оп. 1, д. 370-б, л. 337.

[21] Ярмарочные цепи или круги выявлены по материалам: ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б; Топографические описания губерний (см. подробно о них на с. 28 настоящей монографии); Чулков М. Д. Словарь учрежденных в России ярмарок. М., 1788; Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства... Ч. I—VII. М., 1801—1809; ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 480, 481, 885, 1090, 1348, 1460, 1570.

этой, как, впрочем, и других ярмарок, торговцы пополняли свои запасы свежими товарами, поступавшими к ним с их складов из Москвы и других городов. Закончив дела на Масленской ярмарке, купцы разъезжались по домам, оставляя часть товаров в Ромнах до Вознесенской ярмарки, а часть отправляли назад в Харьков или в Елисаветград, отстоявший от Ромен на 300 верст, на Георгиевскую ярмарку 21 апреля. Оттуда купцы с оставшимися нераспроданными товарами направлялись либо в Харьков, либо в Ромны на Вознесенскую ярмарку, продолжавшуюся 10 дней, а после нее на Коренную в Курск.

Коренная ярмарка начиналась с 9-й пятницы после пасхи (обычно в конце июня—июле) и длилась 10—14 дней. Отторговав на Коренной, торговцы с обозом отправлялись на Ильинскую ярмарку в Ромны (с 1852 г. в Полтаву), продолжавшуюся официально с 20 июля по 1 августа, но практически дольше. Здесь они получали свежий зимний товар со своих складов, так как зимой на ярмарках обычно торговали летним товаром, а летом — зимним (сукном, шерстяными тканями, мехом и т. п.), 15 августа купцы были уже на Успенской ярмарке в Харькове (проделав путь в 120 верст за 7—10 дней), где торговали до 1 сентября. Затем они устремлялись на Крестовоздвиженскую ярмарку в г. Кролевец (280 верст от Харькова), продолжавшуюся с 14 по 27 сентября, а после нее — на Покровскую ярмарку в Харьков, которая начиналась 1 октября и стояла месяц. Здесь заканчивался годовой цикл 10 оптовых украинских ярмарок: Сумы (21/XI—6/XII)—Харьков (6/I—6/II)—Ромны (17—30/II)—Елисаветград (21—29/IV)—Ромны (15—31/V)—Курск (26/VI—10/VII)—Ромны (20/VII—1/VIII)—Харьков (15/VIII—1/IX)—Кролевец (14—26/IX)—Харьков (1/X—1/XI).

Украинский круг ярмарок охватывал всю Малороссию и составлял как бы один непрерывный торг. Важно подчеркнуть, что этот круг ярмарок не являлся самодовлеющим, не замыкался сам в себе, а имел широкие внешние торговые связи с Центром, Прибалтикой, Причерноморьем и другими районами России, постоянно питавшими его товарами и в свою очередь получавшими товары с Украины.[22]

Важную для внутреннего российского рынка ярмарочную цепь можно обнаружить, если обратиться к данным о сроках и движении товаров по сибирским ярмаркам: Ирбит (15/II—15/III)—Тобольск (1/V—1/VI)—Томск (25/VI—25/VII)—Енисейск (1—25/VIII)—Иркутск (1/X—1/XI), откуда товары поступали в Якутск (1—10/XII) и в Кяхту (XII—II). По этой цепи в Сибирь поступали всевозможные российские и импортные товары из Европейской России, так что в крупных сибирских городах, по выражению автора ответа на ярмарочную анкету

[22] Подробнее об украинских ярмарках см. в упоминавшейся выше книге И. С. Аксакова.

1779 г., «товары те же почти в привозе и продаже бывают, которыми в Москве и в других великороссийских городах торгуют».[23] Из Сибири в Европейскую Россию товары поступали через те же торговые центры, только в иное время и через другие ярмарки: Кяхта (XII—II)—Иркутск (15/III—1/V)—Томск (25/VI—25/VII)—Енисейск (1—25/VIII)—Тобольск (1/IX—1/X или 1/XII—1/I)—Ирбит (15/II—15/III). Енисейск оказывался тем центром, через который в одно и то же время и на одной и той же ярмарке встречались два товаропотока — из Европейской России в Сибирь и обратно.[24] «На оную товары свозютца разные российские и немецкие, оставшие от Ирбитской ярмонки, — отмечается в ответе на анкету 1779 г. — употребляются в расход в тамошних местах и в Иркутскую губернию, а принадлежащие до Кяхты отвозятся в Кяхту; приезжают российское и тобольское купечество, закупают и выменивают разные пушные товары, привозимые из Туруханска и ведомства того кочующими по берегам Северного океана, и из Якутска и... отправляют на Ирбитскую ярмонку и на Кяхту».[25] Еще определеннее об узловом характере Енисейской ярмарки говорится в других источниках XVIII в.: «Здесь встречаются купцы на водяном пути из Тобольска и из Иркутска, из которых иные, променяв товары, тем же путем назад возвращаются, а иные намеряемый свой путь далее продолжают».[26] Сюда собирается «множество купцов из всех стран Сибири. На оную съезжаются всегда также и российские, а особливо московские купцы».[27] Отсюда очевидно важное значение Енисейска в коммерческой жизни Сибири второй половины XVIII — первой трети XIX в., до упразднения там ярмарки в 1831 г.

От главной сибирской цепи ярмарок имелись ответвления. Одно из них — Тобольск (1/V—1/VII)—Омск (15—21/VIII)—Семипалатинск (7/VI—1/XI) и обратно: Семипалатинск (1/VI—1/XI)—Омск (6—12/XII)—Тобольск (1/XII—1/I) — связывало Европейскую Россию с Казахстаном и Алтаем, т. е. с южной границей России в Сибири. Второе ответвление: Якутск (1—10/XII)—Охотск—Камчатка, — «где настоящей ярмонки хотя и нет, но те же привезжие товары свои продают во всякое время и когда кому удобно»; и третье — Иркутск—Верхне-Удинск—Нерчинск—Удский Острог—Охотск—Камчатка — «другие города губернии», куда поступали товары «для всегдашней продажи», — связывало Иркутск со всеми значительными населенными пунктами Восточной Сибири.[28]

---

[23] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 77.
[24] Описание о торгах сибирских. СПб., 1756.
[25] Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. Ч. VI. СПб., 1780, с. 197.
[26] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 71.
[27] Академические известия, 1781, ч. VII, с. 300.
[28] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 76—80.

Сибирь уже во второй половине XVIII в. имела тесные торговые отношения с Архангельском, Москвой, Нижним Новгородом и Петербургом. По пути движения товаров из этих торговых центров в Сибирь в ряде городов собирались ярмарки. На пути из Архангельска в Тобольск: Архангельск (1/VII—1/IX)—Важская Благовещенская ярмарка (1—15/III)—Великий Устюг (8—11/VII)—Тобольск (1/IX—1/X) и обратно: Тобольск (1/V—1/VII)—Лальск (11—14/VI)—Великий Устюг (8—11/VII)—Архангельск (1/VII—1/IX). Из Москвы в Сибирь товаропоток шел двумя путями: 1) Москва—Ростов (1—25/III)—Ярославль (10—24/VI)—Великий Устюг (8—11/VII), Лальск (11—14/VII)—Тобольск (1/IX—1/X) и 2) Москва—Владимир (21—28/V)—Муром (20/VI—4/VII)—Макарьев (1/VII—1/IX)—Ярапск (18—21/IX)—Царевосанчурск (30/IX—4/X)—Котельнич (24—26/XI)—Вятка (6—12/XII)—Тобольск (1/V—1/VII). Из Нижнего Новгорода товары в Сибирь поступали также через Вятку, где действовала еще одна удобная для данного грузопотока ярмарка (27/VIII—2/IX). Петербург отправлял товары по цепи: Петербург—Новая Ладога (15—24/VIII)—Тихвин (1—7/X, с 1820-х гг. 23/XII—1/I)—Белозерск (21—26/XII), Вологда (26—31/I)—Тотьма (10—20/II и 24—30/III)—Великий Устюг (8—11/VII)—Тобольск (1/IX—1/X). Из Архангельска и Петербурга отпуск товаров в Сибирь начинался по окончании навигации, от «Макария» — по окончании ярмарки. Естественно, что товаропотоки из Архангельска, Петербурга, Москвы и Макарьева (впоследствии Нижнего Новгорода) предназначались не только для Сибири, они обслуживали все бывшие на пути торговые центры. Именно поэтому во время подобного великого передвижения товаров во многих городах устраивались крупные ярмарки, иногда даже одновременно, поскольку товаропоток был велик и товаров хватало для всех, тем более что по пути в Сибирь этот поток не только таял, но и пополнялся местными товарами.[29]

Цепь ярмарок, просматриваемая на Севере, связывала этот регион, кроме Сибири, также с Центром Европейской России и Петербургом: Архангельск (1/VII—1/IX)—Вага (1—15/III)—Великий Устюг (8—11/VII), Грязовец (29/VI—3/VII)—Рыбинск (6—10/VIII), откуда товары двигались либо на Петербург, либо на Москву, либо на Нижний Новгород. Из Центра на Север товаропоток направлялся тем же путем, а также через Весьегонск, где действовали две крупные ярмарки: Весьегонск (6—23/I)—Вытегра (2—12/II)—Каргополь (10—17/III)—Архангельск. Из Вытегры товары поступали в Олонец, откуда через две действовавшие там ярмарки (6—13/I и 8—16/IX) развозились по всей губернии.

Северо-западная цепь ярмарок связывала Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии с Севером и Центром Евро-

[29] Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, ч. 2, с. 500—587.

нейской России. На Севере, кроме Архангельской и Важской Благовещенской ярмарок, действовали две крупные ярмарки в пог. Шунском Новенецкого уезда Олонецкой губернии. «Из всех ярманок, в губернии Олонецкой учрежденных, первейшими почитаются Шунские ярмарки», они «всех прочих знаменитее и древностию своею, и стечением народа. На оные съезжаются купечество из Москвы, Петербурга, Новгорода, Тихвина, Онеги, Архангельска, Вологды, Петрозаводска, Олонца, Вытегры и из других городов, поселяне из ближайших уездов и из Лобских мест и Швеции».[30] Посредством шунских ярмарок громадные территории Северного района снабжались мануфактурными товарами из Центра и Северо-Запада, одновременно отправлялись туда товары местного происхождения, главным образом рыба и пушнина. В пог. Шунском действовали две ярмарки, поэтому из Петербурга товары туда отправлялись дважды по двум цепям ярмарок: 1) Петербург—Новая Ладога (15—24/VIII)—Тихвин (1—4/X)—Шунск (6—12/I) и 2) Петербург—Новая Ладога (25—29/XII)—Тихвин (23/II—10/III)—Шунск (25/III—3/IV).

С Макарьевской (Нижегородской) ярмаркой Петербург имел многосторонние торговые отношения, которые также осуществлялись в значительной степени через две цепи ярмарок, функционировавших на торговых путях, которые связывали столицу с Нижним Новгородом: на Макарьевскую ярмарку — Петербург—Новая Ладога (25—29/XII)—Тихвин (15—24/III)—Весьегонск (29/VI—3/VII)—Рыбинск (29—30/VI и 6—10/VIII)—Макарьев (1/VII—1/IX); с Макарьевской ярмарки в XVIII в. по Вышневолоцкой системе — Макарьев (1/VII—1/IX)—Кинешма (14—27/IX)—Рыбинск (товары оставются на зимовку, а затем перегружаются на более мелкие суда)—Ярославль (10—24/VI)—Старая Русса (29/VI)—Петербург, а в XIX в. и по Мариинской системе, после Рыбинска: Кириллов (9—11/VI и 10—16/VIII)—Белозерск (15—17/VIII)—Новая Ладога (15—24/VIII)—Тихвин (1—4/X)—Петербург. Товаропоток с Макарьевской ярмарки успевал ко времени навигации в Петербургском порту, поэтому на проходивших по пути ярмарках оставалась незначительная часть каравана, большая его часть спешила в столицу.

Важную роль в торговых отношениях Северо-Запада и Центра играли две весьегонские ярмарки, входившие в XVIII—первой половине XIX в. в число крупнейших. На них, в особенности на январскую, съезжались купцы с товарами более чем из 40 российских городов, в том числе из Петербурга, Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы, Тихвина, Рыбинска, Новой Ладоги, Новгорода, Твери, Калуги, Нижнего Новгорода, Казани, Астрахани, Саратова, Олонца, Вытегры, Каргополя, Белозерска, Устюжны, Тулы, Волхова, Белева.[31] Поэтому Весьегонск, находившийся на

[30] ЦГВИА, ВУА, № 18888, Краткое историческое примечание и топографическое об Олонецкой губернии описание, 1795 г., л. 64—65.

[31] ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 380—384.

границе Тверской и Новгородской губерний, почти на полпути как от Москвы, так и от Нижнего в Петербург, имел прочные торговые отношения со столицей посредством такой цепи ярмарок: Весьегонск (8—23/I) — Белозерск (9—15/III), Кириллов (17—19/III) — Тихвин (1/IV) — Петербург.

Несколько ярмарочных цепей можно обнаружить при рассмотрении торговых связей Урала и Приуралья с Центром и волжскими городами, а через них и со всей Европейской Россией. Имевшие большое значение для торговых отношений России со Средней Азией Оренбургская и Троицкая ярмарки находились в прямой и обратной связи с крупнейшей в России Ирбитской ярмаркой: 1) Троицк (15/V—15/VI) — Оренбург (1/VI—1/XI) — Челябинск (25—28/IX и 5—8/XII) — Шадринск (3—10/XI и 20/I—1/II) — с. Масляпское Шадринского уезда (22—25/XI) — с. Чумляцкое Челябинского уезда (15—29/XII) — Далматов (6—13/XII и 1—4/I) — Ирбит (15/II—15/III); 2) Ирбит — Далматов (1—10/III) — Шадринск (8—15/III), Чумляцкое (16—19/III) — Челябинск (8—11/V) — Оренбург — Троицк. Через Ирбитскую ярмарку Южное Приуралье вступало в торговые отношения с Севером и Центром России. Но Москва и Нижний Новгород были связаны с Оренбургской и Троицкой ярмарками также с помощью Волги и ее притоков. На этом пути почти одновременно действовало несколько крупных ярмарок: Симбирск (5—8/VII) — Самара (6—9/VII), Бузулук (29/VI—5/VII), Оренбург, Троицк. Макарьевская ярмарка связывалась с Ирбитской через Уфу: Макарьев (1/VII—1/IX) — Мензелинск (1—6/I) — Уфа (19—29/I) — Ирбит (15/II—15/III). На территории Уфимской губернии в первой половине XIX в. просматривается ярмарочный круг, замыкавшийся в Самаре: Самара (6—9/VII) — Бугульма (14—21/IX) — Белебей (26/IX—3/X) — Мензелинск (1—6/I) — Симбирск (9—21/III) — Бузулук (29/VI—5/VII) — Самара.

До появления железных дорог исключительное значение для внутрироссийских торговых отношений имела Волга, бассейн которой охватывал 42 губернии. Многие крупные торговые центры находились на берегах Волги и ее притоков. По Волге от Астрахани вверх, в направлении на Петербург, и вниз, по направлению к Астрахани, во все время навигации непрерывным потоком двигались грузы. И совершенно естественно поэтому, что во всех волжских городах действовали ярмарки, причем, как правило, две: одна перед навигацией или в начале ее — весной, ранним летом, вторая в конце ее — осенью. Ярмарки волжских городов непрерывно питали волжский грузопоток и сами брали из него все необходимое для приволжских жителей. Наиболее важные из этих ярмарок проходили в городах: Астрахань (1/V—1/IX) — Черноярск (26/IV—2/V и 14—20/IX) — Царев (26/VI, 4/VIII, 25/I) — Дубовка Саратовской губернии (10/V—10/VI) — Саратов (9—21/V, 1—8/VII, 22/X—1/XI) — Самара (6—9/VII, 15/VIII) — Симбирск (9—21/III, 3—8/VII) — Макарьев (1/VII—1/IX) — Ки-

нешма (16—21/VI, 14/IX—1/X) — Кострома (26/VI—9/VII) — Ярославль (15/II—1/III, 15—29/VI) — Романов-Борисоглебск (7—12/VI, 25/IX—1/X) — Рыбинск (29—30/VI, 6—10/VIII) — от Рыбинска до Петербурга либо по Мариинской, либо по Вышневолоцкой системе (эти цепи ярмарок уже рассматривались выше). На волжской трассе вверх от Твери тоже действовали значительные ярмарки: Старица (26—29/VI) — Зубцов (в XVIII в. действовало 9 ярмарок, к середине XIX в. осталось 4, в том числе 9—12/V, 10—13/XI) — Ржев (15—20/III, 29/VI—6/VII) — Осташков (12—6/I, 27/V—3/VI, 6/VIII). В большинстве своем ярмарки волжских городов являлись крупными (с оборотом по продаже в 1850-е гг. свыше 50 тыс. сер. руб.) и входили в первую сотню российских ярмарок.[32] Они проходили в определенной хронологической последовательности, образуя несколько цепей.

Несколько ярмарочных цепей можно выявить в черноземном Центре Европейской России: 1) Лебедянь Тамбовской губернии (28/V—7/VI) — Коренная (26/VI—2/VII) — Свенская Орловской губернии (1/X—1/XI) — Лебедянь (1—7/I); 2) Лебедянь (28/V—7/VI) — Зарайск (27—30/VI), Мещовск (29/VI—3/VII) — Лебедянь (3—8/VIII); 3) Симбирск (9—21/III) — Пенза (11—13/VI) — Нижний Ломов (24/VI—8/VII) — Саранск (16—22/VIII) — Бузинск (21—30/IX) — Симбирск (Сборная, II—III). Из данных о сроках проведения ярмарок и передвижении товаров и купцов в Воронежской губернии можно предположить, что там действовал не просто «круг», а своего рода «карусель» ярмарок: Калитва Острожского уезда (30/XII—1/I) — Валуйки (19—22/IV), Бирюч (23/IV—2/V) — с. Россошь Острогожского уезда (27—30/V) — Калитва (24—26/VI), Бирюч (29/VI—2/VII), Валуйки (29/VI—5/VII) — Калитва (15—17/VIII) — с. Россошь (14—17/IX), Валуйки (14—20/IX) — Бирюч (1—4/X) — Калитва (14—16/X) и т. д.[33] Привлекает внимание тот факт, что в большинстве крупных ярмарочных центров Центрального черноземного района хотя бы одна значительная ярмарка проходила в мае—начале июля, т. е. незадолго до начала Макарьевской ярмарки. По-видимому, это было связано с необходимостью успеть отправить к «Макарию» товары, закупленные на местных ярмарках: в Мещовске (29/VI—6/VII), на Коренной (14—30/VI), в Лебедяни (28/V—7/VI), Тамбове (3—8/VII), Пензе (29/VI—1/VII), Нижнем Ломове (24/VI—8/VII), Зарайске (5—8/VI и 27—30/VI).

---

[32] ЦГИА СССР, ф. 869, оп. 1, д. 789, л. 19—20 об.; Статистический временник Российской империи, вып. 1, отд. 2, с. 174—180.

[33] Следует иметь в виду, что здесь, как и везде выше и ниже, указываются официальные сроки ярмарок, которые нередко в зависимости от местных обстоятельств отклонялись от действительных в ту или иную сторону. Поэтому стыковки сроков между ярмарками была более гибкой. Надо учесть также, что не каждая ярмарка в цепи обязательно посещалась всеми торговцами; в зависимости от обстоятельств торговец выбирал для себя то или иное сочетание ярмарок в цепи.

Характерно, что вскоре после «Макария» в некоторых из этих пунктов вновь собирались ярмарки — теперь уже для реализации закупленных на Макарьевской ярмарке товаров: в Лебедини (22/IX—1/X), Тамбове (18—26/X), с. Беково (27/IX—1/X), Свенская (1/X—1/XI) и другие более мелкие.

Ярмарочные цепи, состоявшие из крупных ярмарок, имелись и в нечерноземном Центре, несмотря на то что здесь бóльшую роль, чем в других районах, играла стационарная и базарная торговля: Весьегонск (6—23/I)—Ярославль (15/II—1/III)—Ростов (8—25/III)—с. Пунки Шуйского уезда Владимирской губернии (7—10/V)—с. Холуй Вязниковского уезда Владимирской губернии (8—21/VI)—Макарьев (1/VII—1/IX)—с. Парское Юрьевецкого уезда Владимирской губернии (27/VIII—5/IX)—Кинешма (14—27/IX)—Весьегонск (6—23/I). После «Макария» вступала в работу другая ярмарочная цепь: Макарьев—с. Холуй (28/VIII—6/IX)—Шуя (21/XI—5/XII)—Ковров (24—27/XII)—Ростов (8—25/III)—с. Пунки (7—10/V)—Холуй (8—21/VI)—Макарьев.

В Юго-Западном районе в первой половине XIX в. главными торговыми центрами являлись Житомир, Каменец-Подольск, Балта, Киев, Бердичев и местечко Богуслав Каневского уезда Киевской губернии. В последних 4 пунктах в течение года бывало соответственно 4, 4, 4 и 7 ярмарок. Сроки этих ярмарок, как правило, не совпадали, что позволяет предположить возможность их деятельности по принципу «круга»: Богуслав (5—6/I)—Бердичев (11—15/I)—Киев (16—31/I)—Бердичев (5—11/III)—Киев (15—22/III)—Богуслав (23—24/III)—Киев (9—10/V)—Богуслав (28/V)—Бердичев (5—19/VI), Киев (15/VI—3/VII)—Богуслав (8—9/VII и 6—7/VIII)—Бердичев (15—22/VIII)—Богуслав (8—9/IX и 26—27/X)—Бердичев (1—7/XI)—Богуслав (6—7/XII). Это подтверждается более поздними сведениями, относящимися к пореформенному времени: «Ярмарочная торговля в районе распространена больше, чем где бы то ни было; особенно отличаются в этом отношении Волынская и Подольская губернии. Ярмарки имеются во всех уездных городах, селах и местечках; устраиваются они по нескольку раз в год, ежемесячно каждую неделю в одном и том же месте. В Острогожском уезде Волынской губернии, например, ярмарки заранее составляются *на целый год по расписанию* (курсив наш,— *Б. М.*). Ярмарочная торговля в Волынской и Подольской губерниях как бы не прекращается: кончается одна — едут на другую, что не продано в одном месте, продадут в другом».[34] Крупные ярмарки Юго-Западного района, в особенности киевские и бердичевские, житомирские и дубненские, а также в г. Балте (25/V—5/VI), местечке Ярмолинцах Проскуровского уезда (15—30/VI) и в местечке Чечельник Ольгопольского уезда Подольской губернии, были

[34] Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914, с. 46.

тесно связаны с украинскими и западными ярмарками, с Ригой и Москвой, вследствие чего Юго-Западный район в XIX в. органически включался в систему всероссийского рынка.

Определенная последовательность ярмарок наблюдалась в Прибалтийском районе, в частности в Лифляндской губернии. Здесь, судя по срокам, передвижению товаров и связям между ярмарками, вероятно, существовали два ярмарочных круга, замыкавшихся в Дерпте и выходивших на Рижскую ярмарку. Один круг действовал в первой половине года перед началом навигации на Балтийском море: Дерпт (7—28/I)—Феллин (2—10/II) — Верро (22/II—1/III) — Вендеи (15—24/IV) — Рига (20/VI—10/VII), Вольмар (26—27/VI), Дерпт (29—30/VI); второй круг — по окончании навигации: Дерпт (8/IX) — Вольмар (21/IX), Верро (24—25/IX) — Дерпт (29/IX—1/X). Третий ярмарочный круг имел центром Перноп: Перноп (21—23/IX) — Феллин (24—29/IX), Валк (29/IX), Вендеи (30/IX), Дерпт (29/IX—10/X) — Перноп (19—20/XII).

В Западном районе, вошедшем в состав России только в конце XVIII в., из значительных ярмарок образовалась следующая цепь: Вильно (23/IV—15/V) — Динабург (26/VI), местечко Любавичи Оршанского уезда Могилевской губернии (27/VI—1/VII) — местечко Бешенковичи Лепельского уезда Витебской губернии (29/VII—27/VIII). На крупнейшую в крае ярмарку в местечке Зельве Волковысского уезда Гродненской губернии (27/VII—2/VIII) поступали товары с Бердичевской (12/VI—9/VII), Гродненской (25/VI—25/VII), Слонимской (8/VI), Рижской (20/VI—10/VII), Дубненской (29/VI—15/VII) и Любавичской (29/VI—1/VII) ярмарок, благодаря чему происходила увязка торговых оборотов Западного, Прибалтийского и Юго-Западного районов. Ярмарки Могилевской и Витебской губерний имели давние и прочные отношения со многими торговыми центрами России. Это способствовало включению Западного края в систему всероссийского товарного рынка.[35]

В Юго-Восточном районе и Предкавказье, где в первой половине XIX в. наблюдалась бойкая ярмарочная торговля, поощряемая близостью азовских и черноморских портов, значительные ярмарки также проходили в определенном порядке. Это позволяло купечеству последовательно быть на многих ярмарках и одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», с новороссийскими и украинскими ярмарками, Астраханью и с заграницей. По срокам проведения и передвижению товаров на крупных ярмарках Донской области просматривается цепь: ст. Криворожская Донецкого округа 27/V—2/VI) — ст. Михайловская Хоперского округа (6—12/VI), ст. Митякинская Донецкого округа

[35] Остроменцкий Г. Описание Зельвинской ярмарки. — Журнал МВД, 1831, ч. II, с. 153—156.

(21—27/VI), ст. Казанская Усть-Медведицкого округа (28/VI—2/VII) — г. Черкасск (20—27/VII), ст. Цымлянская 2-го Донского округа (28/VII—5/VIII), ст. Усть-Медведицкая (6—10/VIII) — ст. Раздорская 1-го Донского округа (20—25/VIII), ст. Луганская Донецкого округа (27/VIII—3/IX) — г. Черкасск (4/IX) — ст. Цымлянская (14/IX), ст. Вешенская Усть-Медведицкого округа (15—16/IX) — ст. Урюпинская Хоперского округа (25/IX—25/X) — ст. Усть-Медведицкая (6—10/I), ст. Михайловская (10—26/I).[36] В Предкавказье такая же цепь ярмарок существовала, вероятно, между главными торговыми центрами края: Екатериноградом, Ставрополем, Александровском, Георгиевском, Моздоком и Кизляром.[37]

Аналогичное положение наблюдаем в первой половине XIX в. в торговле Новороссийского района, который по мере его хозяйственного освоения покрывался густой сетью ярмарок. Важнейшие из них находились в оживленных торговых связях как с Юго-Западным, Центрально-земледельческим, Северо-Западным районами, так и между собой, собираясь в определенном удобном порядке для последовательного посещения большинства из них торговцами. Первая цепь ярмарок тянулась преимущественно вдоль Днепра в направлении черноморских портов: местечко Царичанка Кобелякского уезда Полтавской губернии, на границе с Екатеринославской губернией (16—19/I) — Кременчуг (30/I—6/II) — местечко Седневка Ананьевского уезда Херсонской губернии (1—4/III) — Царичанка (30/III—5/IV), с. Гупалково Новомосковского уезда Екатеринославской губернии (12—18/IV), Екатеринослав (19—23/IV) — Новомосковск (7—9/V), с. Каховка Днепровского уезда Таврической губернии (9—13/V) — Гупалково (16—21/VI), Царичанка (20—26/VI), Екатеринослав (25—29/VI) — Новомосковск (1—9/VIII), Екатеринослав (13—16/VIII) — Кременчуг (1—5/IX) — Одесса (14/IX—1/X). Вторая цепь южных ярмарок располагалась между Днепром и Донцом и тяготела к азовским портам: Бахмут (13—15/III) — с. Конские Раздоры Александровского уезда Екатеринославской губернии (19—21/IV) — с. Черниговка Бердянского уезда Таврической губернии (10—14/V), Таганрог (10—16/V) — Конские Раздоры (7—9/VI), Ростов-на-Дону (8—15/VI) — Бахмут (29/VI—3/VII) — Таганрог (26/VIII) — Конские Раздоры (8—12/IX), Бахмут (8—12/IX), Ростов-на-Дону (1—15/IX) — Черниговка (2—6/XI), Таганрог (5—8/XI).

Таким образом, многие российские ярмарки 1750—1850-х гг. всех основных районов действовали, судя по прямым указаниям источников, срокам проведения ярмарок и передвижению товаров и купцов, по принципу круга или цепи, принципу, на пер-

---

[36] Краснов Н. Земля Войска Донского. СПб., 1883, с. 365—394.

[37] Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1870, отд. II, с. 29—48.

ный взгляд весьма нерациональному. «Сколько труда, сколько траты времени, сколько ломки, порчи товаров, сколько издержек и напрасных убытков, — писал Аксаков по поводу украинского круга ярмарок. — На каждой ярмарке надобно разложить и потом вновь уложить товары и, таким образом, повторить эту операцию 20 раз: один переезд от одного ярмарочного пункта до другого в течение года составляет 2405 верст».[28] Чем же обусловливалось, что именно на принципе цепи в значительной степени строилась и развивалась ярмарочная торговля в России? Видимо, силой внутренней необходимости и невозможностью иного способа функционирования ярмарочной сети в экономико-географических условиях того времени.

Прежде всего отметим, что, как показывают данные об объеме привоза и продажи товаров, ни на одной ярмарке не сбывались полностью привозимые товары — в среднем продавалось от 60 до 70% (см. табл. 18). Оставшиеся товары из-за чрезвычайно дорогого провоза, вызванного большими расстояниями и плохими дорогами, везти назад было невыгодно. Поэтому купцы субъективно предпочитали, а объективно вынуждены были непроданные товары везти на другие ближайшие ярмарки — до тех пор, пока товар полностью не реализовывался. Следует иметь в виду, что ярмарочная торговля во второй половине XVIII—первой половине XIX в. (опять же в силу обширности территории России и неразвитости транспорта) носила многоступенчатый характер: товары от мелких сельских и городских ярмарок, постепенно накапливаясь, доходили до оптовых, т. е. до крупного оптового торговца, а от оптовых ярмарок, постепенно убывая в своем количестве, доходили до мелких ярмарок, т. е. до потребителя. И многоступенчатому характеру торговли наилучшим образом тоже соответствовало функционирование ярмарок по принципу цепи.

Нельзя не принять во внимание также и то, что состояние отраслей хозяйства, обслуживавших промышленное и сельскохозяйственное производство, — транспорта, связи, дорог, каналов, складского хозяйства и т. п. — в России XVIII—первой половины XIX в. не позволяло ни потребителям, ни торговцам иметь прямые и постоянные контакты с производителями. Вследствие этого определилось несколько важных водных или сухопутных магистралей, по которым двигались в определенное время, преимущественно зимой и летом, грузопотоки с мест производства или из портов в места потребления. Вдоль этих магистралей и собирались важнейшие ярмарки, которые питали грузопотоки и одновременно брали из них все необходимые товары для жителей той территории, которую они обслуживали.

Сеть мелких ярмарок, с одной стороны, как бы выкачивала продукцию местного производства, которая через крупные яр-

[28] Аксаков И. С. Исследование о торговле на украинских ярмарках, с. 19.

марки вливалась в грузопотоки, и, с другой стороны, реализовывали продукцию, производимую в других районах и поступаемую на мелкие ярмарки через крупные из главных товаропотоков страны. В итоге в экономике России сеть крупных ярмарок с множеством мелких обеспечивала прямую и обратную связь между производителями и потребителями. Но справляться с работой перемещения товаров в условиях прерывного движения грузопотока ярмарки могли лишь при условии их тесной взаимосвязи, строгой последовательности их проведения. Задержись начало ярмарки, и товаропоток пройдет мимо, а население, обслуживаемое ярмаркой, не сможет ни сбыть, ни закупить нужных товаров или во всяком случае столкнется в этом отношении с большими трудностями. Вот почему и администрация, и в особенности население так неохотно соглашались на изменение сроков ярмарок или их перенесение в другой пункт. Тридцатилетние усилия правительства изменить срок Кролевецкой ярмарки «не · перемогля обычая, крепкого внутреннею потребностью».[39] Попытка перевести Онуфриевскую ярмарку из Бердичева в Киев тоже провалилась — ярмарка вернулась на прежнее место.

Лишь тогда новая ярмарка успешно функционировала, когда она соответствовала внутренним требованиям самой торговли. Так случилось, например, с Крещенской контрактовой ярмаркой, переведенной из г. Дубно Волынской губернии в Киев в 1798 г., и с Ильинской ярмаркой, переведенной из Ромен в Полтаву в 1852 г. Перевод последней ярмарки потребовал 12 лет и был совершен только после личного вмешательства Николая I, который вопреки желанию купцов, протестам и жалобам роменских жителей и несмотря на мнение Комитета министров о сохранении ярмарки на старом месте приказал перевести ее в Полтаву для повышения значения бедного доходами губернского города и для лучшего использования нового шоссе, проложенного от Харькова через Полтаву в Елисаветград.[40] Причина успеха перевода ярмарки заключалась в повышении в 1840—1850 гг. значения новороссийского рынка. В результате хозяйственного освоения Новороссии и открытия черноморских портов внутренняя российская торговля устремилась на Юг, поэтому передвижение ярмарочного пункта ближе к новому рынку и новым портам и обеспечило успех новой ярмарки, которая с первого же раза превзошла по оборотам прежнюю Роменскую ярмарку.

Наконец, в числе важнейших причин, обусловивших деятельность ярмарок по принципу цепи, следует указать на преимущественно мелкотоварный характер сельскохозяйственного и в значительной степени промышленного производства в исследуемое время, на сезонность земледельческого производства и соответственно сезонный характер потребностей крестьянства, на сравни-

[39] Там же, с. 17.
[40] ЦГИА СССР, ф. 1287, оп. 6, д. 727, л. 2—5 об.

тельно невысокий уровень товарности и платежеспособного спроса населения, несмотря на значительное увеличение и того и другого в течение второй половины XVIII—первой половины XIX в. Мелкотоварный характер производства порождал как бы распыленность, рассеянность товаров среди многих производителей и требовал для организации сбыта товаров их последовательной концентрации на ярмарках. Сезонность производства, в особенности сельскохозяйственного, усиливавшаяся сезонностью работы транспорта (водного и гужевого), приводила к сезонному характеру поступления товаров на рынок и спроса на них. Принцип ярмарочной цепи как бы компенсировал мелкотоварный и сезонный характер производства, а также временный потребительский спрос населения. Последовательность ярмарок привносила в торговлю известную непрерывность, постоянство, ускоряла оборот купеческого капитала.

Таким образом, анализ связей между ярмарками, их сроков и движения товаропотоков приводит к заключению о том, что в России второй половины XVIII—первой половины XIX в. действовала сложившаяся система ярмарок, функционировавшая по принципу цепи, который удовлетворял производителей, потребителей, торговцев и являлся в экономических и географических условиях России того времени чрезвычайно целесообразным. Существование такой системы ярмарок, охватывавшей все важнейшие районы страны, способствовало развитию и упрочению межрайонных торговых отношений, служило одним из свидетельств наличия единого всероссийского товарного рынка.

2. Межуездные, межгубернские и межрайонные торговые связи

Чрезвычайно важное значение для изучения процесса формирования единого всероссийского рынка имеет вопрос о торговых связях (в их географической и количественной характеристиках) и соотношении связей внутренних и внешних применительно к уезду, губернии, региону.

В сведениях о ярмарках второй половины XVIII в. относительно того, куда отвозится и откуда привозится товары, указывается, как правило, либо пункт, либо ярмарка. Так, например, в источнике сообщается, что иностранные ткани, поступавшие на третью по значению в стране Коренную ярмарку, имевшую всероссийское значение, «покупщики разволят по своим городам, а некоторые на ярмарки по способности в Рыбное, Ломовскую, Макарьевскую, Ильинскую и Ромен», российские мануфактурные товары — «в ирманки в Курском наместничестве и других наместничествах на средние и малые», колониальные товары — «в великороссийские и малороссийские города Курского и других наместничеств в ирманки средние и малые».[41] Товары, поступавшие

[41] ЦГАДА, ф. 307, оп. 1, д. 370-б, л. 171—185.

на харьковские и сумские ярмарки (они входили в первую десятку российских ярмарок), продавались «в розницу здешним жителям, оптом купцам, которые торгуют по средним и мелким ярмаркам в Малороссии и в Слободской губернии; перекупаются у последних оптом же купцами, торгующими в Азовской и Новороссийской губерниях и в крепости Димитрия, а сверх того теми же нежинскими, калужскими и полтавскими купцами товары возятся в июне месяце и в Курск на Коренную ярмарку».[42]

Тесные отношения с помощью ярмарок между торговыми пунктами разных губерний и регионов наблюдались во всех районах России уже в 1780—1790-е гг. Например, в Симбирской губернии каждая из 32 ярмарок находилась в тесной связи и с более крупными, и с менее значительными, а также и с ярмарками одного ранга. Крупнейшая в губернии межрегиональная ярмарка в г. Корсуни, продолжавшаяся 10—12 дней, имела торговые отношения с 32 крупными торговыми центрами страны 13 губерний, в том числе с Москвой, Казанью, Астраханью, Курском, Арзамасом, Симбирском, Пензой, Костромой, Ростовом Великим, Тулой, Боровском, Вязниками, Стародубом, Макарьевом, донскими станицами. С Корсунской ярмарки товары местного производства — хлеб, кожи, сало, рыба, лошади, поступавшие на нее с губернских базаров и ярмарок низших категорий, — отправлялись на крупнейшие всероссийские ярмарки — Макарьевскую и Ростовскую. В свою очередь с этих ярмарок промышленные и импортные товары поступали на Корсунскую ярмарку, а затем с нее они направлялись на малые и средние губернские ярмарки, на базары и в лавки купцов.[43] Во время Корсунской ярмарки заключались также подряды на поставку товаров к следующей ярмарке. На ярмарку съезжались до 10 тыс. человек, «кои запасаются в год нужными вещьми», — указывал автор описания губернии 1785 г. Масленицкий. Оставшиеся от продажи товары купцы меняли один на другой и развозили в разные города и селения на малые ярмарки. «А между тем некоторые подрядают и обзадачивают деньгами крестьян на будущий год или как условятся о времени и поставке и свозу в назначенное место хлеба, кож, воску, сала, рыбы и прочих сельских продуктов».[44] Торговля в Симбирской губернии находилась в руках симбирского, сызранского и алаторского купечества, которое закупало товары в Москве, Астрахани, на Макарьевской, Ростовской и Урюпинской ярмарках и продавало их в своих городах из лавок, во время базаров и ярмарок, но преимущественно развозило их на Корсунскую, Языковскую, Ключевскую и малые ярмарки губернии.[45]

---

[42] Там же, л. 153—170.
[43] Там же, л. 82.
[44] Масленицкий. Топографическое описание Симбирского наместничества. 1785 г. — ЦГВИА, ВУА, № 1906, л. 100.
[45] Там же, л. 86—87, 113.

Ярмарки Симбирской губернии являлись, таким образом, важнейшими торговыми центрами, в которых сосредоточивалась основная масса товарных излишков губернии, отправляемых затем в другие губернии и районы. Ход торговли на ярмарках оказывал влияние как на сельскохозяйственное, так и на промышленное производство, поскольку промышленные предприятия свою продукцию сбывали тоже главным образом на ярмарках. (Например, крупный в губернии колокольный завод в Симбирске отправлял свои изделия на Корсунскую и прочие ярмарки).[46] Через ярмарки симбирцы получали необходимые им товары из других губерний. Симбирские ярмарки находились в тесной взаимосвязи друг с другом и со всероссийскими ярмарками. Вследствие этого сельское хозяйство и промышленность Симбирской губернии постепенно становились органической частью всероссийской экономики, а областной симбирский рынок — частью всероссийского рынка.

Симбирская губерния выбрана для анализа не случайно. Это была губерния нового заселения и в хозяйственном отношении осваивалась начиная с XVIII в. Сельскохозяйственное производство — основа торговли губернии — получило заметное развитие в XVIII в., и лишь к концу его приволжская часть губернии становится земледельческим районом, утратив черты пограничной местности, препятствовавшей развитию хозяйства и торговли. По образному выражению автора капитального описания губернии 1868 г. Линицкого, «только к концу XVIII столетия Симбирский край сбросил физиономию военного пограничного пространства и, соединившись в одну административную единицу, вступил в общую семью русских областей».[47] И вот только-только освоенный край к началу 1780-х гг. уже имеет хорошо налаженные торговые отношения с важнейшими торговыми центрами страны.

Аналогичные результаты получаем при анализе рыночных связей других российских губерний 1780—1790-х гг. — по каждой губернии имеются столь же полные сведения о торговле, как и по Симбирской. Во всех губерниях встречаем систему ярмарок от малой уездной до крупной межрегиональной или всероссийской. Они находились в тесных отношениях друг с другом, с ярмарками других губерний и регионов, с базарами и стационарной торговлей той губернии, где они проходили. Благодаря деятельности ярмарок губерния участвовала в географическом разделении труда, включаясь в единый народнохозяйственный организм страны.

Невозможность подробного рассмотрения в рамках одной монографии торговых связей каждой губернии, осуществлявшихся в XVIII—первой половине XIX в. в значительной мере посредством ярмарок, обусловила необходимость прибегнуть к более

---

[46] Там же, л. 52.

[47] Линицкий. Симбирская губерния. Ч. 1. СПб., 1868, с. 28.

Таблица 22

Торговые связи между уездами России XVIII—XIX вв.*

Уезд отправления товаров	Частота контактов по прибытию товаров в уезды														
	Алаторский	Архангельский	Астраханский	Корсунский	Курский	Макарьевский	Московский	Ростовский	Симбирский	Сумский	Харьковский	Хоперский	Ярославский	всего
	1	11	12	220	241	262	291	397	419	448	491	496	550	
1. Алаторский	26													44
11. Архангельский							5							
12. Астраханский	1													
220. Корсунский	2													
241. Курский										1	1			
262. Макарьевский	1													
291. Московский	2	9												
397. Ростовский	1													
419. Симбирский	1													
448. Сумский														
491. Харьковский														
496. Хоперский	1													
550. Ярославский														
Итого	46													

* Данная матрица торговых связей (13 уездов на 13 уездов) составляет 1/1290 часть большой исходной матрицы торговых связей (550 уездов на 550 уездов).

обобщенному анализу и характеристике этих связей. Методика анализа межуездных, межгубернских и межрайонных связей следующая. Была составлена таблица (табл. 22) — назовем ее *матрицей межуездных торговых связей*, — в графах которой и по вертикали, и по горизонтали перечисляются в алфавитном порядке все 550 учтенных уездов.

В матрицу были занесены все выявленные данные о торговых связях в течение *одного года* между деревнями, селами, посадами, городами и прочими населенными пунктами, которые участ-

вовали в ярмарочной торговле, а также о торговых связях некоторых крупнейших торговых центров, в которых не было ярмарок (таких как Москва, Петербург, Казань, Астрахань и др.). При этом *по горизонтали* находятся уезды, в пункты которых привозится товар, а *по вертикали* — уезды, из пунктов которых вывозится товар. К примеру, о ярмарке в с. Четвертаково Алаторского уезда имеются сведения о поступлении на нее товаров из Москвы, Астрахани, с Макарьевской, Ростовской, Корсунской, Урюпинской ярмарок, из 26 сел Алаторского уезда, что интерпретируется так: в Алаторский уезд товары прибыли из уездов Московского, Астраханского, Макарьевского (Нижегородской губернии), Ростовского (Ярославской губернии), Корсунского (Симбирской губернии), Хоперского (Донского Войска земля). В табл. 22 эти связи отмечаются на пересечении графы 1-й по вертикали и граф 1-й, 12-й, 220-й, 262-й, 291-й, 397-й и 496-й по горизонтали. На ярмарку в Аничерскую пустынь Алаторского уезда товары поступали из Москвы, Симбирска, Корсунской ярмарки, т. е. в Алаторский уезд они шли из Московского, Симбирского, Корсунского уездов. Эти связи фиксируются на пересечении графы 1-й по вертикали и граф 220-й, 291 и 419-й по горизонтали. И таким способом последовательно были зафиксированы торговые связи, или контакты, остальных шести ярмарок Алаторского уезда. Затем фиксировались связи следующего Александрийского уезда и далее — вплоть до последнего 550-го Ярославского уезда. Так как иногда в источниках не только указывается, откуда товар прибыл, но и есть сведения о том, куда нераспроданные товары после ярмарки развозились, оказалось возможным учесть и эти данные. Так, например, с Курской Коренной ярмарки оставшиеся товары отвозились в Харьков и Сумы. Эти связи Курского уезда зафиксированы в матрице связей на пересечении 491-й графы по вертикали и 241-й графы по горизонтали и на пересечении 448-й графы по вертикали и 241-й графы по горизонтали, т. е. показано прибытие товаров в Харьковский и Сумский уезды из Курского.

После подобной обработки всех данных были зафиксированы в соответствующих клетках матрицы связей все торговые отношения между уездами в течение одного года. В подсчитанную частоту контактов внесена 35-процентная поправка на возможный повторный учет передвижения товаров.

На пересечениях граф по вертикали и горизонтали в матрице связей находятся данные, которые соответствуют *частоте контактов* между пунктами данных уездов. Например, на пересечении графы 291-й по вертикали (Московский уезд) и графы 11-й по горизонтали (Архангельский уезд) стоит цифра 5 — это означает, что в Московский уезд 5 раз поступали товары из Архангельского уезда. На пересечении 11-й графы по вертикали (Архангельский уезд) и 291-й графы по горизонтали (Московский уезд) стоит цифра 9 — это означает, что 9 раз в течение

года было зафиксировано поступление товаров из Московского уезда в Архангельский.

Заполненная матрица межуездных торговых связей воссоздает, во-первых, картину как *односторонних* связей (например, везут товары только из 1-го уезда в 12-й), так и *двусторонних* (например, везут товары из 1-го уезда в 12-й и из 12-го в 1-й); во-вторых, картину внутриуездных связей: цифра на пересечении графы по горизонтали и вертикали одного и того же уезда соответствует внутриуездным контактам (например, в табл. 22 на пересечении 1-й графы по горизонтали и 1-й же графы по вертикали — Алаторский уезд — стоит цифра 26, которая означает частоту контактов между пунктами Алаторского уезда); в-третьих, картину межуездных торговых связей: сумма всех частот по горизонтали за вычетом половины частоты внутриуездных связей покажет частоту внешних контактов уезда *по вывозу* из него товаров, а сумма всех частот по вертикали за вычетом половины частоты внутриуездных связей[43] — частоту внешних контактов уезда *по привозу* в него товаров (например, сумма частот Алаторского уезда по горизонтали равна 44, следовательно, частота внешних контактов уезда по вывозу товаров составляет 31 (44—13); сумма частот по вертикали равна 46, значит частота внешних контактов уезда по привозу товаров составляет 33 (46—13)).

От матрицы межуездных торговых связей был затем осуществлен переход к матрице *межгубернских* торговых связей. Для этого суммировались частоты связей всех 550 уездов соответствующих 62 губерний. Сначала были сложены все частоты по горизонтали — получена матрица торговых связей между губерниями и уездами; затем суммировались все частоты по вертикали — получена матрица торговых связей между губерниями.

На основании матрицы межгубернских торговых связей была подобным же способом построена матрица *межрайонных* торговых связей: для этого суммировались частоты связей всех 62 губерний соответствующих 16 районов.

По вышеописанной методике подвергались обработке сведения о ярмарочной торговле, присланные в 1780—1781 гг. в Комиссию о коммерции по запросу генерал-прокурора А. А. Вяземского. Полученные результаты были дополнены сведениями о торговых связях, почерпнутыми из Топографических описаний губерний и наместничеств 1780-х гг. и некоторых других источ-

---

[43] Контакты по прибытию товаров в уезд и отправлению их из уезда могли фиксироваться только в одной клетке матрицы торговых связей, т. е. автоматически суммировались; вследствие этого для определения частоты контактов только по ввозу товаров в уезд или вывозу их оттуда необходимо общую частоту контактов по прибытию и отправлению товаров разделить пополам; в случаях, когда сумма частот выражалась нечетным числом, бо́льшая половина поочередно включалась то в прибытие товаров, то в отправление — это обеспечило сохранение общей суммы контактов.

ников (см. о них в первой главе монографии). В итоге была получена *матрица межрайонных торговых связей* (преимущественно по данным ярмарочной торговли) на 1780-е гг. для территории России в границах 1780 г., т. е. без Крыма и территорий, отошедших к России по второму и третьему разделам Польши.

Но на территории России в границах 1780 г. отсутствовали 4 региона из принятого нами для всего исследуемого периода районирования, которые образовались позже из присоединенных территорий и в ходе хозяйственного освоения южных и восточных окраин России в течение последней четверти XVIII в. и первой половины XIX в.: Юго-Западный район, Предкавказье, Южное Приуралье, Новороссийский район. Западный район включал еще только две губернии (Витебскую и Могилевскую), территории которых отошли к России в 1779—1793 гг., а в Прибалтийском районе отсутствовала Курляндская губерния. Вследствие этого в табл. 23 оказалось целесообразным объединить в единые районы Северное и Южное Приуралье; Юго-Восточный район и Предкавказье; Юго-Западный, Малороссийский и Новороссийский районы. В результате вместо 16 районов, фигурировавших в предшествующем изложении, в таблице представлено 12 районов, из которых два (Западный и Прибалтийский) к 1780 г. еще не полностью сформировались. Такое районирование наилучшим образом соответствовало территории России на 1780 г. На основе этого районирования и были составлены матрицы межуездных, затем межгубернских и, наконец, межрайонных торговых связей на 1780-е гг., а точнее внутри- и межрайонных связей, поскольку в них нашли отражение также и внутрирайонные связи.

Табл. 23 наглядно показывает состояние торговых связей в России и уровень географического разделения труда между районами на 1780-е гг., поскольку в ней по каждому району отражены как торговые связи по привозу товаров в район и вывозу их из района (межрайонные контакты), так и частота контактов между пунктами одного района (внутрирайонные контакты) в течение одного года. Приведенные данные свидетельствуют о наличии уже в 1780-е гг. развитых двусторонних торговых отношений почти между всеми региональными рынками России.

Необходимо подчеркнуть, что данные табл. 23 существенно *преуменьшают* действительную частоту торговых контактов. Это объясняется следующим. Для значительного числа крупных торговых центров со стационарной торговлей, таких как Петербург, Москва, Астрахань, Саратов, Нижний Новгород, Рига и ряд других, торговые связи были постоянными, непрерывными в течение всего года. В матрице же связей (по требованию единообразия методики учета торговых отношений) они фиксировались как одноразовые, что занижало общее число торговых кон-

Прямые внутрирайонные и межрайонные торговые связи (в течение одного года,

Район отправления товаров	Частота контак				
	I	II	III, IV	V, XV	VI
1	2	3	4	5	6
I. Северный	372 [6]	79	15	10	25
II. Северо-Западный	21	438 [6]	8	11	35
III, IV. Приуралье	23	6	110 [6]	17	25
V, XV. Юго-Восточный и Предкавказье	10	3	11	13 [6]	18
VI. Средне-Волжский	24	17	23	17	87 [6]
VII. Центрально-земледельческий, юго-восточная группа	4	37	11	37	19
VIII. Центрально-земледельческий, северо-западная группа	14	28	17	29	31
IX. Центрально-промышленный	87	249	20	26	121
XII, XIII, XIV. Юго-Западный, Малороссийский, Новороссийский	1	62	10	309	15
X. Прибалтийский	1	6	1	1	19
XI. Западный	—	6	—	—	1
XVI. Сибирь	7	5	48	4	20
Итого { абс.[7]	378	717	219	467	373
Итого { %	3.3	6.3	1.9	4.1	3.3

[*] Составлена по материалам: ЦГАДА, ф. 397, оп. 1, д. 370-б, л. 1—419; Топография частот торговых контактов по «отправлениям» и прибытию товаров. [7] Сумма частот торговых прибытий товаров.

тактов в стране. Кроме того, следует учесть, что представленные в табл. 23 сведения о торговых связях между местными рынками ограничиваются преимущественно данными ярмарочной торговли. И хотя последняя являлась важнейшей формой торговли в стране в 1750—1850-е гг. (в особенности в отношении внешних связей отдельных уездов, губерний и районов), данные только о ярмарочной торговле отражают частоту торговых связей между местными рынками в неполном виде, поскольку действовали и другие формы торговли: развозно-разносная, базарная, стационарная. Принимая во внимание также, что и сами данные ярмарочной статистики о торговых связях имеют известные пробелы, не остается сомнений, что построенные матрицы связей, в том числе межрайонных, в табл. 23 отражают *заниженное* число торговых контактов, в действительности существовавших в пределах российского внутреннего рынка 1780-х гг. Но даже на основании проанализированных выше, не вполне отражавших все торговые контакты данных можно сделать вывод, что *двусторонние торговые связи существовали уже в 1780-е гг.*

Таблица 23

по прибытию и отправлению товаров в России 1780-х гг. в границах 1780 г.)[а]

тов по прибытию товаров в районы								
VII	VIII	IX	XII, XIII, XIV	X	XI	XVI	всего	
							абс.[в]	%
7	8	9	10	11	12	13	14	15
4	4	64	8	1	—	77	473	4.1
4	14	117	23	4	220	3	679	5.9
7	13	35	10	5	5	12	213	1.9
67	16	36	167	1	14	4	354	3.1
50	38	84	48	3	15	10	372	3.3
703[б]	223	164	157	1	3	9	1047	8.9
424	665[б]	168	445	16	9	19	1532	13.4
177	206	1924[б]	217	33	58	9	2155	18.8
203	194	290	4409[б]	59	215	1	3564	31.2
1	5	18	10	88[б]	320	—	426	3.7
—	5	6	96	11	557[б]	—	403	3.5
—	15	28	21	—	—	202[б]	249	2.2
1288	1066	1972	3406	168	1138	245	11437	100
11.3	9.3	17.2	29.8	1.5	9.9	2.1	—	100

ческие описания губерний (см. подробно о них на с. 29 настоящей монографии). [б] Сумма контактов только по отправлению товаров. [в] Сумма частот торговых контактов только по

почти между всеми районами России. Немногочисленные исключения, скрывающиеся за оговоркой «почти», касаются Западного района и Сибири. В результатах, зафиксированных в матрицах связей, не отмечен привоз товаров в Западный район из Северного района (см. в табл. 23 отсутствие данных на пересечении I графы по горизонтали и 12-й по вертикали), также и привоз товаров в Северный район из Западного (см. отсутствие данных на пересечении XI графы по горизонтали и 2-й графы по вертикали). Не зафиксирован вывоз товаров из Западного района в Сибирь, Приуралье, на Юго-Восток и Предкавказье (хотя из двух последних районов отмечен привоз товаров в Западный район), а также из Прибалтики в Сибирь и из Сибири в Прибалтику.

Таким образом, к 1780 г. только Западный район не имел еще, видимо, твердых и прямых торговых связей с двумя районами России (Севером и Сибирью), что объясняется недавним включением его в состав России; а Сибирь не имела прямых отношений с Прибалтикой, что обусловливалось, вероятно, в зна-

чительной мере громадными между ними расстояниями. Все остальные районы России имели между собой прямые двухсторонние контакты.

Обширность территории России и состояние транспорта во второй половине XVIII в. препятствовали порой установлению прямых торговых связей между районами, что вело к возникновению между ними опосредствованных, косвенных отношений. Известно, например, что в прибалтийских губерниях на рынке обращались сибирские меха, шедшие и на экспорт, но поступали они не прямо из Сибири, а из Москвы, с Ирбитской и Макарьевской ярмарок, которые имели прямые контакты с Сибирью. Кроме того, Прибалтика поддерживала прямые торговые отношения с теми районами — с Севером, Северо-Западом, Центрально-промышленным, которые были связаны с Сибирью прочными торгово-экономическими узами. Западный же район, не имевший к 1780 г. прямых отношений, кроме Сибири, также и с Севером, осуществлял, однако, интенсивные торговые связи с Северо-Западом, который находился в тесных связях с Севером и в прямых контактах с Сибирью. Следовательно, на основании имеющихся данных и с учетом всего комплекса *прямых и косвенных* торговых связей между отдельными районами страны можно полагать, что к концу XVIII в. в России в основных чертах обозначились контуры единого, охватывавшего все основные районы страны товарного рынка.

До сих пор анализ торговых связей основывался на частоте торговых контактов отдельно по привозу и вывозу товаров. Для полноты картины объединим сведения о привозе и вывозе в единые показатели. Это тем более целесообразно сделать, что в коммерческой действительности не только в XVIII в., но и в первой половине XIX в. односторонние контакты были чрезвычайно редки. Торговцы, приезжавшие на ярмарку продавать, как правило, там же закупали хоть что-нибудь подходящее и уезжали оттуда не с пустыми руками. Поэтому каждый выявленный торговый контакт целесообразно рассматривать как двухсторонний, поскольку в используемых нами для выявления торговых связей источниках отмечался для краткости в основном привоз: закупка товаров на ярмарке как бы разумелась сама собой. Учет двухстороннего характера ярмарочных контактов при суммировании данных о привозе и вывозе товаров происходит автоматически, так как частота контактов удваивается (табл. 24).

Из данных табл. 24 следует, что в 1780-е гг., по имеющимся сведениям, зафиксировано 9568 торговых контактов между пунктами одного района — внутрирайонных контактов (они в табл. 24 отмечены курсивом) и 13 306 контактов между пунктами разных районов — межрайонных контактов, всего 22 874 торговых контакта в среднем в год. В целом по стране на долю внутрирайонных связей приходилось 42%, а на долю межрайонных — 58% всех отмеченных контактов, и только на Украине (XII—

XIV районы) внутренние связи районов преобладали над внешними. В значительной доле внутрирайонных связей, как уже упоминалось, давала о себе знать прежняя хозяйственная автономия экономических районов.

Почти такое же положение при рассмотрении внутренних и внешних торговых связей наблюдаем на губернском уровне. Внешние торговые связи каждой губернии в совокупности, т. е. со всеми другими губерниями, в большинстве случаев (в 57 губерниях из 62) превосходили внутригубернские связи (на долю первых приходилось 65%, на долю вторых — 35%). При анализе же внутренних и внешних торговых контактов на уездном уровне выявилось, что во всех 550 уездах не только в сумме внешние контакты уезда превосходили его внутренние контакты (75% против 25%), но и частота торговых связей уезда с каким-либо другим уездом в большинстве случаев превосходила частоту контактов между пунктами одного уезда.

Таким образом, уже в 1780-е гг. и уезд, и губерния (по административному делению на середину XIX в.), и экономический район, видимо, уже в значительной степени утратили былую хозяйственную автономию и замкнутость, поскольку их внешние торговые контакты превосходили по частоте внутренние контакты. И лишь в одном районе — Украинском — внутренние связи, судя по результатам нашего анализа, еще преобладали над внешними. Чем это можно объяснить?

Одна из причин преобладания прямых внутренних торговых связей над внешними на Украине и значительного удельного веса внутренних контактов в других отдаленных районах состояла, по-видимому, в том, что в источниках, которые использовались для установления торговых связей, фиксировались *только прямые связи*: откуда товар непосредственно прибыл и куда будет отправлен с ярмарки. Поэтому, например, скот, закупленный на какой-нибудь малороссийской ярмарке и попадавший в Петербург через Рославль, Смоленск, Порхов и Лугу или через Могилев, Витебск, Порхов, Лугу, в Петербурге будет отмечен, как поступивший из Луги, т. е. из Северо-Западного района. Этот торговый контакт между Петербургом и Украиной в источниках отразился как внутрирайонный, между тем по существу он был межрайонным, поскольку речь шла о малороссийском скоте. Фиксирование в используемых для установления торговых связей источниках лишь прямых контактов и привело к тому, что значение внутрирайонных контактов, по данным наших источников, несколько преувеличивалось во всех районах, а на Украине привело даже к их преобладанию над внешними. Именно поэтому в составленных нами матрицах внутренние торговые связи имели значительный удельный вес в пограничных районах и Центрально-земледельческом, где роль косвенных контактов между районами была особенно велика. Оценить точное соотношение между внешними и внутренними связями рай-

Частота прямых внутрирайонных и межрайонных торговых

Район отправления и прибытия товаров		I	II	III, IV
I. Северный		↓372		
II. Северо-Западный		↓100	↓438	
III, IV. Приуралье		↓ 38	↓ 14	↓110
V, XV. Юго-Восточный и Предкавказье		↓ 20	↓ 14	↓ 28
VI. Средне-Волжский		↓ 49	↓ 52	↓ 48
VII. Центрально-земледельческий, юго-восточная группа		↓ 8	↓ 41	↓ 18
VIII. Центрально-земледельческий, северо-западная группа		↓ 18	↓ 42	↓ 30
IX. Центрально-промышленный		↓151	↓366	↓ 55
XII, XIII, XIV. Юго-Западный, Малороссийский, Новороссийский		↓ 9	↓ 85	↓ 20
X. Прибалтийский		↓ 2	↓ 10	↓ 6
XI. Западный		↓ —	↓226	↓ 5
XVI. Сибирь		↓ 84	↓ 8	↓ 60
Итого:		851	1396	432
в том числе внутрирайонные связи	абс.	372	438	110
	%	44	31	25
межрайонные связи	абс.	479	958	322
	%	56	69	75

* Подсчитано по данным табл. 23. Стрелками показано, или для первых трех районов надо торговых контактов района.

онов по совокупности прямых и косвенных контактов на основе сохранившихся источников вряд ли возможно. Однако совершенно очевидно, что внешние связи превосходили внутренние в масштабах уездов, губерний и районов в существенно большей степени, чем это следует из матрицы прямых торговых связей, и не исключено, что внешние торговые контакты и на Украине в действительности преобладали по своей частоте над внутренними контактами.[49]

То же наблюдается, если обратиться к анализу межгубернских и даже межуездных прямых и косвенных торговых отношений. Построенные матрицы связей показывают, что ряд губерний — Архангельская, Астраханская, Казанская, Курская, Московская, Нижегородская, Полтавская, Петербургская, Саратов-

[49] Гуржій І. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. Київ, 1954, с. 44, 119.

Таблица 24

связей в России 1780-х гг. (в течение одного года) *

V, XV	VI	VII	VIII	IX	XII, XIII, XIV	X	XI	XVI
13								
35	*87*							
104	69	*703*						
45	69	647	*665*					
62	205	341	374	*1924*				
476	63	360	639	507	*4409*			
2	22	2	21	41	69	*88*		
14	16	3	14	64	311	301	*557*	
8	30	9	34	37	22	—	—	*202*
821	745	2305	2598	4127	6970	594	1541	494
13	87	703	665	1924	4409	88	557	202
2	12	30	26	47	63	15	36	41
808	658	1602	1933	2203	2561	506	984	292
98	88	70	74	53	37	85	64	59

рассматривать и анализировать матрицу торговых связей, а также находить общую сумму

ская, Тверская, Тульская, Харьковская, Черниговская и Ярославская — уже в 1780-е гг. имел прямые отношения почти со всеми другими губерниями; остальные же губернии примерно с одной половиной губерний установили прямые, а с другой половиной губерний косвенные торговые связи. При переходе к матрице межуездных связей доля прямых контактов между уездами, естественно, сокращается, а доля косвенных возрастает примерно до 75%. Однако так или иначе все губернии и все уезды находились друг с другом в торговых отношениях. И на любом уровне (уездном или губернском) внешние связи доминировали над внутренними.

При этом необходимо отметить, что матрицы торговых связей указывают на наличие не только всероссийского рынка хлеба, скота, льна или каких-либо групп и типов товаров, а на существование *всероссийского рынка всех вообще товаров*. Этот вывод следует уже из того, что типичная российская ярмарка

XVIII—первой половины XIX в., как было показано выше, являлась универсальной, на которой одновременно продавались и покупались и продовольственные, и промышленные товары. Для большей убедительности данного вывода была построена матрица торговых связей в районном разрезе отдельно для земледельческих и промышленных товаров. Результаты оказались почти полностью аналогичными тем, которые были получены при построении матрицы общих торговых связей. Прямые торговые отношения существовали между всеми районами, кроме Западного; внешние торговые связи всюду, кроме Украины, доминировали над внутренними. Различие между матрицами торговых связей по двум группам товаров состояло лишь в том, что в матрице связей по промышленным товарам связи оказались, во-первых, более многочисленными, чем в матрице связей по земледельческим продуктам (в среднем на 18%), и, во-вторых, преобладание внешних контактов над внутренними по промышленным товарам оказалось сильнее выраженным, чем по земледельческим (доля внешних контактов по промышленным товарам составила 61%, а по земледельческим — 54%). Таким образом, и результаты анализа частоты и соотношения внутренних и внешних торговых связей в региональном, губернском и уездном масштабах свидетельствуют о наличии в России к концу XVIII в. единого товарного рынка.

В дальнейшем, в первой половине XIX в., развитие всероссийского рынка проходило в нескольких направлениях. Рынок расширялся территориально за счет присоединения новых земель, их хозяйственного освоения и вовлечения в общероссийский экономический и торговый оборот. Рынок углублялся, т. е. развивался интенсивно, за счет увеличения количества контактов между отдельными уездами, губерниями и районами, а также за счет уменьшения доли внутриуездных, внутригубернских и внутрирайонных связей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российский внутренний рынок второй половины XVIII—первой половины XIX в. представлял собой систему взаимосвязанных местных рынков, включавшую три сферы торговли — периодическую, стационарную, развозно-разносную. Вследствие быстрого и приблизительно равномерного развития ярмарочной, базарной, лавочной и развозно-разносной торговли на протяжении большей части исследуемого столетия относительное значение отдельных сфер российского рынка радикально не изменилось. Роль периодических форм торговли оставалась ведущей, и только во второй трети XIX в. удельный вес торговли стационарной увеличился.

Отдельные сферы внутреннего рынка мало конкурировали между собой и потому не подавляли, а скорее дополняли друг друга на основе размежевания поприща деятельности: стационарная торговля обслуживала преимущественно город, периодическая и развозно-разносная — деревню.

Несмотря на то что российский внутренний рынок в 1750—1850-е гг. являлся весьма сложным и громоздким организмом — торговые операции осуществлялись через множество посредников, а товарооборот был замедленным, — рынку было присуще внутреннее единство. Оно определялось тем, что отдельные экономические районы страны уже обладали отчетливо выраженной хозяйственной общностью, а российская экономика приобретала черты единого хозяйственного организма, действовавшего на основе территориального разделения труда. Этому в значительной степени способствовали рост и укрепление экономических, в том числе и торговых, связей между всеми регионами огромной страны. Приведенные в монографии данные свидетельствуют, по нашему мнению, о наличии к концу XVIII в. единого товарного всероссийского рынка.

Образование единого товарного рынка не означало победы буржуазных отношений в экономике России, а лишь, по-видимому, совпало со складыванием в недрах феодально-крепостнического базиса капиталистического уклада и содействовало его развитию.

Возникновение единого товарного рынка было глубоко обусловлено всем ходом социально-экономического развития России. К концу XVIII в. относительно высокого уровня достигает общественное разделение труда, в территориальном разделении труда еще более усиливается по сравнению с физико-географическими и демографическими факторами влияние экономических факторов. Отчетливо обозначается специализация экономических районов и целых зон, черноземной и нечерноземной. В промышленности мелкотоварное производство в значительной мере вытесняется мануфактурой, которая не может довольствоваться, подобно ремеслу, узким местным рынком, а нуждается в рынке крупном, национальном. Одновременно в сельском хозяйстве России происходит быстрое расширение барщинного хозяйства (в своей основе крупнотоварного), что проявилось в наступлении помещиков на крестьянское землепользование, в расширении барской запашки, в росте барщинных имений и величине самой барщины.[1] Крупное барщинное хозяйство для своего дальнейшего развития также нуждалось в крупном рынке, тем более что вступало в конкуренцию с крестьянским хозяйством, тоже существенно увеличившим свою товарность. Указанные процессы, отчетливо проявившиеся в российской экономике второй половины XVIII в. (хотя, разумеется, их генезис относился к более раннему времени), и привели, по нашему мнению, к возникновению *всероссийского* рынка.

Появление рынка, охватывавшего всю обширнейшую Российскую империю, оказалось мощным фактором дальнейшего развития производства по капиталистическому пути. «...торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости, — указывал К. Маркс. — Но как далеко заходит это разложение старого способа производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства. В античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство... Напротив, в современном мире оно приводит к капиталистическому способу производства».[2]

Образование единого товарного рынка способствовало решению одной из самых трудных для зарождающегося капиталистического производства проблем — реализации товарной продукции, обеспечивало в масштабе огромной страны потребности

---

[1] Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. М., 1973, с. 295—296.

[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., т. 25, ч. I, с. 364—365.

производства в стихийной регуляции (так как взаимодействие обособленных товаропроизводителей, спроса и предложения в условиях капиталистического производства осуществляется посредством рынка и на рынке). В системе единого всероссийского рынка отдельные хозяйственно специализированные районы стали быстрее развиваться на основе взаимодействия, что способствовало общему прогрессу экономики России.

Отметим, что исследование истории российского внутреннего рынка 1750—1850-х гг. с точки зрения форм организации торговли, его структуры, функционирования и торговых связей между местными рынками привело к тем же результатам, что и изучение рынка с точки зрения динамики и структуры цен, выполненное нами ранее.[3] И в том, и в другом случае анализ привел к выводу о возникновении тесных торговых связей между отдельными местными рынками и экономическими регионами страны, об установлении доминирующего значения в каждом районе общероссийских факторов ценообразования над местными, а значит, о наличии к концу XVIII в. всероссийского товарного рынка. Это существенно укрепляет выводы этих двух исследований и точку зрения тех историков, которые разделяют подобный взгляд.

В дальнейшем, в XIX в. по мере развития капиталистического уклада и углубления общественного и территориального разделения труда, а также прогресса в средствах транспорта и передаче информации в России происходит перерастание единого товарного рынка в единый капиталистический рынок. Этот процесс растянулся более чем на столетие и завершился в общих чертах на рубеже XIX—XX вв. с созданием единого общероссийского рынка на средства производства и рабочую силу.[4]

Длительность формирования единого капиталистического рынка в России определялась в первую очередь социально-экономическими факторами: господством феодально-крепостнических производственных отношений в XVII—первой половине XIX в. и сохранением их пережитков в пореформенный период. В течение всего времени становления рынка сказывалось влияние таких особенностей, как громадные размеры территории России (которые к тому же непрерывно увеличивались за счет присоединения территорий со слабым по преимуществу экономическим развитием), континентальное положение страны и отсюда континентальный характер внутренней торговли, низкая сравнительно с другими странами плотность населения.

Исследование структуры и функционирования российского товарного рынка, предпринятое в настоящей монографии, позво-

---

[3] Миронов Б. Н. О критерии единого национального рынка. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972, с. 180—189.

[4] Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок. М., 1974, с. 380—381.

ляет определить его характерные черты и наметить, чем же отличался от него всероссийский капиталистический рынок. Характерные черты *всероссийского товарного рынка* (в его торговом аспекте) могут быть сформулированы следующим образом: 1) относительно невысокая степень проникновения товарных отношений в преимущественно аграрную экономику (товарность земледелия России даже в 1850-х гг. составляла лишь около 18% валового сбора хлебов); 2) невысокая плотность торговой сети; 3) ведущая роль периодической, в особенности ярмарочной, формы торговли; 4) сравнительно невысокая частота контактов между местными рынками как следствие преобладания периодической формы торговли; 5) многоступенчатый характер торговых операций и как результат этого наличие множества торговых посредников; 6) длительность пребывания товара в сфере торговли и как следствие низкая оборачиваемость торгового капитала; 7) медленное, преимущественно опосредствованное, как бы многоступенчатое взаимодействие местных рынков и в результате низкая скорость «экономической реакции» на местных рынках, т. е. длительность интервала времени, которое требовалось для того, чтобы общероссийские экономические факторы могли оказать свое воздействие, проявить себя на местных рынках; 8) значительность влияния местных факторов ценообразования, хотя и уступавших по своему влиянию факторам общероссийским, но тем не менее игравших на местных рынках еще весьма существенную роль; отсюда значительные колебания местной конъюнктуры и частые нарушения согласованности в колебаниях цен на местных рынках.

Всероссийский капиталистический рынок отличался от единого товарного рынка (в области торговли) следующим: 1) вовлечением в сферу товарного обращения средств производства и рабочей силы, увеличением глубины проникновения товарных отношений в экономику, в особенности в сельское хозяйство, товарность которого к 1913 г. достигла 36%;[5] 2) относительно высокой плотностью торговой сети (в начале XX в. плотность сети периодической торговли была почти в 3 раза, а стационарной торговли в 14 раз выше, чем в конце 1850-х гг.)[6]; 3) ведущей ролью стационарной торговли (на ее долю в торговых оборотах конца XIX—начала XX в. приходилось более 80%);[7] 4) высокой частотой контактов между местными рынками вследствие доминирования стационарной формы торговли; 5) сокращением многоступенчатости торговых операций и числа торговых посредников, относительно высокой долей торговцев, обслуживавших непосредственно потребителей и производителей; 6) сокра-

[5] Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966, с. 159.
[6] Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, с. 86—94.
[7] Там же.

щением сроков пребывания товара в сфере торговли и повышением оборачиваемости торгового капитала; 7) ускорением взаимодействия местных рынков, высокой долей прямых, непосредственных, контактов между ними и как результат этого высокой скоростью «экономической реакции» на местных рынках (что обусловливалось также изменением характера торговли и появлением парового транспорта, телефона и телеграфа); 8) еще бо́льшим преобладанием на местных рынках общероссийских факторов ценообразования над местными факторами и как следствие этого увеличением однородности и согласованности в колебаниях местных цен.[8]

Исследование российского внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в. в отношении его структуры и функционирования свидетельствует о том, что вопреки тормозящему влиянию крепостнических отношений социально-экономическое развитие страны в исследуемый период было поступательным, его темпы были стремительными, а направление — буржуазным. Революционная ситуация, сложившаяся в России 1850—1860-х гг., и отмена крепостного права в 1861 г. явились закономерным результатом этого развития.

---

[8] Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок, с. 243—282; Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. М., 1978, с. 101—114; Миронов Б. Н. 1) О критерии единого национального рынка, с. 180—189; 2) О методике обработки источников по истории цен. — В кн.: Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970, с. 154—165; Дихтяр Г. А. Внутренняя торговля в дореволюционной России, с. 87—90.

СПИСОК ТАБЛИЦ

Стр.

1. Численность и соотношение торговых центров разного профиля в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 56
2. Численность ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений в России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 62
3. Ярмарочная сеть по районам России в 1770—1868 гг. 74
4. Базарная сеть по районам России в 1770, 1800, 1857 гг. 76
5. Сеть стационарных розничных торговых заведений в России в 1838 и 1856 гг. 76
6. Плотность торговой сети по районам России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 78
7. Сравнение уровней промышленного развития районов с плотностью сети ярмарочной, базарной и стационарной торговли в конце 1850-х—начале 1860-х гг. 80
8. Количество ярмарок, базаров и постоянных торговых заведений, приходившихся на один торговый пункт по районам России во второй половине XVIII—XIX в. 85
9. Хозяйственная специализация районов России в 1749—1857 гг. (отношение процента городского населения в районе к проценту городского населения в России). 92
10. Хозяйственная специализация районов России в 1802—1913 гг. (отношение доли сбора хлебов и картофеля к доле населения). 94
11. Распределение сельских ярмарок по группам населенных пунктов. 110
12. Ярмарочная торговля в России в конце XVIII в. (по районам). 122
13. Ярмарочная торговля в России в начале 1860-х гг. (по районам). 130
14. Роль сельскохозяйственных и промышленных товаров в ярмарочной торговле России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 142
15. Распределение ярмарок в России по основному характеру торговли. 149
16. Распределение ярмарок в России по их функциям. 151
17. Распределение ярмарок по числу участников в районах России в 1830-е гг. (в процентах к общему числу ярмарок в районе). 158
18. Обороты ярмарочной торговли в России XIX в. по районам и губерниям (в 1832 г. в ассигн. руб., в остальные годы в кредит. руб.). 164
19. Развитие стационарной торговли в России в 1840—1856 гг. 188
20. Число выданных свидетельств на право торговли в России за 1829—1856 гг. 199
21. Поступление торговых пошлин в России (в тыс. сер. руб.) за 1812—1862 гг. 200
22. Торговые связи между уездами России XVIII—XIX вв. 233
23. Прямые внутрирайонные и межрайонные торговые связи по прибытию и отправлению товаров в России 1780-х гг. (в течение одного года, в границах 1780 г.). 236
24. Частота прямых внутрирайонных и межрайонных торговых связей в России 1780-х гг. (в течение одного года). 240

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Аксаков И. С. 18, 45, 65, 129, 141, 173—175, 216, 218, 227
Александр I 32
Александров В. А. 96
Алексей Михайлович 21
Арсеньев К. И. 26, 36, 57, 98, 168

Базилевич К. В. 10, 24
Бакмейстер Л. И. 16, 25, 26, 43, 155, 171, 193
Баранович М. 173, 180, 182, 195
Бахрушин С. В. 4, 7
Башкирцев Г. И. 11
Безобразов В. П. 46, 163, 215
Берг А. С. 30
Бессмертный Ю. Л. 8
Блюм А. В. 143
Бобровский П. 175, 195
Бодянский В. Х. 70
Бодянский М. С. 30
Боровой С. Я. 103
Букшпан П. Я. 10
Булыгин И. А. 21

Вайнштейн А. 97
Вартанов Г. А. 10, 155
Веймарн Ф. 193, 195, 201
Виноградов В. В. 16
Водарский Я. Е. 90
Волков М. Я. 11, 107
Вольская В. А. 90
Воронцов А. Р. 27, 32
Воронцовы 28
Вяземский А. А. 27, 32, 163, 234

Гагемейстер Ю. А. 215, 220
Ган И. А. 283
Герман К. Ф. 27, 32, 40, 185
Гессен Н. Ю. 69
Голицыны 11
Горлов И. 60
Греков Б. Д. 25, 43
Григорова-Захарова С. 11
Гурский И. А. 11, 185, 187, 240

Даль В. И. 17
Демидов Н. Н. 210
Дитмар А. Б. 28
Дихтяр Г. А. 19, 66, 177, 246, 247
Дробизов В. З. 52, 86, 92, 94—96
Дружинин Н. М. 11, 72, 96, 100, 102, 114, 116
Дятлова Н. П. 36

Езекиел М. 78
Екатерина II 28, 32, 105, 106, 113, 114, 163, 216

Золотов В. А. 11
Зябловский Е. Ф. 61

Ильзаров С. С. 30
Индова Е. И. 21, 201
Исаев Г. С. 11, 12

Кабузан В. М. 15, 28, 56, 68, 93, 100, 110
Канделаки И. 224
Каникин Е. Ф. 104, 194
Кауфман И. М. 30
Кафенгауз Б. Б. 10, 97
Кирилов И. К. 102
Киселев П. Д. 114
Кистяковский В. В. 19
Китанина Т. М. 69
Клингштет Т. Ф. 26
Клокман Ю. Р. 11, 57, 59
Ключевский В. О. 134
Ковальченко И. Д. 9, 10, 12, 21, 22, 52, 86, 88, 91, 92, 94—96, 112—115, 141, 153, 170, 245, 247
Конухов Ю. В. 11
Конорев И. 173
Колесников П. А. 28
Комиссаренко А. И. 201
Кошанев А. И. 70
Корев А. 175, 192, 193
Костомаров Н. И. 102, 134, 204
Краснов И. 226

* Указатели составлены С. Н. Искюлем.

Криживоблоцкий И. 40, 174
Кудрявцев А. С. 103
Кулишер И. М. 8, 201

Лангенбек В. 8
Лаптев М. 178, 179, 183, 191
Лейкин Д. И. 11
Ленин В. И. 3, 5, 6, 10
Ливрон В. 55
Липинский 69, 173, 176, 182, 183, 185, 192, 196, 231
Литван Б. Г. 25, 36, 115
Ломоносов М. В. 25, 32
Любомиров П. Г. 12
Лященко П. И. 19, 20, 104

Маковский Д. П. 21
Максимович Л. М. 29, 30, 41, 58, 208, 209
Маркс К. 244
Мартынов И. Ф. 143
Масленицкий 230
Мейендорф А. К. 36, 168
Мельников П. И. (Андрей Печерский) 70, 133, 140, 141
Мерсон А. Н. 10
Миллер Г. Ф. 25, 32, 128
Милов Л. В. 9, 10, 12, 21, 22, 29, 30, 90, 245, 247
Милютин Н. А. 36, 65, 168
Милютины 36, 169
Миронов Б. Н. 21, 25, 26, 47, 97, 104, 134, 245, 247
Михалевич В. 173, 183
Моэсль Х. 107, 175, 192
Муравьев А. В. 52, 86, 92, 94—96

Неболсин Г. П. 36, 168
Неболсины 36
Нерсесова Э. А. 25
Николай I 228
Нифонтов А. С. 36
Новицкий К. П. 12, 19, 72

Овсянников Н. И. 174
Озерецковский Н. Я. 28
Опарин Д. И. 88, 97
Оппенгейм К. А. 103
Орановский А. 40, 168, 193, 195
Осокин Е. 111
Остроменецкий Г. 225
Остроухов П. А. 11, 159

Павленко Н. И. 70
Парусов А. И. 11
Петр I 89, 102, 111
Петухова Е. И. 25, 29
Пирени А. 8
Покровский М. Н. 10
Поленов Д. В. 201
Полунин Ф. А. 29, 38, 41
Попроцкий М. 169, 192, 200
Поротин В. С. 36, 168
Преображенский А. А. 11, 21

Разгон А. М. 185
Рахматуллин М. А. 11
Рашин А. Г. 68, 93, 144, 202
Римский-Корсаков А. М. 194
Рожнова М. К. 12, 18, 19, 47, 61, 72
Рубинштейн Н. Л. 9, 12—15, 17—19, 28, 59, 72, 86, 95, 96, 113, 115, 137, 153, 170
Рындзюнский П. Г. 11, 12, 37, 59, 64, 67, 68, 72, 115, 116, 152, 156, 178, 184, 195, 198, 200, 203, 247
Рябков Г. Г. 11

Самсонов В. И. 11
Свиридов Н. С. 201
Семевский В. И. 113, 115
Семенов А. 103
Семенов П. П. 38, 41
Сербина К. Н. 10
Слюсарский А. Г. 11
Соловьев Я. А. 40, 69, 173, 192
Сталь 178
Струмилин С. Г. 12, 64, 65, 97, 160, 246

Тихонов Ю. А. 4, 9—11, 21
Толченов И. А. 70
Троицкий С. М. 21, 104, 155, 201

Уланцев Н. И. 36
Устюгов Н. В. 4, 11

Федоров В. А. 115, 141, 153, 156, 176
Филиппов Ю. Д. 69, 89
Фокс К. А. 78

Хромов П. А. 19, 72, 116

Цветков М. А. 139
Цебриков М. 40

Челинцев А. Н. 87
Черевань А. С. 201
Чечулин Н. Д. 114
Чулков М. Д. 16, 18, 30, 31, 38, 39, 41, 56—59, 84, 179, 185, 191, 217

Шапиро А. Л. 5, 10, 11
Шарнова И. С. 29
Шафонский Л. Ф. 212
Шерр И. 8
Шипов А. 152
Шмидт А. 169, 178, 180, 181, 192
Штер М. П. 37

Щекатов А. М. 29, 30, 38, 39, 41, 56—58, 179, 185, 187, 191, 192, 196, 208, 210, 213, 217

Эммаусский А. В. 29
Энгельс Ф. 244

Ювелен П. 13, 14

Ядов В. А. 47
Яковцевский В. Н. 11, 184, 198, 201
Янсон Ю. Э. 173, 175
Янушкин В. К. 11, 35, 36, 86, 90, 95, 97, 102, 113, 116, 244

Herman C. T. 32
Huvelin P. 14

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Австрия 213
Азовская губ. 230
Аксаково (Аксаново), с. 53
Алаторский у. 196, 232—234
Алатырь, г. 182
Александрийский у. 233
Александровск, г. 226
Александровский у. 226
Алтай 210
Анапьевский у. 226
Ашчерская пустынь 233
Арзамас, г. 211, 230
Архангельск, г. 32, 58, 62, 156, 188, 190, 191, 195, 197, 213, 220, 221
Архангельск (Херсонская губ.), г. 58
Архангельская губ. 52, 58, 164, 240
Архангельский у. 232—234
Астраханская губ. 52, 164, 188
Астраханский у. 232, 233
Астрахань, г. 58, 62, 81, 176, 182, 183, 191, 197, 202, 203, 213, 221, 222, 225, 226, 233, 235, 240
Ахтырка, г. 212

Базарный Сызган, с. 182
Баленда, с. 147
Балта, г. 147, 224
Балтийское море 225
Баргузин, г. 57
Бахмут, г. 58, 226
Бежецкий у. 30
Беково, с. 147, 224
Белая Церковь, м. 147
Белгород, г. 62
Белгородский у. 196
Белебей, г. 222
Белев, г. 221
Белиховка, м. 84
Белозерск, г. 220—222
Белозерский у. 30
Белоруссия 117
Бердичев, г. 32, 58, 147, 193, 195, 224, 226
Бердичевский у. 226
Бессарабская губ. 52, 166, 182, 183, 189, 217
Бешенковичи, м. 225
Бирюч, г. 223
Бишнево (Бушнево), с. 53
Боброво, с. 147
Бобруйск, г. 196
Богородицкое, с. 211
Богуслав, м. 224
Большой Мангателем, с. 207
Боровск, г. 179, 209, 230
Брянск, г. 213, 214
Бугульма, г. 222
Бузулук, г. 222
Бунск, г. 223
Буйский у. 174

Вага, г. 220
Валахия 213
Валк, г. 225
Валуйки, г. 223
Васильевский у. 175
Венден, г. 225
Венева, г. 16
Верея, г. 179
Веррэ, г. 225
Верхне-Удинск, г. 219
Верхний Ломов, г. 31
Верхоломовский у. 212
Верхотурье, г. 59, 107
Верхопинск, г. 58
Весьегонск, г. 220—222, 224
Вешенская, ст. 226
Виленская губ. 52, 166, 189, 192, 193, 225
Вильно, г. 193, 194, 202

* Сокращения: вол. — волость, г. — город, губ. — губерния, м. — местечко, обл. — область, окр. — округ, пров. — провинция, р. — река, р-н — район, с. — село, сл. — слобода, ст. — станица, у. — уезд.

Витебск, г. 239
Витебская губ. 52, 157, 166, 183, 189, 225, 235
Владимир, г. 182, 220
Владимирская губ. 40, 41, 52, 114, 157, 164, 173, 174, 183, 185, 189, 211, 224
Владимирский у. 210, 211
Водоватово, с. 207
Волга, р. 70, 176, 222
Волковысский у. 225
Вологда, г. 62, 195, 220, 224
Вологодская губ. 52, 147, 157, 164, 188
Волоколамск, г. 30, 209
Волхов, г. 221
Волынская губ. 52, 147, 166, 189, 224, 228
Вольмар, г. 225
Воронеж, г. 213
Воронежская губ. 31, 52, 147, 154, 157, 164, 173, 188, 202
Восточная Сибирь 219
Вохна, с. 147
Выборгская губ. 26, 75, 76, 122, 124, 126
Выездное, с. 207
Вытегра, г. 220, 224
Вышневолоцкая система 221, 223
Вязники, г. 230
Вязниковская сл. 173
Вязниковский у. 173
Вятка, г. 201, 213, 220
Вятская губ. 52, 147, 164, 188

Гадяч, г. 212
Галичский у. 174
Георгиевск, г. 226
Георгиевская, ст. 147
Германия 213
Гжатская пристань 174
Гжельская вол. 210
Гижига, г. 58
Глухов, г. 187
Гомель, г. 147
Городище, с. 212
Греция 213
Гродненская губ. 52, 166, 189, 195, 225
Грязовец, г. 147, 220
Гупаликово, с. 226

Далматов, г. 232
Даниловский у. 18
Данковский у. 210
Дерпт, г. 187, 225
Дерптский у. 187
Димитрия крепость 230
Динабург, г. 31, 225
Дмитров, г. 209
Дмитровский у. 16
Днепр, р. 226
Днепровский у. 226
Дон, р. 212
Донец, р. 226
Донецкий окр. 225, 226
Донская губ. 28, 36, 52, 147, 164, 188, 233
Донская земля 28
Донская обл. 225
Донской окр. 1-ый 226
Дорогобуж, г. 212
Дубно, г. 147, 228
Дубовка, г. 222

Европейская Россия 56, 58, 64—68, 74, 84, 86, 92, 122, 135, 139, 155, 174, 175, 177, 182, 183, 190—192, 195, 196, 218—223
Егорьевск, г. 210
Егорьевский у. 210
Екатеринбург, г. 195
Екатериноград, г. 226
Екатеринослав, г. 147, 195, 226
Екатеринославская губ. 28, 52, 166, 182, 189, 226
Екатеринославское наместничество 212
Екимец (Якимец), г. 53
Елатомский у. 211
Елизаветград, г. 147, 182, 218, 228
Енисейск, г. 58, 218, 219
Енисейская губ. 52, 166, 189
Енотаевск, г. 183

Жадовка, с. 182
Жадовская вол. 176
Ждановка, с. 176
Житомир, г. 147, 182, 224

Забайкальская губ. 52
Заваливание 117, 213
Западная Белоруссия 36
Западная Европа 8, 15, 70
Западный р-н 74, 76, 78, 80, 85, 92, 95, 96, 121, 122, 124, 126, 130, 136, 158, 160, 166, 175, 179, 189, 225, 235—238, 240, 241
Зарайск, г. 223
Звенигород, г. 179
Зельва, м. 225
Земля Войска донского см. Донская обл.
Зеньково, м. 212
Зубцов, г. 197, 223

Иваново, с. 211
Ивановское поселение 53
Измайлово, с. 207
Илимск, г. 58

Ирбит, г. 32, 41, 70, 218, 219, 222
Иркутск, г. 58, 62, 213, 218, 219
Иркутская губ. 40, 52, 136, 166, 189, 219
Италия 213
Ишим, г. 147

Кавказ 9, 37, 173, 176, 182, 217
Казанская губ. 31, 52, 147, 164, 173, 178, 179, 188, 191, 240
Казанская, ст. 226
Казань, г. 58, 71—72, 135, 181, 182, 189—192, 202, 213, 221, 230, 233
Казахстан 117, 219
Калитва, г. 223
Калуга, г. 58, 192, 202, 210, 213, 221
Калужская губ. 52, 154, 164, 169, 192, 200
Калужская пров. 16
Каменец-Подольск, г. 224
Камчатка 219
Камчатская губ. 190
Каневский у. 224
Каргополь, г. 220
Карпаты 173
Карповка, ст. 147
Касимов, г. 211
Каховка, с. 226
Керженец, г. 211
Киев, г. 58, 72, 181, 193, 195, 202, 224, 226
Киевская губ. 52, 84, 147, 166, 189, 224
Киевское наместничество 212
Киллир, г. 213, 226
Кинешма, г. 221, 223, 234
Киргизские степи 173, 176
Кирмач г. 41
Кириллов, г. 221, 222
Китай 213
Кишинев, г. 181—183
Клин, г. 209
Клинский у. 210
Кобелякский у. 226
Конотопская губ. 52, 166, 189
Ковров, г. 224
Ковровский у. 173
Козьмодемьянск, г. 59, 147, 191
Коломенский у. 210
Коломна, г. 210
Конские Раздоры, с. 226
Корон, г. 212
Корсунский у. 176, 232, 233
Корсунь, г. 230
Кострома, г. 18, 84, 221, 223, 230
Костромская губ. 40, 52, 147, 164, 174, 183, 189
Костромская пров. 16, 25
Костромской у. 174
Котельнич, г. 147, 220
Кохма, с. 211
Красноярск, г. 183
Кременчуг, г. 16, 226
Крестовское, с. 147
Криворожская, ст. 147, 225
Кролевец, г. 214, 218
Кронштадт, г. 202
Крупец, с. 187
Крым 212, 235
Кубанская губ. 52, 136, 166
Кубанская обл. 189
Кубань, р. 176
Кузнецк, г. 59, 185
Кузнецкий окр. 185
Курляндская губ. 40, 52, 166, 169, 189, 192, 193, 195, 235
Курск, г. 32, 147, 195, 202, 212, 213, 218, 229, 230
Курская губ. 29, 52, 157, 164, 188, 196, 240
Курское наместничество 229
Кяхта, г. 218, 219

Лальск, г. 147, 220
Лапельский у. 225
Лебедин, г. 212
Лебедянь, г. 223, 224
Лиман, с. 186
Литва 36, 117
Лифляндская губ. 52, 157, 168, 189, 192, 193, 195, 201, 224
Лобские места 221
Луга, г. 239
Луганская, ст. 226
Лудский посад 58
Любавичи, м. 225
Любим, г. 107

Макарьев, г. 70, 147, 220—222, 224, 230
Макарьевский у. 232, 233
Малороссийский р-н 74, 76—78, 80, 85, 122, 124, 126, 129, 130, 136, 145, 153, 158, 160, 166, 175, 189, 212, 235, 236, 240
Малороссия 190, 218, 230
Мамадыш, г. 191
Мариинская система 221, 223
Масляное, с. 222
Мглинский у. 175
Мензелинск, г. 147, 222
Мещовск, г. 147, 223
Минская губ. 29, 52, 166, 189, 195, 196
Митякинская, ст. 225
Михайловская, ст. 225, 226
Михайловский у. 210
Могилев, г. 212
Могилевская губ. 26, 52, 147, 173, 189, 225, 235

Можайск, г. 62
Моздок, г. 226
Молдавия 213
Москва, г. 32, 58, 59, 62, 65, 71, 156, 184, 190—193, 197, 202, 208, 210—214, 217—222, 225, 226, 233, 235, 238
Московская губ. 16, 29, 52, 164, 189, 210, 240
Московский у. 210, 232—234
Московское государство 134
Мурашкино, с. 211
Муром, г. 211, 220

Нарым, г. 59
Невель, г. 31
Нежин, г. 70, 181, 214
Нерехотский (Нерехта) у. 16, 174
Нерчинск, г. 219
Нижегородская губ. 29, 52, 164, 175, 188, 240
Нижегородский у. 211, 233
Нижнеудинск, с. 147
Нижний Ломов, г. 223
Нижний Новгород, г. 58, 72, 182, 193, 195, 213, 217, 220—222, 235
Николаев, г. 58
Новая Ладога, г. 220, 221
Новая Прага, посад 58
Новгород, г. 179, 192, 221
Новгород-Северский, г. 214
Новгород-Северское наместничество 212
Новгородская губ. 26, 52, 157, 164, 188, 220, 222
Новгородский у. 30
Новозыбковский у. 175
Новомиргород, г. 182
Новомосковск, г. 226
Новомосковский у. 226
Новороссийская губ. 16, 212, 230
Новороссийский р-н 74, 76—78, 80, 84, 85, 95, 96, 122, 124, 126, 129, 130, 136, 145, 158, 160, 166, 170, 189, 226, 235, 236, 240
Новороссия 228
Новоукраинка, посад 58

Одесса, г. 17, 58, 71, 81, 89, 195, 226
Одоев, г. 16
Олонец, г. 197, 220
Олонецкая губ. 164, 173, 188, 221
Ольгопольский у. 224
Омск, г. 219
Онега, г. 221
Орел, г. 202
Оренбург, г. 58, 176, 182, 191, 222
Оренбургская губ. 52, 136, 164, 188, 192, 212
Орехово, с. 147
Орловская губ. 26, 52, 147, 164, 188, 223
Оршанский у. 225
Осташков, г. 223
Остер, р. 70
Острогожский у. 223
Охотск, г. 219

Павлово, с. 211
Парское, с. 224
Пенза, г. 195, 223, 230
Пензенская губ. 52, 157, 164, 177, 178, 188
Пензенский у. 212
Переславль-Рязанский пров. 16, 25
Пермская губ. 29, 52, 107, 147, 157, 164, 188, 192, 195
Пермь, г. 107
Перов, г. 225
Персия (Иран) 213
Петрозаводск, г. 221
Повенецкий у. 224
Подольская губ. 52, 147, 166, 189, 224
Полоцкая губ. 26
Полоцкое наместничество 31
Полтава, г. 147, 182, 192, 193, 214, 228
Полтавская губ. 52, 166, 182, 189, 192, 212, 226, 240
Польша (Царство Польское) 9, 37, 62, 76, 121, 213, 235
Попус, с. 182
Порецкое, с. 182, 192, 196
Порхов, г. 239
Почеп, г. 212
Правобережная Украина 18
Предкавказье 52, 74, 76, 78, 80, 85, 87, 95, 96, 121, 129, 130, 158, 160, 166, 189, 225, 226, 235—237, 240
Прибалтийский р-н 74, 76, 78, 80, 85, 87, 94, 96, 121, 122, 124, 126, 129, 130, 136, 145, 158, 160, 166, 189, 225, 235, 236, 240
Прибалтика 95, 129, 187, 212, 218, 236, 238
Прилуки, г. 182
Приморская губ. 52, 166
Приуралье 87, 146, 222, 236, 237, 240
Приуральский р-н 92, 94, 95
Причерноморье 218
Промзино, с. 182, 192, 195
Проскуровский у. 224
Псков, г. 192
Псковская губ. 26, 31, 52, 146, 164, 185, 220
Псковская пров. 170
Пушки, с. 224
Пустая Ржева, г. 170
Путивль, г. 187

Раздорская, ст. 147, 226
Ревель, г. 58, 242
Ревельская губ. 26
Ржавца Витебская, г. 183
Ржев, г. 223
Рига, г. 58, 71, 195, 202, 212, 217, 225, 235
Рижская губ. 26
Ровно, г. 147
Рогачев, с. 46
Рождественское поселение 53
Романов-Борисоглебск, г. 223
Ромны, г. 182, 193, 212, 214, 217, 218, 228
Рославль, г. 239
Россия (Русское государство, Российская империя) 3—10, 12, 13, 15, 17—20, 22—24, 26—28, 30—33, 34, 36, 37, 40—42, 44—46, 52, 54—57, 59—69, 72—78, 80—83, 86—93, 96—104, 109—121, 129—133, 136—145, 149, 151—153, 156—165, 168, 170—179, 182, 184—188, 190, 192—203, 205—210, 213—216, 218, 222, 225, 227—231, 235—238, 241—249
Россошь, с. 223
Ростов Великий, г. 230
Ростов-на-Дону, г. 17, 147, 194, 226
Ростовский у. 232, 333
Ростов Ярославский, г. 195, 217, 220, 224
Рыбинск, г. 32, 195, 220, 221, 223
Рыбное, с. 229
Рыльск, г. 187
Рязанский у. 182
Рязанская губ. 29, 52, 164, 182, 188, 195, 210, 211
Рязанский у. 210

Самара, г. 195, 222
Самарская губ. 52, 164, 188
Санкт-Петербург (Петербург), г. 32, 58, 65, 67, 71, 182, 184, 190—192, 195, 202, 212—214, 217, 220—223, 233, 235, 239
Санкт-Петербургская губ. 52, 146, 157, 164, 188, 220, 240
Сапожковский у. 42, 210
Саранск, г. 223
Саратов, г. 195, 202, 221, 235
Саратовская губ. 31, 147, 154, 157, 164, 188, 190, 203, 222, 240
Северное Приуралье 129, 145, 158, 160, 164, 188
Северный Кавказ 117
Северный Ледовитый океан 219
Северный р-н 18, 73, 74, 76, 78, 80, 85, 92, 94, 95, 98, 122, 124, 129, 130, 136, 146, 158, 160, 164, 179, 188, 221, 236, 237, 238, 240
Северное Приуралье 73, 74, 76, 78, 80, 85, 122, 124, 130, 158, 235
Северо-Западный р-н 73, 74, 76, 78, 80, 84, 85, 87, 92, 94, 95, 98, 118, 122, 124, 130, 146, 158, 160, 164, 173, 179, 188, 212, 221, 226, 236—239, 240
Севский у. 187
Седневка, м. 226
Семипалатинск, г. 219
Семипалатинская губ. 52, 166, 190
Сергеевское (Шеевчино или Шеино), с. 53
Сибирь 13, 37, 52, 58, 59, 74—78, 80, 85, 87, 92, 95, 96, 98, 122, 124, 126, 130, 136, 146, 158, 160, 166, 173, 174, 176, 179, 182, 187, 189, 214, 215, 219, 220, 236—238, 240
Симбирск, г. 58, 181, 182, 192, 195, 222, 223, 230, 231
Симбирская губ. 52, 69, 164, 173, 176, 182, 183, 185, 188, 192, 196, 213, 230, 231, 233
Симбирский край 231
Симбирский у. 232
Симбирское наместничество 231
Слободская губ. 230
Смоленск, г. 32, 212, 239
Смоленская губ. 29, 40, 52, 69, 166, 173, 177, 189, 192
Спасская вол. 175
Средне-Волжский р-н 75, 76, 78, 80, 85, 92, 94, 95, 122, 124, 130, 136, 158, 160, 164, 188, 212, 236, 240
Средняя Азия 213, 222
Ставрополь, г. 226
Ставропольская губ. 52, 136, 166, 189
Старая Русса, г. 221
Старица, г. 223
Стародуб, г. 212, 230
Стародубский у. 175
Судиславль, г. 183
Суздаль, г. 62
Суздальский у. 211
Сумский у. 232, 233
Сумы, г. 212, 214, 217, 233
Суражский у. 175
Сызрань, г. 192

Таврическая губ. 52, 166, 189, 226
Таганрог, г. 17, 81, 195, 213, 226
Тамбов, г. 147, 195, 223
Тамбовская губ. 22, 52, 154, 164, 188, 210, 211, 223
Тамбовский у. 212
Тверская губ. 52, 166, 189, 222, 241
Тверь, г. 193, 221, 223
Терская губ. 52, 136, 166
Терская обл. 189
Тихвин, г. 220—222
Тицанка, с. 147

Тобольск, г. 32, 58, 218—220
Тобольская губ. 52, 147, 157, 166, 179, 189
Томаровка, сл. 196
Томск, г. 218, 219
Томская губ. 52, 166, 189
Торопец, г. 31, 170
Тотьма, г. 220
Троицк, г. 222
Троки, г. 183
Тула, г. 202, 212, 213, 221, 230
Тульская губ. 29, 52, 164, 188, 241
Тульская пров. 16
Туринск, г. 179
Туруханск, г. 219
Турция 213

Углич, г. 30, 196
Удский Острог, г. 219
Украина 11, 13, 18, 175, 185, 187, 218, 239, 240
Украинский р-н 92, 94, 95, 239
Ундорье, с. 182
Унский посад 58
Урал 95, 195, 222
Уральские горы 70
Урюпинская, ст. 147, 226
Усть-Медведицкая, ст. 226
Усть-Медведицкий окр. 226
Устюг Великий, г. 220
Устюжна, г. 30, 40, 221
Устюженский у. 30
Уфа, г. 58, 195, 222
Уфимская губ. 52, 147, 164, 192, 222
Ухолово, с. 182

Феодосия, г. 225
Финляндия (Великое княжество Финляндское) 9, 37, 62, 76, 117

Харьков, г. 32, 147, 195, 212—214, 217, 218, 228, 233
Харьковская губ. 26, 52, 166, 189, 212
Харьковский у. 232, 233
Харьковское наместничество 212
Хвалынск, г. 31
Хвалынский окр. 185
Херсон, г. 81
Херсонская губ. 52, 147, 166, 169, 178, 179, 182, 189, 192, 226
Хлынов, г. 31
Холм, г. 197
Холуй, с. 224
Хоперский окр. 225, 226
Хорольский у. 186, 232, 233
Художино, с. 207

Царев, г. 183, 222
Царевосанчурск, г. 220
Царицын, г. 147
Царичанка, м. 226
Центрально-земледельческий р-н 74—78, 80, 85, 87, 96, 118, 122, 124, 130, 146, 153, 158, 160, 164, 188, 212, 226, 236, 239, 240
Центрально-промышленный р-н 18, 74, 76, 78, 80, 81, 85, 87, 92, 94—96, 118, 122, 124, 130, 146, 153, 158, 160, 164, 176, 188, 211, 212, 236, 240
Центрально-черноземный р-н 18, 92, 94, 95, 223
Цымлянская, ст. 226

Чебоксары, г. 191
Челябинск, г. 222
Челябинский у. 222
Черкасск, г. 226
Чернигов, г. 181, 195, 212
Черниговка, с. 226
Черниговская губ. 26, 52, 166, 173, 175, 182, 189, 241
Черниговское наместничество 212
Чернопрск, г. 222
Четвертаково, с. 233
Чечельник, м. 224
Чистополь, г. 191
Чумлянское, с. 222
Чухлома, г. 18

Шадринск, г. 147, 222
Шадринский у. 222
Шацкий у. 210
Швеция 221
Шолей, с. 147
Шуйский у. 173, 224
Шушенский погост 221
Шуя, г. 182, 183, 224

Эстляндская губ. 28, 52, 166, 189, 192

Юго-Восточный р-н 74, 76, 78, 80, 81, 85, 87, 92, 94—96, 118, 121, 122, 124, 130, 136, 158, 160, 164, 188, 225, 235—237, 240
Юго-Западный р-н 74, 76, 78, 80, 85, 86, 92, 94—96, 118, 121, 122, 124, 129, 130, 136, 145, 158, 160, 166, 173, 189, 224—226, 235, 236, 240
Южное Приуралье 74, 76, 78, 80, 85, 121, 122, 124, 129, 130, 136, 145, 146, 158, 160, 161, 164, 188, 222, 235
Южный Степной р-н 92, 94
Юнаковка, сл. 212
Юрьевецкий у. 224
Юрьев-Польская пров. 25
Юрьев-Польский, г. 211

Якутия 11
Якутск, г. 147, 218, 219

Якутская губ. 52, 166, 190
Ямполь, г. 220
Ярмолинцы, м. 224
Ярославль, г. 58, 107, 202, 217, 220, 224, 223, 224
Ярославская губ. 29, 52, 107, 166, 175, 189, 196, 214, 217, 233, 241
Ярославский край 28
Ярославский у. 30, 232, 233
Ярославское наместничество 107

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

1. Постановка проблемы 3
2. Историография российского внутреннего рынка второй половины XVIII—первой половины XIX в. 10
3. Задачи исследования 22
4. Источники и методика их обработки 24

Часть первая

Структура внутреннего рынка России во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 54

Глава первая

Общая структура внутреннего рынка России в 1750—1850-е гг. 55

Глава вторая

Географическая структура внутреннего рынка России в 1750—1850-е гг. 72

Глава третья

Факторы развития структуры внутреннего рынка России в 1750—1850-е гг. 87

Часть вторая

Функционирование российского внутреннего рынка во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 119

Глава четвертая

Ярмарочная сфера российского внутреннего рынка в 1750—1850-е гг. 120
1. Время и продолжительность ярмарок 121
2. Профиль ярмарок по преобладающим товарам 137
3. Типы и функции ярмарок по основному характеру производимой на них торговли 147
4. Масштабы ярмарочной торговли 153

Глава пятая

Разносно-разносная, базарная и стационарная сферы российского внутреннего рынка в 1750—1850-е гг. 169
1. Разносно-разносная сфера рынка 170
2. Базарная сфера рынка 177
3. Стационарная сфера рынка 187

Глава шестая

Развитие всероссийского рынка во второй половине XVIII—первой половине XIX в. 205
1. Роль ярмарок в образовании всероссийского рынка 206
2. Межуездные, межгубернские и межрайонные торговые связи 229

Заключение 243

Списки таблиц 248

Указатель имен 249

Указатель географических названий 252

Борис Николаевич Миронов

**Внутренний рынок России
во второй половине XVIII—
первой половине XIX в.**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Альбова
Художник Л. А. Щеглов
Технический редактор Э. А. Соловьева
Корректоры А. А. Гинзбург, Э. Н. Липпа и И. С. Фридлянд

ИБ № 20046

Сдано в набор 09.01.81. Подписано к печати 09.06.81. М-15397. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Печ. л. 16¹/₄=16,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 18,54. Тираж 2000. Изд. № 7713. Тип. зак. 24. Цена 2 р. 10 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12